

ЮРИСТЪ- ПРАВОВЕДЪ

4/
2024

Научно-
теоретический
и информационно-
методический журнал

**ЮРИСТ
ПРАВОВЕД**

**№ 4 (111)
2024**

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71313

Главный редактор:

Д.В. Тишин,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель главного редактора:

С.В. Пахомов,
д-р юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, проф.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
К.В. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, доц.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
П.И. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
Л.В. Карнаушенко, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Коновалов, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Г.Г. Небрятенко, д-р юрид. наук, проф.;
Р.В. Нигматуллин, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Победкин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Позднышов, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Рассолов, д-р юрид. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
С.А. Синенко, д-р юрид. наук, доц.;
Е.С. Стешич, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.;
А.К. Щербаченко, д-р юрид. наук, доц.;

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2024

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Карнаушенко Л.В. Институт ответственности государства:
теоретико-правовые аспекты и практика применения 7
Косых А.А. Теоретико-методологические основы
исследования согласования в праве 14

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Брюхнов А.А., Королевская О.И., Немыкина О.Е.
Теоретические аспекты административно-правового
регулирования социальной защиты 20
Брыкин К.И. Валютный союз: аргументы за и против 27
Вербицкая М.А., Пестов Р.А. Вопросы реализации
потерпевшими по делам об административных
правонарушениях, предусмотренных ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ,
права на возмещение вреда 32
Маркелов Г.А. Инициатива правообладателей земельных
участков в институте комплексного развития территории 38
Можаева И.П. Современное состояние организации
ведомственного контроля в системе МВД России 45
Николаев В.А. Роль уполномоченных по правам человека
в субъектах Российской Федерации в обеспечении права на
благоприятную окружающую среду 53
Понежина Л.Ю., Понежин М.Ю. Административно-
правовой режим как часть механизма правового
регулирования оборота холодного оружия 61

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Михайлов С.В., Шпак А.В. К вопросу об управлении
рисками участников внешнеторговых сделок
с применением INCOTERMS 2020 68
Пахомов С.В., Фатхи В.И. «Подводные камни»
договора перевозки грузов автомобильным транспортом,
заключенного гражданином исключительно для нужд, не
связанных с предпринимательской и иной экономической
деятельностью 75

Выпускающий редактор:
В.А. Ковальчук

Над выпуском работали:
Н.А. Чуб

Оформить подписку на журнал
можно через интернет-каталоги
www.akc.ru и www.pressa-rf.ru
Индекс – 80032

Подписано в печать
23.12.2024
Выход в свет
25.12.2024

Формат 60x84/8
Объем 30 п. л.

Набор компьютерный.
Гарнитура Times New Roman.
Печать лазерная.

Бумага офисная
Усл.-печ. л. – 27,9
Тираж 300 экз.
Первый завод 103 экз.
Заказ № 177.

Отпечатано ГПиОП НИиРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Цена свободная

Адрес редакции издателя:
344015, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8 (863) 207-86-34

Электронная почта:
vkovalchuk8@mvd.ru

Официальная информация
о журнале:
<https://рйои.мвд.рф>

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Айвазова О.В. Свидетель как субъект уголовного судопроизводства: актуальные вопросы регламентации и правоприменения.....	83
Андреев А.С., Цветков В.А. Дистанционные кражи как объект познания в криминалистике и практике их расследования.....	90
Бондарь М.М. Уголовное преследование сквозь призму целеполагания.....	97
Григорян Д.К. К вопросу о политических преступлениях как фактору дестабилизации государственной власти.....	105
Жаркевич И.Л. Современные проблемы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства в Республике Беларусь	111
Илиджев А.А., Илиджев А.А. Состав преступления как воплощение запрещенности деяния в российском уголовном законодательстве	118
Ильяшенко Е.А. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера, применяемая к лицам, совершившим преступления, связанные с распространением заведомо ложной информации о Вооруженных силах и войсках национальной гвардии Российской Федерации.....	124
Ищенко Д.П., Малянова К.П. Актуальные вопросы расследования преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта.....	129
Карпика А.Г. Проблемы радикализации пользователей посредством онлайн площадок	136
Коряк Ю.Д. Виновная осведомленность и особенности ее маскировки при допросе в процессе расследования тяжких и особо тяжких преступлений	141
Кобец П.Н. Основные направления развития партнерских отношений полиции и общества в сфере противодействия преступности	148
Лемайкина С.В. Проблемы противодействия использования теневого Интернета для совершения преступлений	154
Макаров А.Г., Барсуков С.С. Современные возможности и проблемы применения динамических биометрических систем идентификации по рукописному и клавиатурному почерку в криминалистике	159
Максименко А.В., Лашенко Р.А., Юрченко В.Н. Криминализация саботажа как одной из форм диверсионной деятельности	166
Натура Д.А., Пилюгина Т.В. Реализация антикоррупционных мер: базовые подходы и основные проблемы	173
Пахомова Е.В. Актуальные вопросы расследования преступлений, совершенных в сфере долевого строительства.....	179

Подольный Н.А. Криминалистическая профилактика как элемент методики расследования преступлений, совершенных членами молодежных неформальных группировок	184
Сатторов С.Н. Виды и формы осуществления функции уголовного преследования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Таджикистан	193
Серебрянников С.В. Криминалистическая характеристика некоторых аспектов расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых несовершеннолетними.....	200
Сиворакша В.В. Отказ уполномоченным лицом в продлении срока проверки сообщения о преступлении и срока предварительного следствия и дознания.....	206
Смолин А.В., Количенко А.А., Грачева О.А. Проблемы реализации положений ст. 164 ¹ УПК РФ: от теории к практике.....	212
Третьяков В.И., Павличенко Н.В. Оперативно-розыскная наука и законодательство: проблемы взаимодействия и взаимопроникновения	219
Шевченко Т.А., Максимов М.И. Методы обучения сотрудников патрульно-постовой службы полиции действиям в экстремальных ситуациях	227
Юнусов А.А., Диденко Н.С. Проблемы защиты прав участников уголовного процесса при назначении судебной экспертизы	233

CONTENTS

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Karnaushenko L.V. Institute of state responsibility: theoretical and legal aspects and practice of application.....	7
Kosykh A.A. Theoretical and methodological foundations of the study of Harmonization in Law.....	14

5.1.2. PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Bryukhnov A.A., Korolevskaya O.I., Nemykina O.E. Theoretical aspects of administrative and legal regulation of social protection.....	20
Brykin K. I. Currency union: pros and cons.....	27
Verbitskaya M.A., Pestov R.A. Issues of the implementation of the right to compensation for damage by victims in cases of administrative offenses provided for in Part 3 of Article 8.52 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.....	32
Markelov G.A. Initiative of land rights estate holders at the institute of integrated development of the territory.....	38
Mozhaeva I.P. Current state of the organization of departmental control in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	45
Nikolaev V.A. The role of human rights commissioners in the constituent entities of the Russian Federation in ensuring the right to a favorable environment.....	53
Ponezhina L.Yu., Ponezhin M.Yu. Administrative and legal regime as part of the mechanism of legal regulation of the circulation of cold weapons.....	61

5.1.3. PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Mikhailov S.V., Shpak A.V. On the issue of risk management of participants in foreign trade transactions with the application of INCOTERMS 2020.....	68
Pakhomov S.V., Fathi V.I. «Pitfalls» of the contract for the carriage of goods by road, concluded by a citizen exclusively for needs not related to entrepreneurial and other economic activities.....	75

5.1.4. CRIMINAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Aivazova O.V. A witness as a subject of criminal proceedings: current issues of regulation and law enforcement.....	83
Andreev A.S., Tsvetkov V.A. Remote thefts as an object of knowledge in forensic science and the practice of their investigation.....	90
Bondar M.M. Criminal prosecution through the prism of goal-setting.....	97
Grigoryan D.C. Political crimes and crimes against elites as a factor of destabilisation of state power.....	105
Zharkevich I.L. Scientific and technical support of criminal justice in the Republic of Belarus: problems, possibilities of their solution.....	111
Ilidzhev A.A., Ilidzhev A.A. Composition of a crime as an embodiment of the prohibition of an act in Russian criminal legislation.....	118
Ilyashenko E.A. Confiscation of property as other measure of a criminal nature applied to persons committing crimes related to the dissemination of deliberately false information about the Armed forces and troops of the National Guard of the Russian Federation.....	124
Ishchenko D.P., Malyanova K.P. Topical issues in investigation of crimes against traffic safety and transport operation.....	129
Karpika A.G. Problems of counteracting radicalization of users online platforms.....	136
Koryak Y.D. Guilty awareness and features of its masking during interrogation in the process of investigation of grave and especially grave crimes.....	141
Kobets P.N. Main directions of development of partnership relations between the police and society in the sphere of combating crime.....	148

Lemaikina S.V. Problems of countering the use of shadow Internet for committing crimes	154
Makarov A.G., Barsukov S.S. Modern possibilities and problems of using dynamic biometric identification systems based on handwriting and keyboard handwriting in criminalistics.....	159
Maksimenko A.V., Laschenko R.A., Yurchenko V.N. Criminalization of sabotage as one of the forms of sabotage activity.....	166
Natura D.A., Pilyugina T.V. Implementation of anti-corruption measures: basic approaches and main problems.....	173
Pakhomova E.V. Topical issues of investigation of crimes committed in the sphere of shared construction	179
Podolny N.A. Forensic prevention as an element of the methodology for investigating crimes committed by members of informal youth groups.....	184
Sattorov S.N. Types and forms of implementation of the function of criminal prosecution in criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan.....	193
Serebryannikov S.V. Criminalistic characteristics of some aspects of the investigation of extremist crimes committed by minors	200
Sivoraksha V.V. Refusal by an authorized person to extend the term of verification of a crime report and the term of preliminary investigation and inquiry.....	206
Smolin A.V., Kolichenko A.A., Gracheva O.A. Problems of implementing the provisions of article 164 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: from theory to practice	212
Tretyakov V.I., Pavlichenko N.V. Operational investigative science and legislation: problems of interaction and interpenetration	219
Shevchenko T.A., Maksimov M.I. Training patrol police officers in methods of action in specific situations	227
Yunusov A.A., Didenko N.S. Problems of protecting the rights of participants in criminal proceedings when appointing a forensic examination.....	233

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронному адресу: vkovalchuk8@mvd.ru (тел.: (863) 207-86-34). Автором (-ами) экземпляр рукописи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического и информационно-методического журнала «Юрист-Правоведь».

1.1. На бумажном носителе (на листах формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть обязательно подписана автором (-ами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполняются в текстовом редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК);

3.2. Название статьи;

3.3. Фамилию, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученая степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором (-ами) можно связаться) и ORCID id автора (при наличии);

3.4. Аннотацию (рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков, которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения, ключевые слова, для цитирования. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки;

3.5. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в п.п. 3.2–3.5, осуществляется автором (-ами).

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (в том числе переведенные на английский язык) (ГОСТ 7.32–2001, ГОСТ Р 7.07–2021).

Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – *.jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

6. Список источников должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ Р 7.0.76–2022 и размещен в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница (например, [3, с. 56]). Нельзя включать в списки литературы анонимные источники и нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), приводить их следует непосредственно в тексте или во внутритекстовых сносках; нежелательно использовать публицистические и рекламные статьи, ссылки на русскоязычные интернет-ресурсы, российские СНИПы, ГОСТы и т. д. (на них можно сослаться непосредственно в тексте статьи).

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет (-ут) автор (-ы).

Редакция оставляет за собой право осуществлять корректорскую обработку рукописей научных статей.

Плата за публикацию статей с автора (-ов) не взимается.

Авторское вознаграждение автору (-ам) не выплачивается.

Рукописи, оформленные без соблюдения требований журнала, не рассматриваются.

Материалы, не принятые к изданию, автору (-ам) не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

Юрист-Правоведъ. 2024. № 4(111). – С. 7–13.
Jurist-Pravoved. 2024. № 4(111). – Pp. 7–13.

Научная статья

УДК 342.59

**ИНСТИТУТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ**

Карнаушенко Леонид Владимирович

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
karnl@mail.ru

Введение: эволюция подходов к пониманию государственного строительства, эффективности реализации государством своих полномочий, а также изменения, происходящие в настоящий момент в силу ряда факторов (внешнего и внутреннего характера), вновь актуализируют проблему ответственности государства в ее теоретико-правовом измерении. В настоящей статье рассматриваются различные аспекты ответственности государства с учетом необходимости последнего выполнять возложенные на него обязанности.

Материалы и методы: ключевую роль в достижении цели исследования играют диалектический подход, общенаучные и специальные методы, среди которых следует особо выделить исторический, сравнительно-правовой и системный инструментарий, позволившие решить исследовательские задачи в полном объеме.

Результаты исследования: для оценки современного состояния и практики реализации механизма ответственности государства были исследованы понятие юридической ответственности государства, современная классификация ответственности государства, ее основные характеристики, взаимодействие государства и личности в вопросах взаимной ответственности, а также обоснована необходимость совершенствования соответствующих отношений в условиях современного развития гражданского общества и государства.

Выводы и заключения: институт государственной ответственности воспринимается как эффективный механизм укрепления правопорядка в рамках деятельности государственных органов и их служащих. Однако без решения остающихся вопросов, в том числе относительно эффективности ответственности государства (как в рамках национального правоприменительного процесса, так и на международной арене), достижение стабильности в современном мире невозможно.

Ключевые слова: ответственность государства, публично-правовая ответственность, деликтная ответственность, договорная ответственность, иммунитет государства, Конституция.

Для цитирования: Карнаушенко Л. В. Институт ответственности государства: теоретико-правовые аспекты и практика применения / Л. В. Карнаушенко // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 7–13.

Original paper

**INSTITUTE OF STATE RESPONSIBILITY:
THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS AND PRACTICE OF APPLICATION**

Karnaushenko Leonid Vladimirovich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the evolution of approaches to understanding state building, the effectiveness of the state in implementing its powers, as well as the changes currently occurring due to a number of factors (external and internal), once again actualize the problem of state responsibility in its theoretical and legal dimension. This article examines various aspects of state responsibility, taking into account the need for the latter to fulfill its obligations.

Materials and methods: the dialectical approach, general scientific and special methods play a key role in achieving the goal of the study, among which the historical, comparative legal and systemic tools should be especially highlighted, which made it possible to solve the research problems in full.

Results of the study: in order to assess the current state and practice of implementing the mechanism of state responsibility, the concept of legal responsibility of the state, the modern classification of state responsibility, its main characteristics, the interaction of the state and the individual in matters of mutual responsibility were studied, and the need to improve the relevant relations in the context of the modern development of civil society and the state was substantiated.

Findings and conclusions: the institution of state responsibility is perceived as an effective mechanism for strengthening the rule of law within the framework of the activities of state bodies and their employees.

However, without resolving the remaining issues, including those related to the effectiveness of state responsibility (both within the framework of the national law enforcement process and in the international arena), achieving stability in the modern world is impossible.

Keywords: state responsibility, public liability, tort liability, contractual liability, state immunity, Constitution.

For citation: Karnaushenko L. V. Institute of state responsibility: theoretical and legal aspects and practice of application / L. V. Karnaushenko // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 7–13.

С самого начала своего существования государственное устройство представляло собой особенное образование в рамках человеческой цивилизации, обладающее сложной структурой и служащее бесконечным источником для научных дебатов. Основным атрибутом современного государства является его юридическая субъектность, т. е. возможность обладать определенными правами, принимать на себя обязательства, исходя из принципов и норм права. Этими же обстоятельствами, а также тем, что государство есть субъект юридической ответственности, обусловлена его обязанность претерпевать соответствующие меры в случае совершения противоправных деяний органами или должностными лицами государственной власти [1, с. 19].

Актуальность исследования подобной проблематики очевидна и обусловлена теоретической и практической значимостью института ответственности государства в современной политико-правовой реальности. Так, в России по результатам всенародного голосования, проведенного в 1993 г., была принята совершенно новая Конституция, которая закрепила принцип правового государства как важнейшую основу конституционного строя. Тем не менее, как известно, длительное время на протяжении 90-х гг. XX в. – начала 2000-х гг. Россия формировала правовую, организационную и институциональную базу для соответствия этому конституционному принципу. А приблизительно с начала 20-х гг. XXI столетия и по настоящее время в отечественном политико-правовом поле формируется духовно-культурная база для развития идеи правового государства и гражданского общества (при этом последние понимаются уже не в классическом западноевропейском ультралиберальном смысле, а как своеобразные атрибуты демократической организации власти в рамках российского политического режима [2]).

Несмотря на то, что механизмы, созданные в рамках общей идеи о правовом государстве в России, продолжают совершенствоваться, проблематика ответственности государства в теоретико-правовом ее измерении остается злободневной, поскольку требование защиты прав, свобод и законных интересов индивида и общества в целом лишь усиливается с развитием информационного общества, с внедрением цифровизации в ключевые области социальной жизни.

Ответственности государства, как ключевой теоретико-правовой и отраслевой юридической научной проблеме, посвящено немало работ. Повышенный интерес к этой сфере обусловлен высокой рискогенностью правовых норм, закрепляющих различные аспекты ответственности государства: игнорирование их, по мнению А.В. Малько и Р.С. Маркунина, потенциально может привести к невыполнению публичными органами своих ключевых обязанностей, что чревато прямыми угрозами национальной безопасности [3].

По утверждению С.А. Жинкина и Л.П. Высоцкой, институт ответственности государства имеет положительную и негативную форму своего выражения. Так, положительное понимание ответственности предусматривает соответствующее отношение государства и его структурных элементов к индивиду, обществу, к элементам политической системы. Негативное измерение ответственности государства предполагает необходимость претерпевать последствия в силу нарушения прав и законных интересов граждан [4, с. 9].

Для более точного понимания института ответственности государства ряд авторов предлагают расширить искомую категорию до понятия «публично-правовая ответственность». Например, И.А. Умнова считает, что это позволит гносеологически верно выделять уровни, виды и категории ответственности всех элементов структуры государственного аппарата, анализировать эффективность принимаемых парламентом и правительством норм об ответственности за те или иные неправомерные действия должностных лиц или органов власти [5, с. 333–337]. Более того, размышляя по поводу соотношения ответственности федерации и ее субъектов, И.А. Умнова предлагает ужесточить и централизовать всю систему контроля федерального центра за действиями региональных властей. Это, по ее мнению, будет служить

дальнейшим фактором укрепления демократического механизма реализации ответственности государства перед отдельными гражданами, а также перед обществом в целом.

Соглашаясь в базовых моментах с предлагаемой концепцией, отметим, что формулировалась она в конце 90-х гг. XX в., но с того времени произошло достаточное количество изменений как во внутренней, так и во внешней политике. Результатом этого стала, с одной стороны, концепция большего доверия региональным властям (примером тому служит ситуация, сложившаяся в период пандемии COVID-19, когда федеральный центр практически самоустранился в вопросах правовой регламентации пробельных на тот момент понятий самоизоляции, карантина и т. д.), а с другой – практика усиления ответственности региональных должностных лиц с одновременной минимизацией ответственности федерального центра. Представляется, что для современных реалий концепция И.А. Умновой должна быть, как минимум переосмыслена.

Еще одним предложением в этом плане является интеграция в рамках категории «публично-правовая ответственность» иных, кроме юридических, видов ответственности, например, этической или политической ответственности. Следует признать правильность подобного направления в анализе вопросов эффективности ответственности государства, поскольку в предложенной концепции открываются возможности для расширения границ ответственности за счет включения неюридических, но зачастую эффективных в отечественной практике управления аспектов. Так, современный государственный аппарат, претерпевающий свою цивилизационную перестройку с 2022 г., нуждался и ранее в дополнительных рычагах воздействия, а сегодня эта необходимость ощущается практически всеми субъектами политической жизни.

Однако остается непонятным, на наш взгляд, как связать в единую политико-правовую концепцию и создаваемый на ее основе межотраслевой институт права собственно юридические инструменты и морально-этические критерии, получив эффективный механизм ответственности государства.

Это направление поддержано и иными исследователями. Например, А.К. Агапонов рассматривает государственную ответственность шире – в контексте выполнения политической обязанности, когда субъект политической власти понимает не только свое место в государственном аппарате, руководствуется не только законом, но и чувством тесной связанности обществом в целом и отдельными индивидами, в частности. Указанное чувство можно понимать как осознание зависимости чиновника, политика и иного задействованного в процессе управления лица от общества, от данных обещаний, осознание причастности к общему делу достижения благополучия и благосостояния на современном этапе государственного строительства и социальной эволюции [6, с. 17].

Юридическая ответственность государства понимается и как необходимость исполнения государством положений российского и международного права. Романова В.В. к этому добавляет, что помимо исполнения государство должно своевременно применять все необходимые правовые предписания, а также восстанавливать все нарушенные им права, свободы и законные интересы индивидов и общества с одновременным наложением на виновных предусмотренных санкций [7, с. 5].

Несколько более конкретно и предметно к вопросу подходят О.Н. Жерелина и Е.А. Кириллова, которые обращаются к понятию деликтной ответственности государства. В этом смысле она трактуется ими как требование возмещения причиненного вреда за неправомерные действия (или бездействия) государства [8, с. 83]. При этом деликтная ответственность государства регламентируется нормами Конституции РФ 1993 г., а одним из главных условий ее возникновения является факт причинения вреда в результате действий, нарушающих чужое субъективное право без каких бы то ни было оснований для этого.

В целом, можно говорить, что в рамках научного анализа нередко выделяют несколько современных видов ответственности властей: контрактную ответственность государства, а также ответственность внеконтрактного характера – деликтную [8, с. 83], рассмотренную выше.

Контрактная ответственность государства возникает в случаях нарушения государственными органами или их представителями условий договоров, заключенных с физическими или юридическими лицами. В данных ситуациях пострадавшая сторона вправе требовать в судебном порядке исполнения обязательств, включая взыскание штрафов и компенсаций за причиненные

убытки. Нормы, регулирующие эту форму ответственности, закреплены в гражданском законодательстве (например, в ст. 1067 и ст. 307 Гражданского кодекса РФ) [13]. Обязанность государства компенсировать ущерб опирается на необходимость защиты собственности и имущественных прав пострадавших, а противоправность действий или бездействия служит ключевым критерием для возложения ответственности на государственные органы [14, с.143].

Опираясь на вышеприведенные позиции ученых, а также в целом на понимание этого института в отечественной аналитической юриспруденции, можно определить юридическую ответственность государства как систему мер, применяемых в случае нарушения порядка применения законодательства государством и его структурами, сопровождаемых наложением различных санкций с целью возмещения ущерба потерпевшим лицам.

Далее важно отметить, что теоретико-правовой институт ответственности государства в настоящее время имеет многоаспектный характер и не ограничивается исключительно пониманием его как идеи о взаимной ответственности личности и государства. В этом плане следует расширять рассматриваемый принцип, включая в него также такие аспекты, как требование соблюдения баланса социальных интересов, построение социально ориентированной модели политической организации общества, корректировка экономического курса с целью достижения его эффективности [4, с. 12].

Ответственность публичных органов перед гражданами проистекает из статьи 53 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает возможность компенсации ущерба, вызванного гражданину неправомерными действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц. Тем не менее, действующее законодательство предоставляет широкий набор иммунитетов, прав и свобод при существенно ограниченном перечне обязанностей и ответственности, что может усложнить процесс привлечения должностных лиц к ответственности и подрывает легитимность власти и доверие к ней. Данная система развивалась на протяжении многих десятилетий, при этом институт государственной ответственности претерпел значительную историческую эволюцию [9, с. 30].

С развитием международного права и глобализацией политических процессов категория юридической ответственности государства продолжает развиваться. В современном мире она не только охватывает защиту прав своих граждан, но и распространяется на отношения на международной арене, хотя здесь ситуация с выполнением обязанностей государств, как субъектов международного права, а также с реализацией мер ответственности на международном уровне продолжает ухудшаться. В этом контексте совершенно оправданными выглядят опасения ряда исследователей о недостаточном уровне нормативно-правового закрепления обязательств государств, нарушение которых способно привести к наступлению мер международно-правовой ответственности. Преобладание оценочных категорий, как справедливо считают Г.И. Курдюков и М.В. Кривенко, ведет к бесконечным (и зачастую ненужным и бесполезным) спорам о политической подоплеке принимаемых международными судами решений [10].

На сегодняшний день нормы, закрепленные в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью 1985 г., вменяют в обязанность всем национальным государствам интегрировать в свои законодательные системы стандарты, оберегающие граждан от неправомерных действий властей, включая право на восстановление и/или возмещение нанесенных убытков [11]. Документ расширяет определение «пострадавших от неправомерного использования власти» до лиц, которым в индивидуальном или групповом порядке был нанесен ущерб, охватывая материальные потери, физические травмы и нравственный вред [12, с. 5].

Такие индивиды могут также переживать психологические мучения вследствие противоправных поступков (инерции) органов власти. Декларация настаивает на том, чтобы государства регулярно пересматривали имеющиеся нормативно-правовые акты и методы деятельности по исключению злоупотреблений политической или экономической властью, стимулировали разработку стратегий и процедур для предотвращения подобных инцидентов, а также гарантировали доступ к юридической защите для жертв указанных событий. На этом фоне формируется и научное понимание ответственности государства.

Нельзя не отметить и важнейшие характеристики гражданско-правовой ответственности государства. Так, нормативные акты Российской Федерации и ее регионов устанавливают, что

обязанность по долгам одной стороны не переходит к другой, кроме случаев официального принятия обязательств гарантом или поручителем. В процессе компенсации потерь от имени казначейства действуют уполномоченные бюджетные учреждения, если такая функция не переложена на другие инстанции. Российская Федерация, ее регионы и муниципальные единицы несут ответственность своими активами, которыми владеют, исключая активы, для которых законодательство исключает возможность принудительного исполнения. В контексте исполнения требований иск обращается к активам, принадлежащим правительству или местным властям, при этом в качестве ответчиков выступают названные юридические лица.

Одним из ключевых атрибутов ответственности государства в качестве субъекта имущественных правоотношений является обладание им рядом привилегий. Под «привилегией» понимается специфическое состояние субъекта, его преимущества перед стандартным порядком, аналогично институтам отсутствия ответственности и неприкосновенности [15, с. 78]. В контексте государства привилегия интерпретируется как правовой инструмент, позволяющий освобождение от ответственности за нарушения закона. При этом прав А.Г. Репьев, полагающий, что в современной доктрине нередко категория «привилегия» смешивается с иными схожими категориями, например, со льготами и иммунитетом [16].

Отметим также, что, несмотря на общеправовую природу привилегий большинства государств (что отмечается и в отечественном, и в зарубежном дискурсе), до настоящего времени они практически не закреплены на глобальном уровне в виде конвенций, хотя принцип международного права о предоставлении привилегий иностранным государствам остаётся одним из наиболее признанных и зафиксированных в двусторонних международных соглашениях и национальных правовых актах. Сущность внешней привилегии государства заключается в том, что в отношениях с другими государствами, иностранными гражданами и юридическими лицами государства не подлежат юрисдикции судов других стран, что также освобождает их от обязательного обеспечения иска и исполнения судебных решений.

Таким образом, юридическая ответственность государства, как отмечает А.П. Чирков, включается в перечень сложных междисциплинарных и функциональных систем, управляющих ключевыми аспектами привлечения нарушителей к правовой обязанности [17, с. 48]. Указанная структура служит защитой прав и свобод личности, обеспечивая законность и общественные интересы, при этом она включает положения конституционного, гражданского и международного права.

В общем-то, сама государственная ответственность задумывалась, доктринально формулировалась и в настоящее время реализуется как действенный инструмент укрепления законности и порядка в деятельности государственных структур и их представителей. Тем не менее, анализ ее составляющих элементов демонстрирует, что существуют сферы, нуждающиеся в усовершенствовании, особенно в сферах межведомственного управления [18, с. 20].

Государство активно участвует во всех аспектах общественной жизни и в правоотношениях, выступая стороной, владеющей монополией на реализацию принудительных мер. Однако необходимо продолжить создание действенных механизмов, которые бы также принуждали государство, его органы и представителей к исполнению обязанностей за противоправные действия.

В заключение отметим, что проблематика института ответственности государства в первой четверти XXI столетия постепенно переходит из национально-правового измерения в международно-правовую плоскость, хотя казалось бы, все необходимые международные акты в этой области приняты. Развитие ситуации в настоящее время, сопровождающееся геополитическим противостоянием государств, показывает, что без решения вопросов эффективности ответственности государства (как в рамках национального правоприменительного процесса, так и на международной арене) достижение стабильности в современном мире невозможно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пугина О.А., Коробова А.А. Государство как субъект юридической ответственности // Право: история и современность. 2019. № 4 (9).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020. № 31. Ст. 4398.
3. Малько А.В., Маркунин Р.С. Место и роль юридической ответственности органов публичной власти в концепции правовой политики в сфере юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 2(25).
4. Жинкин С.А., Высоцкая Л.П. Принцип ответственности государства, его аспекты и их нормативное закрепление в законодательстве современной России // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 3.
5. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.
6. Агапонов А.К. Политическая и социальная ответственность в государственном и муниципальном управлении // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2008. № 3.
7. Романова В.В. Юридическая ответственность государства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37).
8. Жерелина О.Н., Кириллова Е.А. Институт юридической ответственности государства // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017. № 6.
9. Северухин В.А. О некоторых аспектах юридической ответственности государства // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 1 (37).
10. Курдюков Г.И., Кривенкова М.В. Основания международно-правовой ответственности государства: от теории к практике отдельных международных судебных органов // Журнал российского права. 2016. № 9 (237).
11. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 07.08.2024).
12. Андреев Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты. СПб., 2013.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1994 г. № 32. Ст. 3301.
14. Турицын А.В. Противоправность как условие деликтной ответственности государства за вред, причиненный предпринимателям // Общество и право. 2009. № 1.
15. Кирилова Н.А. Гражданско-правовая ответственность государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
16. Репьев А.Г. Категория «Привилегия»: доктрина, законодательство, практика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. №1 (85).
17. Чирков А.П. Ответственность в системе права. Калининград, 1996.
18. Романова В.В. Соотношение юридической ответственности государства с иными видами юридической ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3 (41).

REFERENCES

1. Pugina O.A., Korobova A.A. The State as a Subject of Legal Liability // Law: History and Modernity. 2019. № 4 (9).
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 № 7-FKZ, of

05.02.2014 № 2-FKZ, of 01.07.2020 № 11-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation, 01.07.2020. № 31. Art. 4398.

3. Malko A.V., Markunin R.S. The place and role of legal responsibility of public authorities in the concept of legal policy in the field of legal responsibility // Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences. 2016. № 2 (25).

4. Zhinkin S.A., Vysotskaya L.P. The principle of state responsibility, its aspects and their normative consolidation in the legislation of modern Russia // Legal Bulletin of Kuban State University. 2020. № 3.

5. Umnova I.A. Constitutional foundations of modern Russian federalism: dis. ... Grand PhD in Law. Moscow, 1997.

6. Agaponov A.K. Political and social responsibility in state and municipal administration // State and municipal administration. Scientific notes of SKAGS. 2008. № 3.

7. Romanova V.V. Legal liability of the state // Legal science and law enforcement practice. 2016. № 3 (37).

8. Zherelina O.N., Kirillova E. A. Institute of legal liability of the state // Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2017. № 6.

9. Severukhin V.A. On some aspects of the legal liability of the state // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal sciences. 2020. № 1 (37).

10. Kurdyukov G.I., Krivenkova M.V. Grounds for international legal liability of the state: from theory to practice of individual international judicial bodies // Journal of Russian Law. 2016. № 9 (237).

11. Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (date of access: 07.08.2024).

12. Andreev Yu.N. State liability for causing harm: civilistic aspects. St. Petersburg, 2013.

13. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 № 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation of 1994 № 32. Art. 3301.

14. Turitsyn A.V. Wrongfulness as a condition of the state's tort liability for harm caused to entrepreneurs // Society and Law. 2009. № 1.

15. Kirilova N.A. Civil liability of the state: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2003.

16. Repyev A.G. Category «Privilege»: Doctrine, Legislation, Practice // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1 (85).

17. Chirkov A.P. Responsibility in the Legal System. Kaliningrad, 1996.

18. Romanova V.V. Correlation of the Legal Liability of the State with Other Types of Legal Liability // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2017. № 3 (41).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karnaushenko Leonid Vladimirovich, Grand PhD in Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.01

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОГЛАСОВАНИЯ В ПРАВЕ

Косых Алексей Алексеевич

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация
lexovip36@mail.ru

Введение: проблема понимания права для правовой доктрины является одной из центральных задач. Понимание права осложнено динамичным возникновением и развитием новых, трансформацией существующих и прекращением утративших свою актуальность общественных отношений, обеспечиваемых ростом количества правовых норм, появлением новых институтов и отраслей права. Вместе с тем познание сущности права неотделимо от познания явлений правовой материи. Одним из таких явлений выступает юридическое согласование.

Материалы и методы: основываются на использовании материалистической диалектики, методе формально-юридического анализа, сравнительно-правовом методе.

Результаты исследования: рассмотренные теоретико-методологические основы согласования в праве могут лечь в основу дальнейших разработок исследуемой темы. Автор обращает внимание на особенности технико-юридического закрепления юридического согласования, необходимость дифференциации юридического согласования от смежных правовых феноменов, что способствуют познанию сущности столь сложного феномена.

Выводы и заключения: представленные автором аргументы свидетельствуют об актуальности и высокой востребованности исследуемого явления правовой материи, обусловленной многообразием форм и уровней взаимодействия субъектов правоотношений в ходе юридического согласования. С учетом изложенного предлагается определить юридическое согласование как многосторонний по числу участников, предшествующий или последующий совершению юридически значимых действий правовой акт, направленный на достижение единства волеизъявления участвующих сторон и выражаемый в согласованности целей и достижении баланса интересов сторон правоотношений.

Ключевые слова: согласование, юридическое согласование, согласие в праве, одобрение, соглашение.

Для цитирования: Косых А. А. Теоретико-методологические основы исследования согласования в праве / А. А. Косых // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 14–19.

Original paper

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF HARMONIZATION IN LAW

Kosykh Alexey Alexeevich

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the problem of understanding law is one of the central tasks of legal doctrine. Understanding law is complicated by the dynamic emergence and development of new, transformation of existing and termination of obsolete social relations, ensured by the growth of the number of legal norms, the emergence of new institutions and branches of law. At the same time, knowledge of the essence of law is inseparable from knowledge of the phenomena of legal matter. One of such phenomena is legal coordination.

Materials and methods: the conclusions are based on the use of materialistic dialectics, the method of formal legal analysis, and the comparative legal method.

Results of the study: the considered theoretical and methodological foundations of coordination in law can form the basis for further development of the topic under study. The author draws attention to the peculiarities of technical and legal consolidation of legal coordination, the need to differentiate legal coordination from related legal phenomena, which contribute to the understanding of the essence of such a complex phenomenon.

Findings and conclusions: the arguments presented by the author indicate the relevance and high demand for the studied phenomenon of legal matter, due to the diversity of forms and levels of interaction between subjects of legal relations in the course of legal coordination. Taking into account the above, it is proposed to define legal coordination as a multilateral legal act in terms of the number of participants, preceding or following the performance of legally significant actions, aimed at achieving unity of expression of the will of the participating parties and expressed in the consistency of goals and achieving a balance of interests of the parties to legal relations.

Keywords: coordination, legal coordination, consent in law, approval, agreement.

For citation: Kosykh A. A. Theoretical and methodological foundations of the study of Harmonization in Law / A. A. Kosykh // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 14–19.

Право следует признать одним из самых сложных в понимании и неоднозначных явлений общественной жизни. Оснований так полагать несколько. Во-первых, причина кроется в отсутствие единого подхода к определению права, уяснению его природы, установлению причин возникновения, сущностных свойств или функциональных особенностей права. Современная учебная литература по теории государства и права содержит около десяти теорий происхождения права и концепций правопонимания. Пожалуй, ни одна наука не может «похвастаться» столь большим количеством концепций по определению одной из двух ключевых фигур (право и государство), составляющих предмет исследования. Аналогично можно сказать и о государстве, которое также не отличается однозначностью в части определения его понятия. Вряд ли, столь бурную дискуссию вызывает физика, предметом исследования которой выступает материя и законы природы, или биология, изучающая закономерности существования и развития живых организмов. Такую ситуацию английский профессор юриспруденции Г. Харт описал следующим образом: «Не существует обширной литературы по вопросам «что такое химия?» или «что такое медицина?», как это происходит с вопросом «что есть право?» [10, с. 9].

Во-вторых, понимание права во многом зависит от других сфер общественной жизни, находящихся в состоянии постоянного взаимодействия и взаимозависимости. Политика, экономика, социальная и духовная сферы жизни общества находятся в единой системе и неизбежно влияют не только на формирование права, определение ценностно-телеологических или функциональных ориентиров, но и на его реализацию и, как следствие, на восприятие права в целом. Так, классово-экономический аспект лег в основу марксистской теории происхождения права, согласно которому право интерпретируется как возведенная в закон воля господствующего класса и при этом «никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [5, с. 21]. Политика, как отмечал В.И. Ленин, является концентрированным выражением экономики и составляет основу права: право как сложная социальная система имеет социально-политическую природу.

В-третьих, право есть результат накопленного обществом опыта за всю многовековую историю. Подобный результат не является конечным, а в большей степени выступает как промежуточный и находится в состоянии постоянного приращения. Если несколько сотен лет назад право устанавливало границы дозволенного в рамках десяти направлений человеческой деятельности, способных полноценно удовлетворить потребности общества, то современный этап развития общества свидетельствует об урегулировании правом около тысячи специальностей. По этому поводу Хосе Ортега-и-Гассет написал в одном из своих произведений: «Жизнь потенциально стала больше» [8, с. 37]. Поэтому и понимание права осложнено динамичным возникновением и развитием новых, трансформацией существующих и прекращением утративших свою актуальность общественных отношений, обеспечиваемых растущим количеством правовых норм, институтов, отраслей.

Познание сущности права неотделимо от познания явлений правовой материи. В числе последних стоит отметить согласование. Согласование характерно для многих сфер человеческой деятельности и несет определенный аксиологический потенциал в качестве объекта научных исследований. В экономике согласование предполагает достижение договоренности или общего согласия по вопросу принятия общего решения, подписания договора, совершения сделки или иных совместных действий. Точные науки применяют согласование при прогнозировании (как условие соответствия структуре иерархии при построении матричных связей), в исследовании электрических цепей (условие правильного выбора сопротивления источника с минимальными потерями), при построении теории систем (принцип согласованности требует согласование результата со всеми элементами

системы) и в ряде других направлений. Для лингвистики согласование используется как средство при построении предложений или способ связи слов в предложениях.

С точки зрения семантики, авторы Большой советской энциклопедии интерпретируют «согласование» как грамматический термин, «обозначающий один из главных способов связи между членами предложения» [2, с. 570]. Большой юридический словарь раскрывает термин «согласование» как: «1) достижение предварительной договоренности, общего согласия между группой заинтересованных ответственных лиц по поводу выпуска документа определенного содержания, протокола, договора, принятия общего решения, осуществления общей сделки, проведения совместных действий; 2) реквизит некоторых документов, виза руководителя или должностного лица, без которой документ не может быть утвержден, принят к исполнению» [3, с. 693].

Феномен согласования представляет научный интерес не только как показатель достижения единства при осуществлении какой-либо деятельности. Интересными и ценными для науки могут стать телеологические и аксиологические аспекты согласования, процессуальные аспекты, институциональные аспекты согласования, а также другие не менее важные стороны исследуемого явления. Для юридической науки первостепенное значение имеет исследование правового феномена согласования или его юридизированная форма – юридическое согласование, которое, как представляется, отличается правовой обеспеченностью, дифференцированной степенью обязательности при совершении тех или иных юридически значимых действий, реальностью наступления правовых последствий. Как справедливо отмечают ученые, «именно юридическое согласование обуславливает правовую природу, содержание и сущность столь многогранного правового явления» [11, с. 9].

Исходное методологическое значение для понимания юридического согласования имеет уяснение природы и роли социального согласования в организации любого системного явления. В теории систем согласованность во взаимодействии элементов выступает обязательным свойством системы наряду с такими свойствами, как целостность, структурность, организованность. Так, организационная система в учебной литературе рассматривается как разновидность системы, имеющая целью согласование действий и отношений людей. Юридическое согласование выступает неотъемлемым свойством всей правовой системы. Правовая система, выступая частью общесоциальной системы, представляет собой всю совокупность внутренне согласованных правовых явлений, с помощью которых власть оказывает регулятивно-организующее воздействие на общественные отношения. Энгельс Ф. по этому поводу сформулировал и обосновал важнейший тезис: «Право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть внутренне *согласованным* выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий» [6, с. 418]. Отсутствие согласованности структурных элементов системы права ставит вопрос о ее существовании как целостной системы, в которой право выступает центральным звеном, объединяющим и гарантирующим согласованную работу всех элементов правовой материи: правотворчества, реализации права, правоотношений, правосознания, механизма правового регулирования и др. Таким образом, юридическое согласование обеспечивает целостность и единство правовой системы. Многие элементы правовой системы являются относительно самостоятельными и по многим признакам достаточно обособленными. Однако они не теряют связей с другими элементами, находятся в состоянии постоянного взаимодействия. Возникновение противоречий при этом неизбежно и лишь подтверждает согласованный характер элементов правовой системы.

Алексеев С.С. выделял две стороны юридической согласованности правовой системы: внутреннюю, к которой ученый относил целостность и единство правовой системы, подчинение права единым началам, а также внешнюю, которую составляют систематизированность, непротиворечивость и недопустимость наличия несогласованных элементов [1, с. 14]. По мере развития системы права, тенденции количественных изменений массива нормативных правовых актов, усложнение структуры и архитектуры построения норм права, расширение отраслевого деления системы права, усиливается значимость как внутренней, так и внешней юридической согласованности. Здесь могут наблюдаться две противоречивые тенденции: с одной стороны, необходимость соответствия «новых» элементов системы права существующим. Спортивное право, информационное право, избирательное право, право искусственного интеллекта и другие формирующиеся правовые институты (по мнению отдельных ученых – полноценные отрасли права) вынуждены «считаться» с исторически традиционными отраслями права. С другой стороны, посягательства на нарушение единства и согласованности системы права обуславливаются развитием общественных отношений

и коренятся в материальных основах развития общества. Здесь следует указать на наличие согласованности более высокого порядка — согласованности права и общественного развития, достижение которого в виде неизменной величины вряд ли возможно. Скорее это усредненное значение между этапами («скачками») опережающего и отстающего развития законодательства в части урегулирования общественных отношений.

В методологическом ракурсе представляет интерес юридическое согласование как результат интеллектуально-волевого взаимодействия субъектов правоотношений. Это одно из обязательных условий в удовлетворении субъектами правоотношений своих интересов. Поэтому следующий аспект, на котором хотелось остановиться, — это комплексный, межотраслевой характер юридического согласования. Юридическое согласование в той или иной форме содержится во всех отраслях права и правовых институтах, что отражает широту использования данного правового феномена. Так, Гражданский кодекс РФ в качестве одной из основ гражданского законодательства закрепляет свободу в установлении прав и обязанностей субъектов правоотношений на основе договора и в определении любых, не противоречащих законодательству, условий договора (ч. 2 ст. 1 ГК РФ), а достижение соглашения по условиям договора является обязательным условием его заключения (ч. 1 ст. 432 ГК РФ). В конституционном праве юридическое согласование используется в следующих значениях: а) единство в достижении целевых установок (ст. 80 Конституции РФ: «Президент Российской Федерации [...] обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти»); б) положительное волеизъявление субъекта в форме одобрения (согласия) в ходе процедуры (ч. 5 ст. 104 Конституции РФ: «В случае несогласия Государственной Думы с решением Совета Федерации федеральный закон считается принятым...»). Юридическое согласование используется и в урегулировании отношений с землей. В Земельном кодексе РФ юридическое согласование употребляется как предварительная договоренность (ст. 39.15 Предварительное согласование предоставления земельного участка), а в некоторых случаях — как основание для совершения юридически значимых действий.

Приведенные примеры указывают на необходимость разграничения согласования со смежными категориями. В настоящее время в юридической науке остается открытым вопрос относительно природы и юридического выражении таких правовых феноменов, как единство, согласие, одобрение, соглашение, консенсус и некоторых других. Остановимся на согласии. В юридической науке феномен согласия рассматривается как составной элемент юридического факта (соглашения, единогласного решения) либо как самостоятельное одностороннее действие [4]. В тех случаях, когда юридическое согласование выступает как установленная и реализуемая в соответствии с требованиями нормативных правовых актов процедура, а достижение согласия будет выступать ее результатом, то юридическое согласование и согласие будут соотноситься как целое и часть. Если юридическое согласование рассматривать как юридический факт — соглашение, достигаемое единством воли участвующих сторон и выражаемое в согласованности целей, достижении баланса интересов, то юридическое согласование и согласие будут равнозначными понятиями.

Здесь необходимо сделать акцент на дифференциации согласования (в значении юридического факта — согласия, одобрения) на предварительное и последующее. Предварительное согласование достигается до совершения юридически значимых действий. Например, порядок проведения предварительного согласования сделки в рамках инвестиционной деятельности определяется Федеральным законом от 29.04.2008 г. № 57-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства». Последующее согласование заключается в подтверждении волеизъявления сторон правоотношений после совершения юридически значимых действий. В качестве примера приведем необходимость одобрения (принимается всеми членами совета директоров общества единогласно) крупной сделки, совершенной акционерным обществом или обществом с ограниченной ответственностью (п. 5 ст. 46 Федерального закона от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью», пп. 1 п. 6.1 ст. 79 Федерального закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об акционерных обществах»), что является основанием для суда при рассмотрении дел о признании крупных сделок недействительными.

Если говорить об отличиях, то согласие имеет односторонний характер, поскольку свидетельствует о волеизъявлении одной из сторон правоотношений. Например, согласие на медицинское вмешательство, согласие субъекта на обработку его персональных данных,

согласие супруга на расторжение брака. Согласование направлено на достижение единства интересов всех вступающих в правоотношение сторон. В качестве примера приведем статью 39 Федерального закона от 24.07.2007 № 221-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О кадастровой деятельности», согласно которой местоположение границ земельных участков подлежит обязательному согласованию со всеми заинтересованными лицами [9].

Вполне очевидно, что юридическое согласование обладает юридической силой, которая достигается не только и не столько наступлением правовых последствий, сколько изложенным в строгой форме порядком организации и проведения. Так, в предыдущем примере к числу обязательных процедурных действий следует отнести: определение круга лиц, с которыми согласование обязательно; опубликование извещения о проведении согласования; направление или предоставление извещений собственникам под расписку; оформление согласования в форме акта согласования; отнесение акта согласования к межевому плану и другие. В одном из дел арбитражный суд отклонил доводы общества, оспаривающего решение органа кадастрового учета об отказе в постановке на кадастровый учет земельного участка в связи с несоблюдением обязательной процедуры согласования местоположения границ земельного участка и полагающего, что публикация извещения о предстоящем собрании по согласованию местоположения границ земельного участка исключает необходимость самостоятельного уведомления лиц, сведения о почтовых адресах которых имеются в государственном кадастре недвижимости [7].

Таким образом, проведенный анализ теоретико-методологических основ юридического согласования свидетельствует об актуальности и высокой востребованности исследуемого явления правовой действительности, обусловленной многообразием форм и уровней взаимодействия субъектов правоотношений. С учетом изложенного предлагается определить юридическое согласование как многосторонний по числу участников, предшествующий или последующий совершению юридически значимых действий правовой акт, направленный на достижение единства волеизъявления участвующих сторон и выражаемый в согласованности целей и достижении баланса интересов сторон правоотношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Специальные вопросы правоведения. М., 2010. Т. 2.
2. Большая советская энциклопедия / под ред. К.Е. Ворошилова, А.Я. Вышинского и др. М., 1945. Т. 51.
3. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М., 2010.
4. Касаткин С.Н. Согласие в гражданском праве РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014.
5. Маркс К. Критика Готской программы. М., 1959.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1965. Т. 37.
7. Обзор судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2017.
9. Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О кадастровой деятельности» // Собрание законодательства РФ. 30.07.2007. № 31. Ст. 4017.
10. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб., 2007.
11. Хужин А.М., Раченкова О.Н. Перспективы исследования согласования в праве // Ex Jure. 2019. № 1.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Collected Works: in 10 volumes. Special Issues of Jurisprudence. Moscow, 2010. Vol. 2.
2. The Great Soviet Encyclopedia / edited by K.E. Voroshilov, A.Ya. Vyshinsky et al. Moscow, 1945. Vol. 51.
3. Borisov A.B. The Great Law Dictionary. Moscow, 2010.
4. Kasatkin S.N. Consent in Civil Law of the Russian Federation: author's abstract. diss. ... PhD in Law. Nizhniy Novgorod, 2014.
5. Marx K. Critique of the Gotha Program. Moscow, 1959.

6. Marx K., Engels F. Works. Moscow, 1965. Vol. 37.
7. Review of judicial practice in cases related to challenging the refusal to carry out cadastral registration (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 30.11.2016) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. № 7.
8. Ortega y Gasset H. Uprising of the Masses. Moscow, 2017.
9. Federal Law of July 24, 2007 № 221-FZ (as amended on 24.07.2023) «On Cadastral Activity» // Collected Legislation of the Russian Federation. 30.07.2007. № 31. Art. 4017.
10. Hart G.L.A. Concept of Law. St. Petersburg, 2007.
11. Khuzhin A.M., Rachenkova O.N. Prospects for the Study of Coordination in Law // Ex Jure. 2019. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косых Алексей Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин. Академия управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.
ORCID: 0000-0002-3563-6848

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kosykh Alexey Alexeevich, PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of state and legal disciplines. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., Moscow 125993 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 4(111). – С. 20–26.
Jurist-Pravoved. 2024. № 4(111). – Pp. 20–26.

Научная статья
УДК 336.221

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Брюхнов Александр Анатольевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
lexandr@mail.ru

Королевская Ольга Ивановна

Российский государственный университет правосудия (филиал), Ростов-на-Дону, Российская Федерация
olay_2002@list.ru

Немыкина Олеся Евгеньевна

Российский государственный университет правосудия (филиал), Ростов-на-Дону, Российская Федерация
alis2610@yandex.ru

Введение: социальная защита – это многоуровневая система экономических, правовых, организационных, медико-социальных, педагогических, психологических и других мер, направленных на реализацию прав и свобод личности в области социального обеспечения, гарантированность не только выживания, но и достаточного уровня и качества жизни.

Материалы и методы: основой научной статьи явились законодательство Российской Федерации, научная литература, монографии, а также материалы периодических изданий.

Методы: исторический, сравнительный, логический, сравнительно правовой анализ научной и специальной литературы и др.

Результаты исследования: рассматриваются особенности развития правового регулирования социальной защиты населения в России. Выявлены основные проблемы предоставления социальных льгот для дальнейшего их решения, исследования путей и способов трансформации системы, что важно осуществлять с учетом цифровизации. Содержатся общие предложения решений вопросов предоставления льгот.

Выводы и заключения: в механизме предоставления льгот следует учесть особенности заявительного порядка и рассмотреть возможность системного оповещения граждан о доступности некоторых видов социального обеспечения путем внедрения единой централизованной цифровой платформы в социальной сфере.

Ключевые слова: социальная защита, социальные льготы, история развития, цифровизация, социальная сфера.

Для цитирования: Брюхнов А. А., Королевская О. И., Немыкина О. Е. Теоретические аспекты административно-правового регулирования социальной защиты / А. А. Брюхнов, О. И. Королевская, О. Е. Немыкина // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 20–26.

Original paper

THEORETICAL ASPECTS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF SOCIAL PROTECTION

Bryukhnov Alexander Anatolyevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Korolevskaya Olga Ivanovna

Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russian Federation

Nemykina Olesya Evgenievna

Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: social protection is a multi-level system of economic, legal, organizational, medical and social, pedagogical, psychological and other measures aimed at realizing the rights and freedoms of the individual in the field of social security, guaranteeing not only survival, but also a sufficient level and quality of life.

Materials and methods: the scientific article is based on the legislation of the Russian Federation, scientific literature, monographs, as well as materials from periodicals.

Methods: historical, comparative, logical, comparative legal analysis of scientific and specialized literature, etc.

Results of the study: the features of the development of legal regulation of social protection of the population in Russia are considered. The main problems of providing social benefits are identified for their further solution, research of ways and means of transforming the system, which is important to implement taking into account digitalization. General proposals for solutions to issues of providing benefits are contained.

Findings and conclusions: the mechanism for providing benefits should take into account the features of the declarative procedure and consider the possibility of systematically notifying citizens about the availability of certain types of social security by introducing a single centralized digital platform in the social sphere.

Keywords: social protection, social benefits, history of development, digitalization, social sphere.

For citation: Bryukhnov A. A., Korolevskaya O. I., Nemykina O. E. Theoretical aspects of administrative and legal regulation of social protection / A. A. Bryukhnov, O. I. Korolevskaya, O. E. Nemykina // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 20–26.

Социальная защита населения является весьма важным вопросом в государственной политике нашей страны. Текущий год объявлен в России годом «Семьи», в связи с чем было внесено достаточно много различных изменений в части их государственной поддержки. Так, например, увеличен размер материнского капитала, увеличен размер МРОТ, внесены изменения в части сохранения пособия для детей до 1,5 лет матерям, вышедшим на работу, и ряд других изменений.

Анализ планируемых Министерством финансов РФ расходов федерального бюджета по разделам функциональной классификации на 2024 – 2026 гг. показал следующее: общий коэффициент планируемых расходов в 2024 г. – 36 660 млрд руб., 2025 г. – 33 523 млрд руб., 2026 г. – 33 808 млрд руб., при этом важно отметить, что показатели расходов на социальную политику, включающую в себя меры социальной защиты граждан Российской Федерации, не подлежат существенным изменениям. Так, в 2024 г. планируемые расходы составят 7 873 млрд руб., 2025 г. – 7 724 млрд руб., 2026 г. – 7 885 млрд руб.

Задачей данного исследования является изучение исторических предпосылок формирования института социальной защиты, анализ современной системы администрирования указанного института в России в части отдельных видов обеспечения, изучение правовой природы социальных льгот и выявление проблемных аспектов в сфере их предоставления.

В настоящем исследовании мы упоминаем термины «социальная защита» и «социальное обеспечение», подразумевая, что понятие «социальная защита» шире, чем «социальное обеспечение».

В целях более эффективного анализа современного состояния социальной защиты следует обратить внимание на историю развития данного правового института. Во многих социально развитых государствах социальная защита населения является не только ведущим вопросом, который требует постоянного совершенствования, но и важной функцией государства, что соответственно закреплено в основных законах государства.

Считается, что один из первых документов, который направлен в защиту вдов и сирот, был издан вавилонским царем Хаммурапи еще в VIII веке до н. э. [1].

Изначально институт социальной защиты проявился в форме страхования, а уже впоследствии распространение получили и другие формы.

Первые институты социального страхования были еще во времена Древнего Рима, где применяли различные организации, корпорации, коллегии, объединявшие своих членов на основе профессиональных, материальных и личных интересов. У германских народов помощь отражена в виде созданных купеческих гильдий, а позже – цехов.

В ряде стран попрошайничество признавалось преступным деянием, по мнению государственных деятелей, процент социально незащищенных или оказавшихся в трудной жизненной ситуации слоев населения влиял на стабильность общественного устройства.

На западе Европы функционировали определенные благотворительные организации, которые действовали и самостоятельно, и были созданы при церквях. К благотворительности присоединялись и органы местного самоуправления.

В 1806 г. во Франции был принят закон, согласно которому освобождалась от уплаты налогов такая категория населения, как родители двух и более детей. Становление и развитие института социальной защиты авторы разделяют на этапы, которые разграничены определенными временными промежутками. Каждый из таких этапов также характеризуется особенностями развития социальной защиты. Так, А.Ю. Стопчак историю развития социальной защиты разделяет на 7 этапов, а Д.Б. Гусаков развитие социальной защиты разделяет на 4 этапа [2], рассмотрев данные хронологии, предлагаем остановиться на следующем:

1. С античных времен до середины XIX в.:

– социальная защита основана на принципах самопомощи, семейного обеспечения и благотворительности.

2. С середины 19 в. к 30-х гг. XX в.:

– распространение приобретает развитие пенсионного страхования;
– пенсия рассматривается как добавка к средствам существования, которые часто зависели от воли работодателя;

– существовало большое количество привилегированных слоев населения: чиновники, государственные служащие, военные и т. д.

3. С 30-х гг. до начала 90-х гг. XX в.:

– государство активно участвует в финансировании систем социальной защиты;
– основное бремя взносов распределяется между работниками и работодателями;
– системой социальной защиты охватывается почти все население;
– пенсия рассматривается не как пособие, а как вознаграждение за трудовую деятельность, которая должна поддерживать надлежащий уровень жизни пенсионера;
– своего наивысшего развития достигает социальное обеспечение, основанное на принципе солидарности поколений.

4. С начала 90-х гг. по настоящее время:

– возникает кризис финансирования систем социальной защиты, связанная со старением населения в мире;
– проходит реформирование системы социального страхования;
– все больший вес приобретают частные фонды социальной защиты населения;
– основное бремя страховых взносов переводится на работника.

В Российской Федерации система социальной защиты возникла не сразу и не в таком виде, как в настоящее время. Процесс формирования и развития системы социальной защиты начался еще во II веке до н. э., когда на нашей территории проживали племена, а вопросы предоставления помощи нуждающимся членам общины регулировались обычаями и традициями, обязанности возлагались на главу рода. С возникновением государственности примерами условной социальной защиты и заботы о русичах выступали договоры с Византией о выкупе пленных за счет казны. В 996 г. появился первый документ, регулирующий помощь старикам и немощным со стороны государства и церкви. Система социальной защиты получила правовую регламентацию при Петре I. В дореволюционный период существовали дома призрения и богадельни. При Александре II роль социальных работников исполняли земские уполномоченные. С образованием СССР система социального обеспечения расширялась и становилась сложнее.

В настоящее время функции по претворению в жизнь социальной политики возложены на высший орган исполнительной власти, соответствующее министерство труда и социальной защиты населения, службу занятости, органы социальной защиты и внебюджетный фонд.

Административно-правовое регулирование социальной защиты населения приобретает особое значение в рамках межведомственного взаимодействия органов исполнительной власти, как на федеральном, так и региональном уровнях. Понятие, виды и формы социальной защиты населения входят в предмет науки, изучающей право социального обеспечения, однако административные механизмы позволяют претворять нормы права в жизнь. Способы административно-правовой защиты социальных прав граждан реализуются посредством законов, регулирующих порядок рассмотрения обращений прав граждан, порядок привлечения к административной ответственности. Для изучения концепции социальной защиты в контексте административно-правового регулирования следует обратиться к основам социальной политики государства в ее ретроспективной форме.

Первый этап (1990–1993). До принятия Конституции РФ регулирование государственной социальной политики имело частичный характер и в основном обеспечение социальной защитой направлялось только на отдельный круг лиц. Для этого этапа в первую очередь характерный акцент на решении таких социальных проблем, которые были характерны для советского периода (социальная защита ветеранов войны, граждан, пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы, репрессированных граждан и т. д.).

Второй этап (1993–1999). Принятие Конституции Российской Федерации связано с переосмыслением института социальной защиты населения в соответствии с общемировыми стандартами, введением понятия «достойный уровень социального обеспечения», провозглашением страны социальным государством. Термины «социальная защита» и «социальная помощь» приобрели конституционный характер.

Третий этап (1999–2003). На этом этапе фактически был сформирован основной массив нормативно-правовых актов, которые определили общее направление действующей сегодня системы социальной защиты. Точкой отсчета в этом процессе стало принятие Федерального закона «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 № 178-ФЗ. Основные усилия на третьем этапе были направлены на определение вопросов государственной политики по наиболее социально уязвимым слоям населения.

Четвертый этап (2003 г. – по настоящее время). Здесь наблюдается системная деятельность по совершенствованию законодательства и принятию новых программ социальной поддержки граждан Российской Федерации. Основным моментом в этой деятельности стала тенденция переориентации государственной политики в сфере социальной защиты и социального обеспечения по назначению льгот и осуществления социальных выплат на организацию предоставления социальных услуг, далее началась с 2019 г. пенсионная реформа, которая началась в 2019 г. и продолжится до 2028 г., сюда же отнесем и реформирование Пенсионного фонда и Фонда социального страхования России, их объединение в единый Социальный фонд России ознаменовало новую эпоху администрирования системы социальной защиты посредством внебюджетных фондов, аккумулирующих денежные средства застрахованных граждан. Ранее (в 2016 г.) взыскание страховых взносов было переложено на Налоговую службу РФ, появился и соответствующий раздел в Налоговом кодексе Российской Федерации, а специальные законы, регулирующие порядок уплаты пенсионных взносов и взносов по обязательному социальному страхованию, утратили силу. Объединение Пенсионного фонда и Фонда социального страхования в 2023 г. при полной правопреемственности согласно законодательству должно обеспечить упрощение системы социального обеспечения, с учетом предоставления новому фонду полномочий, связанных с выплатой отдельных мер поддержки, которые ранее оказывали органы социальной защиты населения. С 2024 г. действуют единые тарифы на взносы по всем видам обязательного страхования.

Для каждой формы социального обеспечения существует свой элемент администрирования: учреждения социального обслуживания населения, управления социальной защиты, службы занятости, социальный и пенсионный фонд, органы исполнительной власти на уровне федерации и субъектов. В целях улучшения системы администрирования и поощрения социальных ориентированных организаций предусмотрены отдельные государственные преференции для некоммерческих организаций подобного типа.

Меры социальной защиты предоставляются по единому стандарту на всей территории страны с использованием механизма «Социального казначейства». Например, на выплату единого пособия из федерального бюджета предусмотрено 4,4 трлн рублей на 2024–2026 гг., что позволит обеспечить пособием более 10 млн граждан.

Проблемы и особенности формирования эффективной системы поддержки социально уязвимых слоев населения страны и вопрос необходимости сохранения государственных льгот или замена их подходящим повышением заработной платы или адресной социальной помощью достаточно широко исследуются в трудах В. Гошовской, А. Коваль, Е. Либановой, А. Палий, К. Пивоварской, С. Синчук, В. Скуратовского, Л. Тарасенко, Т. Яцкив и др. Однако, несмотря на значительное количество освещающих публикаций разные аспекты государственной политики относительно социальной защиты населения, вопрос анализа и формирования оптимальной системы предоставления льгот, а особенно их теоретическое значение не приобрели достаточной степени разработанности. Считаем необходимым в рамках исследуемой темы затронуть вопрос предоставления льгот.

Система социальных льгот в России, как и в каждом государстве, является важной составляющей общегосударственной политики. Современная государственная политика в

сфере социальной защиты населения должна быть направлена прежде всего на обеспечение социально-экономических прав граждан, в частности – права на труд, его достойную и своевременную оплату. При таком подходе государство получит больше возможностей для поддержки нетрудоспособных, малообеспеченных и других социально уязвимых слоев общества.

В действующем законодательстве термин «льготы» употребляется довольно часто, однако его определение отсутствует, как и определение «социальных льгот». Среди ученых нет единого подхода к определению «льгот». Трактовка же термина «социальные льготы» случается достаточно редко. По мнению С. Синчук, государственная льгота (в традиционном понимании этого понятия) это предусмотренное законодательством полное или частичное освобождение определенных категорий граждан от исполнения долга или предоставление дополнительных прав [3].

Существуют льготы, которые являются социальной поддержкой для обеспечения достаточного жизненного уровня меньше всего защищенных слоев населения. Кроме указанного вида льгот есть еще другие, которые используются как форма признания заслуг перед Родиной (например, внеочередное бесплатное ежегодное санитарно-курортное лечение для ветеранов труда) и как дополнительная гарантия через особые условия труда (право на бесплатное получение и доставку угля для бытовых нужд для работников горных предприятий, 100 % скидка при оплате коммунальных услуг для медицинских, фармацевтических работников, которые проживают и работают в сельской местности). Считаем, что назначение указанных льгот является также социальным, и поэтому их нужно засчитывать к социальным льготам.

Большинство экспертов, а также и органы власти в сфере социальной политики соглашались, что нынешняя система льгот в России является чрезвычайно сложной, запутанной и непрозрачной. Однако в последнее время имеется тенденция к объединению нескольких пособий в одно универсальное, имеются основания полагать, что система льгот подвергнется подобным преобразованиям.

К основным проблемам действующей системы социальных льгот следует отнести:

- отсутствие единой четко обоснованной классификации социальных льгот;
- большое количество законодательных актов, которыми они установлены;
- несовершенство механизмов учета.

Упорядочение системы льгот является одной из первоочередных задач реформирования не только системы социальной защиты населения, но и системы государственных расходов.

Важно отметить, что система социальной защиты населения в Ростовской области находится под влиянием различных тенденций развития, которые определяют ее эффективность и способность обеспечивать социальное благополучие граждан. Оценка этих тенденций играет важную роль в понимании текущего состояния системы социальной защиты и выработке рекомендаций по ее улучшению.

Одной из основных тенденций развития социальной защиты населения в регионе является постепенное совершенствование социальных программ и механизмов поддержки. В последние годы власти Ростовской области активно работают над улучшением социальной сферы, внедряя новые программы и проекты, направленные на повышение уровня жизни населения. Это включает в себя различные виды социальной поддержки, компенсаций и льгот для различных категорий граждан, что способствует снижению уровня бедности и социальной исключенности.

Еще одной важной тенденцией является увеличение прозрачности и доступности информации о социальных программах и мерах поддержки. Развитие цифровых технологий позволяет сделать процесс получения социальной помощи более удобным и эффективным для граждан. Электронные сервисы и онлайн-платформы позволяют получать информацию о доступных программах, услугах и льготах, что способствует повышению осведомленности населения и улучшению доступности социальной защиты.

Также стоит отметить тенденцию к персонализации социальной поддержки. Все больше внимания уделяется индивидуальному подходу к гражданам, учитывая их потребности, особенности и жизненные обстоятельства.

Правовая регламентация цифрового развития в России уже имеет длительный срок действия, но ее использование в практике управления терминологического и категориального аппарата вводилось в информационное общество, внедрение и использование Internet и компьютерной грамотности.

Стратегическое направление в области цифровой трансформации социальной сферы определено Распоряжением Правительства РФ от 05.04.2024 № 842-р «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации».

Определенные в стратегии цели цифрового развития были ориентированы на экономический рост, конкурентоспособность, цифровую модернизацию промышленности, цифровую индустрию и цифровое предпринимательство, а также на модернизацию образования на нужды цифровой экономики. Стратегия не содержит положений о трансформации в сфере труда и занятости, социального страхования и социальной защиты, преодоления неравенства.

Анализ научных публикаций позволяет констатировать, что среди исследователей пока не сформировалось целостное понимание концепции регулирования инновационных форм социальной защиты населения отношений в условиях цифровизации.

На основании проведенного исследования, обобщая точки зрения, существующие в науке, предлагаем определение понятия «социальные льготы»: полное или частичное освобождение определенных категорий граждан от соблюдения установленных законом общих требований и правил, выполнения определенных обязанностей, а также предоставление им дополнительных прав и гарантий в связи с наступлением страхового случая или в силу трудной жизненной ситуации.

Консолидация системы льгот в одном нормативно-правовом акте видится нам достаточно сложной для реализации идей. Однако принятие социальных кодексов на региональном уровне могло бы решить эту задачу, положительным примером является Социальный кодекс Санкт-Петербурга. В механизме предоставления льгот следует учесть особенности заявительного порядка и рассмотреть возможность системного оповещения граждан о доступности некоторых видов социального обеспечения. Для материальных видов льгот малоимущим семьям при определении права на социальное обеспечение следует пересмотреть порядок исчисления доходов.

В настоящее время цифровая трансформация системы социальной защиты в России является одним из приоритетных направлений развития государства. В 2024 г. запланировано внедрение единой централизованной цифровой платформы в социальной сфере, которая будет аккумулировать информацию из единой государственной информационной системы социального обеспечения, а также позволит задействовать информационные ресурсы органов исполнительной власти. Однако следует помнить о необходимости повышенной защиты персональных данных, иных значимых сведений о получателях государственной помощи и социального обеспечения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кокшарова Е.С., Ковбасюк Ю.Е. Проблемы социальной защиты населения // Молодой ученый. 2017. № 11.
2. Кочанова Т. Социальная помощь в электронном виде с 2024 года // Трудовое право. 2024. № 2.
3. Судебная практика и развитие законодательства о труде и социальном обеспечении: научно-практическое пособие / Н.В. Антонова, С.В. Каменская, Т.Ю. Коршунова и др. М., 2024.
4. Мехтиев М.Г. Защита социальных и экономических прав в условиях интеграционных процессов // Журнал российского права. 2024. № 2.
5. Мясичева Ю.Н. Современная система социального обслуживания населения // Молодой ученый. 2018. № 38.
6. Панченко С.А. Социальная защита населения в Российской Федерации // Новая наука: от идеи к результату. 2017. № 1.
7. Слезко Ю.В., Бондаренко Н.А. Социальная защита населения в национальной экономике // Ученые заметки ТОГУ. 2016. № 4.
8. Сулейманова Г.В. Право социального обеспечения. М., 2017.
9. Федорова М.Ю., Черепанцева Ю.С. Роль цифровых технологий в совершенствовании правового регулирования социальной защиты пострадавших от радиации // Российский юридический журнал. 2022. № 5.
10. Фирсов М.В. История российских социальных служб. Хронограф. М., 2017.

REFERENCES

1. Koksharova E.S., Kovbasyuk Yu.E. Problems of social protection of the population // Young scientist. 2017. № 11.
2. Kochanova T. Social assistance in electronic form since 2024 // Labor law. 2024. № 2.
3. Judicial practice and development of legislation on labor and social security: scientific and practical manual / N.V. Antonova, S.V. Kamenskaya, T.Yu. Korshunova et al. Moscow, 2024.
4. Mekhtiev M.G. Protection of social and economic rights in the context of integration processes // Journal of Russian Law. 2024. № 2.
5. Myasishcheva Yu.N. Modern system of social services to the population // Young scientist. 2018. № 38.
6. Panchenko S.A. Social protection of the population in the Russian Federation // New science: from idea to result. 2017. № 1.
7. Slezko Yu.V., Bondarenko N.A. Social protection of the population in the national economy // Scientific notes of TNU. 2016. № 4.
8. Suleimanova G.V. Social security law. Moscow, 2017.
9. Fedorova M.Yu., Cherepantseva Yu.S. The role of digital technologies in improving the legal regulation of social protection of radiation victims // Russian Law Journal. 2022. № 5.
10. Firsov M.V. History of Russian social services. Chronograph. Moscow, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Брюхнов Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Королевская Ольга Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Российский государственный университет правосудия (филиал). 344038, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66.

Немыкина Олеся Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Российский государственный университет правосудия (филиал). 344038, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bryukhnov Alexander Anatolyevich, PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Korolevskaya Olga Ivanovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines. Russian State University of Justice. 66, Lenin Ave., Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

Nemykina Olesya Evgenievna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines. Russian State University of Justice. 66, Lenin Ave., Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

Научная статья
УДК 346.6

ВАЛЮТНЫЙ СОЮЗ: АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ

Брыкин Константин Игоревич

Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева,
Москва, Российская Федерация
BrykinKI.veb@gmail.com

Введение: в рамках деятельности межгосударственных объединений, членом которых является Российская Федерация, все чаще поднимается вопрос о создании единой (региональной) валюты. Валютные союзы и особенности их деятельности в основном исследовались учеными-экономистами. Актуальность темы обусловлена необходимостью публично-правового изучения данной проблематики применительно к возможности формирования валютных союзов БРИКС или ШОС.

Материалы и методы: на основе исторического метода познания и анализа рассмотрены финансово-правовые последствия санкционной политики в отношении Ирана, а также опыт Сент-Китса и Невиса как члена Восточнокарибского валютного союза по борьбе с высоким государственным долгом. Методы синтеза, диалектики и структурно-функциональный позволили на основе правовой и экономической доктрины выявить этапы развития региональной интеграции, преимущества и недостатки вступления в валютный союз, который в контексте системного метода познания представляет собой межотраслевое понятие.

Результаты исследования: разработка концепции валютного союза требует внимательного подхода к уровню экономического развития каждой страны и возможности их интеграции. При положительном ответе на данный вопрос – требуется подключение правового инструментария для гармонизации денежно-кредитной, бюджетной, налоговой, таможенно-тарифной политики государств-членов валютного союза.

Выводы и заключения: формирование валюты валютного союза – процесс продолжительный и сложный. В случае успешной реализации такого проекта плюсами для членов валютного союза будут снижение транзакционных издержек, расширение торговых отношений, снижение волатильности обменного курса, рост инвестиционных вложений и повышение политической стабильности. Для получения указанных преимуществ необходимо использовать финансово-правовые механизмы осуществления финансовой деятельности, которые минимизируют бюджетный и инвестиционный дисбаланс в государствах – членах валютного союза.

Ключевые слова: валютный союз, валюта, экономическая интеграция, денежно-кредитная политика, девальвация, государственный долг, валютный курс.

Для цитирования: Брыкин К. И. Валютный союз: аргументы за и против / К. И. Брыкин // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 27–31.

Original paper

CURRENCY UNION: PROS AND CONS

Brykin Konstantin Igorevich

G. Mirzoev Russian University of Lawyers and Notaries, Moscow, Russian Federation

Introduction: within the framework of the activities of interstate associations, of which the Russian Federation is a member, the issue of creating a single (regional) currency is increasingly raised. Currency unions and the specifics of their activities have been mainly studied by economists. The relevance of the topic is due to the need for a public-law study of this issue in relation to the possibility of forming currency unions of BRICS or SCO.

Materials and methods: based on the historical method of cognition and analysis, the financial and legal consequences of the sanctions policy towards Iran, as well as the experience of Saint Kitts and Nevis as a member of the Eastern Caribbean Currency Union in combating high public debt are considered. The methods of synthesis, dialectics and structural-functional made it possible, on the basis of legal and economic

doctrine, to identify the stages of development of regional integration, the advantages and disadvantages of joining a currency union, which in the context of the systemic method of cognition is an intersectoral concept.

Results of the study: the development of the concept of a currency union requires a careful approach to the level of economic development of each country and the possibility of their integration. If the answer to this question is positive, it is necessary to use legal instruments to harmonize the monetary, budget, tax, customs and tariff policies of the member states of the currency union.

Findings and conclusions: the formation of the currency of the currency union is a long and complex process. In case of successful implementation of such a project, the advantages for the members of the currency union will be a decrease in transaction costs, expansion of trade relations, a decrease in exchange rate volatility, an increase in investment and an increase in political stability. To obtain these advantages, it is necessary to use financial and legal mechanisms for implementing financial activities that minimize the budget and investment imbalance in the member states of the currency union.

Keywords: currency union, currency, economic integration, monetary policy, devaluation, public debt, exchange rate.

For citation: Brykin K. I. Currency union: pros and cons / K. I. Brykin // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 27–31.

Современные тенденции развития международных экономических отношений свидетельствуют о глобальных изменениях, казалось бы, давно устоявшегося миропорядка. Беспрецедентные ограничительные меры, направленные против российских граждан и организаций, а также вторичные санкции в отношении российских партнеров из других юрисдикций, заставили всерьез переосмыслить расстановку сил на мировой арене.

В качестве примера негативного влияния западной санкционной политики можно привести финансовые санкции в отношении Ирана. В литературе отмечается [3, с. 415–417], что при отсутствии санкций Иран мог бы получить более выгодные условия реализации нефтяных проектов либо финансировать их самостоятельно. Санкции нанесли удар по инвестиционному климату, что повлекло дополнительные затраты для Ирана по контрактам обратного выкупа и дополнительные процентные платежи по внешнему долгу. В 1999 г. агентство Moody's Investor Services присвоило суверенному долгу Ирана рейтинг B2, однако давление санкций заставило Moody's отозвать кредитные рейтинги в то время, когда Иран намеревался выпустить свои первые еврооблигации под управлением BNP Paribas и Commerzbank AG. Санкционная политика США также затруднила деятельность международных нефтяных компаний с Ираном. Так, экспорт каспийской нефти по трубопроводам Ирана имеет самые низкие транспортные расходы, однако санкции помешали поставкам каспийской нефти через Иран.

Результатом политики запугивания со стороны Запада стало объединение стран глобального Юга и Азии в различные межгосударственные объединения, укрупнение таких объединений. Размышляя над региональными интеграционными процессами, а также слиянием экономик различных юрисдикций, с правовой точки зрения представляется важным начать с базовой терминологии.

В одних научных работах выделяют валютный, таможенный, экономический союзы и общий рынок [1, с. 93–95], где последний – это свободный рынок для товаров и услуг, производимых его участниками, а также для факторов производства, т. е. капитала и рабочей силы; валютный союз – это соглашение между двумя или более суверенными государствами о совместном использовании одной и той же валюты и ответственности за управление ею; таможенный союз – это соглашение между странами об отмене таможенных тарифов на торговлю между членами союза и проведении единой таможенной политики в отношении иных юрисдикций; экономический союз – это сочетание общего рынка и валютного союза, при котором ограничения на перемещение товаров или факторов производства отсутствуют и используется единая валюта.

В исследовании европейской интеграции используется термин «экономический и валютный союз», структура которого раскрывается через две составляющие [7, с. 49–50]:

– общая экономическая политика, подразумевающая выработку общих целей и направлений экономического развития, установление системы многостороннего слежения за хозяйственной динамикой, национальные программы стабилизации/конвергенции, координацию налоговой политики. В рамках данного направления осуществляется контроль динамики макроэкономических показателей стран-членов союза, мониторинг динамики обменных курсов, контроль состояния госбюджета, мониторинг динамики номинальной и реальной

зарплаты, анализ национальных планов действий в области занятости, а также мониторинг структурных преобразований на рынках труда, товаров и услуг;

– единая валютная политика, координатором которой выступает наднациональный Центробанк. Ключевой задачей регулятора является поддержание стабильности цен путем совершения операций на открытом рынке, проводимой процентной политикой и установлением минимальных резервных требований. Единая валютная политика состоит из таких элементов, как количественное определение показателя инфляции, соответствующего главной цели регулятора, а также использование следующих средств для достижения ценовой стабильности

– контроль за объемом денежной массы и прогноз и оценка перспектив ценовой динамики.

В доктрине также отмечают, что торгово-экономические группы проходят следующие этапы интеграции [4, с. 172–173]:

– зона свободной торговли, в которой отсутствуют таможенные тарифы и квоты в отношении стран-участниц, при этом внешнеторговая политика в отношении третьих стран проводится странами раздельно;

– таможенный союз, при котором в дополнение к режиму зоны свободной торговли осуществляется единая внешнеторговая политика;

– общий рынок, при котором дополнительно устраняются границы при перемещении в границах союза всех факторов производства;

– экономический союз предполагает также и согласование экономической политики, проводимой членами союза;

– валютный союз – это последний этап интеграции, предполагающий создание единой валютной системы, в том числе единый наднациональный эмиссионный центр, единая валюта, согласованная денежно-кредитная и валютная политика.

В ранее проведенном исследовании указанной тематики автором сделан вывод о том, что «валютный союз, являясь одной из форм интеграции, представляет собой экономико-правовое явление, предполагающее проведение государствами – членами такого союза единой бюджетной, налоговой, денежно-кредитной, таможенно-тарифной политики и образование наднационального эмиссионного центра региональной валюты, что в совокупности влечет необходимость делегирования части финансовых полномочий наднациональным финансовым органам» [5, с. 56].

Почему государства стремятся к экономической интеграции в целях достижения ее наивысшей степени – валютного союза? В поддержку названной идеи можно привести несколько аргументов. Во-первых, снижение транзакционных издержек, поскольку необходимость в совершении обменных операций между разными валютами и уплаты соответствующих комиссий утрачивают актуальность. Во-вторых, расширение торговых отношений, т.к. организациям становится значительно проще сопоставлять ценовую политику в странах-членах валютного союза и совершать гражданско-правовые сделки без рисков колебания валютных курсов. В-третьих, снижение волатильности обменного курса, что особенно выгодно для планирования предстоящих поступлений и выплат для международных организаций. В-четвертых, неизбежный рост инвестиционных вложений, поскольку исторически инвесторы всегда отдавали предпочтение стабильным активам (валюте). Инвесторам также будет проще использовать все возможные преимущества и сравнивать доходность во всех странах-членах союза. Наконец, повышение политической стабильности, которое станет результатом глубокой экономической интеграции и партнерством в других сферах общественных отношений.

Безусловно, при становлении валютного союза государства столкнутся и с рядом трудностей. Специалисты часто указывают на риск утраты финансового суверенитета при вступлении государства в валютный союз. При возникновении платежного дисбаланса государство (вне союза) может проводить политику меркантилизма либо протекционизма – могут вводиться ограничения на импорт и повышение тарифов, либо увеличение доли экспорта, оказание мер государственной поддержки организациям-экспортерам. В качестве крайней меры может использоваться девальвация. Использование соответствующего экономико-правового инструментария отдельной страной невозможно в рамках союза.

Необходимо учитывать существующие сегодня реалии. С учетом санкций в финансовом секторе необходимо искать новые пути сотрудничества, выстраивание новой международной финансовой инфраструктуры, которая будет свободна от воли одного государства. А введение одной валюты в рамках валютного союза с дружественными странами гарантирует свободу платежей и движения капитала, в том числе путем отмены валютного контроля, гарантирует инвесторам защиту от девальвации.

По нашему мнению, если создание валютного союза отвечает интересам государства и общества, содействует социально-экономическому и технологическому развитию, то при условии надлежащей проработки финансово-правовых механизмов защиты национальной финансовой безопасности и финансовой устойчивости делегирование отдельных полномочий наднациональному органу валютного союза допустимо. Указанное не поставит крест на финансовом суверенитете государства, но будет лишь результатом использования государством своих правомочий в целях извлечения преимуществ для всего общества и достижения национальных целей развития [6, с. 84].

С точки зрения экономики, существует риск экономического дисбаланса между государствами-членами валютного союза (например, невозможность девальвации своей валюты отдельным государством при рецессии), строгие рамки при проведении бюджетной и налоговой политики (например, отдельное государство не может самостоятельно стимулировать свою экономику налогово-правовыми механизмами или корректировкой государственных расходных обязательств, поскольку нужно соблюдать единые стандарты, что может повлечь риски экономической стагнации), разные экономические циклы и последствия от единой денежно-кредитной политики (например, рост процентных ставок для борьбы с инфляцией в одной стране может привести к рецессии в другой стране), риск утраты национальной идентичности (поскольку валюта – это государственный символ, история, наследие).

Примером успешно существующего валютного союза является Восточнокарибский валютный союз, в котором есть наднациональный центральный банк и введена зона свободной торговли. Таможенный союз сформирован неокончательно, поскольку тарифы согласованы лишь частично, а для членов союза импортные операции являются важным доходным источником. При этом во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. вскрылась огромная проблема – катастрофический уровень государственного долга. Практически, как и в Греции в рамках европейской зоны, в Восточнокарибском валютном союзе наибольший государственный долг приходился на Сент-Китс и Невис (около 160 % от ВВП). В долговом портфеле данного государства большая часть – внутренние займы, которые регулярно пролонгировались. Власти поставили цель по достижению соотношения уровня госдолга к ВВП до 60 % к 2020 г., которая реализовывалась в рамках следующих мероприятий [2, с. 50–51]:

- бюджетная корректировка: введение нового доходного источника – налога на добавленную стоимость, резкое повышение тарифов на электроэнергию на 80 %, а также меры по сдерживанию роста заработной платы;
- реструктуризация долга: с 2011 г. начался процесс реструктуризации государственного долга, направленной на значительное сокращение задолженности;
- гарантия: для успешной и эффективной реализации вышеуказанной программы по реструктуризации долга потребовалось обеспечение, которое предоставил Карибский банк развития в виде частичной гарантии новых инструментов обмена;
- обмен долга на акции/землю;
- стабилизационный фонд: в ходе реструктуризации долга был создан специальный резервный фонд банковского сектора в Восточнокарибском центральном банке для предоставления временной ликвидности национальным финансовым учреждениям в случае необходимости;
- кредит МВФ: в дополнение к программе экономических реформ МВФ одобрил трехлетнюю кредитную программу на сумму 80,7 млн долларов.

Указанный пример наглядно демонстрирует необходимость планомерного и сбалансированного распределения доходов и движения капитала по всей территории валютного союза в целях недопущения дисбалансов. Бюджетно-правовая деятельность каждого члена валютного союза становится крайне важной для ее коллег по союзу. При возникновении дефицита бюджета в одной стране за его размером, финансово-правовыми механизмами его преодоления будут внимательно следить все остальные члены союза. Особенности налогового законодательства в отдельных странах союза возможны, однако такие особенности не могут быть чрезвычайно велики (например, пониженные ставки по НДС в одной стране могут привести к транзиту рабочей силы, а льготы по налогу на прибыль – массовой регистрации организаций в соответствующей юрисдикции).

Наконец, ключевая особенность – проведение разумной денежно-кредитной политики. Необходимо сформировать наднациональный эмиссионный центр, нормативно определить его правовой статус, права и обязанности, включая вопросы эмиссии валюты валютного союза, взаимодействия с национальными регуляторами, установления процентных ставок и их использования в кредитовании, лимиты такого кредитования, прямого или опосредованного

участия в финансировании проектов развития, дополнительной финансовой поддержки при реализации стрессовых сценариев экономики, проведения контроля (надзора) и пр.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Mladek J.V. Currency Unions – Pro and Con // Finance and development. 1966. № 2. Vol. III.
2. Schipke A. Snapshot of Another Monetary Union // Finance & Development. 2012. 49. № 1. Vol.
3. Torbat A.E. Impacts of the US Trade and Financial Sanctions on Iran // World Economy. 2005. № 28.
4. Акельев Е.С., Ермушко Ж.А. Перспективы развития валютных союзов в условиях мирового экономического кризиса // Вестник науки Сибири. 2012. № 4 (5).
5. Брыкин К.И. К вопросу о понятии и сущности валютного союза // Вестник Московского университета. 2023. № 3.
6. Брыкин К.И. Особенности реализации финансового суверенитета государства в валютном союзе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2 (230).
7. Буторина О.В. Международные валюты: интеграция и конкуренция. М., 2003.

REFERENCES

1. Mladek J.V. Currency Unions – Pro and Con // Finance and development. 1966. № 2. Vol. III.
2. Schipke A. Snapshot of Another Monetary Union // Finance & Development. 2012. 49. № 1. Vol.
3. Torbat A.E. Impacts of the US Trade and Financial Sanctions on Iran // World Economy. 2005. № 28.
4. Akel'ev E.S., Ermushko Zh.A. Prospects for the Development of Currency Unions in the Context of the Global Economic Crisis // Bulletin of Science of Siberia. 2012. № 4 (5).
5. Brykin K.I. On the Concept and Essence of a Currency Union // Bulletin of Moscow University. 2023. № 3.
6. Brykin K.I. Features of the implementation of the financial sovereignty of the state in the currency union // Law and state: theory and practice. 2024. № 2 (230).
7. Butorina O.V. International currencies: integration and competition. Moscow, 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Брыкин Константин Игоревич, кандидат юридических наук, доцент кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права. Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 105120, Российская Федерация, г. Москва, Малый Полуярский пер., д. 3/5, стр. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Brykin Konstantin Igorevich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law. G. Mirzoev Russian University of Lawyers and Notaries. 3/5 b. 1, Maly Poluyaroslavsky lane, Moscow 105120 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 4(111). – С. 32–37.
Yurist-Pravoved. 2024. № 4(111). – Pp. 32–37.

Научная статья
УДК 342.9

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕРПЕВШИМИ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ Ч. 3 СТ. 8.52 КОАП РФ, ПРАВА НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА

Вербицкая Мария Александровна

Северо-Кавказский социальный институт, Ставрополь, Российская Федерация
verbickaya.77@yandex.ru

Пестов Роман Аркадьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
79185927828@ya.ru

Введение: в статье освещаются проблемные вопросы, связанные с реализацией потерпевшими по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ, права на возмещение вреда. Выявляются и анализируются пробелы и противоречия административного законодательства, с которыми сталкиваются правоприменители на практике.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили административное законодательство, а также материалы правоприменительной практики. Методологическую основу поведенного исследования составили диалектический метод познания, а также логико-правовой, сравнительно-правовой, системно-структурный, социологический и некоторые другие методы.

Результаты исследования: исследованы вопросы административной ответственности по ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ, проведен анализ нормативно-правового регулирования порядка реализации потерпевшими по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ, права на возмещение вреда здоровью и имуществу.

Выводы и заключения: обосновывается необходимость корректировки некоторых положений административно-деликтного законодательства – предлагается наделить судей полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях по ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ и увеличить срок давности привлечения к ответственности по данной статье до 1 года.

Ключевые слова: домашние животные, собаки, ответственное обращение с животными, административная ответственность, вред здоровью граждан или имуществу, возмещение вреда.

Для цитирования: Вербицкая М. А., Пестов Р. А. Вопросы реализации потерпевшими по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ, права на возмещение вреда / М. А. Вербицкая, Р. А. Пестов // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 32–37.

Original paper

ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO COMPENSATION FOR DAMAGE BY VICTIMS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES PROVIDED FOR IN PART 3 OF ARTICLE 8.52 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Verbitskaya Maria Alexandrovna

North Caucasian Social Institute, Stavropol, Russian Federation

Pestov Roman Arkadyevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article covers the problematic issues related to the implementation of the right to compensation for damage by victims in cases of administrative offenses provided for by Part 3 of Article 8.52 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Gaps and contradictions in administrative legislation that law enforcement officers encounter in practice are identified and analyzed.

Materials and methods: the normative basis of the study was administrative legislation, as well as materials of law enforcement practice. The methodological basis of the conducted study was the dialectical method of cognition, as well as logical-legal, comparative-legal, systemic-structural, sociological and some other methods.

Results of the study: the issues of administrative liability under Part 3 of Article 8.52 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation were studied, an analysis of the legal regulation of the procedure for the implementation of the right to compensation for damage to health and property by victims in cases of administrative offenses provided for by Part 3 of Article 8.52 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation was carried out.

Findings and conclusions: the need to adjust some provisions of the administrative-tort legislation is substantiated – it is proposed to empower judges to consider cases of administrative offenses under Part 3 of Article 8.52 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and to increase the limitation period for bringing to liability under this article to 1 year.

Keywords: pets, dogs, responsible treatment of animals, administrative liability, harm to the health of citizens or property, compensation for damage.

For citation: Verbitskaya M. A., Pestov R. A. Issues of the implementation of the right to compensation for damage by victims in cases of administrative offenses provided for in Part 3 of Article 8.52 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation / M. A. Verbitskaya, R. A. Pestov // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 32–37.

В последние годы все чаще в средствах массовой информации появляются сообщения о причинении вреда домашними животными (чаще всего собаками). Также, несмотря на принятие комплексного федерального закона № 498-ФЗ об ответственном обращении с животными в 2018 г., ряда подзаконных актов федерального и регионального значения, отмечается недостаточность урегулирования общественных отношений по поводу животных, не относящихся к объектам животного мира (существующие нормы не всегда обеспечивают достаточную защиту потерпевшим) [1, с. 32].

В соответствии с федеральным законом от 13.06.2023 № 230-ФЗ закреплена административная ответственность за нарушение порядка обращения с животными, в частности за нарушения, повлекшие причинение вреда жизни или здоровью граждан или имуществу (ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ).

Также количество пострадавших от укусов собак в последние несколько лет не уменьшается. Так, в 2022 г. было зарегистрировано 228 120 таких пострадавших, а в 2023 г. уже 238 318 человек [2].

Обозначенные проблемы определяют необходимость научного исследования вопросов административной ответственности за вред, причиненный собаками третьим лицам. В рамках данной статьи проанализируем вопросы реализации потерпевшими по данной категории дел об административных правонарушениях права на возмещение вреда.

Производство по данной категории дел осуществляют должностные лица органов федерального государственного ветеринарного надзора или органов регионального контроля (надзора) в области обращения с животными. Соответственно, дела рассматриваются во внесудебном порядке. Срок давности привлечения к ответственности – 60 дней. Считаем, что серьезные последствия (указанные в ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ), для установления которых может потребоваться производство соответствующих экспертиз (проведение административного расследования), никак не соотносятся с таким кратким сроком давности. Споры о возмещении вреда по данной категории дел подлежат рассмотрению только в порядке гражданского судопроизводства.

Согласимся с мнением О.А. Рябус, что хотя КоАП РФ и предусмотрел право потерпевшего на возмещение вреда, но не создал процессуальный режим рассмотрения иска в производстве об административном правонарушении, аналогичного существующему в уголовном процессе институту гражданского иска [3, с. 69].

Небезынтересным будет напомнить, что ст. 40 КоАП РСФСР предусматривала возможность возмещения виновным имущественного ущерба в размере до 50 рублей при рассмотрении дела, в том числе и во внесудебном порядке [4, с. 44].

На проблемность регламентации возмещения потерпевшему вреда, причиненного административным правонарушением, указывают также Н.В. Субанова и К.В. Камчатов [5, с. 50].

На недостаточную разработанность механизма разрешения вопроса о возмещении имущественного ущерба в рамках административного дела указывает и В.Н. Закопырин. Потерпевший в производстве по делу об административном правонарушении не вправе

также ходатайствовать перед субъектом административной юрисдикции о принятии мер обеспечения предъявленного гражданского иска. Согласимся с мнением В.Н. Закопырина, что такое правовое регулирование ставит потерпевшего от административного правонарушения в не равное положение с потерпевшим от преступления, в реализации права на компенсацию вреда [6, с. 301].

Магомедова З.И. и Г.П. Бутюгов считают целесообразным установить в КоАП РФ процедуру передачи вопроса о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда для разрешения в рамках гражданского судопроизводства [7, с. 38].

Для привлечения виновного лица к ответственности по ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ необходимо доказать причинение вреда жизни или здоровью граждан или имуществу.

Говоря о вреде здоровью, следует уточнить, что это не любые телесные повреждения, а те, которые соответствуют медицинским критериям, закрепленным в Приказе Минздравсоцразвития от 24 апреля 2008 г. № 194-н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» и установлены в ходе производства судебно-медицинской экспертизы. Вред здоровью соответствующей степени устанавливается при производстве судебно-медицинской экспертизы (или хотя бы судебно-медицинского обследования).

Однако изученные примеры судебной практики по данной категории дел зачастую не содержат информации об определении степени тяжести вреда здоровью потерпевшего путем проведения соответствующей экспертизы или обследования.

Проиллюстрируем это примером из практики. Так, ФИО1 обратилась в суд с иском к ФИО2 о компенсации морального вреда, возмещении материального ущерба. Исковые требования мотивировала тем, что ДД.ММ.ГТТГ постановлением и.о. руководителя Агентства ветеринарии – главного государственного ветеринарного инспектора Ульяновской области ФИО2 был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ, ему назначено наказание в виде административного штрафа в размере 10 000 руб.

ДД.ММ.ГТТГ по факту укуса собакой ФИО1 обратилась в МО МВД России «Карсунский» с заявлением о принятии мер в отношении хозяина собаки ФИО2, которое зарегистрировано в КУСП № и ДД.ММ.ГТТГ передан по подведомственности в Агентство ветеринарии Ульяновской области. Данные обстоятельства подтверждаются материалами проверки КУСП МО МВД России «Карсунский» №, материалами дела об административном правонарушении в отношении ФИО2 по ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ. В этот же день ФИО1 обратилась в ГУЗ «ФИО3», где было установлено наличие у нее укушенной раны левой ягодицы, выставлен диагноз: укушенная рана левой ягодицы.

Так, из медицинской карты амбулаторного больного ФИО1 №, карты обратившегося за антирабической помощью от ДД.ММ.ГТТГ ГУЗ «ФИО3» следует, что истце в связи с наличием указанного диагноза ДД.ММ.ГТТГ, ДД.ММ.ГТТГ, ДД.ММ.ГТТГ по назначению врача были сделаны инъекции по схеме, установлен ветеринарный надзор на 10 дней. ДД.ММ.ГТТГ ветнадзор завершен в связи с выздоровлением [8].

Из приведенного примера видно, лицо было привлечено к административной ответственности по рассматриваемой статье без установления степени причиненного вреда здоровью потерпевшей.

В другом примере из судебной практики неустановление степени тяжести вреда здоровью потерпевшего повлекло отмену вынесенного постановления по делу.

Исходя из обжалуемого постановления, факт причинения гражданину Потерпевший № 1 телесных повреждений подтверждается медицинским заключением. Однако в материалах дела какое-либо медицинское заключение, подтверждающее причинение вреда здоровью Потерпевший № 1, степень тяжести вреда, причиненного здоровью Потерпевший № 1, отсутствует. Ссылаясь на медицинское заключение как на доказательство, должностное лицо, вынесшее обжалуемое постановление, не указывает реквизитов данного медицинского заключения (дата, номер). Кроме того, по утверждению должностного лица, медицинское заключение (отсутствующее) подтверждает в данном случае причинение телесных повреждений Потерпевший №1, что не свидетельствует, безусловно, о причинении вреда здоровью последнего. Отсутствует указание на степень тяжести вреда здоровью Потерпевший №1, на проведение в отношении потерпевшего судебно-медицинской экспертизы.

Таким образом, факт причинение вреда здоровью Потерпевший №1 в результате полученных им телесных повреждений не подтвержден, ссылка на медицинское заключение

в обжалуемом постановлении не обоснована и не подкреплена соответствующим относимым и допустимым доказательством, выписка из карты вызова СМП с Новокиевский Увал надлежащим доказательством по смыслу вышеприведенных Правил в данном случае не является, сведения о проведении в отношении Потерпевший №1 судебно-медицинской экспертизы отсутствуют. Между тем, причинение вреда жизни или здоровью граждан является квалифицирующим признаком, закрепленным нормой ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ, следовательно, неустановление должностным лицом, вынесшим обжалуемое постановление, факта причинения вреда здоровью потерпевшего (в том числе степени вреда), свидетельствует о необоснованном, неправомерном характере вывода о наличии в действиях ФИО1 состава административного правонарушения, предусмотренного указанной нормой [9].

Потерпевшие по делам об административных правонарушениях по ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ в случае причинения вреда здоровью обращаются в суд с иском о компенсации морального вреда и возмещении материального ущерба.

На право заявить требование о компенсации морального вреда в таких случаях отдельно указала высшая судебная инстанция в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» [10].

Квалифицирующим признаком правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ, может быть и причинения вреда имуществу потерпевшего. В отдельных случаях вред может быть причинен животным потерпевшего. В таком случае потерпевший может претендовать не только на возмещение материального ущерба, но и морального вреда.

Так, хозяйка телянка, которого покусали собаки соседа (питбультерьеры), смогла отсудить у него не только стоимость ветеринарного лечения телянка после нападения, но и 6 000 рублей в счет компенсации морального ущерба:

- как следует из материалов дела, утром истец выпустила телянка пастись, а вечером около 20:00 часов собаки покусали телянка, в результате чего он получил повреждения – у него появились раны на шее, ухе, задней ноге;

- собаки черной и рыжей масти, породы питбуль, которые покусали телянка, принадлежали ответчику, что подтверждается показаниями истца и свидетеля, которые опознали собак, покусавших телянка, т. к. явились очевидцами произошедшего;

- кроме того, в тот же день истец по факту причинения вреда телянку обращалась с заявлением в полицию, где просила привлечь к установленной законом ответственности владельца собак, которые покусали телянка, причинив ей ущерб. Три недели спустя ответчик был привлечен к административной ответственности за нарушение правил содержания и выгула домашних животных, повлекшее причинение ущерба здоровью или чужому имуществу, с назначением штрафа, который был оплачен ответчиком в тот же день;

- следовательно, именно собаки ответчика покусали телянка, принадлежащего истцу, в результате чего телянок получил повреждения;

- для оказания помощи (лечения) телянка истец обращалась к ветеринару, где ею были оплачены услуги в сумме 16 000 руб., что подтверждается квитанцией. При установлении размера причиненного вреда суд исходит из представленной квитанции;

- принимая во внимание, что причинением вреда телянку истца в результате действий собак ответчика, истцу причинены нравственные страдания, выраженные в переживании за здоровье телянка, трата сил и времени на его излечение, постоянном уходе за ним, заготовке корма ввиду того, что самостоятельно пастись он не мог, что истец понесла определенные нравственные страдания в силу эмоциональной привязанности к домашнему животному, суд возлагает на ответчика также и компенсацию морального вреда, удовлетворив в этой части исковые требования частично в размере 6 000 руб [11].

Отметим, что наличие морального вреда у владельца сельскохозяйственного животного, которому причинен вред, неочевидно. Например, в аналогичном деле суд отметил, что учитывать, что потерпевший, будучи заводчиком животных сферы мясной промышленности, относится к выращиваемому им скоту исключительно как к имуществу, приносящему ему доход, и не представил суду доказательства наличия эмоциональной привязанности, психологической зависимости, потребности в общении по отношению именно к погибшему телянку, в связи с чем в удовлетворении искового заявления о взыскании денежной компенсации морального вреда надлежит отказать [12].

В заключении хотелось бы сформулировать ряд выводов и предложений. При несомненной актуальности и своевременности принятых в последнее время нормативно-правовых актов по вопросам ответственного обращения с животными остаются неурегулированными ряд вопросов. Так, в целях обеспечения реализации принципа процессуальной экономии

возможно было передать данную категорию дел в подведомственность судьям. Считаем, что серьезные последствия (указанные в ч. 3 ст. 8.52 КоАП РФ), для установления которых может потребоваться производство соответствующих экспертиз (проведения административного расследования), никак не соотносятся с таким кратким 60-дневным сроком давности. По общему правилу срок давности по делам об административных правонарушениях, сопряженных с причинением вреда здоровью, составляет 1 год. Поэтому было бы абсолютно логичным установить годичный срок давности привлечения к административной ответственности за данное административное правонарушение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об уголовной ответственности владельца за вред, причиненный домашним животным (собакой) третьим лицам / Лю Хунянь, Ю.В. Трунцевский, В.В. Севальнев // Международное публичное и частное право. 2024. № 2 (135).
2. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2023 году». URL: <http://www.rospotrebnadzor.ru> (дата обращения: 07.10.2024).
3. Рябус О.А. Процессуальный статус участников производства по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006.
4. Вербицкая М.А. Изменение правового статуса потерпевшего (сравнительный анализ КоАП РСФСР и КоАП РФ) // Адвокатская практика. 2007. № 5.
5. Потерпевший как участник уголовного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях (сравнительно-правовой аспект) / Н.В. Субанова, К.В. Камчатов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 11.
6. Закопырин В.Н. Вопросы приоритета прав потерпевшего в производстве по делу об административном правонарушении // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения). СПб., 2021.
7. Возмещение имущественного ущерба и компенсация морального вреда по делам об административных правонарушениях / З.И. Мамедова, Г.П. Бутюгов // Мировой судья. 2024. № 5.
8. Решение Карсунского районного суда Ульяновской области от 26 января 2024 г. по делу № 2-2-25/2024. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 07.10.2024).
9. Решение судьи Благовещенского городского суда Амурской от 23 января 2024 г. по делу № 12-22/2024 (12-1306/2023). URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 07.10.2024).
10. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.10.2024).
11. Определение Шестого КСОЮ от 23 мая 2024 г. по делу № 8Г-7681/2024. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 07.10.2024).
12. Раненый теленок: могут ли владельцы взыскать с виновника компенсацию не только убытков, но и морального вреда? URL: <http://www.garant-pr.ru> (дата обращения: 07.10.2024).

REFERENCES

1. On the criminal liability of the owner for harm caused by a pet (dog) to third parties / Liu Hongyan, Yu. V. Truncevsky, V. V. Sevalnev // International public and private law. 2024. № 2 (135).
2. State report «On the state of sanitary and epidemiological well-being of the population in the Russian Federation in 2023». URL: <http://www.rospotrebnadzor.ru> (date of access: 07.10.2024).
3. Ryabus O. A. Procedural status of participants in proceedings on administrative offenses: diss. ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2006.
4. Verbitskaya M. A. Changing the legal status of the victim (comparative analysis of the Code of Administrative Offenses of the RSFSR and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) // Advocate practice. 2007. № 5.
5. The victim as a participant in criminal proceedings and proceedings on administrative offenses (comparative legal aspect) / N. V. Subanova, K. V. Kamchatov // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. № 11.
6. Zakopyrin V. N. Issues of priority of the rights of the victim in proceedings on an administrative offense // Actual problem of administrative and administrative-procedural law (Sorokin readings). St. Petersburg, 2021.

7. Compensation for property damage and compensation for moral damage in cases of administrative offenses / Z.I. Mamedova, G.P. Butyugov // Justice of the peace. 2024. № 5.

8. Decision of the Karsunsky District Court of the Ulyanovsk Region dated January 26, 2024 in case № 2-2-25/2024. URL: <http://www.sudact.ru> (date of access: 07.10.2024).

9. Decision of the judge of the Blagoveshchensk City Court of the Amur Region dated January 23, 2024 in case № 12-22/2024 (12-1306/2023). URL: <http://www.sudact.ru> (date of access: 07.10.2024).

10. On the practice of applying the rules on compensation for moral damage by the courts: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.11.2022 № 33. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07.10.2024).

11. Definition of the Sixth KSOU of May 23, 2024 in case № 8G-7681/2024. URL: <http://www.sudact.ru> (date of access: 07.10.2024).

12. Wounded calf: can the owners recover compensation from the culprit not only for losses, but also for moral damage? URL: <http://www.garant-pr.ru> (date of access: 07.10.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вербицкая Мария Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры публично-правовых дисциплин. Северо-кавказский социальный институт. 355012, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Голенева, 59 А.

Пестов Роман Аркадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.
ORCID: 0000-0002-5469-2255

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Verbitskaya Maria Alexandrovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines. North Caucasian Social Institute. 59A, Goleneva St., Stavropol 355012 Russian Federation.

Pestov Roman Arkadyevich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 349.4

ИНИЦИАТИВА ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В ИНСТИТУТЕ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Маркелов Глеб Александрович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
gmarkelov1@mail.ru

Введение: текущее правовое регулирование предусматривает два способа реализации проектов комплексного развития территорий. В административном порядке, когда решение принимается «сверху» органом публичной власти и правообладатели объектов недвижимости в реализации проекта не участвуют. И в частном порядке, когда правообладатели объектов недвижимости могут проявить инициативу и самостоятельно участвовать в развитии территорий, на которых располагаются их земельные участки. Развитие территорий в частном порядке, при наличии инициативы правообладателей объектов недвижимости, их организационном и финансовом участии является предпочтительным способом комплексного развития территорий, т. к. снижает нагрузку на государственные и муниципальные бюджеты и минимизирует риски возникновения общественных конфликтов. Вместе с тем действующее законодательство, представляется, уделяет недостаточное внимание правовому регулированию комплексного развития территорий в инициативном порядке.

Материалы и методы: определяются кругом решаемых научных задач, которые ориентированы на выявление и разрешение практических и теоретических проблем комплексного развития территорий при наличии инициативы правообладателей. В статье применены методы: описательный, анализ и синтез, классификация и др. Изучены материалы исследований, отраженные в научных статьях.

Результаты исследования: позволили автору выявить актуальные проблемы правового регулирования отношений по комплексному развитию территорий, возникающих в связи с наличием инициативы правообладателей земельных участков, а также предложить способы разрешения таких проблем.

Выводы и заключения: регулирование отношений по комплексному развитию территорий, возникающих в связи с наличием инициативы правообладателей земельных участков, несовершенно и требует устранения пробелов правового регулирования.

Ключевые слова: комплексное развитие территории, развитие территорий по инициативе правообладателей, градостроительство, системы управления земельными ресурсами, информационные системы обеспечения градостроительной деятельности.

Для цитирования: Маркелов Г. А. Инициатива правообладателей земельных участков в институте комплексного развития территории / Г. А. Маркелов // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 38–44.

Original paper

INITIATIVE OF LAND RIGHTS ESTATE HOLDERS AT THE INSTITUTE OF INTEGRATED DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

Markelov Gleb Alexandrovich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Introduction: current legal regulation provides for two ways to implement integrated development projects for territories. In an administrative manner, when the decision is made «from above» by a public authority and the copyright holders of real estate objects do not participate in the implementation of the project. And in private, when property rights holders can take the initiative and independently participate in the development of the territories on which their land plots are located. The development of territories privately, in the presence of the initiative of property rights holders, their organizational and financial participation, is the preferable way of integrated development of territories, since it reduces the burden on state and municipal budgets and minimizes the risks of public conflicts. At the same time, the current legislation seems to pay insufficient attention to the legal regulation of the integrated development of territories on an initiative basis.

Materials and methods: determined by the range of scientific problems to be solved, which are focused on identifying and resolving practical and theoretical problems of integrated development of territories in the presence of the initiative of copyright holders. The article uses methods: descriptive, analysis and synthesis, classification, etc. Research materials reflected in scientific articles have been studied.

Results of the study: allowed the author to identify current problems of legal regulation of relations for the integrated development of territories that arise in connection with the presence of the initiative of land rights holders, as well as to propose ways to resolve such problems.

Findings and conclusions: the regulation of relations for the integrated development of territories arising in connection with the presence of the initiative of the right holders of land plots is imperfect and requires the elimination of gaps in legal regulation.

Keywords: integrated development of the territory, development of territories at the initiative of rights holders, urban planning, land management systems, information systems for supporting urban planning activities.

For citation: Markelov G. A. Initiative of land rights estate holders at the institute of integrated development of the territory / G. A. Markelov // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 38–44.

Сегодня институт комплексного развития территории (далее – КРТ) имеет социально-экономическое значение для развития строительной отрасли и всей Российской Федерации в целом. Один из приоритетных способов применения механизма КРТ – формирование комфортной городской среды и благоустройство населенных пунктов. Из стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства следует, что институт КРТ будет активно использоваться для обновления жилья, расселения ветхого и аварийного фонда, а также выполнения целевых показателей по объемам жилищного строительства [1].

Документы стратегического планирования определяют значительную роль КРТ в эффективном преобразовании территорий и достижении целевых показателей, т. к. данный институт предусматривает механизмы, позволяющие значительно сокращать финансовые и временные издержки, неминуемо возникающие в связи с освоением территорий. Кроме того, институт КРТ предусматривает возможности распределения затрат, необходимых для реализации государственных и муниципальных строительных программ. Названные преимущества института КРТ во многом способствуют качественной трансформации территорий, созданию современной инфраструктуры, ускорению темпов строительства.

На возможность или невозможность реализации конкретного проекта, а также ритмы строительства влияние оказывают процедуры, которые девелопер должен пройти в рамках инвестиционно-строительного цикла. Действующее правовое регулирование предусматривает некоторое количество вариантов конструирования конкретного проекта КРТ. Отметим, что не всегда целесообразность реализации проекта КРТ обусловлена лишь потенциальной экономической выгодой. Действительно, экономические факторы зачастую являются основными при принятии решения. Вместе с тем возможны ситуации, когда принятие решения о развитии территории обусловлено, например, политическим, а не экономическим мотивом.

Сегодня есть возможность развития территории как в административном порядке, когда решение принимается «сверху», так и в договорном, когда правообладатели самостоятельно берут на себя обязательства по развитию территории. Таким образом, реализация проектов КРТ может осуществляться по решению двух категорий субъектов – органов публичной власти¹ или правообладателей земельных участков.

Осуществление КРТ по решению органов публичной власти может иметь место в трех случаях, при: 1) КРТ жилой застройки; 2) КРТ не жилой застройки; 3) КРТ незастроенной территории.

Начало процедуры по развитию территории начинается с подготовки проекта решения о КРТ (при КРТ жилой и не жилой застройки) и принятия самого решения о КРТ, которое является официальным правовым актом.

У правообладателей объектов недвижимости для развития территорий нет необходимости в принятии таких решений. Точнее они должны подготовить некий проект

¹Под органами публичной власти в настоящей статье будут пониматься Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, а также органы местного самоуправления.

решения и принять его (чтобы определить цели, которые должны быть достигнуты по результатам КРТ, определить судьбу преобразуемой территории), но оно не должно оформляться официально. Так, ни Градостроительный Кодекс Российской Федерации (далее – ГрК РФ), ни иные нормативные правовые акты не предъявляют требований к способу оформления решения. Более того, кодексу не известна категория «решение правообладателей о развитии территории». Таким образом, само решение может быть лишь замыслом правообладателей объектов недвижимости и не должно принимать форму документа, тем более нормативного правового акта.

На наш взгляд, развитие территорий должно происходить преимущественно по инициативе частных лиц, потому что в таком случае минимизируются риски возникновения конфликтов по поводу прав на земельные участки. Правообладатели получают относительную самостоятельность при решении вопросов «что», «где» и «как» строить и могут разработать проект, который будет отвечать их собственным, а также общественным требованиям. Такой механизм обеспечивает оптимальный баланс частных и публичных интересов. Кроме того, сокращается количество процедур, которые должен пройти девелопер для реализации проекта, что обеспечивает быстрое преобразование территорий.

В настоящее время правообладатели могут проявить инициативу для развития территории при КРТ двух видов: 1) КРТ по инициативе правообладателей; 2) КРТ нежилой застройки. При этом следует отметить, что при КРТ нежилой застройки правообладатели проявляют довольно условную инициативу – они могут поддержать принятый проект решения органа публичной власти и в рамках условий, определенных таким проектом решения, реализовать развитие территории самостоятельно.

Таким образом, правообладатели объектов недвижимости могут проявить довольно условную инициативу, особенно в ситуациях, когда проектом решения о КРТ подробно определены технико-экономические показатели и указано назначение зданий. Фактически при КРТ нежилой застройки органы публичной власти ставят их перед фактом необходимости реализации проекта КРТ под угрозой прекращения прав на объекты недвижимости.

В отличие от КРТ нежилой застройки при КРТ по инициативе правообладателей имеет место абсолютная инициатива правообладателей объектов недвижимости. В данном случае для запуска процедуры по развитию территории решение органа публичной власти о КРТ не требуется. Напротив, правообладатели сами выступают с заранее подготовленной инициативой и обращаются в органы публичной власти с предложением заключить договор о КРТ, предварительно достигнув соглашения между собой.

В презентации, подготовленной Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации к семинару-совещанию «Механизм комплексного развития территорий. Итоги двух лет. Перспектива», сообщается, что всего за два года было принято 345 решений о КРТ. Градостроительный потенциал таких решений составляет 52,1 млн квадратных метров. За этот же период заключено 118 договоров о КРТ с градостроительным потенциалом 19,35 млн квадратных метров [2]. Также на момент подготовки презентации в работе было 292 проекта, 118 из которых должны были быть реализованы по инициативе правообладателей.

Таким образом, довольно значительная доля территорий развивается по частной инициативе. Вместе с тем текущее правовое регулирование имеет, на наш взгляд, некоторые недостатки и может быть скорректировано для совершенствования процедур развития территорий по инициативе правообладателей и стимулирования таких правообладателей преобразовывать территории в рамках института КРТ.

Отметим некоторые проблемы, которые, на наш взгляд, сдерживают проявление инициативы правообладателей для развития территорий.

Крайне актуальным видится вопрос определения границ территорий, в отношении которых возможно осуществление КРТ. Так, согласно ч. 5.1 ст. 30 ГрК РФ, по общему правилу, любые проекты КРТ могут быть реализованы на территориях, в границах которых картой градостроительного зонирования предусматривается осуществление КРТ.

Вместе с тем ч. 5.2 ст. 30 ГрК РФ предусматривает исключение из названного правила. Согласно данному положению, возможно инициировать комплексное развитие любых

территорий, в том числе и тех, которые в соответствии с правилами землепользования и застройки не относятся к территориям, в отношении которых возможно их комплексное развитие. Однако запустить процесс КРТ в отношении таких территорий могут только органы публичной власти, так как только они, согласно ГрК РФ, могут принимать решения о развитии территорий. Правообладатели объектов недвижимости, как было отмечено выше, решения о КРТ не принимают и для реализации КРТ по инициативе правообладателей (как вида КРТ) отсутствует необходимость принятия решения о КРТ.

Таким образом, КРТ жилой и нежилой застройки, а также комплексное развитие незастроенной территории можно осуществлять в отношении любых территорий, как включенных в зону КРТ, так и не включенных. При этом при КРТ по инициативе правообладателей развитие территории возможно только при условии, что она располагается в границах зон, в которых предусматривается осуществление КРТ. В случае если земельные участки не входят в границы территории, в отношении которой возможно осуществление деятельности по КРТ, правообладатели будут вынуждены обратиться в органы публичной власти с целью внесения изменений в правила землепользования и застройки. При этом необходимость внесения изменений может существенно увеличить сроки реализации девелоперского проекта, т. к. процедура является довольно трудной и может занимать долгое время, о чем ранее упоминалось в других исследованиях [3, с. 41–52].

Такое ограничение, представляется, сдерживает возможности преобразование территорий, занятых смешанной застройкой (например, на которой одновременно располагаются незастроенные земельные участки, а также участки, занятые жилыми домами и нежилыми зданиями). Комплексное развитие смешанных территорий, согласно требованиям действующего законодательства Российской Федерации, возможно только в рамках КРТ по инициативе правообладателей, т. к. это единственный вид КРТ, выделенный законодателем в нарушение единства классификационных критериев, не по признакам наличия и типа застройки [4, с. 84–89]. При этом необходимость вносить изменения в правила землепользования и застройки с целью распространения на такую территорию зоны КРТ может существенно осложнить или даже сделать невозможным реализацию такого проекта.

Другая крайне актуальная проблема, во многом сдерживающая развитие территорий по инициативе правообладателей, – требования п. 4 ч. 7 ст. 66 ГрК РФ. Согласно данному положению, все правообладатели объектов недвижимости, расположенной в границах территории, подлежащей КРТ согласно проекту решения о КРТ, должны согласовать условия развития такой территории в течение сорока пяти дней со дня получения предложения о заключении договора о КРТ. При этом согласно ч. 7.1 ст. 66 ГрК РФ, если в течение шестидесяти дней в орган публичной власти не будет представлено соглашение о разграничении обязанностей по осуществлению мероприятий по КРТ, органы публичной власти, подготовившие проект решения о КРТ, вправе принять решение о самостоятельной реализации развития территории.

Таким образом, согласно ст. 66 ГрК РФ у правообладателей есть только шестьдесят дней для того чтобы уведомить орган публичной власти о самостоятельном развитии территории и представить соглашения о разграничении обязанностей по осуществлению мероприятий по КРТ.

Названные нормы ст. 66 ГрК РФ не представляют собой большой проблемы в случае, если в границах территории расположены земельные участки только одного правообладателя. Однако крайне острая проблема возникает в ситуациях, когда в границах территории расположены земельные участки сразу нескольких правообладателей (особенно, если речь идет о нескольких десятках или даже сотнях таких правообладателей). Проблема обусловлена крайне сжатыми сроками для оформления соглашения о разграничении обязанностей по осуществлению мероприятий по КРТ.

Вместе с тем следует отметить, что шестидесятидневный срок начинается с момента направления органом публичной власти в адрес правообладателей объектов недвижимости предложения о заключении договора о КРТ нежилой застройки. При этом у правообладателей (вне зависимости от того один ли он или их несколько) есть сорок пять дней для принятия решения с момента получения письма от органа публичной власти.

При этом не всегда правообладатели объектов недвижимости проживают в таких объектах. В силу разных обстоятельств место проживания правообладателя может не совпадать с местом расположения объекта недвижимого имущества, в связи с чем органам публичной власти будет необходимо направлять предложения о заключении договора о КРТ нежилой застройки в другие населенные пункты.

Направление таких предложений почти всегда будет осуществляться путем отправки писем с использованием почтовой связи. Приказом Минцифры России от 29.04.2022 № 400 утверждены нормативы частоты сбора письменной корреспонденции из почтовых ящиков, нормативы ее обмена, перевозки и доставки, а также контрольные сроки пересылки письменной корреспонденции. Согласно приложению № 1 к названному приказу, максимальный нормативный срок, необходимый для доставки писем между населенными пунктами, не являющимися труднодоступными, в ряде случаев составляет семнадцать дней (не был учтен, очевидно, ошибочный срок в семьдесят семь дней для доставки письма из Белгорода в Ставрополь, указанный в таблице 6). Таким образом, на практике могут возникнуть ситуации, когда шестидесятидневный срок, указанный в ч. 7.1 ст. 66 ГрК РФ, наступит ранее сорока пяти дневного срока, определенного п. 4 ч. 7 ст. 66 ГрК РФ.

Также проблема сроков проявляется в ситуации, когда в границах территории расположены объекты недвижимого имущества сразу нескольких правообладателей и им необходимо достичь консенсуса о порядке осуществления КРТ нежилой застройки. Особенно актуальна эта проблема, если хотя бы один из правообладателей является физическим лицом.

Так, ранее вопрос поиска актуальных контактов данных правообладателей соседних земельных участков мог быть решен путем заказа выписки Единого государственного реестра недвижимости. Однако Федеральным законом от 14.07.2022 № 266-ФЗ были введены положения, которые с одной стороны обеспечивают дополнительную защиту персональных данных граждан, а с другой значительно ограничивают возможность получения сведений в отношении физических лиц, являющихся правообладателями объектов недвижимого имущества. Таким образом, третьи лица (в том числе один из правообладателей земельного участка в границах территории, подлежащей КРТ нежилой застройки согласно проекту решения органа публичной власти, который хочет осуществить ее развитие самостоятельно), по общему правилу, не могут получить доступ к контактным данным своих соседей, чтобы заключить с ними соглашение о разграничении обязанностей по осуществлению мероприятий по КРТ. В аналогичной ситуации окажется и правообладатель земельного участка, который хочет осуществить развитие территории в рамках КРТ по инициативе правообладателей (как вида КРТ). Единственной разницей будут последствия недостижения соглашения о разграничении обязанностей по осуществлению мероприятий по КРТ в установленные ГрК РФ сроки.

Целесообразным является формирование информационных систем, обеспечивающих решение поставленной проблемы.

Аргументом за формирование таких информационных систем также являются выводы, содержащиеся в документах стратегического планирования по оценке текущего состояния сферы управления земельными ресурсами Российской Федерации. Так, в них говорится о том, что система сбора информации об объектах недвижимости в полной мере не обеспечивает достоверность и сопоставимость сведений. Это в свою очередь приводит к отсутствию единой базы данных, содержащей информацию обо всех объектах недвижимости. Сложившаяся ситуация в определенной степени является причиной низкой эффективности управления объектами недвижимости, земельными ресурсами и территориями. Кроме того, такое положение является причиной неэффективного расходования бюджетных средств (по причине необходимости сбора одних и тех же данных), а также риска принятия неверных управленческих решений, возникновения общественных конфликтов [5].

Формирование информационных систем представляется возможным на базе государственных информационных систем обеспечения градостроительной деятельности, единой информационной системы, а также систем управления земельными ресурсами.

В рамках единой концепции формирования таких информационных систем предлагается работа в нескольких направлениях. В рамках первого направления органы публичной

власти могут формировать сообщества правообладателей объектов недвижимого имущества, расположенного в границах одного муниципального образования или элемента планировочной структуры, наподобие того, что предлагается сейчас собственникам помещений в многоквартирных домах сервисом «Госуслуги.Дом». Однако предполагается, что на популяризацию и формирование такого сервиса уйдет некоторое количество времени, которое может измеряться несколькими годами.

Вместе с тем для решения обозначенной проблемы выявления правообладателей объектов недвижимого имущества, расположенного в границах территории, в отношении которой принято решение о КРТ нежилрой застройки, требуется оперативное решение. В связи с этим предлагается работа над вторым направлением. В рамках данного направления предлагается усовершенствовать процедуру направления предложения о заключении договора о КРТ нежилрой застройки. Органам публичной власти вместе с направлением такого предложения следует также направлять приглашение для регистрации в информационной системе. Таким образом, правообладатели, у которых есть заинтересованность в осуществлении КРТ своими силами, регистрируются на электронной платформе и получают возможность для согласования условий осуществления мероприятий по КРТ.

Кроме того, в рамках работы с информационной системы правообладатели могли бы получить методические рекомендации по конструированию соглашения (механизм «конструктора договора»). Также в рамках работы с электронной платформой правообладателям объектов недвижимости следует предоставить возможность подписать сформированное соглашение о разграничении обязанностей по осуществлению мероприятий по КРТ и согласие на заключение договора о КРТ нежилрой застройки в электронной форме, с использованием электронных подписей, а также обеспечить возможность направления таких электронных документов в адрес компетентных органов публичной власти.

Представляется, что такая организация работы информационной системы обеспечивает решение сразу нескольких задач. Во-первых, значительно облегчает задачу выявления правообладателей, во-вторых, обеспечивает создание площадки для обсуждения правообладателями объектов недвижимости целесообразности реализации проекта о КРТ собственными силами, в-третьих, обеспечивает методическую помощь по составлению соглашения о разграничении обязанностей по осуществлению мероприятий по КРТ, в-четвертых, облегчает процедуру подписания такого соглашения и направления в органы публичной власти документов для реализации КРТ в инициативном порядке в установленные законодательством сроки.

Кроме того, сведения, материалы и документы, которые загружены в информационную систему, могут быть использованы субъектами градостроительной деятельности для защиты их прав в случае возникновения спорных ситуаций.

Таким образом, разработка таких информационных систем решает задачи упрощения, облегчения и создания комфортных условий для электронного взаимодействия между органами публичной власти и правообладателями объектов недвижимого имущества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» // СЗ РФ. 2022. № 45. Ст. 7815.
2. Механизм комплексного развития территорий. Итоги двух лет. Перспектива. URL: https://disk.yandex.ru/d/CdM6-RUxg_nZ9Q (дата обращения: 08.05.2024).
3. Бандорин Л.Е., Башарин А.В. «О предоставлении земельных участков при комплексном развитии территории по инициативе правообладателей» // Закон. 2021. № 11.
4. Кирсанов А.Р. Виды комплексного развития территорий // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 4.
5. Постановление Правительства РФ от 01.12.2021 № 2148 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Национальная система пространственных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 50 (часть IV). Ст. 8542.

REFERENCES

1. Order of the Government of the Russian Federation dated 31.10.2022 № 3268-r «On approval of the Development Strategy of the construction industry and housing and communal services of the Russian Federation for the period until 2030 with a forecast until 2035» // SZ RF. 2022. № 45. Art. 7815.
2. Mechanism for integrated development of territories. Results of two years. Perspective. URL: https://disk.yandex.ru/d/CdM6-RUxg_nZ9Q (date of access: 08.05.2024).
3. Badorin L.E., Basharin A.V. «On the provision of land plots during the integrated development of the territory at the initiative of right holders» // Law. 2021. № 11.
4. Kirsanov A.R. Types of integrated development of territories // Property relations in the Russian Federation. 2021. № 4.
5. Decree of the Government of the Russian Federation of 01.12.2021 № 2148 «On approval of the state program of the Russian Federation «National system of spatial data» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. № 50 (part IV). Art. 8542.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркелов Глеб Александрович, аспирант. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Markelov Gleb Alexandrovich, postgraduate student. Lomonosov Moscow State University. 1, p. 13, Leninskie gory, Moscow, GSP-1 119991 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.9

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

Можаева Ирина Павловна

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация
mirina-crim@yandex.ru

Введение: в современных условиях модернизации и цифровой трансформации правоохранительных органов формирование эффективной системы ведомственного контроля за деятельностью в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России, Министерство) путем выработки централизованного и унифицированного подхода к правовому регулированию, организации контроля за деятельностью подчиненных органов, организаций и подразделений системы МВД России, который реализуется в различных формах и видах, является приоритетным и стратегически значимым направлением совершенствования управленческой деятельности.

Как показывает сложившаяся практика в рамках формирования организационно-правового и научно-методического механизмов ведомственного контроля в системе МВД России актуализировалась потребность в проведении исследования состояния контроля за деятельностью подчиненных органов, организаций и подразделений и выстраиванию оптимальной системы ведомственного контроля, исходя из объекта и предмета контроля, субъекта контроля и его полномочий.

Материалы и методы: представлены общенаучными и частнонаучными методами познания явлений и процессов объективной действительности, присущими современной науке. В качестве основополагающего использован общенаучный метод диалектического познания, из частных методов – историко-правовой, сравнительно-правовой, статистический.

Результаты исследования: цель исследования заключается в изучении современного состояния правового регулирования и сложившейся практики организации ведомственного контроля за деятельностью органов, подразделений и организаций системы МВД России и его дальнейших тенденций.

Анализ эмпирической базы позволил всесторонне познать современное состояние, сформировать теоретические положения, а также вычлнить и изучить проблемы организационно-правового и научно-методического характера, присущие организации ведомственного контроля за деятельностью органов, подразделений и организаций системы МВД России.

Выводы и заключения: представляется, что формирование эффективной системы ведомственного контроля в МВД России путем выработки централизованного и унифицированного подхода к правовому регулированию, организации и реализации различных видов контрольной деятельности за органами, подразделениями и организациями системы МВД России – сложный, многоэтапный и длительный процесс.

На сегодняшний день в Министерстве осуществлен значительный объем мероприятий, направленных на выстраивание организационно-правового механизма ведомственного контроля, систематизацию его правового регулирования. Вместе с тем не все вопросы ведомственного контроля можно считать решенными в полном объеме. До настоящего времени в системе Министерства сохраняются объекты и направления деятельности, контроль за которыми должным образом не установлен и в полном объеме не осуществляется. В этой связи, в научной статье выделены типичные проблемы контроля в системе МВД России, требующие незамедлительного разрешения.

Ключевые слова: контроль, ведомственный контроль, деятельность органов, подразделений и организаций системы МВД России, организационно-правовой механизм.

Для цитирования: Можаева И. П. Современное состояние организации ведомственного контроля в системе МВД России / И. П. Можаева // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 45–52.

Original paper

CURRENT STATE OF THE ORGANIZATION OF DEPARTMENTAL CONTROL IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Mozhaeva Irina Pavlovna

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: in the current conditions of modernization and digital transformation of law enforcement agencies, the formation of an effective system of departmental control over the activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry) by developing a centralized and unified approach to legal regulation, organizing control over the activities of subordinate bodies, organizations and units of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which is implemented in various forms and types, is a priority and strategically significant direction for improving management activities. As the established practice shows, within the framework of the formation of organizational, legal and scientific-methodological mechanisms of departmental control in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the need has become urgent to conduct a study of the state of control over the activities of subordinate bodies, organizations and units and to build an optimal system of departmental control, based on the object and subject of control, the subject of control and its powers.

Materials and methods: presented by general scientific and specific scientific methods of cognition of phenomena and processes of objective reality inherent in modern science. The general scientific method of dialectical cognition was used as a fundamental one, and the specific methods included historical and legal, comparative legal, and statistical methods.

Results of the study: the purpose of the research is to study the current state of legal regulation and the established practice of organizing departmental control over the activities of bodies, divisions, and organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs system and its future trends.

The analysis of the empirical base allowed us to comprehensively understand the current state, formulate theoretical provisions, and also identify and study the problems of an organizational, legal, and scientific-methodical nature inherent in the organization of departmental control over the activities of bodies, divisions, and organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs system.

Findings and conclusions: it seems that the formation of an effective system of departmental control in the Russian Ministry of Internal Affairs by developing a centralized and unified approach to legal regulation, organizing and implementing various types of control activities over bodies, divisions, and organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs system is a complex, multi-stage, and lengthy process.

To date, the Ministry has implemented a significant number of measures aimed at building an organizational and legal mechanism for departmental control, systematizing its legal regulation. At the same time, not all issues of departmental control can be considered fully resolved. To date, the Ministry's system retains objects and areas of activity, control over which has not been properly established and is not fully implemented. In this regard, the scientific article highlights typical control problems in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia that require immediate resolution.

Keywords: control, departmental control, activities of bodies, divisions and organizations of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, organizational and legal mechanism.

For citation: Mozhaeva I. P. Current state of the organization of departmental control in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia / I. P. Mozhaeva // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 45–52.

Проводимая на протяжении последних десятилетий модернизация и цифровая трансформация системы МВД России проходит в русле формирования современной, унифицированной, централизованной правоохранительной и правоприменительной системы государственных органов исполнительной власти.

Реформа милиции, формирование идеологических, правовых и организационных основ создания полиции, оптимизация штатной численности органов внутренних дел (далее – ОВД) и их полномочий¹, изменение организационной структуры центрального аппарата МВД России и его территориальных органов, пересмотр механизма правового регулирования их деятельности – это действия, направленные на формирование социализированной модели органов правопорядка [7].

¹Об оптимизации полномочий органов внутренних дел Российской Федерации: докладная записка на имя Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В.А. Колокольцева (рег. ДДО от 06.03.2023 № 6979)

Последовательность мероприятий, проводимых на государственном уровне, и их ожидаемый результат не могут быть достигнуты без построения модели организационно-правового механизма контроля за деятельностью органов, подразделений и организаций системы МВД России.

Важно обратить внимание, что современное состояние организации ведомственного контроля в системе МВД России можно всесторонне исследовать, имея сформированные теоретические знания в этой области, касающиеся категориально-понятийного аппарата, унифицированной классификации видов контроля, специфики отдельных направлений подконтрольной деятельности и т. д. В первоисточниках встречаются различные трактовки термина «контроль», которые, как правило, определяют его через социальную функцию, управленческие функции, деятельность, воздействие и др.

Контроль – это функция социального управления. Основу контроля составляет целенаправленная, систематизированная деятельность уполномоченных субъектов управления по наблюдению, проверке, воздействию на объекты управления.

Ожидаемым результатом данной деятельности является выявление состояния объекта управления, оценка соответствия функционирования объекта установленным нормативными правовыми актами требованиям, принятым управленческим решениям.

В рамках осуществления контроля субъект управления вырабатывает и реализует комплекс научно обоснованных мер правового, организационно-управленческого и научно-методического характера по эффективному воздействию на объект управления с целью профилактики, выявления отклонений от нормы, нейтрализации либо минимизации риска и последствий данных отклонений, устранения недостатков (нарушений, ошибок), препятствующих его оптимальному функционированию [5, с. 220].

Под государственным контролем (надзором), муниципальным контролем в Российской Федерации понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений².

Государственный контроль направлен на достижение общественно значимых результатов, связанных с минимизацией риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, вызванного нарушениями обязательных требований. При этом чрезвычайно важны систематизация контрольной деятельности, предоставление субъектам контроля достаточных полномочий при его осуществлении, обеспечение необходимого уровня государственного контроля за деятельностью всех объектов управления.

Следует обратить внимание, что унифицированная классификация видов государственного контроля в настоящее время нормативно не закреплена. Это негативно отражается на правоприменении субъектами контроля значительного количества видов и форм контроля за многочисленными направлениями деятельности, осуществляемой объектами контроля. Анализ правового регулирования государственного контроля позволяет выделить различные основания его классификации [10].

В зависимости от объема и содержания:

- общий контроль (охватывает все направления деятельности объекта контроля);
- межотраслевой (надведомственный) (охватывает направления деятельности объекта контроля надведомственной компетенции);
- отраслевой (ведомственный) контроль (охватывает направления деятельности объекта контроля ведомственной компетенции);
- специальный контроль (осуществляется по отдельному направлению деятельности либо по конкретному вопросу – финансовый, таможенный, санитарный, экологический и др.).

В зависимости от субъекта контрольной деятельности:

- контроль Президента Российской Федерации;
- контроль органов представительной (законодательной) власти;
- контроль органов исполнительной власти;
- контроль органов судебной власти.

²О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // СЗ РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5007.

В зависимости от направленности:

- внешний контроль (осуществляется в отношении объектов, непосредственно не подчиненных контролирующему органу);
- внутренний (внутрисистемный) контроль (осуществляется в пределах системы отдельного органа исполнительной власти или иного органа – ведомственный контроль).

В зависимости от стадий осуществления:

- предварительный контроль;
- текущий контроль;
- последующий контроль.

В зависимости от временного режима:

- постоянный (систематический);
- временный (периодический).

Формы контроля: документальный – мониторинг ситуации в подконтрольном объекте на основании данных, содержащихся в документах (первичных и сводных); фактический – проверка на основании обследования, осмотра, обмера, пересчета, взвешивания, лабораторного анализа, экспертизы, контрольного запуска сырья и материалов в производство и другими способами аналогичного содержания.

Однако в МВД России данная терминология интерпретируется в ином смысле: под документальным контролем подразумевается мониторинг отдельных направлений оперативно-служебной деятельности в подконтрольном органе, подразделении, учреждении на основании документов, без выезда; под фактическим – проверка объекта контроля по месту его дислокации. В дальнейшем в настоящей научной статье используется терминологическая трактовка, принятая в МВД России.

Органы исполнительной власти осуществляют:

- общий контроль – обследование деятельности различных органов исполнительной власти со стороны органов исполнительной власти общей компетенции: Правительства Российской Федерации, правительств республик, входящих в Российскую Федерацию, и других субъектов Российской Федерации, имеющих правительство, администраций краев, областей, иных субъектов Российской Федерации;
- межотраслевой (надведомственный) контроль – осуществляется в целях обеспечения единообразного решения комплексных задач, относящихся к ряду отраслей управления, органами исполнительной власти надведомственной компетенции; если между субъектами и объектами контрольной деятельности отсутствует организационная подчиненность;
- отраслевой (ведомственный) контроль – осуществляется внутри той или иной отрасли в отношении подчиненных органов и организаций всеми федеральными органами исполнительной власти отраслевой, межотраслевой и специальной компетенции [10].

Контроль представляет собой непрерывный, целенаправленный, систематизированный процесс управленческого воздействия на объект контроля, осуществляемый уполномоченными субъектами контроля в интересах государства и общества.

Ведомственный контроль в системе МВД России – внутренний (внутрисистемный) контроль, осуществляемый наделенными соответствующими полномочиями должностными лицами системы МВД России за надлежащим выполнением сотрудниками органов, организаций и подразделений МВД России требований законодательных и иных нормативных правовых актов, директивных, организационно-распорядительных, планирующих и иных документов, актов территориальных органов МВД России, организаций и подразделений, обеспечением соответствия оперативно-служебной деятельности поставленным задачам и оперативной обстановке [6].

Цель ведомственного контроля – обеспечение соблюдения органами, организациями и подразделениями МВД России требований законодательства Российской Федерации, актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов МВД России, регулирующих деятельность органов, организаций и подразделений МВД России, а также исполнения управленческих решений, принимаемых руководством МВД России.

Построение унифицированной, иерархически структурированной системы контроля в МВД России путем выработки централизованного и унифицированного подхода к правовому регулированию, организации и реализации различных видов контрольной деятельности за структурными подразделениями системы МВД России – сложный и многоэтапный процесс. Еще в прошлом веке, исследуя проблемы в области научной организации труда и управления, государственный и общественный деятель П.М. Керженцев отмечал, что «самое трудное и

самое важное в работе – это поставить правильный контроль над ней» [3, с. 407].

В современных условиях повышения технической оснащенности, развития информатизации органов, организаций и подразделений системы МВД России (с одновременным сокращением ресурсного обеспечения) ведомственный контроль как важнейший элемент системы управления, находится на стадии модернизации и поиска алгоритмов совершенствования правового регулирования и организации контрольной деятельности, внедрении новых, более эффективных и (или) менее затратных форм и методов. В этой связи, в течение последних лет в Министерстве осуществлен значительный объем мероприятий, направленных на выстраивание организационно-правового механизма ведомственного контроля, систематизацию его правового регулирования.

Реализация данных мероприятий достигла положительного эффекта, в том числе, путем разработки в 2008 г. и внедрения Концепции совершенствования контроля за деятельностью органов внутренних дел, в ходе которой были сформированы основы системы ведомственного контроля МВД России, выработаны и утверждены принципы модернизации ведомственного контроля, сохранена вертикаль централизованного контроля, упорядочено планирование проверочных мероприятий, оптимизированы полномочия субъектов контроля, выработаны единые подходы к системе оценки контролируемых органов. Данные концептуальные подходы легли в основу приказа МВД России от 03.02.2012 г., № 77 «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации»³, иных ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих различные виды контрольной деятельности.

Проблемы централизации, унификации и совершенствования системы контроля за деятельностью ОВД поэтапно обсуждались руководством МВД России [2], в том числе, на заседаниях коллегиальных органов, на совещаниях у Министра внутренних дел Российской Федерации, а также становились предметом научно-прикладных исследований [1; 4; 5; 6; 8; 9; 11]. Так, на заседании коллегии МВД России 5 декабря 2014 г. по вопросу «О состоянии ведомственного финансового контроля за целевым и эффективным использованием материальных, финансовых и трудовых ресурсов, обеспечением сохранности денежных средств и материальных ценностей органов внутренних дел, внутренних войск, организаций и подразделений, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России»⁴ были рассмотрены вопросы реформирования системы ведомственного финансового контроля, а также организации и осуществления внутреннего финансового аудита. Во исполнение принятых решений изданы Регламенты осуществления внутреннего финансового аудита и ведомственного финансового контроля в системе МВД России; проведения ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд и др.

Во исполнение заявок подразделений центрального аппарата МВД России образовательными организациями системы МВД России подготовлены ряд научно-исследовательских работ, направленных на модернизацию системы ведомственного контроля, в числе которых: осуществление контроля за состоянием учетно-регистрационной дисциплины в территориальных органах МВД России на региональном и районном уровнях. – М.: Академия управления МВД России. 2016 (заявка ОАД МВД России МВД России).

Совершенствование системы ведомственного контроля в органах внутренних дел МВД России в условиях оптимизации штатной численности: аналитический обзор с предложениями. – М.: Академия управления МВД России. 2018 (заявка ОАД МВД России).

Совершенствование правового регулирования ведомственного контроля за деятельностью федеральных казенных учреждений: аналитический обзор с предложениями. – М.: Академия управления МВД России. 2023 (заявка ОАД МВД России от 23.06.2022 № 5/5-1562).

Организация ведомственного и процессуального контроля в органах предварительного следствия в системе МВД России: методические рекомендации. – М.: Академия управления МВД России. 2023 (заявка Следственного департамента МВД России от 30.09.2022 № 17/2-35721).

Для повышения эффективности научно-методического обеспечения регулярно проводятся семинары-совещания по актуальным вопросам регулирования и организации контрольной деятельности, по итогам которых ОАД МВД России осуществляется систематизация и рассмотрение предложений от подразделений МВД России о внесении изменений в положения инструкции.

³Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 03.02.2012 № 77 // Доступ из справ.правовой системы СТРАС «Юрист».

⁴Решение коллегии МВД России от 05.12.2014 № 3км/2 (утратило силу).

В целях формирования положений новой системы совершенствования ведомственного контроля, ОАД МВД России проведен всесторонний анализ правового регулирования и организации различных видов контрольной деятельности и в 2020 г. подготовлена справка «О состоянии и дальнейшем развитии системы ведомственного контроля в МВД России».

С учетом сложившихся санитарно-эпидемиологических условий во время пандемии было обеспечено реагирование на изменения оперативной обстановки. Так, в целях сохранения субъектами управления должного уровня управленческого воздействия на эффективность оперативно-служебной деятельности объектов управления (подконтрольных органов, организаций и подразделений системы МВД России), было издано не имеющее аналогов ранее распоряжение МВД России от 31.12.2020 г. № 1/15209 «Об утверждении Временного порядка осуществления зонального контроля за деятельностью территориальных органов МВД России». Распоряжением были введены новые формы и методы безвыездной контрольной деятельности, в том числе риск-ориентированный подход в отношении объектов контроля, имеющие перспективы для дальнейшей проработки и апробации.

Как ранее отмечалось, на современном этапе удалось достичь определенных положительных результатов. В этой связи полностью регламентирован и организационно обеспечен порядок осуществления ведомственного контроля за оперативно-служебной деятельностью территориальных органов МВД России, образовательных организаций системы МВД России [6]. Урегулирован порядок контроля и оценки всех основных направлений оперативно-служебной и обеспечивающей деятельности органов внутренних дел, предусмотренных законодательством Российской Федерации о полиции. Отдельными нормативными правовыми актами регламентированы такие виды ведомственного контроля, как финансовый контроль и аудит, контроль в сфере закупок, контроль исполнительской дисциплины, правовой контроль и некоторые другие.

Вместе с тем не все вопросы ведомственного контроля можно считать решенными в полном объеме. В этой связи, к числу типичных проблем контроля в системе МВД России, требующих незамедлительного разрешения, представляется возможным отнести следующие:

1. Отсутствие систематизации и унификации в сфере организации контроля за деятельностью подчиненных органов, организаций и подразделений системы МВД России.

В нормативных правовых актах федерального и ведомственного уровней не отражена единая централизованная система контроля за деятельностью подчиненных органов, организаций и подразделений системы МВД России, отсутствует типовой алгоритм осуществления контрольной деятельности.

2. Головное подразделение МВД России в сфере ведомственного контроля деятельностью подчиненных органов, организаций и подразделений системы МВД России нормативно не определено, централизованное организационно-методическое обеспечение отсутствует.

3. Дуалистический подход к категориально-понятийному аппарату в части осуществления контроля за деятельностью подчиненных органов, организаций и подразделений системы МВД России, который наблюдается в учебных и научных изданиях, в нормативных правовых актах федерального и ведомственного уровней. Как следствие, использование одной и той же категории в разных интерпретациях приводит к неоднозначному восприятию.

При этом во многих ведомственных нормативных правовых актах отсутствует прямое указание на осуществление контроля, используются, но при этом не раскрываются сущностные признаки, следующих формулировок: 1) определяет объем, количество и качество выполнения работ, оказания услуг и осуществляет оценку деятельности; 2) осуществляет организационно-методическое руководство; 3) осуществляет организационно-методическое обеспечение; 4) осуществляет контроль за деятельностью; 5) осуществляет управление.

4. Дуалистический подход, при котором часть нормативных правовых актов ориентирована на контроль за деятельностью отдельных объектов (ОВД, ОВДТ, образовательные организации МВД России), в то время как другими приказами утверждается порядок контроля за отдельными направлениями служебной деятельности.

Как следствие, в системе Министерства сохраняются и объекты, и направления деятельности, контроль за которыми должным образом не установлен и в полном объеме не осуществляется.

5. Наличие пробелов в сфере правового регулирования отдельных направлений контроля за деятельностью подчиненных органов, организаций и подразделений системы МВД России. В этой связи разрозненные виды контрольной деятельности логически не объединены и не систематизированы.

Как показал проведенный в 2020–2023 гг. анализ правового регулирования и организации различных видов контрольной деятельности [6; 12], до настоящего времени в системе Министерства сохраняются объекты и направления деятельности, контроль за которыми должным образом не установлен и в полном объеме не осуществляется.

В том числе значительные пробелы и недоработки выявлены при организации ведомственного контроля, а также непосредственно при осуществлении его за деятельностью ФКУ МВД России. В настоящее время это направление контрольной деятельности не систематизировано, а его правовое и организационное обеспечение носит фрагментарный характер, что не позволяет дать оценку эффективности деятельности ФКУ в полном объеме, а также выявлять и своевременно предотвращать риски и угрозы, связанные с нарушениями законодательства сотрудниками ФКУ, особенно на региональном уровне.

Выявленные типичные проблемы ведомственного контроля в системе МВД России требуют всестороннего анализа их сущности, причин и условий, активизации прикладных и фундаментальных исследований и на их основе выработки первоочередных мер по их разрешению. Вышеуказанные проблемные вопросы и авторская позиция по отдельным направлениям совершенствования ведомственного контроля за деятельностью подчиненных органов, организаций и подразделений системы МВД России будет всесторонне изложена в последующих научных публикациях автора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аникин В.Н. Направления совершенствования правового регулирования управленческой деятельности в органах внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58).
2. Выступление заместителя Министра А.А. Гостева на расширенном заседании коллегии МВД России «Об итогах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел и служебно-боевой деятельности внутренних войск МВД России за 2013 год и задачах на 2014 год (21 марта 2014 г.)» // Вестник МВД России. 2014. № 2.
3. Керженцев П.М. Принципы организации. Избранные произведения. М., 1968.
4. Крупина М.А. Цифровизация ведомственного контроля информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98).
5. Маркина Э.В., Сосновская Ю.Н. Проблемы организации контроля в территориальных органах МВД России. Сущность инспектирования как формы внутриведомственного контроля // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8.
6. О состоянии и дальнейшем развитии системы ведомственного контроля в МВД России: информационно-аналитические материалы подготовлены референтом ОАД МВД России Н.Д. Дугиной (исх. № 5/5-335 от 15.12.2020).
7. Организация управления органами внутренних дел: учебник, 2-е изд., доп. и перераб. под общ. ред. А.М. Кононова и И.Ю. Захватава. М., 2017.
8. Репин А.О некоторых изменениях в порядке осуществления внутреннего финансового контроля // Ревизии и проверки финансово-хозяйственной деятельности государственных (муниципальных) учреждений. 2018. № 4.
9. Семенов Е.Ю. Совершенствование управленческой деятельности в подразделениях МВД России с использованием сервиса электронного документооборота // Научный портал МВД России. М., 2020. № 3(51).
10. Сперанская Л.В. Вопрос-ответ: какие бывают виды государственного контроля? М. 2023.
11. Чимаров С.Ю., Бялт В.С. Правовые и организационные основы ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел // Государственная служба и кадры. 2022. № 2.
12. Совершенствование правового регулирования ведомственного контроля за деятельностью федеральных казенных учреждений: аналитический обзор с предложениями. М., 2023 (заявка ОАД МВД России от 23.06.2022 № 5/5-1562).

REFERENCES

1. Anikin V.N. Directions for improving the legal regulation of management activities in the internal affairs bodies // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2 (58).

2. Speech by Deputy Minister A.A. Gostev at the expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia «On the results of operational and service activities of the internal affairs bodies and service and combat activities of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2013 and tasks for 2014 (March 21, 2014)» // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 2.
3. Kerzhentsev P.M. Principles of organization. Selected works. Moscow, 1968.
4. Krupina M.A. Digitalization of departmental control of information support for the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2 (98).
5. Markina E.V., Sosnovskaya Yu.N. Problems of organizing control in territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The essence of inspection as a form of intradepartmental control // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 8.
6. On the state and further development of the departmental control system in the Ministry of Internal Affairs of Russia: information and analytical materials prepared by the referent of the OAD of the Ministry of Internal Affairs of Russia N.D. Dugina (outgoing № 5 / 5-335 dated 15.12.2020).
7. Organization of management of internal affairs bodies: textbook, 2nd ed., supplemented and revised under the general editorship of A.M. Kononov and I.Yu. Moscow, 2017.
8. Repin A. On some changes in the procedure for implementing internal financial control // Audits and inspections of financial and economic activities of state (municipal) institutions. 2018. № 4.
9. Semenov E.Yu. Improving management activities in the divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia using the electronic document management service // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2020. № 3 (51).
10. Speranskaya L.V. Question and Answer: what are the types of state control? Moscow. 2023.
11. Chimarov S.Yu., Byalt V.S. Legal and organizational foundations of departmental control over the activities of internal affairs bodies // Civil Service and Personnel. 2022. № 2.
12. Improving the legal regulation of departmental control over the activities of federal state-owned institutions: an analytical review with proposals. Moscow, 2023 (application of the OAD of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 23.06.2022 № 5 / 5-1562).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Можаева Ирина Павловна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений. Академия управления МВД России. 125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mozhaeva Irina Pavlovna, Grand PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Activities of Internal Affairs Bodies of the Center for Command and Staff Exercises. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow 125171 Russian Federation.

Научная статья
УДК 342.72.73

РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Николаев Владимир Александрович

Аппарат уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
valdemar1111@gmail.com

Введение: статья посвящена роли уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации как региональных правозащитников по обеспечению права на благоприятную окружающую среду в контексте обобщения и анализа отдельных результатов их деятельности.

Материалы и методы: теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых, включая научные статьи и монографии. В качестве эмпирической основы исследования взяты за основу документы, отражающие деятельность уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации. При подготовке научной статьи использованы общие методы научного познания, а также частнонаучные методы, включая толкование норм права, формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты исследования: автором обоснована ведущая роль уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации в области обеспечения права на благоприятную окружающую среду, выделены основные направления их деятельности как в сфере рассмотрения жалоб граждан, так и в ходе их взаимодействия с органами государственной власти и институтами гражданского общества.

Выводы и заключения: продемонстрирован вектор усиления потенциала региональных правозащитников по защите прав и свобод в деле обеспечения права на благоприятную окружающую среду путем использования предоставленного им законом правового инструментария. Отмечается, что уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации обеспечивается право на благоприятную окружающую среду не только как институтом, рассматривающим жалобы граждан, но и в качестве экспертного органа, деятельность которого способствует совершенствованию государственной экологической политики на уровне субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: защита прав и свобод человека, правозащита, благоприятная окружающая среда, уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации, правозащитники.

Для цитирования: Николаев В. А. Роль уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации в обеспечении права на благоприятную окружающую среду / В. А. Николаев // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 53–60.

Original paper

THE ROLE OF HUMAN RIGHTS COMMISSIONERS IN THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ENSURING THE RIGHT TO A FAVORABLE ENVIRONMENT

Nikolaev Vladimir Alexandrovich

Office of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the role of human rights commissioners in the constituent entities of the Russian Federation as regional human rights defenders in ensuring the right to a favorable environment in the context of generalization and analysis of individual results of their activities.

Materials and methods: the theoretical basis of the study was formed by the works of Russian scientists, including scientific articles and monographs. The empirical basis of the study was based on documents reflecting the activities of human rights commissioners in the constituent entities of the Russian Federation. In preparing the scientific article, general methods of scientific knowledge were used, as well as specific scientific methods, including the interpretation of legal norms, formal legal and comparative legal.

Results of the study: the author substantiated the leading role of human rights commissioners in the constituent entities of the Russian Federation in ensuring the right to a favorable environment, highlighted the main areas of their activities both in the field of considering citizens' complaints and in the course of their interaction with government bodies and civil society institutions.

Findings and conclusions: the vector of strengthening the potential of regional human rights defenders in protecting rights and freedoms in ensuring the right to a favorable environment by using the legal instruments provided to them by law is demonstrated. It is noted that human rights commissioners in the constituent entities of the Russian Federation ensure the right to a favorable environment not only as an institution considering citizens' complaints, but also as an expert body whose activities contribute to the improvement of state environmental policy at the level of the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: protection of human rights and freedoms, human rights protection, favorable environment, human rights commissioners in the constituent entities of the Russian Federation, human rights defenders.

For citation: Nikolaev V. A. The role of human rights commissioners in the constituent entities of the Russian Federation in ensuring the right to a favorable environment / V. A. Nikolaev // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 53–60.

Проблемы, возникающие в экологической сфере, в последнее время приобретают особую актуальность.

В ракурсе научных исследований разработки в области обеспечения устойчивого развития [1, с. 55], концептуальные вопросы экологии человека [2], в том числе экологической культуры [3], и многие другие вопросы, находящиеся в русле решения экологических проблем современности.

Современная действительность показала ряд серьезных экологических проблем, для разрешения которых необходим комплекс мер правового характера, обеспечиваемых институтами публичной власти.

Само законодательное понимание благоприятной окружающей среды приводится в ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [4]. В любом случае право на благоприятную окружающую среду, исходя из целей надлежащей правовой защиты данного права, должно конкретизироваться на различных уровнях нормативно-правовой работы государственных органов, начиная от законотворческой деятельности, а заканчивая правоприменительной, включая акты разъяснительного характера.

Благоприятная окружающая среда как многокомпонентная категория включает различные составляющие.

В научной литературе право на благоприятную окружающую среду нередко раскрывается как основополагающий принцип конституционного права [5, с. 172].

Такое понимание, безусловно, создает повышенные условия для действенной гарантированности защиты прав и свобод в этой сфере.

В связи с этим перспективными видятся научные исследования, затрагивающие вопросы конституционной экологизации. Одна из таких концепций представлена в монографии И.А. Умновой-Конюховой и М.А. Вакулы [6, с. 196].

Для целей оценки правозащитной деятельности в области благоприятной окружающей среды используется категория качества, являющаяся основанием для реализации человеком своих субъективных прав, когда какое-либо воздействие на окружающую среду негативно сказывается на жизнедеятельность и экосистему в целом. Вместе с тем сама категория качества по отношению к окружающей среде является весьма неопределенной, что требует в каждом конкретном случае индивидуальной экспертной правовой оценки.

Особое внимание среди органов, обеспечивающих содействие в защите прав человека в области экологии, следует обратить на Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации как федерального органа общей компетенции и на правозащитников регионального уровня – уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации.

Масштабы нарушений прав и свобод человека в контексте обеспечения права на благоприятную окружающую среду возлагает на уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации ответственную миссию, поскольку во многом инициативность и настойчивость правозащитника играют значимую роль в восстановлении прав граждан.

Примечательным является и тот факт, что в Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 г. приведены данные об увеличении в 3 раза количества подтвержденных нарушений по сравнению с 2022 годом. При этом

тематика защиты права на благоприятную окружающую среду достаточно обширна и в докладе обозначены сферы, начиная от вопросов санитарно-эпидемиологического, природоохранного, градостроительного законодательства вплоть до нарушений, допущенных в области законодательства об обращении с твердыми бытовыми отходами [7, с. 49].

Немаловажное значение в обеспечении государственной правозащиты по обеспечению соблюдения права на благоприятную среду имеет создание условий по недопущению нарушений норм действующего законодательства, предъявляющего определенные требования к регулированию нормативов качества состояния окружающей среды.

Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой при определении состояния и путей повышения гарантий прав человека на благоприятную окружающую среду делается акцент на превентивных мероприятиях, целью которых выступает минимизация правонарушений экологического характера [8, с. 8].

Действенность мер превентивного характера доказывается в практической плоскости деятельностью региональных уполномоченных, несмотря на тот факт, что Федеральный закон от 18.03.2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» [9] (далее – Федеральный закон № 48-ФЗ) содержит определенные требования к подаче жалобы, согласно которым гражданин вправе обратиться к правозащитнику лишь в том случае, если его права уже нарушены органами государства (см: ч. 6 ст. 9 указанного закона).

Каждый из докладов региональных уполномоченных отличается своими особенностями в зависимости от потребностей субъекта Федерации в создании дополнительных гарантий обеспечения права на благоприятную окружающую среду.

Одним из примеров превентивных мер по вопросам недопущения вредного воздействия на окружающую среду может служить случай, приведенный в Докладе за 2023 г. Уполномоченного по правам человека в Республике Башкортостан. В связи с жалобами жителей села Акбердино Иглинского района региональным правозащитником при помощи взаимодействия с органами прокуратуры удалось добиться вынесения надзорным органом акта прокурорского реагирования в виде предостережения о недопустимости нарушения закона, ввиду планируемой собственником предприятия организации производства, относящегося к 3 классу опасности в границах санитарно-защитной зоны жилой застройки [10, с. 167].

Несмотря на имеющийся положительный опыт защиты прав и свобод, в сфере обеспечения права на благоприятную окружающую среду встречается ряд субъектов Федерации, где региональные правозащитники уделяют недостаточное внимание указанным проблемам.

В отдельных субъектах, например: республиках Дагестан [11], Ингушетия [12] правозащитники ограничиваются в своих докладах за 2023 г. лишь указанием на общие сведения и принимаемые универсальные меры, но одновременно с этим отсутствуют конкретизированные указания на результаты, достигнутые в этой сфере.

Также следует обратить внимание на правозащитников в тех субъектах Федерации, которые в своих докладах приняли решение не выделять соответствующий тематический раздел, посвященный экологии в целом (например: доклады за 2023 г. уполномоченных по правам человека в Удмуртской Республике [13] и Алтайском крае [14]).

Встречаются и такие доклады, где выделяется специальный раздел, посвященный данному праву, даже при условии отсутствия по данной тематике жалоб. Таким примером может послужить доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Хакасия 2023 г., где системно отражается в целом степень защищенности этого права в субъекте Федерации. В данном Докладе описываются нарушения в сфере загрязнения атмосферного воздуха и водных объектов в связи с деятельностью промышленных предприятий, не соблюдающих требования технической документации по разработке месторождений и допускающих самовольное пользование водными объектами [15, с. 48–51]. Можно вполне полагать, что такой прием может быть использован в целях привлечения региональным правозащитником внимания к проблемам, существующим на данный момент в субъекте Федерации и требующим комплексного решения для устранения негативного воздействия на окружающую среду и благоприятные условия жизни человека.

Вместе с тем стоит остановиться более подробно на тех результативных практиках, которые способствовали бы выработке общих принципов защиты прав и свобод в обозначенной сфере. Анализ отдельных докладов за 2023 г. уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации позволяет выделить разные подходы к наименованию этого раздела деятельности, а именно: право на безопасные условия проживания, благоприятную

окружающую среду и пользование природными ресурсами (Ставропольский край [16]), соблюдение прав на благоприятную окружающую среду (Амурская область [17]), право на благоприятные условия проживания (Кировская область [18]), права граждан на жилище и благоприятные и безопасные условия проживания (Магаданская область [19]), обеспечение прав граждан на благоприятную окружающую среду и комфортные условия проживания (Нижегородская область [20]) и др.

Вышеобозначенные подходы к наименованию тематических разделов демонстрируют тесную связь и взаимодействие права на благоприятную окружающую среду с близкими по правовой природе правами. При таком подходе право на благоприятную окружающую среду рассматривается с точки зрения правозащитного подхода в большей степени пространно с акцентом на комплексность и многоаспектность данного права.

В самом общем виде роль уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации заключается в принятии участия в формировании государственно-правовой экологической политики в отдельных субъектах Федерации, т. к. деятельность региональных правозащитников не ограничивается рассмотрением жалоб граждан, а охватывает взаимодействие с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, принятие участия в мероприятиях на уровне общественных советов, а также различного рода экспертных и консультационных структур.

Нередко в докладах региональных правозащитников за 2023 г. можно встретить акцент на такой тематике поступивших жалоб, как нарушение специализированными организациями порядка размещения твердых коммунальных отходов.

Например, Уполномоченным по правам человека в Алтайском крае осуществлена помощь жителям Краснощековского района, по соседству с которыми располагался полигон твердых коммунальных отходов. При этом отходы неправильно складировались, имелось ветхое ограждение территории, а также возникало опасение у жителей относительно возможного возгорания. С помощью взаимодействия уполномоченного по правам человека в регионе с профильным министерством и местной администрацией удалось нормализовать сложившуюся ситуацию. При этом в Докладе отмечается, что работы по устранению допущенных нарушений продолжаются [14, с. 57].

Одной из разноаспектных практик в области соблюдения права на благоприятную окружающую среду представляется деятельность Уполномоченного в Амурской области в Докладе за 2023 г. Наиболее уязвимыми сферами, требующими вмешательства регионального правозащитника, названы следующие: обеспечение чистой питьевой водой, проблемы качества атмосферного воздуха и шумового загрязнения и др. Особое внимание уделено шумовому загрязнению, представляющему один из видов экологических опасностей [17, с. 87].

Следует признать, что шумовое загрязнение в последнее время является актуальной проблемой в связи с плотной застройкой жилых комплексов, да и в целом с осуществлением предпринимательской деятельности, не отвечающей экологическим стандартам и многими другими факторами.

По одной из жалоб заявителя, связанной с нарушениями тишины в связи с шумом, исходящим из помещения, оборудованного под тренажерный зал и располагающегося под жилой квартирой, Уполномоченным по правам человека в Амурской области оказано содействие в установлении дополнительной изоляции, а также выведению из обихода тренажерного зала определенных видов тренажеров, создающих повышенный шум [17, с. 87].

По вопросам шумового загрязнения интересным является пример из практики Уполномоченного по правам человека в Пермском крае, представленный в Докладе за 2023 г. Жалоба жителей деревни Поповка Кунгурского муниципального округа в адрес Уполномоченного была обусловлена деятельностью бетонного завода, создающего повышенное звуковое давление в жилом доме. По результатам измерений выявлены нарушения требований СанПиН, в результате чего при содействии правозащитника компетентными органами приняты необходимые меры реагирования, а в судебном порядке юридическое лицо привлечено к административной ответственности с применением такой меры административного наказания как административное приостановление деятельности [21, с. 181].

Отдельное внимание проблеме загрязнения окружающей среды уделено в Докладе за 2023 г. Уполномоченного по правам человека в Калужской области. Примечательным примером являлась поступившая коллективная жалоба (300 подписантов) из поселка Ферзиково. Согласно обстоятельствам жалобы предприятием ООО «Агрокальций», занимающимся производством кормов для животных, нарушались, по мнению заявителей,

права на благоприятную окружающую среду. Для проверки изложенных доводов региональным уполномоченным направлены запросы в компетентные органы. В результате выявлено, что объект, оказывающий негативное воздействие на окружающую среду, не поставлен на государственный учет; на предприятии выявлено нарушение требований СанПиН в части параметров допустимых концентраций веществ в атмосферном воздухе. Органом прокуратуры вынесено представление об устранении нарушений федерального законодательства [22, с. 232–233]. В дальнейшем постановлениями Калужского районного суда Калужской области, датированными 5 [23] и 7 [24] февраля указанное общество признано виновным в совершении административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 6.3. и ч. 1 ст. 8.2 КоАП Российской Федерации с назначением наказания в виде административного приостановления деятельности.

Еще одним важным направлением деятельности регионального правозащитника, как отмечалось выше, является обсуждение экологических вопросов и возникающих проблем в обеспечении права на благоприятную окружающую среду на общественных и научных площадках.

Достаточно распространенной выступает практика, когда к уполномоченному по правам человека в субъекте Российской Федерации поступает небольшое количество жалоб по указанной тематике, но это в то же время не означает, что в регионе права в экологической сфере в полной мере соблюдены.

Например, Уполномоченный по правам человека в Свердловской области, несмотря на минимальный процент поступивших жалоб (0,5 %) в сфере обеспечения права на благоприятную окружающую среду, обозначенной в докладе за 2023 г., показал необходимость поддержки открытого диалога по обсуждению проблем экологии в регионе. В пример приведены круглые столы по экологической тематике ИННОПРОМа, дискуссионная платформа «Уралроспромэко» [25].

Следует отметить, что наиболее эффективными мероприятиями являются те, где выступают представители промышленной инфраструктуры, поскольку они могли бы учесть рекомендательные резолюции обсуждения в связи с обозначенными региональными проблемами экологического характера.

Еще одним направлением деятельности региональных правозащитников в обеспечении права на благоприятную окружающую среду является совершенствование действующего законодательства и правоприменительной практики.

Как правило, совершенствование правоприменительной практики в докладах связано с дачей рекомендаций компетентным органам по принятию мер реагирования по наиболее востребованным областям экологической защиты. Данные рекомендации чаще всего носят абстрактный характер, включая такие, как принятие дополнительных мер по выявлению организаций, нарушающих права граждан в экологической сфере, усиление мониторинга случаев негативного воздействия на окружающую среду, контроль по соблюдению законодательства при составлении проектной документации и др. [26, с. 113–114].

С учетом правового статуса уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации их основные задачи в области обеспечения защиты права на благоприятную окружающую среду заключаются, прежде всего, в привлечении внимания к проблеме компетентных органов публичной власти путем направления обращений, ходатайств, запросов как в процессе жалобного производства, так и путем задействования мониторинговых механизмов при обобщении, анализе экологического состояния прав и их соблюдения в субъекте Федерации.

Обеспечение права на благоприятную окружающую среду уполномоченными по правам человека в субъекте Российской Федерации, таким образом, может рассматриваться, с одной стороны, как реализация и защита прав гражданина в ходе осуществления процедур жалобного производства, а с другой – в качестве экспертного органа, задающего вектор совершенствования экологической политики в регионе.

Перспективным с учетом проанализированных отдельных экологических кейсов и праввосстановительных процедур уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации по защите прав и свобод видится повышение в практике использования полномочий, предусмотренных п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 11 Федерального закона № 48-ФЗ. Комплексное применение предусмотренных инструментов, обозначенных в данной статье закона, путем направления рекомендаций в органы публичной власти об устранении нарушений, а в случае оставления без внимания предложенных правозащитниками вариантов, обеспечение дальнейшего направления административного искового заявления в суд, позволило бы

выработать положительный опыт взаимодействия с институтами публичной власти по скорейшему решению выявленных проблем при соблюдении разумных сроков, а также обогатить дальнейшие свои отчетные ежегодные доклады интегрированным применением инструментария, повышающего доверие граждан к этому правозащитному институту.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Умнова-Конюхова И.А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. М., 2016.
2. Умнова-Конюхова И.А. Концепции устойчивого развития, экологии человека и качества жизни в международном и национальном эколого-правовом измерениях: до и после пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право. 2021. № 3.
3. Юн Л.В. Экологическая культура – важный компонент при реализации экологических прав граждан // Юрист. 2023. № 12.
4. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Краснова И.О. Право на благоприятную окружающую среду как конституционное и Экологическое право // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105).
6. Вакула М.А., Умнова-Конюхова И.А. Экологическое право в XXI веке: актуальные проблемы, вызовы и решения. М., 2021.
7. Москалькова Т.Н. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 г. URL: <https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio/novosti-upolnomochen-ogo/9a0aa39d-a37b-44f5-9318-3d5a9e0ed387?ysclid=lxzbz4l7keu615540611> (дата обращения: 12.06.2024).
8. Москалькова Т.Н. Право человека на благоприятную окружающую среду: состояние и пути повышения гарантий // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. № 2.
9. Федеральный закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Доклад о соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Республике Башкортостан в 2023 году. URL: <https://upchrb.bashkortostan.ru/documents/reports/546237/C.167> (дата обращения: 22.06.2024).
11. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан в 2023 году. URL: <https://dagombu.ru/activity/11332> (дата обращения: 26.06.2024).
12. Доклад о состоянии соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина и деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия за 2023 году. URL: <https://upch-ingushetia.ru/wp-content/uploads/2024/05/doklad-o-sostoyanii-soblyudeniya-prav-svobod-i-zakonnyh-interesov-cheloveka-i-grazhdanina-i-deyatelnosti-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-respublike-ingushetiya-za-2023-god.pdf> (дата обращения: 26.06.2024).
13. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Удмуртской Республике за 2023 год. URL: <https://ombudsman.udmurt.ru/upload/iblock/5f6/ry0yuhpnm47s0ipbnv12ddariexha0j2.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).
14. Доклад о реализации прав и свобод человека и гражданина на территории региона и деятельности Уполномоченного по правам человека в Алтайском крае в 2023 году. URL: <http://upch.alregn.ru/publikatsii/doklady-o-deyatelnosti-upch-v-ak/?ysclid=lxqdsqxvyz208540566> (дата обращения: 22.06.2024).
15. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Хакасия в 2023 году. URL: <https://ombudsman.r-19.ru/upload/iblock/29d/29dc04a62cfbe0ea74eb7787ccab3815.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).
16. Доклад о состоянии соблюдения прав и свобод человека в Ставропольском крае в 2023 год. URL: <https://stavropol-ombudsman.ru/images/doclad/doklad-2023.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).
17. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Амурской области за 2023 год. URL: <https://www.amurupch.ru/wp-content/uploads/2024/03/Doklad-o-deyatelnosti-UPCH-2023.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).
18. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Кировской области в 2023 году. URL: <http://www.ombudsman.kirov.ru/files/doklad2023.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).
19. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Магаданской области в 2023 году. URL: https://ombudsman.49gov.ru/common/upload/42/editor/file/Doklad_YPCN_za_2023_god.pdf (дата обращения: 22.06.2024).

20. Доклад Уполномоченного по правам человека в Нижегородской области по итогам 2023 года. URL: <http://www.upchnn.ru/reports/2023.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).

21. Уполномоченный по правам человека в Пермском крае. О деятельности Уполномоченного по правам человека в Пермском крае в 2023 году. Ежегодный доклад. Пермь, 2024. URL: <https://ombudsman.perm.ru/docs/dok/annual/?ysclid=lxqexhzozy8585701363> (дата обращения: 22.06.2024).

22. Доклад о соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калужской области и о деятельности Уполномоченного по правам человека в Калужской области в 2023 году / Ю.И. Зельников. URL: <https://ombudsman.kaluga.ru/files/docs/a5633431ae995d1bc4c600c20c508886.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).

23. Постановление Калужского районного суда Калужской области от 5 февраля 2024 г. (дело № 5-2-1/2024). URL: https://kaluga--klg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=112045963&delo_id=1500001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 03.06.2024).

24. Постановление Калужского районного суда Калужской области от 7 февраля 2024 г. (дело № 5-2-2/2024). URL: https://kaluga--klg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=112045962&delo_id=1500001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 03.06.2024).

25. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Свердловской области. 2023. URL: <https://oblgazeta.ru> (дата обращения 22.06.2024).

26. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека, о соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина в Тамбовской области в 2023 году. URL: <https://ombudsman.tmbreg.ru/assets/files/!doklad-25.03.2024.pdf?ysclid=lx7fkvn9qs825601646> (дата обращения: 09.06.2024).

REFERENCES

1. Umnova-Konyukhova I.A. Constitutional law and international public law: theory and practice of interaction. Moscow, 2016.

2. Umnova-Konyukhova I.A. Concepts of sustainable development, human ecology and quality of life in the international and national environmental and legal dimensions: before and after the COVID-19 pandemic // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4. State and law. 2021. № 3.

3. Yun L.V. Environmental culture is an important component in the implementation of environmental rights of citizens // Jurist. 2023. № 12.

4. Federal Law of January 10, 2002 № 7-FZ (as amended on December 25, 2023) «On Environmental Protection». Access from the legal system «ConsultantPlus».

5. Krasnova I.O. The Right to a Favorable Environment as a Constitutional and Environmental Law // Actual Problems of Russian Law. 2019. № 8 (105).

6. Vakula M.A., Umnova-Konyukhova I.A. Environmental Law in the 21st Century: Current Problems, Challenges and Solutions. Moscow, 2021.

7. Moskalkova T.N. Report on the Activities of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation for 2023. URL: <https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio/novosti-upolnomochennogo-9a0aa39d-a37b-44f5-9318-3d5a9e0ed387?ysclid=lxbz4l7keu615540611> (date of access: 12.06.2024).

8. Moskalkova T.N. The human right to a favorable environment: status and ways to improve guarantees // Bulletin of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation № 2.

9. Federal Law of March 18, 2020 № 48-FZ «On Human Rights Commissioners in the Constituent Entities of the Russian Federation». Access from the legal system «ConsultantPlus».

10. Report on compliance with human and civil rights and freedoms in the Republic of Bashkortostan in 2023. URL: <https://upchrb.bashkortostan.ru/documents/reports/546237/C.167> (date of access: 22.06.2024).

11. Report on the activities of the Human Rights Commissioner in the Republic of Dagestan in 2023. URL: <https://dagombu.ru/activity/11332> (date of access: 26.06.2024).

12. Report on the state of observance of the rights, freedoms and legitimate interests of man and citizen and the activities of the Human Rights Commissioner in the Republic of Ingushetia for 2023. URL: <https://upch-ingushetia.ru/wp-content/uploads/2024/05/doklad-o-sostoyanii-soblyudeniya-prav-svobod-i-zakonnyh-interesov-cheloveka-i-grazhdanina-i-deyatelnosti-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-respublike-ingushetiya-za-2023-god.pdf> (date of access: 26.06.2024).

13. Report on the activities of the Human Rights Commissioner in the Udmurt Republic for 2023. URL: <https://ombudsman.udmurt.ru-/upload/iblock/5f6/ry0yuhpnm47s0ipbnv12ddapiexxa0j2.pdf> (date of access: 22.06.2024).

14. Report on the implementation of human and civil rights and freedoms in the region and the activities of the Human Rights Commissioner in the Altai Territory in 2023. URL: <http://upch.alregn.ru/publikatsii/doklady-o-deyatelnosti-upch-v-ak/?ysclid=lxqdsqxvyz208540566> (date of

access: 22.06.2024).

15. Report on the activities of the Human Rights Commissioner in the Republic of Khakassia in 2023. URL: <https://ombudsman.r-19.ru/upload/iblock/29d/29dc04a62cf6e0ea74eb7787ccab3815.pdf> (date of access: 22.06.2024).

16. Report on the state of observance of human rights and freedoms in Stavropol Krai in 2023. URL: <https://stavropol-ombudsman.ru/images/doclad/doklad-2023.pdf> (date of access: 22.06.2024).

17. Report on the activities of the Human Rights Commissioner in Amur Oblast for 2023. URL: <https://www.amurupch.ru/wp-content/uploads/2024/03/Doklad-o-deyatelnosti-UPCH-2023.pdf> (date of access: 22.06.2024).

18. Report on the activities of the Human Rights Commissioner in the Kirov Region in 2023. URL: <http://www.ombudsman.kirov.ru/files/doklad2023.pdf> (date of access: 22.06.2024).

19. Report on the activities of the Human Rights Commissioner in the Magadan Region in 2023. URL: https://ombudsman.49gov.ru/common/upload/42/editor/file/Doklad_YPCH_za_2023_god.pdf (date of access: 22.06.2024).

20. Report of the Human Rights Commissioner in the Nizhny Novgorod Region on the results of 2023. URL: <http://www.upchnn.ru/reports/2023.pdf> (date of access: 22.06.2024).

21. Human Rights Commissioner in the Perm Territory. On the activities of the Human Rights Commissioner in the Perm Territory in 2023. Annual report. Perm, 2024. URL: <https://ombudsman.perm.ru/docs/dok/annual/?ysclid=lxqexhzoy858570-1363> (date of access: 22.06.2024).

22. Report on compliance with human and civil rights and freedoms in the Kaluga Region and on the activities of the Human Rights Commissioner in the Kaluga Region in 2023 / Yu.I. Zelnikov. URL: <https://ombudsman.kaluga.ru/files/docs/a5633431ae995d1bc4c600c20c508886.pdf> (date of access: 22.06.2024).

23. Resolution of the Kaluga District Court of the Kaluga Region dated February 5, 2024 (case № 5-2-1/2024). URL: https://kaluga--klg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=112045963&delo_id=1500001&new=0&text_number=1 (date of access: 03.06.2024).

24. Resolution of the Kaluga District Court of the Kaluga Region dated February 7, I 2024 (Case № 5-2-2/2024). URL: https://kaluga--klg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=112045962&delo_id=1500001&new=0&text_number=1 (date of access: 03.06.2024).

25. Annual report of the Human Rights Commissioner in the Sverdlovsk Region. 2023. URL: <https://oblgazeta.ru> (date of access 22.06.2024).

26. Report on the activities of the Human Rights Commissioner, on the observance and protection of human and civil rights and freedoms in the Tambov Region in 2023. URL: <https://ombudsman.tmbreg.ru/assets/files/!doklad-25.03.2024.pdf?ysclid=lx7fkvn9qs825601646> (date of access: 09.06.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николаев Владимир Александрович, кандидат юридических наук, главный консультант отдела. Аппарат уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. 119121, Российская Федерация, г. Москва, Смоленский бульвар, д. 19, стр. 2.
ORCID: 0000-0002-4562-0751

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolaev Vladimir Alexandrovich, PhD in Law, Chief Consultant of the Department. Office of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. 19/2, Smolensky Boulevard, Moscow 119121 Russian Federation.

Научная статья
УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КАК ЧАСТЬ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ

Понежина Людмила Юрьевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ponezhina-lyudmila@yandex.ru

Понежин Михаил Юрьевич

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ponegin-m@mail.ru

Введение: исследование законодательства, определяющего вариации оборота холодного оружия показывает, что содержательная часть зачастую идет в разрез с публичными интересами, а отсутствие системности в вопросах дефиниций и классификаций вызывает противоречивость отдельных нормативных правовых актов. Это предопределяет постоянную работу по поиску оптимизации системы административно-правового регулирования в этой сфере, в том числе посредством установления методов контроля со стороны правоохранительных органов, что актуализирует данную тему.

Материалы и методы: в рамках проведенного исследования использовалась вся система всеобщих принципов познания, общенаучных и специальных методов исследования (диалектика, логический, формально-юридический, герменевтический подход, системный метод, функциональный метод).

Результаты исследования: в статье охарактеризовано холодное оружие, как объект административно-правового регулирования; определены направления и способы совершенствования механизма административно-правового обеспечения оборота холодного оружия, выработаны рекомендации по их реализации.

Выводы и заключения: сравнительно-правовой анализ административно-правовых режимов оборота холодного оружия показал, что важность сферы оборота оружия связана с потенциальной опасностью для жизнедеятельности общества (общественной безопасности, жизни, здоровью). Отсюда следует, что правовая природа административно-правового режима оружия заключена в обеспечении охраны прав и интересов, одновременно с этим можно отметить, что в правовой регламентации оборота оружия холодному оружию отведено рудиментарное место, т.к. за кругом субъектов остается холодное оружие сосредоточенной массы (ударно-дробящее) в нормативно закреплённой терминологии.

Ключевые слова: сравнительный анализ, режим, механизм, лицензирование, лицензия, холодное оружие, охрана общественного порядка.

Для цитирования: Понежина Л. Ю., Понежин М. Ю. Административно-правовой режим как часть механизма правового регулирования оборота холодного оружия // Л. Ю. Понежина, М. Ю. Понежин // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 61–67.

Original paper

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIME AS PART OF THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF THE CIRCULATION OF COLD WEAPONS

Ponezhina Lyudmila Yurievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Ponezhin Mikhail Yurievich

Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the study of the legislation defining the variations of circulation of bladed weapons shows that the substantive part often runs counter to public interests, and the lack of consistency in matters of defi-

nitions and classifications causes the inconsistency of individual regulatory legal acts. This predetermines the ongoing work on the search for optimization of the system of administrative and legal regulation in this area, including through the establishment of control methods by law enforcement agencies, which actualizes this topic.

Materials and methods: within the framework of the conducted study, the entire system of general principles of knowledge, general scientific and special research methods (dialectics, logical, formal-legal, hermeneutic approach, systems method, functional method) were used.

Results of the study: the article characterizes bladed weapons as an object of administrative and legal regulation; directions and methods for improving the mechanism of administrative and legal support for the circulation of bladed weapons are determined, recommendations for their implementation are developed.

Findings and conclusions: a comparative legal analysis of administrative and legal regimes of circulation of cold arms showed that the importance of the sphere of circulation of arms is associated with the potential danger to the life of society (public safety, life, health). It follows that the legal nature of the administrative and legal regime of arms lies in ensuring the protection of rights and interests, at the same time it can be noted that in the legal regulation of circulation of arms, cold arms are given a rudimentary place, since cold arms of concentrated mass (impact and crushing) in the normatively fixed terminology remain outside the circle of subjects.

Keywords: comparative analysis, regime, mechanism, licensing, license, cold arms, protection of public order.

For citation: Ponezhina L. Yu., Ponezhin M. Yu. Administrative and legal regime as part of the mechanism of legal regulation of the circulation of cold weapons // L. Y. Ponezhina, M. Y. Ponezhin // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 61–67.

В рамках административного права публичное администрирование представляет систему действий, которые реализуются уполномоченными субъектами государственной власти, т. е. это комплекс юридически значимых действий, имеющих различные формы. Это относится к любой сфере социальной деятельности. Для выделения особенностей государственного регулирования необходимо определить юридическую природу деятельности или правового явления. Комиссарова Е.Г. отмечает, что такое уяснение оказывает влияние на правовую характеристику [1]. Важность сферы оборота оружия связана с потенциальной опасностью для жизнедеятельности общества (общественной безопасности, жизни, здоровью). Отсюда следует, что правовая природа административно-правового режима оружия заключена в обеспечении охраны прав и интересов. Одновременно с этим можно отметить, что в правовой регламентации оборота оружия холодному оружию отведено рудиментарное место, т. к. за кругом субъектов остается холодное оружие сосредоточенной массы (ударно-дробящее) в нормативно закреплённой терминологии.

Законом об оружии предусматривается использование ряда административных процедур, составляющих процесс приобретения, владения и пользования холодного оружия. Во-первых, лицензирование; во-вторых, регистрация; в-третьих, выдача разрешений (хранение, ношение или использование).

Рассматривая административно-правовой режим, можем сказать, что эти процедуры являются последовательными этапами реализации вещных прав на холодное оружие, в контексте исследования важно охарактеризовать сущность вышеуказанных процедур.

Обращаясь к лицензированию, отметим, что законом об оружии слова «лицензия» и «лицензирование» используется 88 раз, однако ни в одной статье, где эти употребляются термины, нет раскрытия содержания. Понятие лицензии мы можем найти и в Федеральном законе от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», и также ч. 3 ст. 49 ГК РФ, под лицензией понимается специальное разрешение на право осуществления действия в отношении оружия, к таковым относят производство, торговлю, экспонирование, коллекционирование и приобретение.

Анализ термина лицензирование, показывает, что общее понятие дано в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ, в котором такая деятельность указывается как комплекс мероприятий, осуществляемых специально уполномоченными государственными органами, связанных с выдачей, переоформлением, приостановлением и аннулирование специальных разрешений на осуществление определенных видов деятельности (лицензий).

К субъектам, имеющим право на приобретение оружия, относятся: 1) государственные военизированные организации; 2) юридические лица с особыми уставными задачами; 3) юридические лица – поставщики; 4) юридические и физические лица, занимающиеся коллекционированием или экспонированием оружия; 5) физкультурно-спортивные организа-

ции и (или) спортивные клубы, организации, ведущие охотничье хозяйство; 6) организации, занимающиеся оленеводством и коневодством, подразделения РАН, юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие рыболовство в отношении морских млекопитающих, а также специализированное предприятие, осуществляющее гидрографическое обеспечение судоходства на трассах Северного морского пути; 7) образовательные организации; 8) граждане Российской Федерации; 9) иностранные граждане.

Остановимся на гражданах, как самой многочисленной категории. Какие лицензионные требования и условия предъявляются к гражданам. Для ответа на этот вопрос, основываясь на ст. 13 закона об оружии, необходимо выделить две группы: первая – характеристика и статус соискателя; вторая – изготовление, перевозка и хранение холодного оружия.

Так, требование к соискателю лицензии (разрешения) может быть охарактеризовано посредством возрастного ценза. В ст. 16 вышеуказанного закона не указывается возраст, однако имеется требование по обязательному наличию разрешения на хранение охотничьего оружия, т. е. возрастной ценз равен 21 году, за исключением граждан, относящихся к малочисленным народам, а также ведущим образ жизни, связанный с охотой или занятий спортом. В этом случае минимальный возраст установлен 18 лет. Для сравнения в странах входящих в ЕАЭС – Республиках Казахстан, Беларусь, Армения – 18 лет, Республике Киргизия – 20 лет, а для дальнего зарубежья, например, в США возрастной ценз регулируется законодательством штатов, где минимальный возраст может вообще не указываться, что конечно же является прежде всего проблемой разграничения полномочий (федерализма) и сильного оружейного лобби [2].

Нельзя не отметить, что законодательные ограничения на использование ножей, в зависимости от возраста, действуют примерно в половине штатов США. Это предположение может быть связано с политикой, адаптированной продавцами ножей, основанной на разумном избегании рисков, учитывая возможную ответственность за правонарушения. Ограничения по возрасту, которые можно охарактеризовать как запреты «со стороны предложения», являются наиболее распространенными. Очевидная цель состоит в том, чтобы помешать лицам младше определенного возраста приобретать определенные типы ножей, владение которыми может быть несовместимо с их уровнем зрелости.

Примером может служить § 13A–11–57 статута штата Алабама, который предусматривает, что любое лицо, которое продает, дает или одалживает несовершеннолетнему (любому лицу в возрасте до 19 лет) охотничий нож или другие ножи аналогичного типа или описания, подлежит штрафу на сумму не менее пятидесяти, но не более пятисот долларов. Этот статут датируется 1852 г., и его вероятная цель заключалась в том, чтобы не допустить экипировки несовершеннолетних для участия в дуэлях.

Закон штата Нью-Йорк устанавливает возраст запрета на уровне 16 лет. Согласно § 265.10, лицо, которое передает «нож с выкидным лезвием, гравитационный нож, баллистический нож, нож с металлическим кастетом или необнаружимый нож» лицу младше 16 лет, виновно в совершении правонарушения. Лицо младше этого возраста, владеющее любым из указанных ножей или любым «опасным ножом» должно быть признано несовершеннолетним правонарушителем. Любой нож может стать «опасным ножом» на основании определения, выработанного в судебном порядке, и создать риск осуждения по уголовному делу даже при отсутствии преступного поведения со стороны владельца ножа.

Запреты законодательства штата на передачу ножей несовершеннолетним обычно не распространяются на все ножи. Ограничения распространяются на ножи большего размера или нежелательные типы – кортики, кинжалы, стилеты и ножи-боуи (большой нож в форме клинка, длиной от 30 до 76 см.). Например, закон Нью-Джерси 2С:39–9.1 запрещает передачу лицам до 18 лет любых «охотничьих, рыболовных, боевых ножей или ножей для выживания, имеющих длину лезвия пять дюймов или более, или общую длину десять дюймов». Аналог Род-Айленда запрещает продажу кинжала, кортика, стилета, меча-трости, охотничьего ножа, бритвы или ножа любого типа с лезвием длиной более трех дюймов (7,62 см.) несовершеннолетним без согласия родителя.

Аляска, Аризона и Западная Вирджиния – это штаты, где некоторые ограничения на владение или ношение определенных ножей распространяются на людей, не достигших 21 года. Например, на Аляске лицам моложе 21 года запрещено скрытно носить смертоносное оружие. Исключением является «деятельность на свежем воздухе», которая обязательно предполагает использование оружия для самообороны, т. к. имеется множество мест, где можно встретить медведей. Лица в возрасте от 18 до 21 года могут открыто носить смертоносное оружие. Запрещено продавать «выкидной нож» или «гравитационный нож» лицам

младше 18 лет. Однако эмансипированные несовершеннолетние и лица старше 16 лет могут иметь при себе выкидной нож или гравитационный нож, если у них есть разрешение от родителей. «Карманные ножи» исключены из большинства ограничений.

Закон Западной Вирджинии § 61–7–4а предусматривает, что лица, достигшие 18-летнего возраста, могут получить «временную лицензию», которая разрешает скрытое ношение смертоносного оружия. Не эмансипированные лица моложе этого возраста не могут иметь или носить смертоносное оружие. Лица в возрасте не менее 18, но не 21 года, не имеющие временной лицензии, не могут на законных основаниях носить скрытое смертоносное оружие. Из класса смертоносного оружия исключаются ручные карманные ножи с фиксированным лезвием и ручные карманные ножи с лезвиями, не превышающими 3 дюйма (7,62 см.) в длину.

В данном контексте намеренно обращаем внимание на одну категорию, которая является не менее опасной, чем холодное оружие. Это категория изделий не относящихся к холодному оружию хотя и сходных по внешнему строению (ГОСТ Р 51015-97, ГОСТ Р 51501-99, ГОСТ Р 51644-2000, ГОСТ Р 51715-2001).

Еще одним обязательным требованием является подготовка и соответствие медицинским показателям. Приказом Министерства здравоохранения РФ от 26 ноября 2021 г. № 1104н «Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием, в том числе внеочередного, и порядка оформления медицинских заключений по его результатам, форм медицинского заключения об отсутствии медицинских противопоказаний к владению оружием и медицинского заключения об отсутствии в организме наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов», который включает: медицинский осмотр врачом-офтальмологом; психиатрическое освидетельствование; медицинский осмотр врачом-психиатром-наркологом; химико-токсикологические исследования; лабораторные исследования крови и (или) мочи на определение хронического употребления алкоголя в целях диагностики психических расстройств и расстройств поведения, связанных с употреблением алкоголя.

Рассматривая статус, необходимо указать, что цензами выступает наличие гражданства и привлечение ранее к различным видам ответственности. Лицензия на оружие не выдается гражданам, имеющим неснятую или непогашенную судимость за умышленное преступление либо преступления, связанные с оборотом оружия, наркотических средств, терроризма и экстремизма, с применением насилия в отношении несовершеннолетнего, при рецидиве преступлений или отбывающим наказание за совершение преступлений. Помимо этих запретов при совершении административного правонарушения по главам 6, 10, 19, 20 КоАП РФ до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Следующая группа требований связана с требованиями (условиями) правомерности владения и хранения холодного оружия, при этом на соискателе лежит обязанность по обеспечении сохранности и учета оружия. В случае отсутствия постоянного места жительства лицензия на оружие не выдается.

Правила хранения зависят от его вида. Охотничье холодное клинковое оружие приобретается физическими лицами на основании разрешения на хранение и ношение охотничьего оружия (в частности, огнестрельного), при этом для хранения холодного оружия специального разрешения не требуется (ч. 6 ст. 9, ч. 12 ст. 13, ч. 1 ст. 22 Закона № 150-ФЗ), а хранение или использование вне спортивных объектов спортивного холодного клинкового оружия запрещается.

Сравнительно-правовой анализ зарубежных стран, например США, показывает, что административно-правовой режим оборота холодного оружия представлен разрозненным законодательством штатов. При этом правовое регулирование также встречается с проблемами оборота холодного оружия, так в частности Закон о свободе торговли позволяет производителям ножей отправлять и продавать свою продукцию покупателям, даже если такой вид холодного оружия находится под запретом в их штате [2].

Важно отметить, что в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» термин «незаконное хранение» по отношению к холодному оружию не применяется, т. е. за хранение холодного оружия лицо уголовной ответственности не подлежит, в отличие от огнестрельного оружия.

Вышеизложенное подчеркивает необходимость обстоятельного рассмотрения тенденций изменений законодательства и позволяет раскрыть проблемы правового регулирования правоотношений отдельных норм и институтов, одним из которых являются оборот холодного оружия.

На протяжении развития законодательства в сфере оборота холодного оружия имеется тенденция по ограничению предметов, которые адаптированы к причинению колющих ударов, что вписывается в теорию ножевого боя, поскольку является наиболее эффективным ударом. Например, возьмем такой вид спорта, как фехтование, где сложными двигательными актами наносится удар-укол, который является основным приемом в ходе боя [3].

Данная практика не является новацией настоящего времени. Опыт противодействия бандитизму в послевоенный период (1950-ые годы), когда преступниками использовались финские ножи, которые становились орудием нанесения скрытых колющих ударов. В связи с этим промышленное производство ножей с прямым клинком и скосом обуха для гражданских целей, за исключением охоты и рыболовного промысла не осуществлялось. Технический прогресс (например, технология WISP) и рыночные отношения привели к феномену, когда ножи, не подпадающие под термин холодное оружие являются не менее приспособленными для нанесения колющих ударов [4]. Анализ основных не специализированных on-line площадок по дистанционной продаже товаров показывает, что на Яндекс-маркете присутствует 1 219, Вайлдберриз – 345, Озон – 328 различных видов финских ножей, а отвертка из качественной стали может стать при желании владельца стилетом, не менее опасным, чем холодное оружие. Отказаться от такого вида изделий не представляется возможным. Однако, ухищрения производителей оружия требуют усиления внимания к проблеме в силу опасности для жизни и здоровья граждан. Это актуально и по отношению к предметам, приспособленным для рубящих ударов (топоры, мачете и т. п.), которые по законодательству являются хозяйственно-бытовыми изделиями, а не холодным оружием.

Рассматривая виды юридической ответственности за незаконные действия в сфере оборота холодного оружия, отметим, что в УК РФ имеются составы ст. 226.1 контрабанда, незаконный ввоз вооружений, а также ч. 7 ст. 222 и ч. 4 ст. 223, которые предусматривает лишь ответственность за незаконные сбыт, изготовление, перделку или ремонт холодного оружия. В ранее действующем УК РСФСР ч. 2 ст. 218 была установлена ответственность за «ношение, изготовление или сбыт кинжалов, финских ножей или иного холодного оружия без соответствующего разрешения, за исключением тех местностей, где ношение холодного оружия является принадлежностью национального костюма или связано с охотничьим промыслом». Таким образом, неправомерное ношение холодного оружия законодатель относит к составам административных правонарушений (ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ). За нарушение правил хранения или ношения оружия гражданами, повлекшее его утрату, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, физическое лицо привлекается к административной ответственности в соответствии с ч. 4.3 ст. 20.8 КоАП РФ [5].

При этом ст. 20.11 КоАП РФ применительно к холодному использовать нельзя, т. к. регистрация проданного охотничьего холодного клинкового оружия осуществляется торговой организацией в книге учета продаж оружия и патронов.

Ранее, рассматривая возрастной ценз владения холодным оружием, указывали на требование по обязательному наличию разрешения на хранение охотничьего оружия. Обращаясь к ст. 21 Федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также к Приложению № 2 Приказа Минприроды России «Об утверждении порядка выдачи и аннулирования охотничьего билета единого федерального образца, формы охотничьего билета» от 20.11. 2011 г. № 13. Сведений об оружии владельца не предусмотрено. Если при покупке огнестрельного оружия обладатель должен получить разрешение на каждую единицу, то холодное оружие выпадает из правового поля лицензионно-разрешительной системы.

Еще одной проблемой требующей разрешения является административная процедура узаконивания холодного оружия, если владелец не может указать источник получения. Например, сведения о покупке были утеряны или просто не известны.

Обращение к зарубежным восточным единоборствам, которые стали популярны в последнее время, также выявило проблему между законодательством и практикой применения [6]. Занятия по Нихон Госиндо и Нихон-будо включают ката с мечом, когда обучающийся производит удар мечом резом по циновке [7]. Особенностью данной практики

является укрепление меча бамбуковыми штифтами (в целях безопасности), одновременно с этим при укреплении меч, с точки зрения криминалистической экспертизы, становится холодным оружием. В итоге возникает парадокс, при котором удары не скрепленным оружием, могут подвергнуть опасности здоровье обучающегося, а с другой стороны для занятий этими видами единоборств должно быть разрешение на хранение охотничьего оружия. Выходом из сложившейся ситуации может стать введение новой категории – «тренировочное холодное оружие», которое по аналогии со спортивным оружием предполагает обучение мерам безопасности, а использование может проходить в пределах учреждений предоставляющих такие услуги или соревнований по таким видам единоборств.

Помимо этого вне рамок правового поля, т. е. остаются в свободном обороте такие специфические виды оружия как хлыст, кнут, нагайки и ряд других, одновременно с этим они могут применяться в качестве орудия преступления [8]. Таким образом, возможность введения новой категории «гибкое холодное оружие», к которой также можно отнести некоторые виды комбинированного клинкового оружия, такие как меч-хлыст (например, индийский гибкий меч-пояс уруми).

В рамках гармонизации уголовного и административного законодательства необходимо внести дополнения в ст. 20.8 КоАП РФ, в части установления административной ответственности за незаконное хранение холодного оружия.

В исследуемой проблематике, помимо устранения пробелов в правовой регламентации, важную роль играет превентивная функция со стороны правоохранительных органов, в том числе МВД России. В 2016 г. из ст. 2 Федерального закона от 07.02.2011 № 3–ФЗ «О полиции» п. 8 указывающий на контроль. Был исключен ряд нормативных правовых актов. Утверждено взаимодействие в сфере оборота оружия. В системе МВД России действует автоматизированная система учета холодного оружия, а в соответствии с п. 10.3 приказа МВД России от 29.03.2019 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» № 205 участковый уполномоченный полиции участвует мероприятиях по контролю за обеспечением условий хранения (сохранностью) оружия на своем административном участке, этой же должностной категорией осуществляется постановка на списочный учет лиц имеющих во владении оружие.

Анализ административно-правового обеспечения оборота холодного оружия в Российской Федерации позволяет сделать вывод, что эффективность правового режима и разрешение указанных нами проблем осуществимо при соблюдении компромисса. С одной стороны между интересами государства, с другой стороны – общественными отношениями и конкретно лицами, участвующими в сфере оборота оружия, а каждый субъект должен осознавать, что совершая правонарушение, сопряженное с нанесением вреда здоровью или жизни с использованием холодного оружия или предметов в качестве оружия (молоток, ручка или нож) последует более суровое наказание по УК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комиссарова Е.Г. Формально логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2012. № 2.
2. Шурус А.А. Возрастные требования для участников оборота огнестрельного оружия (на примере федерального законодательства США) // МНИЖ. 2020. № 7–2 (97).
3. Тышлер Д.А. Спортивное фехтование: учебник. М., 1997.
4. Самый опасный нож в мире. URL: https://dzen.ru/a/YG_P_SJKbnnO01jx (дата обращения: 01.03.2024).
5. Вертинская А.Н., Боева М.А., Понежина Л.Ю. Содержание принципа индивидуализации административной ответственности и практика его реализации // Юрист-Правоведь. 2019. № 3.
6. Цокур А.В. Холодное оружие как часть японской культуры накануне и в начале эпохи Мэйдзи // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 4.
7. Дадаев З.А. Текущее состояние и проблемы оборота холодного клинкового оружия в Российской Федерации // Образование и право. 2022. № 6.
8. Омельченко В.А., Арутюнов А.С., Фаниев П.А. Проблемные вопросы, связанные с квалификацией объекта в качестве холодного оружия // Общество и право. 2021. № 1 (75).

REFERENCES

1. Komissarova E.G. Formal logical aspects of the concept of «legal nature» // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2012. № 2.
2. Shulus A.A. Age requirements for participants in the circulation of firearms (on the example of US federal legislation) // MNIZH. 2020. № 7-2 (97).
3. Tyshler D.A. Sports fencing: textbook. Moscow, 1997.
4. The most dangerous knife in the world. URL: https://dzen.ru/a/YG_P_SJKbnnO01jx (date of access: 01.03.2024).
5. Vertinskaya A.N., Boeva M.A., Ponezhina L.Yu. The content of the principle of individualization of administrative responsibility and the practice of its implementation // Jurist-Pravoved. 2019. № 3.
6. Tsokur A.V. Cold weapons as part of Japanese culture on the eve and at the beginning of the Meiji era // Cultural life of the South of Russia. 2015. № 4.
7. Dadaev Z.A. Current state and problems of circulation of cold bladed weapons in the Russian Federation // Education and Law. 2022. № 6.
8. Omelchenko V.A., Arutyunov A.S., Faniev P.A. Problematic issues related to the qualification of an object as a cold weapon // Society and Law. 2021. № 1 (75).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Понежина Людмила Юрьевна, доцент кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Понежин Михаил Юрьевич, доцент кафедры конституционного и муниципального права. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ponezhina Lyudmila Yurievna, Associate Professor of the Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Ponezhin Mikhail Yurievich, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law. Rostov State University of Economics (RINH). 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Научная статья
УДК 341.9.019

К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ РИСКАМИ УЧАСТНИКОВ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СДЕЛОК С ПРИМЕНЕНИЕМ INCOTERMS 2020

Михайлов Станислав Владимирович

Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
bk@spark-mail.ru

Шпак Андрей Викторович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
a161aa161@mail.ru

Введение: INCOTERMS (Инкотермс) [1], разработанный Международной торговой палатой (МТП), представляет собой свод правил, регулирующих взаимные обязательства продавцов и покупателей относительно расходов, рисков и ответственности, возникающих при перевозке и доставке товаров. Эти правила облегчают международную торговлю, устраняя неопределенности, предотвращая потерю времени и создавая универсальную модель коммуникации между сторонами ВЭД, поэтому Инкотермс широко используется в международной торговле.

Инкотермс 2020 сохраняет одиннадцать терминов предыдущей версии, за исключением того, что DAT заменен на DPU. Каждое правило создает разный уровень обязанностей для сторон международной торговли. Выбор наиболее подходящего термина (правила поставки Инкотермс) приносит участникам ВЭД конкурентные преимущества, повышает их прибыльность и производительность. Однако на практике видно, что и неправильный выбор может быть сделан из-за недостатка информации или нежелания сторон изменять своим деловым обыкновениям. Использование методов поставки, которые следует использовать только при морских перевозках, а также при мультимодальных перевозках, частое использование термина FOB при контейнерных перевозках, хотя он не подходит для контейнерных перевозок, использование терминов в качестве индикатора расчета цен в контракте без указания географических названий – распространенная ошибка. Чтобы выбрать правильный термин, участникам международной торговли следует учитывать некоторые факторы. Этими факторами могут быть характеристики логистики и национальности организаций-покупателей и продавцов, вид перевозимых товаров, предпочтительный способ транспортировки, а также факторы, связанные со страной происхождения и назначения.

Каждое правило Инкотермс несет в себе разный уровень затрат и рисков для сторон. Важно выбрать такое правило, которое позволит минимизировать затраты и риски для обеих сторон и обеспечить оптимальную эффективность соответствующих процессов с учетом условий договора. Знание издержек и рисков выбранного способа поставки необходимо покупателям и продавцам для правильной оценки цены договора. Избегание двусмысленностей имеет решающее значение для успешной торговли. Следовательно, сторонам следует уточнить выбранное правило в договоре купли-продажи. Они должны указать версию Инкотермс в договоре купли-продажи, а также указать место поставки в EXW и FCA, конечный пункт назначения в CPT, CIP, DAP, DPU и DDP, название порта погрузки в FAS и FOB, название порта назначения в CFR и CIF.

При рассмотрении систематизации правил Инкотермс, можно констатировать, что ответственность продавца постепенно увеличивается от группы E к группе F, C и D, в то время как ответственность покупателя уменьшается. Однако каждый способ поставки несет в себе определенные риски для сторон, и против этих рисков должны быть приняты меры. Понесенные затраты и риски определяют цены, предлагаемые покупателю, и в итоге могут повлиять на конкурентоспособность продавца. Непредвиденные проблемы и дополнительные затраты, которые могут возникнуть при выборе неподходящих условий поставки, могут снизить прибыльность сделки. Правильный выбор зависит от глубокого понимания правил Инкотермс и способности оценивать факторы, которые могут повлиять на каждую торговую сделку. Хотя поставка товаров является одним из наиболее важных аспектов международной торговли, исследования по применению правил Инкотермс требуют более детальной проработки. Целью данного исследования является анализ рисков, связанных с 11 действующими методами поставки, на основе последней версии рассматриваемых правил Инкотермс 2020, анализ мер, которые можно предпринять для эффективного управления этими рисками, и предоставление рекомендаций. в выборе применимой модели.

Материалы и методы: при проведении исследования использованы диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы.

Результаты исследования: в представленной работе рассмотрены ответственность и обязательства правил Инкотермс 2020 для покупателя и продавца, подчеркнуты аспекты, которые отличаются по сравнению с предыдущей редакцией нормативного акта. Проанализированы и систематизированы факторы, оказывающие существенное влияние на выбор метода поставки в международной торговле, затем рассмотрены риски, которые соответствующие методы поставки могут представлять для покупателя и продавца, особое внимание уделено на меры, которые следует предпринять для управления рисками.

Выводы и заключения: в данном исследовании проанализированы обязательства и риски, которые правила Инкотермс возлагают на стороны договора международной купли-продажи товара, а также выработаны предложения по выбору способа поставки товара. Рекомендации можно резюмировать следующим образом. В международной торговле сторонам следует отдавать предпочтение наиболее выгодному с точки зрения стоимости и эффективности способу поставки в соответствии с видом товара, способом транспортировки, правовыми нормами стран покупателя и продавца. Не следует забывать, что возможные издержки, вызванные выбранным способом поставки, можно устранить путем внесения изменений в стандартные правила Инкотермс касающиеся, например, срока и изменения порядка распределения затрат и рисков при условии, что это указано в договоре купли-продажи заключенном между сторонами. Кроме того, любая неточность правил Инкотермс, должна быть оговорена и конкретизирована в договоре купли-продажи.

Выбор правила Инкотермс является важным элементом международных торговых соглашений. Используя эти правила эффективно и действенно, участники ВЭД могут повысить свою прибыльность и конкурентоспособность и внести больший вклад в экономику страны.

Ключевые слова: Инкотермс, купля-продажа, мягкое право, условия поставки, внешнеторговая деятельность.

Для цитирования: Михайлов С. В., Шпак А. В. К вопросу об управлении рисками участников внешнеторговых сделок с применением INCOTERMS 2020 / С. В. Михайлов, А. В. Шпак // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024 № 4(111). – С. 68–74.

Original paper

ON THE ISSUE OF RISK MANAGEMENT OF PARTICIPANTS IN FOREIGN TRADE TRANSACTIONS WITH THE APPLICATION OF INCOTERMS 2020

Mikhailov Stanislav Vladimirovich

Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation

Shpak Andrey Viktorovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: INCOTERMS [1], developed by the International Chamber of Commerce (ICC), is a set of rules governing the mutual obligations of sellers and buyers regarding the costs, risks and responsibilities arising during the transportation and delivery of goods. These rules facilitate international trade by eliminating uncertainties, preventing loss of time and creating a universal model of communication between parties to foreign trade, so Incoterms are widely used in international trade.

Incoterms 2020 retains the eleven terms of the previous version, except that DAT is replaced by DPU. Each rule creates a different level of responsibilities for parties to international trade. Choosing the most appropriate term (Incoterms delivery rules) brings competitive advantages to participants in foreign trade, increases their profitability and productivity. However, in practice, it is clear that the wrong choice can also be made due to lack of information or the unwillingness of the parties to change their business practices. The use of delivery methods that should only be used for ocean shipping and also for multimodal transport, the frequent use of the FOB term for container shipping, although it is not suitable for container shipping, the use of terms as an indicator for calculating prices in a contract without specifying geographical names is a common mistake. In order to choose the right term, participants in international trade should take into account several factors. These factors may include the logistics characteristics and nationalities of the buyers and sellers, the type of goods being transported, the preferred mode of transportation, as well as factors related to the country of origin and destination. Each Incoterms rule entails different levels of costs and risks for the parties. It is important to choose a rule that will minimize costs and risks for both parties and ensure optimal efficiency of the relevant processes, taking into account the terms of the contract. Knowledge of the costs and risks of the chosen delivery method is necessary for buyers and sellers to correctly assess the contract price. Avoiding ambiguities is crucial for successful trade. Therefore, the parties should clarify the chosen rule in the sales contract. They must specify the Incoterms version in the sales contract, as well as the place of delivery in EXW and FCA, the final destination in CPT, CIP, DAP, DPU and DDP, the named port

of loading in FAS and FOB, the named port of destination in CFR and CIF. When considering the classification of Incoterms rules, it can be stated that the seller's liability gradually increases from group E to group F, C and D, while the buyer's liability decreases. However, each delivery method carries certain risks for the parties, and these risks must be counteracted. The costs and risks incurred determine the prices offered to the buyer and may ultimately affect the seller's competitiveness. Unforeseen problems and additional costs that may arise when choosing unsuitable delivery terms can reduce the profitability of the transaction. The correct choice depends on a thorough understanding of the Incoterms rules and the ability to assess the factors that may affect each trade transaction. Although the delivery of goods is one of the most important aspects of international trade, studies on the application of Incoterms rules require more detailed study. The purpose of this study is to analyze the risks associated with 11 current delivery methods based on the latest version of the Incoterms 2020 rules under consideration, analyze the measures that can be taken to effectively manage these risks, and provide recommendations. in choosing the applicable model.

Materials and methods: the study used dialectical, formal-legal, comparative-legal, system-structural methods.

Results of the study: the presented work considers the responsibilities and obligations of the Incoterms 2020 rules for the buyer and the seller, emphasizing the aspects that differ in comparison with the previous version of the regulatory act. The factors that have a significant impact on the choice of the delivery method in international trade are analyzed and systematized, then the risks that the relevant delivery methods may pose for the buyer and the seller are considered, special attention is paid to the measures that should be taken to manage the risks.

Findings and conclusions: this study analyzes the obligations and risks that the Incoterms rules impose on the parties to the contract for the international sale of goods, and also develops proposals for choosing the method of delivery of goods. The recommendations can be summarized as follows: In international trade, the parties should give preference to the most cost-effective and efficient method of delivery in accordance with the type of goods, the method of transportation, the legal regulations of the countries of purchase, and the for both the seller and the supplier. It should not be forgotten that possible costs caused by the chosen delivery method can be eliminated by amending the standard Incoterms rules, for example, regarding the term and changing the order of distribution of costs and risks, provided that this is specified in the contract of sale concluded between the parties. In addition, any inaccuracy of the Incoterms rules should be stipulated and specified in the contract of sale.

The choice of the Incoterms rule is an important element of international trade agreements. Using these rules effectively and efficiently, participants in foreign economic activity can increase their profitability and competitiveness and make a greater contribution to the country's economy.

Keywords: Incoterms, purchase and sale, soft law, delivery terms, foreign trade activities.

For citation: Mikhailov S. V., Shpak A. V. On the issue of risk management of participants in foreign trade transactions with the application of INCOTERMS 2020 / S. V. Mikhailov, A. V. Shpak // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). Pp. 68–74.

Исследования показывают, что покупатели и продавцы в различных государствах предпочитают определенные способы поставки. Так, в частности, исследование, проведенное Международной торговой палатой, в котором большинство участников были из европейских стран, в т. ч. России, показало, что тремя наиболее популярными способами поставки среди участников были FCA, DAP и EXW. В своем исследовании компаний-экспортеров в Малайзии, где развит морской и внутренний водный транспорт, обнаружили, что менеджеры, ответственные за экспорт, предпочитают метод поставки FOB. Исследование, проведенное среди компаний, производящих автомобильные детали в Таиланде, показало, что наиболее предпочтительными методами поставки являются FCA, EXW, FOB и CIF соответственно. В ходе исследования канадских экспортеров было установлено, что они предпочитают такие методы поставки, как EXW и FOB.

Отдельно следует отметить, что основными факторами, предопределявшими выбор условия поставки, являлись следующие:

- размер компании-экспортера, ее ресурсы;
- опыт международной торговли участников сделки, переговорные навыки сторон сделки;
- деловые обыкновения и компетенции, которые стороны внешнеэкономической сделки имели в отношении методов поставки;
- способ транспортировки;
- интенсивность конкуренции в стране назначения;
- риски и особенности правового регулирования экспортно-импортных операций (особенно таможенные правила);

- стоимость и характеристики перевозимого товара;
- способ оплаты и требования к форме товаросопроводительных документов [2].

Как видно, существует множество факторов, влияющих на выбор термина Инкотермс. Их можно систематизировать на такие группы как характеристики предприятий, которые являются участниками международной торговли, условия в отношении тех, кто предоставляет услуги в сфере поставки, транспортировки и поставки товаров, характер товаров, подлежащих транспортировке, предпочтительный способ перевозки, а также условия происхождения и назначения товаров.

Правила Инкотермс предполагают различные размеры затрат и рисков для сторон. Важно выбрать такое правило, которое позволит их минимизировать и обеспечить оптимальную эффективность соответствующих процессов. Кроме того, хотя они и не являются сторонами договора купли-продажи, сотрудничество заинтересованных сторон, предоставляющих сторонам договора такие услуги, как транспортировка, страхование и таможенное оформление, эффективно для снижения рисков и снижения затрат.

Последней версией правил Инкотермс, подготовленной МТП, является Инкотермс 2020. Однако поскольку рассматриваемые нормы являются нормами мягкого права, стороны могут использовать и предыдущие редакции. Чтобы исключить возможные споры относительно того, какая версия будет действительна, в договоре должны быть указаны правила того года, которые стороны хотят использовать. Помимо способа поставки, места поставки в EXW и FCA, конечный пункт назначения в CPT, CIP, DAP, DPU и DDP, название порта погрузки в FAS и FOB, а также название порта назначения которые необходимо указать в CFR и CIF. Когда речь идет о мультимодальных перевозках, следует выбирать методы поставки, которые можно использовать во всех видах транспорта.

Хотя страхование не является обязательным, стороны вправе использовать данный институт, описав условия страхования в договоре, при этом частичного страхования перевозки следует избегать, особенно при мультимодальных перевозках. Увеличение расходов на страхование и транспортировку может привести к увеличению налогов, подлежащих уплате в стране покупателя. По этой причине предпочтение должно быть отдано той стороне, которая может получить услугу более экономичным способом и заключить договоры на транспортировку и страхование [3].

При рассмотрении групп Инкотермс можно констатировать, что ответственность покупателя за риск неисполнения обязательства выше в способах поставки групп E и F, а ответственность продавца за риск выше в правилах групп C и D. Фактически, от группы E до группы D обязанности покупателя уменьшаются, а ответственность продавца постепенно увеличивается. Однако каждый метод поставки несет в себе свои специфические риски для сторон, и против этих рисков необходимо принять меры предосторожности.

EXW, единственный способ поставки в группе E, является методом поставки с наименьшей ответственностью продавца и часто используется в международной торговле. При таком способе поставки покупатель несет ответственность за все процессы, включая погрузку товара в транспортное средство в месте нахождения продавца и проведение экспортно-выездного таможенного оформления. Выбор перевозчика груза и способа перевозки, а не разделение данных обязанностей между покупателем и продавцом, также является отличительной чертой при методе поставки EXW, что обеспечивает экономию сделки для обеих сторон. Однако, это неподходящий вариант, в случае, когда покупатель не обладает компетенциями по доставке товара из страны продавца, в таком случае предпочтение отдается методам поставки, при которых ответственность за транспортировку распределяется.

При выборе способа поставки EXW следует учитывать технические и юридические трудности, с которыми столкнется покупатель, находящийся в другой стране, при организации погрузки и таможенных формальностей. Эти обязательства для покупателя могут вызвать дополнительные расходы, непредвиденные затруднения, сложности при таможенном оформлении и не могут быть реализованы в случаях, когда лица и компании иностранного происхождения не могут осуществить таможенные процедуры в соответствии с законодательством страны-экспортера. При внешнеторговых сделках, где предпочтительным является метод поставки EXW, экспортер может выполнить таможенные процедуры за счет импортера. Однако это приведет к тому, что экспортер возьмет на себя риски ошибок, которые могут возникнуть во время таможенных формальностей. Аналогичным образом, при этом виде поставки ответственность за погрузку товара на транспортное средство лежит на покупателе, но погрузка товара в месте нахождения продавца покупателем или

его контрактным перевозчиком может создать для продавца риски повреждения товара. По соглашению ответственность за погрузку может быть возложена на продавца. Однако риск повреждения товара и лицо, ответственное за его повреждение, должно быть указано в договоре. Следует отметить, что в тех случаях, когда продавец должен взять на себя обязательства погрузки и таможенные формальности, было бы целесообразнее использовать термин FCA вместо условия EXW.

Метод поставки EXW, который традиционно считается выгодным для продавца в случаях авансирования сделки, может вызвать у последнего трудности с доступом к товаросопроводительному документу, особенно это актуально, когда способом оплаты является аккредитив. Поскольку транспортная компания заключает с покупателем договор перевозки, она обязана предоставить транспортный документ только в соответствии с инструкциями покупателя и на его имя, при этом банк-эмитент может не принять такие товаросопроводительные документы в качестве основания подтверждения исполнения продавцом своих обязанностей по договору. Кроме того, покупатель не обязан доказывать, что товары экспортируются при этом виде поставки, если продавцу для получения возмещения НДС необходимы доказательства экспортной сделки, положения о том, что доказательства будут предоставлены покупателем должны быть включены в договор, чтобы обеспечить защиту от возможных налоговых рисков.

Группа F включает термин FCA, который можно использовать на всех видах транспорта, а также термины FAS и FOB, которые можно использовать только при морских и внутренних водных перевозках.

Термин FCA возлагает на продавца ответственность за обеспечение промежуточной перевозки, если доставка осуществляется в место, отличное от рабочего места продавца, что приводит к принятию дополнительных расходов и рисков. Для того чтобы рассматриваемые затраты и риски были учтены, при использовании термина FCA необходимо указать место, куда будет доставлен товар, что также необходимо для определения места перехода риска. Кроме того, если место поставки не указано покупателем, продавец может определить место, подходящее для него, но не для покупателя, предварительное уточнение места поставки защитит покупателя от этого риска.

Термины FAS и FOB в этой группе не подходят для контейнерных перевозок. Потому что, когда перевозку осуществляет сторонняя транспортная компания, продавец передает товар этому перевозчику, а если он доставляет товар в порт собственным транспортом, то он теряет физический контроль над контейнером после его прибытия на терминал, и продолжает нести риски, до тех пор, пока товар не будет погружен на судно на условиях FOB или не разгружен на портовый склад на условиях FAS. Тот факт, что контейнеры ждут в порту до тех пор, пока судно не подойдет к порту в методе поставки FAS и пока они не будут погружены на судно на условиях FOB, делает груз в контейнерах уязвимыми для таких рисков, как столкновение транспортных средств в порту, пожары на складе, опрокидывание кранов при погрузке, кражи товара, и этими рисками обременен продавец. Поэтому FCA следует отдавать предпочтение в тех случаях, когда контейнер не может быть загружен непосредственно на судно, а будет доставлен перевозчику.

Поскольку продавец не является стороной основного договора перевозки при способах поставки FAS и FOB, расходы по простоя, возникающие в результате несвоевременной поставки товара, должен нести покупатель. Чтобы предотвратить возникновение этих расходов или возложить их на продавца, покупатель должен уточнить в договоре купли-продажи, заключаемом с продавцом, когда возникнут расходы по простоям и в каких случаях кем они будут покрыты. Опять же, когда дело доходит до этих условий, названия мест и портов должны быть четко указаны, чтобы избежать сюрпризов, возникающих из-за разных предпочтений покупателя и продавца в тех случаях, когда может использоваться более одного порта. Если предпочтение отдается термину FAS, следует указать точный пункт поставки, особенно в крупных портах.

Термины CPT и CIP в группе C, можно использовать во всех видах транспортировки. В свою очередь термины CFR и CIF, можно использовать только на морском и внутреннем водном транспорте. Особенность способов поставки этой группы состоит в том, что основная ответственность за транспортировку из страны продавца в страну покупателя лежит на продавце.

Условия CFR или CIF не подходят для контейнерных перевозок по тем же причинам, что и условия FAS и FOB. Если контейнер невозможно загрузить на судно, и он будет доставлен на терминал, вместо CIF можно использовать CIP, а вместо CFR – CPT. Однако в случае

расчетов по аккредитивам, когда банки требуют коносамент или когда товары предназначены для перепродажи в пути, для получения оборотного транспортного документа следует использовать условия CIF или CFR [5].

Способы поставки CIP и CIF обязывают продавца оформить транспортную страховку. Инкотермс 2020 расширил перечень рисков, которые продавец обязан застраховать по методу поставки CIP, однако объем страхования, предоставляемый в форме поставки CIF, был оставлен без изменений. Продавцы должны учитывать, что более высокие страховые взносы придется платить, если предпочтение отдается методу поставки CIP, который подходит для мультимодальных перевозок и в основном используется для перевозки дорогостоящих товаров. Увеличение расходов на страхование и транспортировку для обоих способов поставки может привести к увеличению налогов, подлежащих уплате в стране покупателя. По этой причине предпочтение должно быть отдано той стороне, которая может получить услугу более экономным способом и заключить договоры на транспортировку и страхование.

Согласно статье В4, при методах поставки CFR и CIF покупатель должен принять поставку, когда товар погружен на судно в порту погрузки и получить его от перевозчика в порту назначения. Во избежание расходов за простой в порту назначения продавец должен сообщить покупателю, что товар прибудет в порт в разумные сроки, и предоставить документы, которые позволят ему получить товар. Поскольку именно покупатель должен забрать товар из порта и провести таможенные процедуры, расходы по простоям, которые возникнут в случае несвоевременного получения товара в порту назначения должен нести покупатель.

Для условий группы D тот факт, что пункт поставки находится в стране покупателя, приводит к тому, что продавец берет на себя больше рисков при выполнении обязательства по доставке, а надлежащая доставка для экспортера требует работы с логистическими компаниями страны покупателя. При использовании условий группы D продавец должен защитить себя, включив в договор купли-продажи условия форс-мажорных обстоятельств, которые могут помешать ему выполнить свои обязательства по поставке.

Когда предпочтительны способы поставки группы D, где основной договор перевозки заключается продавцом, как в группе C, транспортные расходы имеют решающее значение для цены договора, поскольку транспортировка включена в цену. Однако следует учитывать, что изменение стоимости перевозки до наступления срока поставки может представлять риск для продавца.

В условиях DAP или DPU покупатель должен сначала завершить импортные таможенные процедуры, чтобы продавец мог выполнить свои обязательства по доставке в указанный пункт назначения. Если покупатель задерживает эти транзакции, это может привести к задержке поставки и, следовательно, оплаты, но в этом случае покупатель будет нести ответственность за возникающие расходы и риски.

Способ поставки DDP обязывает продавца совершить таможенные процедуры за пределами страны, в которой он учрежден, а в случаях, когда лица и компании иностранного происхождения не могут провести таможенные процедуры в соответствии с законодательством страны-импортера, продавец не может выполнить это обязательство. Этот способ поставки не следует отдавать предпочтение в тех случаях, когда продавец не может получить разрешение на импорт в соответствии с законодательством страны назначения. Кроме того, важно правильно определить тарифный код, который формирует основу для уплаты таможенной пошлины в рамках DDP, и знать, как рассчитывается налоговая база, подлежащая уплате за импортные таможенные процедуры, чтобы избежать неожиданных затрат.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. INCOTERMS. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Демьяненко Е.В., Михайлов С.В., Смоленский М.Б. Правовое регулирование коллизионных правоотношений в международном частном праве. Ростов-на-Дону, 2024.
3. Михайлов С.В. К вопросу о применении антидемпинговых пошлин во внешнеэкономической деятельности // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2020. № 3(40).
4. Международное частное право: учебник / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др. М., 2018.

REFERENCES

1. INCOTERMS. Access from the legal system «ConsultantPlus».
2. Demyanenko E.V., Mikhailov S.V., Smolensky M.B. Legal regulation of conflict of laws relations in international private law. Rostov-on-Don, 2024.
3. Mikhailov S.V. On the issue of applying anti-dumping duties in foreign economic activity // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 2020. № 3 (40).
4. International private law: textbook / V.N. Borisov, N.V. Vlasova, N.G. Doronina et al. Moscow, 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Михайлов Станислав Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский филиал Российской таможенной академии. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденовский, 20.

Шпак Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhailov Stanislav Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov branch of the Russian Customs Academy. 20, Budenovsky Ave., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Shpak Andrey Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 4(111). С. 75–82.
Jurist-Pravoved. 2023. № 4 (111). Pp. 75–82.

Научная статья
УДК 347.763.3

**«ПОДВОДНЫЕ КАМНИ» ДОГОВОРА ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ АВТОМОБИЛЬНЫМ
ТРАНСПОРТОМ, ЗАКЛЮЧЕННОГО ГРАЖДАНИНОМ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ
НУЖД, НЕ СВЯЗАННЫХ С ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ¹**

Пахомов Сергей Валерьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
svpakhomov@inbox.ru

Фатхи Валентина Игоревна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
v.i.fatkhi@mail.ru

Введение: научный интерес к проблемам гражданско-правового регулирования перевозок грузов с участием гражданина-потребителя встречается крайне редко. В то же время прослеживается негативная тенденция предоставления услуг, которые осуществляются хоть и в правовых рамках, однако с доктринальных позиций морально-нравственных начал гражданских правоотношений обладают в определенной степени признаком недобросовестности в части злоупотребления одним из основополагающих принципов гражданского законодательства – принципом свободы договора (в части злоупотребления свободой определения условий договора). В сложившихся условиях особую актуальность приобретает анализ существующей судебной практики по разрешению споров, возникших в результате оказания услуг в рамках договоров перевозки грузов и транспортной экспедиции, заключенных между физическим лицом (гражданином) и профессиональным участником рынка грузоперевозок.

Материалы и методы: в статье анализируются нормативные правовые акты, правоприменительные акты федеральных судебных органов: Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции. Методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых можно выделить такие частнонаучные методы, как формально-логический, системно-структурный методы, а также метод интерпретации.

Результаты исследования: на основе материалов судебной практики выделены наиболее часто встречающиеся условия договора перевозки грузов, которые можно отнести к неблагоприятным для потребителя; выявлены основные причины, по которым распространена практика скрытого завышения стоимости услуг по перевозке грузов; сформулированы предложения, позволяющие обеспечить гарантии прав потребителя при заключении договора перевозки грузов.

Выводы и заключения: в статье даны практические рекомендации гражданину-потребителю, направленные на предотвращение возникновения споров и конфликтов между потребителем и перевозчиком, а также повышение правовой грамотности населения в области транспортных услуг.

Ключевые слова: договор, перевозка грузов, договор перевозки грузов, грузоперевозки, защита прав потребителя, судебная практика, транспортно-экспедиционная деятельность.

Для цитирования: Пахомов С. В., Фатхи В. И. «Подводные камни» договора перевозки грузов автомобильным транспортом, заключенного гражданином исключительно для нужд, не связанных с предпринимательской и иной экономической деятельностью / С. В. Пахомов, В. И. Фатхи // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 75–82.

Original paper

«PITFALLS» OF THE CONTRACT FOR THE CARRIAGE OF GOODS BY ROAD, CONCLUDED BY A CITIZEN EXCLUSIVELY FOR NEEDS NOT RELATED TO ENTREPRENEURIAL AND OTHER ECONOMIC ACTIVITIES

Pakhomov Sergey Valerievich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Fatkhi Valentina Igorevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹На примере договора перевозки, заключенного с использованием интернет-платформы для поиска и размещения объявлений.

Introduction: scientific interest in the problems of civil regulation of cargo transportation with the participation of a citizen-consumer is extremely rare. At the same time, there is a negative trend in the provision of services that are carried out, although within the legal framework, but from the doctrinal positions of the moral and ethical principles of civil legal relations, to a certain extent have a sign of bad faith in terms of abuse of one of the fundamental principles of civil legislation - the principle of freedom of contract (in terms of abuse of freedom to determine the terms of the contract). In the current conditions, the analysis of the existing judicial practice on the resolution of disputes arising as a result of the provision of services under contracts for the carriage of goods and freight forwarding concluded between an individual (citizen) and a professional participant in the cargo transportation market is of particular relevance.

Materials and methods: the article analyzes regulatory legal acts, law enforcement acts of federal judicial bodies: the Supreme Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction. The methodological basis of this study is a set of methods of scientific knowledge, among which we can highlight such specific scientific methods as formal-logical, system-structural methods, as well as the method of interpretation.

Results of the study: based on the materials of judicial practice, the most common terms of the contract for the carriage of goods that can be classified as unfavorable for the consumer are identified; the main reasons for the widespread practice of hidden overpricing of cargo transportation services are identified; proposals are formulated to ensure guarantees of consumer rights when concluding a contract for the carriage of goods.

Findings and conclusions: the article provides practical recommendations to the consumer aimed at preventing disputes and conflicts between the consumer and the carrier, as well as increasing the legal literacy of the population in the field of transport services.

Keywords: contract, cargo transportation, contract for the carriage of goods, cargo transportation, consumer protection, judicial practice, freight forwarding activities.

For citation: Pakhomov S. V., Fathi V. I. «Pitfalls» of the contract for the carriage of goods by road, concluded by a citizen exclusively for needs not related to entrepreneurial and other economic activities / S. V. Pakhomov, V. I. Fathi // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 75–82.

Активное пользование гражданами электронными площадками, созданными для поиска и размещения объявлений о предоставлении услуг и продаж (приобретений) товаров по типу Авито, ЯндексУслуги, Юла и др., обусловлено факторами массового потребления. За счет удобного алгоритма их использования, быстрого и бесплатного поиска необходимых товаров и услуг, широкого спектра объектов поиска количество обращений пользователей к данным площадкам продолжает неуклонно расти. Например, согласно данным исследования, проведенного сервисом «Авито Услуги» и агентством «Data Insight», суммарно за последний год россияне сделали примерно 2,6 млрд заказов у самозанятых исполнителей и компаний малого и среднего бизнеса, при этом 55 % всех провайдеров услуг, которые публикуют свои предложения в Интернете, используют именно площадку Авито ².

Наряду с этим прослеживается негативная тенденция предоставления услуг, которые осуществляются хоть и в правовых рамках, однако с доктринальных позиций морально-нравственных начал гражданских правоотношений обладают в определенной степени признаком недобросовестности в части злоупотребления одним из основополагающих принципов частного права – принципом свободы договора (в части злоупотребления свободой определения условий договора). Безусловно, это обстоятельство не влечет за собой отрицательных юридических последствий для субъектов, оказывающих соответствующие услуги, но при этом при равных рыночных условиях дает возможность необоснованно завышать стоимость оказываемых услуг. Одним из примеров тому является предоставление коммерческих услуг по перевозке грузов частным лицам.

Перевозка грузов является одной из основополагающих отраслей экономики современного мира [1, с. 2]. Казалось бы, суть договора перевозки груза очень проста. Одна сторона (перевозчик) за плату обязуется переместить груз, принадлежащий другой стороне (отправителю), из точки А в точку Б. Однако в процессе практической реализации перевозки грузов суть договора раскрывается через призму целого ряда специфических правоотношений, включающих, во многом самоорганизацию действий их участников.

Для злоупотребления свободой договора в сфере оказания услуг перевозки грузов характерна часть тех признаков, с помощью которых М.В. Кратенко описал «феномен злоупотребления субъективным правом»: видимость легальности поведения субъекта;

²За клиентами – на «Авито Услуги». Как предприниматели в сфере услуг развивают свой бизнес на Авито. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5501267> (дата обращения: 12.09.2024).

осознание лицом незаконности своих действий (наличие умысла); причинение ущерба другим лицам вследствие совершения вышеуказанных действий [2, с. 22]. В основе выбора грузоотправителем того или иного перевозчика лежит характер отражаемой на странице объявления информации о перевозчике, наличие положительных отзывов, фотоизображений и других характеристик, обусловленных принципами современного маркетинга. Субъективное восприятие заказчиком сведений о перевозчике продуцирует у заказчика определенный уровень доверия к последнему, что и предопределяет возможность дальнейшего злоупотребления правом в установлении условий договора со стороны недобросовестного грузоперевозчика.

Для заказчика услуги важную роль играет стоимость перевозки, сроки доставки и вопрос обеспечения сохранности грузов. С учетом сложившейся практики частных грузоперевозок лицами, представляющими такие услуги, их стоимость тарифицируется двумя способами: исходя из количества затраченного времени – почасовая оплата, либо в зависимости от количества предметов, которые необходимо погрузить или выгрузить (т. е. повременная и сдельная системы оплаты услуг перевозки). Цена услуги перевозки грузов определяется свободным соглашением сторон (произвольно), а выплата вознаграждения обычно производится после окончания работ и единовременно. При этом следует подчеркнуть, что разъяснение перевозчиком в удаленном формате способов тарификации фактически не дает потенциальному клиенту полного представления о принципах ценообразования, в частности за счет дополнительно включаемых услуг. В том числе и по причине отсутствия на странице объявления перевозчика прайс-листа на оказываемые услуги с апеллированием к тому, что стоимость услуги рассчитывается индивидуально.

Вышеуказанные обстоятельства порождают риски для заказчика, требующие более подробного рассмотрения. Для наглядности исследовать данный вопрос целесообразно на основе реального примера. Обратим внимание, что мы не ставим целью настоящей статьи сравнительно правовой анализ и разграничение конструкций договора перевозки груза и договора транспортной экспедиции, поэтому объединяем их в единый блок отношений с перевозчиком. Кроме того, в рассматриваемом примере стороны заключили смешанный договор, включающий элементы договора перевозки груза и договора транспортной экспедиции.

Найдя объявление об оказании услуг перевозки на популярной интернет-платформе для поиска и размещения объявлений, А позвонил в компанию N и поинтересовался стоимостью услуг для перевозки дивана, двух стульев и обеденного стола. Диспетчер проконсультировал, что услуги подачи двух грузчиков и «ГАЗели» стоят 1 240 руб. за два часа. В установленное время на адрес загрузки приехала машина «ГАЗель» и два грузчика, после чего перевозимые вещи были загружены. После этого груз доставили по тому адресу, где находился А. До начала разгрузки водитель-экспедитор К. предъявил мебель и предложил грузоотправителю подписать договор перевозки. В договоре на первой странице была указана вся предусмотренная законодательством как необходимая информация об исполнителе (перевозчике), место для информации о заказчике, а также перечень перевозимых вещей. А, будучи уверенным в том, что стоимость услуги является той, которая и была оговорена, подписал договор с указанием своих паспортных данных. Однако после подписания договора экспедитором была озвучена сумма за оказанную услугу, значительно превышающая оговоренную, а именно 18 000 руб. На возражение А последовал ответ, что подписанный договор свидетельствует о согласии заказчика со всеми его условиями, включая прайс-лист с дополнительными услугами, а информация, полученная от оператора, на момент связи носила ориентировочный характер. Здесь следует отметить, что размещение подобных объявлений и их информационное сопровождение часто осуществляется лицами, которые принимают заявки, направляют их лицам, фактически осуществляющим погрузку, транспортировку и разгрузку перевозимых объектов.

Отметим, что подобная практика достаточно типична в обстоятельствах оказания рассматриваемых видов услуг, поэтому следует выделить ряд важных моментов, названных нами в наименовании статьи «подводными камнями», на которые необходимо обратить внимание при заключении договора перевозки грузов.

По своей правовой природе договор перевозки грузов, заключенный с использованием интернет-платформ, ничем не отличается от традиционного способа заключения гражданско-правового договора. Отношения по перевозке регулируются гл. 40 ГК РФ, транспортными уставами и кодексами, а также соглашением сторон. В части, не урегулированной специальными законами, на отношения, возникающие из договора перевозки груза или договора

транспортной экспедиции (в случае, если предполагается широкий комплекс услуг, включающий в себя полную организацию процесса доставки груза в пункт назначения), которые заключены гражданином исключительно для нужд, не связанных с предпринимательской и иной экономической деятельностью, распространяется Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»³. При этом не важно, кто именно осуществляет перевозку – сам экспедитор или привлеченное им третье лицо, поскольку экспедитор вправе привлекать третьих лиц для выполнения обязательств по договору транспортной экспедиции (п. 1 ст. 805 ГК РФ).

Для договора перевозки законодательством Российской Федерации установлена письменная форма. В силу п. 2 ст. 785 ГК РФ, заключение договора перевозки груза подтверждается составлением и выдачей отправителю груза транспортной накладной (коносамента или иного документа на груз, предусмотренного соответствующим транспортным уставом или кодексом). Отсутствие предусмотренных законом документов может привести к тому, что при рассмотрении спора суд придет к выводу о недоказанности самого факта заключения договора перевозки, факта передачи груза для перевозки и непосредственно самого факта перевозки⁴.

В качестве подтверждения факта предоставления исполнителем услуг перевозки либо ее организации, а не информационных услуг (если лицо, получившее заявку на перевозку грузов сообщает, что он только предоставил необходимые сведения, но сам перевозку не осуществлял), судом принимаются во внимание скриншоты с официального сайта контрагента по договору перевозки, скриншоты СМС-сообщений с телефона о времени и стоимости перевозки, аудиозаписи разговоров, выписки из ЕГРЮЛ об осуществлении деятельности, связанной с предоставлением услуг по перевозкам⁵. Однако такому диспетчеру должно быть предоставлено право предъявления доказательств того, что перевозку груза осуществляла какая-либо иная организация⁶.

В нашем примере диспетчер, предоставляющий информацию о стоимости услуг по телефону, и лицо, предоставившее в итоге услугу перевозки, представлены разными субъектами.

В договоре перевозки грузов должны быть определены сведения, позволяющие индивидуализировать груз (вид, количество и т. д.); вид транспорта; пункт назначения (маршрут перевозки); наименование получателя груза. Вместе с тем, заказчику надлежит знать, что оплата за перевозку грузов автомобильным транспортом устанавливается по соглашению сторон, а не на основании тарифов, устанавливаемых или регулируемых уполномоченными государственными органами или органами местного самоуправления. Таким образом, стороны свободны в определении стоимости услуги грузоперевозки, однако, до заключения договора перевозки груза перевозчик по требованию грузоотправителя обязан представить документ (прейскурант), содержащий сведения о стоимости услуг перевозчика и порядке расчета провозной платы (п. 9 Правил перевозок грузов автомобильным транспортом, утв. постановлением Правительства РФ от 21 декабря 2020 г. № 2 200).

В приведенном примере заказчик не истребовал вышеуказанные сведения до начала оказания услуг, а после подписания договора утратил возможность отказаться от оплаты услуг по завышенным тарифам. Между тем отсутствие в договоре указания на стоимость оказываемых услуг не свидетельствует о безвозмездности договора, а лишь порождает у исполнителя право требовать от заказчика оплаты своих услуг на основании п. 3 ст. 424 ГК РФ⁷. Данное обстоятельство, по сути «развязывает руки» недобросовестным перевозчикам, которые устанавливают необоснованно завышенные цены, включают в договор дополнительные, невыгодные для потребителя условия.

Как правило, в договорах перевозки установлена обязанность заказчика оплатить все расходы, связанные с перевозкой груза в соответствии с действующими тарифами. Заказчик справедливо полагает, что в оказание транспортной услуги входят только три элемента: погрузка, перемещение и разгрузка. Таким образом, цена договора складывается

³ Апелляционное определение Московского районного суда г. Калининграда Калининградской области от 11 мая 2023 г. по делу № 11-52/2023, апелляционное определение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 25 мая 2023 г. по делу № 11-133/2023, решение Свердловского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 03 мая 2023 г. по делу № 2-410/2023. ЭПС «Система ГАРАНТ».

⁴ Решение суда г. Москвы от 16 октября 2019 г. по делу № А40-189070/2019. ЭПС «Система ГАРАНТ».

⁵ Апелляционное определение Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга от 06 апреля 2023 г. по делу № 11-8/2023. ЭПС «Система ГАРАНТ».

⁶ Решение мирового судьи судебного участка № 2 Арзамасского района Нижегородской области от 22 августа 2023 г. № 2-1318/23. ЭПС «Система ГАРАНТ».

⁷ Решение мирового судьи судебного участка № 5 Октябрьского района города Тамбова от 30 июля 2020 г. № 2-949/20. ЭПС «Система ГАРАНТ».

из стоимости услуг по самой перевозке груза и стоимости услуг по погрузке и выгрузке (работа грузчиков), которые указываются в заявке. Однако в договор могут быть включены неожиданные для потребителя условия, требующие оплаты. В частности, обязательство об оплате подачи автомобиля для грузоперевозки. В приведенном ранее примере, в договоре содержалось условие о включении в тариф двух часов оплачиваемой подачи заказанного автомобиля не зависимо от того, воспользовался в итоге грузоотправитель услугой или нет. При этом данное условие стало возможным увидеть только когда исполнитель уже прибыл к месту загрузки. Также в договоре за нарушение сроков оплаты работ предусматривалось право исполнителя требовать уплаты заказчиком пени в размере 5 % от стоимости выполненных работ за каждый день просрочки. В случае работы в вечернее время (после 18:00), в выходные и праздничные дни стоимость услуг возрастала на 40 %. А «деликатная укладка и фиксация ремнями груза» не предполагалась исполнителем как обязательная для обеспечения сохранности перевозимого груза, а оценивалась в 4 000 руб.

Поскольку в приводимом примере перевозка осуществлялась в воскресенье, то стоимость оказанной услуги на основании договора возросла на 40 %, вместе с тем, данное обстоятельство заблаговременно не было доведено до сведения заказчика в телефонном режиме, а указано в прайс-листе в качестве сноски.

Возможность признать договор недействительным, ссылаясь на положения ст. 179 ГК РФ о недействительности сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы, введения в заблуждение также отсутствует, даже при условии, что заказчик в условиях приводимого примера в судебном порядке захотел бы оспорить действия исполнителя. Как подчеркивает В.Л. Вольфсон, «принцип разумности субъектов гражданского права означает, что, во-первых, они в дееспособном состоянии имеют полную (при условии, что она не ограничена аффектом – ст. 177), возможность самостоятельно распознавать и определять свои интересы, а во-вторых, выражают эти интересы в условиях договора в полном соответствии с таким, т. е. собственным, их пониманием» [3].

На это обстоятельство указывает и судебная практика, в частности, решение Промышленного районного суда г. Самары от 15 февраля 2024 г. по делу № 2-742/2024. В нем отмечено, что тот факт, что грузоотправитель сам «откликнулся на объявление ответчика об оказываемых услугах на сайте «Авито» и обратился к ответчику с целью заключения договора и последующего оказания услуг по перевозке вещей, опровергает утверждения истца о понуждении к заключению договора. Суд приходит к выводу о том, что, подписывая договор на выполнение погрузочно-разгрузочных работ, а также изучая приложение к нему, в котором четко прописана стоимость каждой из оказываемой ответчиком услуги с учетом единицы объема, истец понимал содержание договора, в противном случае он бы не был подписан. Кроме того, судом учитывается, что сторонами договора согласовано условие о том, что окончательная стоимость выполненных работ определяется по завершении выполнения таких работ, поскольку их объем подлежит определению на месте их выполнения с учетом указаний и пожелания заказчика, таким образом, заказчик, имея информацию об объеме необходимых ему услуг «...», вполне имел возможность математическим расчетом определить итоговую стоимость работ по перевозке вещей»⁸.

Это одна из причин, по которым исполнитель создает условия эмоционального напряжения, оказывает психологическое воздействие на исполнителя посредством требования незамедлительного подписания договора, упреждая тем самым возможность детального ознакомления с договором. Как правило, первая страница такого договора не отражает каких-либо значительных условий оказываемых услуг, а также содержит раздел акта приема-передачи груза с поименованием перевозимых объектов, поэтому фактически создает видимость того, что и объем, и стоимость указанных услуг не превышает ранее оговоренных. Более того, такая структура договора иногда позволяет прямо вводить заказчика в заблуждение, поскольку исполнитель предлагает подписать заказчику якобы акт приема-передачи груза, который является составным элементом договора. Вместе с тем, подписав акт приема-передачи, заказчик фактически подписывает невыгодный для себя договор, тем самым принимая все его условия, не ознакомившись с ними в полной мере. И даже отказ от дальнейших услуг перевозчика до начала погрузки груза, но после прибытия транспорта к месту погрузки после подписания договора, влечет за собой обязанность заказчика оплатить затраты по подаче транспортного средства к месту погрузки. Это обстоятельство предопределяет важность изучения заказчиком содержания договора и приложений к нему до оставления заявки на оказание услуг по перевозке.

⁸Решение Промышленного районного суда г. Самары от 15 февраля 2024 г. по делу № 2-742/2024. ЭПС «Система ГАРАНТ».

Важно и то, что в случае отказа заказчика от оплаты услуг, в соответствии с ч. 4 ст. 790 ГК РФ, перевозчик имеет право удерживать переданные ему для перевозки грузы и багаж в обеспечение причитающихся ему перевозной платы и других платежей по перевозке. Факт оказанных исполнителем услуг предполагает выдачу заказчику кассового чека, что практически всегда игнорируется исполнителем, и не имеет существенного значения для заказчика. Вместе с тем в типовых договорах перевозки часто предусматривается расчет наличными денежными средствами, что создает возможность получить исполнителем неучтенный доход либо часть неучтенного дохода, путем не отражения сведений о нем в документах бухгалтерского (налогового) учета.

Часто при отсутствии необходимого количества наличных средств у заказчика экспедитор предлагает осуществить безналичный перевод через систему банковского платежа на указанный им расчетный счет, который, как правило, принадлежит третьему лицу и не имеет прямого отношения к осуществляемой экспедитором предпринимательской деятельности. Все чаще расчеты предлагается осуществлять через такие платежные системы как, например, Озон-банк.

Однако данный факт непосредственно не входит в предмет договора, а, следовательно, не может оцениваться с точки зрения качества оказанной услуги, но может выступать признаком недобросовестности лица, предоставляющего услугу. Исполнение обязанности по выдаче кассовых чеков регулируется административно-правовыми нормами.

Следующим проблемным моментом транспортно-экспедиционных договоров с участием гражданина-потребителя является вопрос возмещения причиненного ущерба. И перевозчик, и экспедитор несут ответственность в виде возмещения реального ущерба, причиненного утратой, недостачей, повреждением (порчей) груза (ст. 796 ГК РФ, п. 1 ст. 7 Федерального закона от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»). В рассматриваемый нами договор было включено условие об освобождении исполнителя от ответственности за сохранность груза в случае вмешательства заказчика в работу. Но что под собой подразумевает «вмешательство» в договоре не раскрывается. Полагаем, что дача какого-либо совета по транспортировке объектов со стороны заказчика вполне может трактоваться как форма вмешательства. Однако заказчику следует учитывать, что включенное в договор условие об устранении имущественной ответственности экспедитора или уменьшении ее размеров, установленных законодательством Российской Федерации, является ничтожным. Разъяснения аналогичного содержания даны в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции». К таким правоотношениям можно применить и нормы о деликтной ответственности в том случае, если в суд за возмещением вреда причиненного имуществу обращается его собственник⁹.

В соответствии с требованиями законодательства экспедитор несет ответственность перед клиентом в виде возмещения реального ущерба за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза после принятия его экспедитором и до выдачи груза получателю, указанному в договоре транспортной экспедиции, либо уполномоченному им лицу, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) груза произошли вследствие обстоятельств, которые экспедитор не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело. По смыслу правовых норм вина экспедитора презюмируется, обратное должен доказать экспедитор.

При этом следует обратить внимание на необходимость проверки груза на предмет наличия повреждений до подписания акта приемки. Либо представить суду «бесспорные и убедительные доказательства тому, что повреждение товара произошло до момента его передачи потребителю», т. е. в процессе перевозки, что фактически крайне сложно¹⁰. Однако возможно. Например, в случае, если в экспертном заключении, представленном в суд, будет установлено, что повреждение груза произошло в процессе организации оказания услуг, связанных с перевозкой груза¹¹.

Кроме того, даже если перевозчик (экспедитор) возместил причиненный заказчику материальный ущерб, он не освобождается от ответственности за причиненный моральный

⁹ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 06.08.2015 № 33-140/2015 по делу № 2-116/2014. ЭПС «Система ГАРАНТ».

¹⁰ Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01 марта 2022 г. по делу № 8Г-27607/2021[88-2849/2022-(88-25001/2021)]. ЭПС «Система ГАРАНТ».

¹¹ Решение Мирового судьи судебного участка № 6 г. Балаково Саратовской области от 22 марта 2013 г. № 2-4/13). ЭПС «Система ГАРАНТ».

вред. В таком случае основанием для удовлетворения требований о взыскании компенсации морального вреда является сам факт нарушения прав потребителей¹².

Анализируя причины, по которым распространена практика скрытого завышения стоимости услуг по перевозке грузов по договорам, заключаемым с использованием интернет-платформ для поиска и размещения объявлений, можно выделить следующие обстоятельства:

1. Обезличенность субъектов, размещающих и продвигающих предложения об оказании соответствующих услуг. Грузоотправитель изучает объявление о перевозке груза, содержащее информацию о существенных условиях договора (цена, сроки, механизм выполнения), откликается на объявление, тем самым принимая оферту (предложение) грузоперевозчика (экспедитора). Детальное же обсуждение основных условий между контрагентами осуществляется преимущественно в онлайн-режиме, без личной встречи и подписания бумажного документа. По факту, грузоотправитель получает бумажный документ со всеми расценками в лучшем случае уже по прибытию грузоперевозчика, когда груз подготовлен, выбрано удобное время.

2. Презюмирование свободы предпринимательства, самостоятельности в выборе форм и методов ведения предпринимательской деятельности ограничивает возможность формирования для каждого региона единых тарифов за основные и дополнительные виды услуг по перевозке грузов. Вместе с тем без заранее изученных тарифов потребителю сложно сравнить предложения разных грузоперевозчиков и выбрать наиболее приемлемое, что создает неравные условия конкуренции.

3. Недостаточный уровень правовой грамотности населения. Не понимая тонкостей юридических формулировок, в условиях ограниченного времени, потребитель может подписать договор с невыгодными для себя условиями. В приведенном примере договора это и условия с завышенной ценой, дополнительными услугами, установлением пени за задержку оплаты, освобождением грузоперевозчика от ответственности за повреждение груза и т. д.

Отчасти решение указанных проблем видится в формировании и повышении уровня правовой грамотности населения в части реализации законных прав потребителей. Заключение договоров (в какой бы то ни было форме) требует обязательного изучения условий предлагаемых услуг путем непосредственного прочтения договора и приложений к нему, выяснение причин включения в тарифы дополнительных услуг, в том числе косвенного характера. В связи с этим у перевозчика (оператора) следует истребовать типовой договор путем отправки на адрес электронной почты, и после ознакомления с ним, уточнить, могут ли быть внесены в него не согласованные с заказчиком изменения. В случае положительного ответа – отказаться от услуг данного перевозчика.

Потребителю следует помнить, что наличие большого количества положительных отзывов на площадке рассматриваемых сервисов не являются объективным отражением реальной ситуации. Несмотря на то, что многие администраторы таких площадок модерируют отзывы, в том числе с целью выявления подозрительных паттернов, на просторах Интернета содержится множество предложений по написанию положительных отзывов людьми, что значительно усложняет процесс установления «заказных» отзывов.

Следует помнить, что недобросовестные перевозчики осуществляют подготовку договорной документации посредством привлечения квалифицированных юристов, знающих правоприменительную практику и умеющих выгодно для себя трактовать нормы законодательства. Исполнителям известны особенности манипулирования сведениями, способами их подачи и психологического воздействия на потребителей впервые сталкивающимися с грузоперевозками. Свидетельством тому являются многочисленные факты обмана потребителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Назаров М.Ю. Гражданско-правовая ответственность перевозчика при смешанных перевозках грузов: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2023.
2. Кратенко М.В. Злоупотребление свободой договора: частноправовые и публично-правовые аспекты. «Волтерс Клувер» («Wolters Kluwer»), 2010.
3. Вольфсон В.Л. После ВАС: доктрина свободы договора в современном российском правоприменении // Закон. 2016. № 9.

¹²Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 марта 2021 г. № 78-КГ20-71-К3. ЭПС «Система ГАРАНТ».

REFERENCES

1. Nazarov M.Yu. Civil liability of the carrier in mixed transportation of goods: dis... PhD in Law. Perm, 2023.
2. Kratenko M.V. Abuse of freedom of contract: private law and public law aspects. «Wolters Kluwer». 2010.
3. Wolfson V.L. After the Supreme Arbitration Court: the doctrine of freedom of contract in modern Russian law enforcement // Law. 2016. № 9.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пахомов Сергей Валерьевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника (по научной работе). Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Фатхи Валентина Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pakhomov Sergei Valerevich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head (for Science). Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Fatkhi Valentina Igorevna, PhD in Law, Associate Professor, Head of the department of civil law disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.135

**СВИДЕТЕЛЬ КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Айвазова Ольга Владиславовна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
olgavladislavovna72@rambler.ru

Введение: действующий уголовно-процессуальный закон, дифференцировав участников уголовного судопроизводства по такому приоритетному критерию, как принадлежность к одной из состязających сторон (обвинения или защиты, реализующих одноименные процессуальные функции), сохранил и такую «нейтральную» по обозначенному показателю группу субъектов, как «иные участники уголовного судопроизводства» (гл. 8 УПК РФ). Отличительными особенностями таких участников является отсутствие правового интереса к результатам расследования по уголовному делу, в силу не отнесенности их непосредственно ни к лицам, которым в результате совершения противоправных действий причинен вред (физический, имущественный, моральный), ни к лицам, подозреваемым или обвиняемым в причинении такого вреда умышленно или по неосторожности. Как следствие, регламентированный в соответствующих нормах УПК РФ их процессуальный статус предусматривает более усеченный объем возможностей в плане представления и отстаивания собственной позиции, по существу как установления основного вопроса по делу, так и разрешения текущих задач, во всяком случае – по сравнению с субъектами, лично либо по должности заинтересованными в определенном исходе дела. При этом к данным субъектам законодатель относит как физических лиц (свидетеля; лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, и в этой связи уголовное дело в его отношении выделено в отдельное производство; понятых), так и лиц, реализующих в рамках данного уголовного дела определенные служебные полномочия (эксперта, специалиста, переводчика). Основное предназначение субъектов, указанных в гл. 8 УПК РФ, проявляется в предоставлении в установленном законом порядке и в пределах имеющихся у них прав, обязанностей, а также с учетом возложенных ограничений, доказательственной и иной юридически значимой информации, посредством участия в производстве следственных и иных процессуальных действий. Таким образом, будучи не наделенными лично обязанностью реализации одной из уголовно-процессуальных функций, эти лица участвуют в уголовном судопроизводстве, выступая на стороне обвинения или защиты, – в зависимости от того, какая из сторон инициирует их участие. Не ставя перед собой задачу рассмотрения всех неоднозначных вопросов регламентации и применения соответствующих правовых предписаний применительно к участникам уголовного судопроизводства, представленным в гл. 8 УПК РФ, в рамках данной статьи обратим внимание на нормативную конструкцию процессуального статуса свидетеля и возникающие при этом дискуссионные вопросы.

Материалы и методы: в ходе исследования применялся комплекс общепризнанных методов научного познания, среди которых – системно-структурный, формально-логический, конкретно-социологический, индуктивный и дедуктивный, аналитический и синтетический методы. Авторская научная позиция формировалась на базе доктринальных положений уголовно-правовых наук. В эмпирическую базу вошли материалы 54 уголовных дел о преступлениях против личности, собственности, в сфере экономики, а также иных преступных посягательствах.

Результаты исследования: в статье получили освещение актуальные вопросы участия свидетеля как субъекта уголовного судопроизводства. Затронуты неоднозначные вопросы соотношения с участниками уголовного судопроизводства, имеющими иной процессуальный статус. Проанализированы права и обязанности свидетеля, указано на несовершенство норм, регулирующих процессуальный статус исследуемого участника судопроизводства.

Выводы и заключения: регламентация нормы, представляющей определение понятия свидетеля, а также его права и обязанности, нуждается в приведении в соответствие с реальным процессуальным статусом свидетеля, что побудило в рамках настоящей статьи представить собственное видение данного участника процесса, а также разработать вариант нормы ч. 1 ст. 56 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное дело, уголовное преследование, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, стороны, уголовно-процессуальные функции, обвинение и защита, потерпевший, свидетель, права и законные интересы.

Для цитирования: Айвазова О. В. Свидетель как субъект уголовного судопроизводства: актуальные вопросы регламентации и правоприменения / О. В. Айвазова // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). 83–89.

Original paper

A WITNESS AS A SUBJECT OF CRIMINAL PROCEEDINGS: CURRENT ISSUES OF REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Aivazova Olga Vladislavovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the current criminal procedure law, having differentiated participants in criminal proceedings by such a priority criterion as belonging to one of the competing parties (the prosecution or the defense, implementing the same procedural functions), also retained such a «neutral» group of subjects by the designated indicator as «other participants in criminal proceedings» (Chapter 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). The distinctive features of such participants are the absence of a legal interest in the results of the investigation of a criminal case, due to their not being directly related to persons who have suffered harm (physical, property, moral) as a result of committing illegal actions, or to persons suspected or accused of causing such harm intentionally or through negligence. As a consequence, their procedural status, regulated in the relevant provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, provides for a more limited scope of opportunities in terms of presenting and defending their own position, both in essence, establishing the main issue in the case and resolving current problems, at least in comparison with subjects who are personally or officially interested in a certain outcome of the case. At the same time, the legislator classifies these subjects as both individuals (a witness; a person with whom a pre-trial cooperation agreement has been concluded, and in this regard, the criminal case against him has been separated into separate proceedings; attesting witnesses) and persons exercising certain official powers within the framework of this criminal case (an expert, a specialist, an interpreter). The main purpose of the subjects specified in Chapter 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is to provide, in the manner prescribed by law and within the limits of their rights, obligations, and taking into account the imposed restrictions, evidentiary and other legally significant information through participation in the production of investigative and other procedural actions. Thus, not being personally assigned the duty to implement one of the criminal procedural functions, these persons participate in criminal proceedings, acting on the side of the prosecution or defense, depending on which of the parties initiates their participation. Without setting ourselves the task of considering all the controversial issues of regulation and application of the relevant legal provisions in relation to participants in criminal proceedings, presented in Chapter 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, within the framework of this article we will pay attention to the normative structure of the procedural status of a witness and the controversial issues arising in this regard.

Materials and methods: in the course of the study, a set of generally recognized methods of scientific knowledge was used, including systemic-structural, formal-logical, concrete-sociological, inductive and deductive, analytical and synthetic methods. The author's scientific position was formed on the basis of the doctrinal provisions of criminal law sciences. The empirical base included materials from 54 criminal cases on crimes against the person, property, in the economic sphere, as well as other criminal encroachments.

Results of the study: the article covers current issues of witness participation as a subject of criminal proceedings. Controversial issues of the relationship with participants in criminal proceedings who have a different procedural status are touched upon. The rights and obligations of the witness are analyzed, the imperfection of the rules regulating the procedural status of the studied participant in the proceedings is indicated.

Findings and conclusions: the regulation of the norm representing the definition of the concept of a witness, as well as his rights and obligations, needs to be brought into line with the real procedural status of a witness, which prompted us to present our own vision of this participant in the process within the framework of this article, as well as to develop a version of the norm of Part 1 of Article 56 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal case, criminal prosecution, criminal proceedings, criminal process, parties, criminal procedural functions, prosecution and defense, victim, witness, rights and legitimate interests.

For citation: Aivazova O. V. A witness as a subject of criminal proceedings: current issues of regulation and law enforcement / O. V. Aivazova // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). 83–89.

Определение понятия «свидетель», а также его процессуальный статус, представлены в ст. 56 УПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 156 УПК РФ, свидетелем признается лицо, которое: а) осведомлено о каких-либо обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела; б) вызвано для дачи показаний, за исключением случаев, исключающих допрос определенных лиц в качестве свидетелей.

Таким образом, как следует из конструкции вышеуказанной нормы, определение понятия свидетеля включает два обязательных компонента: 1) обладание информацией, значимой для расследования и разрешения уголовного дела; 2) факт вызова данного лица уполномоченным сотрудником для дачи показаний, если владеющее информацией лицо не относится к субъектам, не подлежащим допросу. Прокомментируем далее эти компоненты.

Характерно, что, конструируя определение понятия свидетеля, законодатель обращает внимание на приоритет «информационного» компонента. В отличие от потерпевшего (поскольку понятие потерпевшего связывается с фактом причинения ему вреда в результате совершенного преступления – ст. 42 УПК РФ), подозреваемого (здесь акцентируется внимание на фактах: возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, задержания, применения меры пресечения, уведомления о подозрении – ст. 46 УПК РФ), обвиняемого (необходимым критерием выступает вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта, либо составление обвинительного постановления – ст. 47 УПК РФ). Ведь по большому счету, все вышеуказанные лица (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, свидетель) так или иначе осведомлены относительно обстоятельств, имеющих значение для расследования или разрешения уголовного дела, более того, представители сторон, по общему правилу, имеют личный интерес к результатам расследования, будучи вовлечены в уголовно-процессуальные правоотношения представителями противоположных уголовно-процессуальных функций.

Однако, в отличие от подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего, свидетель считается лицом, не реализующим личный интерес к результатам расследования. И хотя зачастую это вполне соответствует действительности, тем не менее, не редки ситуации, при которых отнесение свидетеля к незаинтересованным участникам уголовного судопроизводства весьма условно.

Так, например, по делам о насильственных преступлениях в семейно-бытовой сфере, где свидетелями могут проходить различные родственники, члены семьи, иные лица, входящие в окружение участников конфликта, эти свидетели зачастую принимают сторону одного из участников конфликта (разумеется, чаще всего – пострадавшего), солидаризируясь с последним в их позиции по уголовному делу и по существу выдвинутого обвинения.

Если последствием насильственных (либо иных противоправных) действий явилась смерть пострадавшего, то, в соответствии с ч. 8 ст. 42 УПК РФ, правами потерпевшего наделяется один из его близких родственников и (или) близких лиц, а при отсутствии таких лиц или невозможности их участия в уголовном процессе – один из родственников.

Характерно, что предыдущая (ныне утратившая силу) редакция ч. 8 ст. 42 УПК РФ ограничивалась возможностью предоставления прав потерпевшего лишь одному из близких родственников погибшего. Конечно, это не удовлетворяло актуальных потребностей правоприменительной практики. Далеко не в каждом случае имелись близкие родственники, способные как по своим морально-этическим и деловым качествам, так и по физическому и/или психологическому состоянию, самочувствию, образу жизни и т. д. на должном уровне отстаивать законные интересы погибшего, в том числе защищая его честь и достоинство от попыток подозреваемого, обвиняемого переложить ответственность за случившееся на потерпевшего и якобы его неправомерные действия. Например, к сожалению, не являются редкостью ситуации причинения смерти в процессе конфликта на семейно-бытовой почве [1, с. 25–28; 2, с. 36–39], возникшего между самими близкими родственниками. Кроме того, в современных условиях либерализации брачно-семейных отношений далеко не все лица, совместно проживающие (даже на протяжении длительного времени) и ведущие общее хозяйство и бюджет, а также выполняющие общие обязательства гражданско-правового характера, состоят в зарегистрированном браке. Поэтому такие лица (в терминологии уголовного процесса именуемые близкими лицами) зачастую психологически и фактически гораздо ближе к пострадавшему, нежели иные близкие родственники, отношения с которыми во многом носят формальный характер.

Итак, действующая редакция ч. 8 ст. 42 УПК РФ предоставляет возможность наделения правами потерпевшего одного из близких родственников и/или близких лиц. Таким образом, буквальное прочтение этого положения (в части употребления союзов «и/или»)

позволяет предоставлять права потерпевшего в первую очередь: либо одному из близких родственников и одному из близких лиц, либо по одному лицу из числа каждой из этих двух категорий. Причем в данном случае близкие родственники и близкие лица находятся в равных процессуальных условиях. Лишь при отсутствии близких родственников и близких лиц, а равно невозможности их участия в уголовном процессе (в том числе: в силу их причастности к совершенному преступлению, негативных взаимоотношений с пострадавшим до момента совершения преступления и т. д.), в качестве такового может быть допущен один из родственников. Однако зачастую при этом иные близкие родственники, близкие лица, родственники проходят по этим же уголовным делам в качестве свидетелей, несмотря на то, что владеют аналогичным объемом криминалистически значимой информации и вряд ли нейтрально относятся к результатам расследования и судебного рассмотрения дела. В подобных случаях разграничение между потерпевшими и свидетелями носит условный и формальный характер.

Поэтому, говоря об осведомленности относительно обстоятельств, значимых для расследования и разрешения уголовного дела как одной из составляющих статуса свидетеля, следует также обращать внимание на отсутствие у лица иного процессуального статуса по уголовному делу. Так, например, уголовные дела не всегда возбуждаются в отношении конкретных лиц. Не являются редкостью ситуации, когда на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела отсутствуют данные о лице, позволяющие его обоснованно заподозрить в причастности к совершению преступления. В то же время очевидно обладание этим лицом значимой для дела информацией, в соответствии с чем такое лицо подлежит допросу в качестве свидетеля. По мере постепенного накопления в деле доказательств, указывающих на связь этого лица с совершенным деянием и на его причастность к преступному посягательству, статус лица меняется на подозреваемого, затем на обвиняемого. В частности, уголовно-процессуальная деятельность применительно к расследованию целого ряда преступлений экономической и/или служебной направленности [3, с. 127–136; 4, с. 55–58] характеризуется тем, что зачастую возбуждение уголовного дела происходит по факту преступления, а не в отношении конкретных лиц, что предопределяет высокую вероятность допроса в качестве свидетелей лиц, впоследствии признаваемых подозреваемыми и/или обвиняемыми.

Разумеется, не менее типичны и обратные ситуации, когда лицо, вовлеченное в уголовно-процессуальные отношения в качестве подозреваемого или потерпевшего, по мере более полного установления фактических обстоятельств произошедшего события, утрачивает изначальный статус. Например, лицо было признано подозреваемым под влиянием оговора или самооговора (в том числе в результате неверной оценки ситуации), а равно в результате инсценировок как действий по сокрытию истинных обстоятельств события, но затем установлена причастность к преступлению другого лица и непричастность первого лица. В отношении потерпевшего актуален пример, когда степень тяжести причиненного вреда здоровью далеко не всегда очевидна, а необходимым условием привлечения к уголовной ответственности, в частности по ст. 264 УК РФ, выступает факт причинения тяжкого вреда здоровью или смерти. Такие категории, как причинение вреда здоровью человека, продолжительность лечения, эффективность оказанной медицинской помощи, носят сложный и отчасти индивидуальный характер. И хотя существуют медицинские критерии для определения степени тяжести причиненного вреда, окончательный вывод можно сделать лишь после завершения лечения и оказания медицинской помощи, максимально возможной в конкретной ситуации. Соответственно, если по итогу установлено, что в результате действий водителя автотранспортного средства пострадавшему (либо одному из пострадавших) причинен легкий либо средней тяжести вред здоровью, то такое лицо утрачивает статус потерпевшего и далее может проходить по делу в качестве свидетеля.

Рассматривая содержательный аспект осведомленности свидетеля относительно обстоятельств, значимых для расследования и разрешения дела, необходимо отметить владение не только (не обязательно) сведениями, образующими предмет доказывания в соответствии со ст. 73 УПК РФ [5, с. 60–62], но и различными данными промежуточного характера (не указывающими напрямую на эти сведения, но представляющие информацию, способствующую, путем ее рационального использования, дальнейшему установлению обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ). На это указывает ч. 2 ст. 79 УПК РФ, констатирующая, что свидетель может быть допрошен по существу любых имеющих значение обстоятельств, в том числе относительно характеристики личности потерпевшего, обвиняемого (надо полагать, что и подозреваемого, хотя законодатель не называет

прямо этого участника в анализируемом положении), своих взаимоотношений с иными участниками процесса. Представляется, что не менее допустимо в ходе допроса свидетеля выяснение обстоятельств известных допрашиваемому взаимоотношений и между любыми иными лицами, проходящими по данному уголовному делу (помимо их взаимоотношений с допрашиваемым лично).

Второй компонент уголовно-процессуального статуса свидетеля связывается законодателем с вызовом этого лица для дачи показаний. Как известно, процессуальной формой формирования и фиксации показаний выступает допрос (а также очная ставка как специфическая разновидность одновременного допроса [6] двух лиц). На это указывает и ч. 1 ст. 79 УПК РФ, дающая определение понятия «показания свидетеля» как сведений, сообщенных на допросе, проведенном в установленном порядке, на этапе досудебного производства или в суде. При проведении иных следственных действий познавательного характера (в частности, выемки, обыска, различных видов осмотров, предъявления для опознания и т. д.) с участием граждан (в качестве свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых) принято говорить о даче этими лицами не показаний, а пояснений, разумеется, не менее значимых с точки зрения системы доказательств, но имеющих иную процессуальную природу их формирования.

Однако практика расследования показывает, что далеко не всегда первым процессуальным действием с участием свидетеля выступает допрос, к тому же на который лицо именно вызывается в установленном законом порядке. Принятию решения о возбуждении уголовного дела зачастую предшествует предварительная (доследственная) проверка, в процессе которой устанавливаются, в том числе, очевидцы соответствующего события, их персональные данные, степень и содержание их осведомленности, что фиксируется в объяснениях очевидцев. Очевидцы могут участвовать в осмотре места происшествия, проводимого до возбуждения уголовного дела. Кроме того, с учетом реализации фактора внезапности как элемента тактической операции, производство выемки или обыска предметов, документов или иных объектов, находящихся в ведении свидетеля, может быть осуществлено в период, предшествующий его допросу. Затем, по мере исследования изъятых объектов данное лицо может быть допрошено в качестве свидетеля, в том числе по существу обстоятельств появления в определенном месте или создания изъятых предметов или документов, лиц, имеющих к ним доступ и т. д. Это лишь отдельные примеры того, что допрос лица в качестве свидетеля не исключает предшествующего участия этого же лица также в качестве свидетеля. Иными словами, фактически такое лицо участвует в уголовном процессе по правилам участия свидетеля, не зависимо от момента его допроса в качестве свидетелей.

Кроме того, вряд ли корректна фраза о «вызове» этого лица, ведь общеизвестно, что допрос далеко не всегда проходит в служебном кабинете следователя. Допустимо проведение допроса по месту нахождения допрашиваемого (по месту жительства, месту работы, в лечебном учреждении, в ином месте пребывания); нередко вызов лица в служебный кабинет следователя по ряду причин даже тактически не рационален, и более результативен допрос в том месте, где, исходя из обстоятельств произошедшего события, информативность даваемых показаний выше. Допустим, если событие произошло по месту работы многочисленных свидетелей, либо именно по месту работы свидетель может обратиться к содержанию различных документов, отражающих значимую для расследования информацию.

Таким образом, определение понятия свидетеля, представленное в ч. 1 ст. 56 УПК РФ, связывающее процессуальный статус свидетеля с вызовом для дачи показаний, фактически более узкое по отношению к подлинному смыслу процессуального статуса свидетеля.

В ч. 3 ст. 56 УПК РФ представлены категории лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей. К таким лицам отнесены: судья, присяжный заседатель, адвокат (в том числе свидетеля), защитник подозреваемого, обвиняемого, священнослужитель, сенатор, Депутат Государственной Думы (без их согласия), должностное лицо налогового органа (при определенных условиях), арбитр (третейский судья), уполномоченный по правам человека (без их согласия). Очевидно, что данные категории лиц представлены, исходя из требований соблюдения гарантий защиты прав и законных интересов личности, предотвращения возникновения ситуации конфликта интересов, что, в целом, вполне рационально. И хотя запрет на допрос этих лиц в качестве свидетелей не исключает отобрания у них же объяснений в период доследственной проверки, представляется, что подобные действия следователя нарушили бы базовые уголовно-процессуальные гарантии.

Изложенные в ч. 4 ст. 56 УПК РФ права свидетеля в виде семи пунктов, также подтверждают ранее выдвинутый тезис об упрощенном понимании в ч. 1 ст. 56 УПК РФ

свидетеля как участника уголовного судопроизводства. Поскольку за исключением права заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия уполномоченных должностных лиц правоохранительных органов, а также ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ, в основном эти права сформулированы применительно к допросу. Например, отказаться свидетельствовать против себя самого, своего супруга (супруги) и других близких родственников, давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, заявлять отвод переводчику, участвующему в его допросе, являться на допрос с адвокатом.

По такому же принципу представлены фактически обязанности свидетеля, которые законодатель именует как действия, осуществлять которые свидетель «не вправе». К таким действиям относятся: уклонение от явки по вызовам следователя дознавателя или в суд; дача заведомо ложных показаний; разглашение данных предварительного расследования, – с сочетанием с предусмотренными за такие неправомерные действия различными видами ответственности: от привода как меры принуждения, до наказания в уголовно-правовом смысле (ч.ч. 7 – 9 ст. 56 УПК РФ).

Безусловно, показания – наиболее практически распространенные и востребованные виды источников доказательственной информации [7, с. 130–134], однако ими не исчерпывается система доказательств. Хорошо известно, что они не всегда надежны, нередко трансформируются под влиянием различных факторов: от переоценки ситуации самим допрашиваемым, забывания подробностей, до воздействия на него заинтересованных лиц. Более того, именно недооценка доказательств, полученных путем производства следственных действий невербального характера [8, с. 504–511], является существенным фактором, снижающим качество доказательственной базы по делу.

Понимая, что данная проблема – большая и многогранная, в настоящей статье обратим внимание на целесообразность приведения определения понятия свидетеля, представленное в ч. 1 ст. 56 УПК РФ, в соответствии с подлинным смыслом свидетеля как участника уголовного судопроизводства. Вариантом такого определения может явиться следующее: свидетель – это лицо, обладающее информацией относительно каких-либо обстоятельств, значимых для производства по уголовному делу, и участвующее в проведении следственных и иных процессуальных действий в порядке, предусмотренном УПК РФ. С учетом предложенного определения целесообразно также расширить представленные в ст. 56 УПК РФ права и обязанности свидетеля, в контексте выводов и рекомендаций, изложенных в настоящей статье.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варданян А.В. Преступления в семейно-бытовой сфере: понятие и организационно-тактические особенности раскрытия и расследования // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 5(42).
2. Варданян А.В. Некоторые проблемы раскрытия тяжких преступлений против личности в семейно-бытовой сфере // Российский следователь. 2004. № 11.
3. Варданян А.В., Говоров А.А. Общие положения допроса подозреваемых, обвиняемых по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88).
4. Варданян А.В. Осуществление управленческих полномочий в коммерческой или иной организации вопреки интересам службы: актуальные проблемы расследования // Философия права. 2014. № 6 (67).
5. Варданян А.В. Формирование перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании злоупотреблений полномочиями в коммерческих и иных организациях: гносеологический и криминалистический аспекты // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 3 (58).
6. Варданян А.В. Очная ставка и ее тактический потенциал для повышения результативности расследования преступлений в сфере земельных правоотношений // Baikal Research Journal. 2022. № 1. Т. 13.
7. Варданян А.В., Гончаров К.В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Общество и право. 2017. № 3 (61).
8. Варданян А.В., Варданян Г.А. О тактико-криминалистическом потенциале следственного осмотра в системе мер противодействия преступности в сфере земельных правоотношений // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3. Т. 14.

REFERENCES

1. Vardanyan A.V. Crimes in the family and everyday sphere: concept and organizational and tactical features of detection and investigation // *Jurist-Pravoved*. 2010. № 5 (42).
2. Vardanyan A.V. Some problems of detection of serious crimes against the person in the family and everyday sphere // *Russian investigator*. 2004. № 11.
3. Vardanyan A.V., Govorov A.A. General provisions for interrogation of suspects, accused in cases of misappropriation of budget funds and funds of state extra-budgetary funds // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. № 1 (88).
4. Vardanyan A.V. Exercise of managerial powers in a commercial or other organization contrary to the interests of the service: current problems of investigation // *Philosophy of Law*. 2014. № 6 (67).
5. Vardanyan A.V. Formation of a list of circumstances subject to proof in the investigation of abuse of power in commercial and other organizations: epistemological and forensic aspects // *Jurist-Pravoved*. 2013. № 3 (58).
6. Vardanyan A.V. Confrontation and its tactical potential for increasing the effectiveness of investigation of crimes in the field of land relations // *Baikal Research Journal*. 2022. № 1. Vol. 13.
7. Vardanyan A.V., Goncharov K.V. General provisions for interrogation of witnesses and victims in cases of abuse of power by persons performing managerial functions in commercial and other organizations // *Society and Law*. 2017. № 3 (61).
8. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. On the tactical and forensic potential of investigative inspection in the system of measures to combat crime in the sphere of land legal relations // *All-Russian Criminological Journal*. 2020. № 3. Vol. 14.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Айвазова Ольга Владиславовна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aivazova Olga Vladislavovna, PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology and Operational Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.326

ДИСТАНЦИОННЫЕ КРАЖИ КАК ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И ПРАКТИКЕ ИХ РАССЛЕДОВАНИЯ

Андреев Александр Сергеевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
modusoperandi@yandex.ru

Цветков Владимир Александрович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
vladimirtsvetkov1995@gmail.com

Введение: в статье осуществлен выход на научно-криминалистическую проблему познания дистанционных краж (п. г. ч. 3. ст. 158 УК РФ), как важную составляющую, имеющую теоретические и прикладные аспекты, отражающие современные потребности правоприменения при их раскрытии, расследовании. Проведен научно-тематический анализ состояния разработанности темы. Выявлены криминалистические признаки дистанционных хищений в целом, и краж в частности. Представлены результаты исследования уголовных дел в контексте познания отдельных элементов криминалистической характеристики таких преступлений.

Материалы и методы: особенности совершения и расследования дистанционных краж предопределили методы научно-криминалистического познания, использованные при поиске научных фактов. Основу проводимого исследования составляют системный, деятельностный и ситуационный подходы. Для выхода на научную проблему использовались метод тематического анализа исследовательской активности и опрос правоприменителей. Для определения структуры и системы исследования использовалось лонгитюдное исследование материалов уголовных дел и обвинительных заключений за 2022–2023 гг. по специально разработанной анкете.

Результаты исследования: представленные в настоящей статье криминалистические знания дают возможность системно исследовать дистанционные кражи и представить научно-обоснованные советы по их раскрытию, расследованию и предупреждению. Кроме того, в работе обозначены квалифицирующие особенности дистанционных краж, с учетом анализа уголовных дел выработана классификация способов совершения дистанционных краж, раскрыты некоторые особенности посткриминального поведения лиц, совершивших данное преступление.

Выводы и заключения: дистанционные кражи как объект познания, с точки зрения криминалистики и практики расследования, представляет криминалистический интерес для субъектов научно-исследовательской деятельности, поскольку позволяет выявить и изучить новые закономерности объективной действительности и наполнить предмет науки криминалистики актуальным содержанием для разработки криминалистических средств приемов и методов. Проведенный научно-тематический анализ состояния разработанности темы показал реально существующую потребность в разработке методико-криминалистических систем знаний о преступлениях, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Выявленные криминалистические признаки дистанционных хищений в целом и краж в частности требуют дальнейшего познания на основе статистических и математических методов выявления криминалистических корреляций как элементов криминалистической характеристики таких преступлений, так и элементов криминалистической деятельности (раскрытия, расследования, предупреждения).

Ключевые слова: криминалистика, цифровые технологии, криминалистическая методика, кража, электронные средства платежа, следы, раскрытие.

Для цитирования: Андреев А. С., Цветков В. А. Дистанционные кражи как объект познания в криминалистике и практике их расследования /А. С. Андреев, В. А. Цветков // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 90–96.

Original paper

REMOTE THEFTS AS AN OBJECT OF KNOWLEDGE
IN FORENSIC SCIENCE AND THE PRACTICE OF THEIR INVESTIGATION

Andreev Alexander Sergeevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Tsvetkov Vladimir Alexandrovich

Rostov Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article addresses the scientific and forensic problem of understanding remote thefts (clause 3, article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation) as an important component with theoretical and applied aspects that reflect the modern needs of law enforcement in their disclosure and investigation. A scientific and thematic analysis of the state of development of the topic was conducted. Forensic signs of remote thefts in general and thefts in particular were identified. The results of the study of criminal cases in the context of understanding individual elements of the forensic characteristics of such crimes are presented.

Materials and methods: the specifics of committing and investigating remote thefts predetermined the methods of scientific and forensic knowledge used in the search for scientific facts. The basis of the conducted research is the systemic, activity-based and situational approaches. To address the scientific problem, the method of thematic analysis of research activity and a survey of law enforcement officers were used. To determine the structure and system of the study, a longitudinal study of criminal case materials and indictments for 2022–2023 was used using a specially developed questionnaire.

Results of the study: the forensic knowledge presented in this article makes it possible to systematically study remote thefts and provide scientifically based advice on their detection, investigation and prevention. In addition, the work identifies the qualifying features of remote thefts, taking into account the analysis of criminal cases, a classification of methods for committing remote thefts has been developed, and some features of the post-criminal behavior of persons who committed this crime have been revealed.

Findings and conclusions: remote thefts as an object of knowledge, from the point of view of forensic science and investigative practice, are of forensic interest to subjects of scientific research activities, since they allow identifying and studying new patterns of objective reality and filling the subject of forensic science with relevant content for the development of forensic tools, techniques and methods. The conducted scientific and thematic analysis of the state of development of the topic showed a real need for the development of methodological and forensic systems of knowledge about the crimes provided for in paragraph «g» of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. The identified forensic signs of remote thefts in general and thefts in particular require further knowledge based on statistical and mathematical methods for identifying forensic correlations of both elements of the forensic characteristics of such crimes and elements of forensic activity (disclosure, investigation, prevention).

Keywords: forensic science, digital technologies, forensic methodology, theft, electronic means of payment, traces, disclosure.

For citation: Andreev A. S., Tsvetkov V. A. Remote thefts as an object of knowledge in forensic science and the practice of their investigation / A. S. Andreev, V. A. Tsvetkov // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 90–96.

По официальным данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, количественные показатели преступлений, связанных с использованием IT-технологий, по сравнению со всеми зарегистрированными преступлениями, за год выросла на 7 %. При этом относительно уровня 2023 г. их массив вырос на 17,4 % и составил 240,9 тыс. преступлений и продолжает расти, огромную долю данных преступлений составляют дистанционные кражи денежных средств с банковского счета. Мы пришли к выводу о том, что одним из наиболее распространенных видов преступлений, совершаемых дистанционным способом, являются различные виды хищений, в частности, кражи. В настоящее время количественный показатель преступлений, связанных с кражами денежных средств дистанционного характера, при которых активно используются различные IT-технологии, неизменно растет: так, за 2023 год данный показатель вырос на 23,5 % по сравнению с 2022 г. Следует отметить, что положительная динамика развития дистанционных форм общения «не могла не остаться не замеченной представителями преступного мира» [4, с. 785], а, по нашему мнению, еще и отразилась в появлении новых способов совершения преступления и приемов посткриминального противодействия расследованию. «Дистанционный» (от лат.

distantia) – означает «находящийся на расстоянии от чего-либо» [15]. Для криминальной среды «любые новшества, особенно если они недостаточно нормативно регулируются или население не владеет в должной мере финансовой и информационно-телекоммуникационной грамотностью, воспринимаются как очередная перспектива. Для науки криминалистики и практики правоприменения в области борьбы с преступностью такая перспектива не что иное как объективная детерминанта появления как новых способов преступления дистанционного характера и практических проблем их раскрытия, так и основание базисной криминалистической идеи их познания на монографическом и диссертационных уровнях. Система знаний о преступной, посткриминальной деятельности (в том числе совершаемой на расстоянии, в том числе дистанционно) образуют предметность такой юридической науки как криминалистика [11, с. 111].

Варданян А.В. весьма детально провел исследование статистических данных и в результате сделал вывод, что, несмотря на снижение общего числа регистрируемых преступлений против личности, уменьшение числа разбоев, грабежей и общего количества краж, число преступных деяний, совершенных с применением дистанционных технологий, значительно возрастает. Например, по данным 2020 г., на 91,3 % увеличилось количество преступлений с использованием сети Интернет [5, с. 44], указанное согласуется с результатами исследований других авторов [11, с. 110; 2, с. 171]. Нами полностью разделяется и поддерживается точка зрения А.Ф. Волынского о том, что «криминалистические знания нужно систематизировать, исходя из новых вызовов, с использованием в меняющемся мире различных технологий для борьбы с преступностью и ее последствиями» [6, с. 64]. Дистанционные кражи, как и любое новое явление, событие, процесс, ситуация, вещь, выступающая сегментом социально-правовой действительности в области раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, требует от ученых-криминалистов их познания и разработки как криминалистических средств, приемов и методов, так и определенных терминов, понятий, категорий, входящих в систему языка науки криминалистики. Познание дистанционных краж в уголовно-правовых науках в целом и в криминалистике в частности находится на начальном этапе, что характеризуется различными неточностями, неясностями, противоречиями, дисбалансом или отсутствием исследовательской активности и другими обстоятельствами, дающими нам основания понимать данную тематику не только как актуальную, ввиду проблематизации ее в правоприменении раскрытия и расследования дистанционных краж, но и требующую проработки на теоретическом уровне, с последующим внедрением полученных систем знаний. Выскажем предположение о том, что авторы [1], предлагающие объединять такие разные по способу совершения преступлений составы в одно понятие – дистанционные, связано с рядом особенностей, присущих дистанционной краже и дистанционному виду мошенничеств: отсутствие физического контакта между жертвой и преступником (способы изъятия денежных средств реализуются в условиях неочевидности, т. е. когда преступный субъект и потерпевший не только не знакомы друг с другом, но и не видят друг друга); межрегиональный или транснациональный характер (в большинстве случаев преступники не просто не видят потерпевшего, они находятся в других субъектах Российской Федерации либо в недружественных государствах, как и не является редкостью, когда преступники находятся в местах лишения свободы); преобладание в дистанционной преступной деятельности полноструктурных способов преступлений (преступления характеризуются тщательно спланированным характером действий); общность предмета преступного посягательства (предмет преступлений составляют в основном безличные денежные средства); виктимность или иные особенности поведения жертвы (в большинстве ситуаций потерпевший не осознает того факта, что денежные средства незаконно изымаются).

Предметом дистанционной кражи могут быть безличные денежные средства, электронные денежные средства и иные права имущественного характера, в том числе цифровые права [3, с. 195; 12, с. 85]. Однако само использование мобильных приложений при краже денежных средств существенно изменяет характер и содержание проводимых оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Представим некоторые результаты исследования уголовных дел. В 74,4 % преступный умысел, направленный на совершение кражи с банковского счета, доведен до конца. Данный факт обусловлен несколькими составляющими.

1. У потерпевшего подключена функция бесконтактной оплаты, что позволяет преступнику совершать покупки различных товаров стоимостью до 1 000 руб. вплоть до полного вывода денежных средств с банковского счета, без использования установленного пароля.

2. Тайность совершенного хищения, заключающаяся в том, что факт кражи становится известным потерпевшему непосредственно после списания денежных средств со счета, путем уведомления банковской системы, либо личного просмотра банковского счета, что не позволяет своевременно предупредить данное преступление.

3. Распространение третьим лицам либо хранение пароля от платежной системы, в том числе пароля от мобильного устройства, к которому привязан банковский счет, в ненадежном месте. Анализ преступной деятельности показывает, что причиной доведения умысла до конца в большинстве случаев (74,4 %) составляет виктимное поведение жертвы и отсутствие базовых знаний в сфере безналичного расчета. Указанное требует от субъекта предварительного расследования и субъекта ОРД выдвижения и проверки соответствующих версий и анализа механизма слеодообразования при совершении данного вида кражи. Вместе с тем в 1/4 случаев преступный умысел до конца не доведен, данное обусловлено наличием надлежащего уровня аутентификации платежной системы либо отсутствием запрашиваемой денежной суммы на банковском счете, с которого происходит хищение. Отдельно следует отметить, что в ряде случаев не доведению преступного умысла до конца способствует грамотная и своевременная оперативно-розыскная и криминалистическая деятельность правоохранительных органов, способная предотвратить преступление на стадии возникновения умысла.

Применительно к объекту познания, исследуемого в рамках данной статьи, важность имеет не только предмет дистанционной кражи, а способ, которым совершается преступление, представляющий из себя один из элементов криминалистической характеристика анализируемого преступления. Способы совершения дистанционных краж весьма многообразны. Например, при помощи копирования данных. Речь идет о специальных устройствах, которые устанавливаются поверх клавиатур банкоматов с целью считать данные, относящиеся к конфиденциальным, в числе которых и ПИН-код. Следует отметить, что это не единственный способ кражи данных пластиковой карты, в частности, другими способами выступают: установка дополнительной камеры на банкомате, направленной на клавиатуру (подбирается под конкретный банкомат). В последнее время данный способ кражи практически не применяется, т. к. коммерческие банки стали устанавливать банкоматы с защищенными клавиатурами, что делает невозможным считывание данных; установка вредоносного программного обеспечения на POS-терминалы в магазинах, заправках, кафе и в др. организациях, что позволяет копировать данные пластиковой карты. Как правило, такой способ кражи распространен в небольших компаниях, относящихся к сфере обслуживания. В крупных супермаркетах и финансовых учреждениях имеются соответствующие службы безопасности, помимо этого существуют определенные сложности внедрения такого программного обеспечения в условиях налаженной автоматизированной системы управления всеми информационными потоками; запоминание данных карты обслуживающим персоналом. В данном случае, обслуживающий персонал может попросить карту для проведения операции, небольшой промежуток времени достаточен для запоминания основных ее данных; перехват данных пластиковой карты в открытых Wi-Fi-сетях с использованием вредоносных программ, а также сбор информации через приложения и социальные сети [13].

Один из способов, которым может совершаться дистанционная кража, получил распространение во время введения карантинных мер в результате развития пандемии коронавируса. К примеру, с официального сайта делалась рассылка пользователям о наличии так называемой компенсации за «COVID-19», в результате пользователей заманивали на вредоносные сайты, в результате посещения которых у потерпевших похищались персональные данные, позволяющие преступникам списать средства с пластиковой карты потерпевшего на сторонние счета [7]. Отдельные схемы дистанционных краж получили свое развитие в период оформления QR-кодов при организации режима самоизоляции. Похитители действовали от имени социальных работников и «оказывали» помощь для оформления QR-кодов. Цель такой «помощи» – получение персональных данных и их использование для списания средств со счетов клиентов. В целом, способов дистанционных краж множество, не считаем необходимым перечислять их все, тем более, что в рамках одной статьи это и не представляется возможным. Отсутствие времени на принятие адекватного решения и эмоциональные переживания, в совокупности с низким уровнем финансовой грамотности жертвы, способствуют тому, что дистанционные способы хищения трудно выявить и доказать.

Наиболее типичными видами посткриминального поведения лиц, связанных с преступной деятельностью, выступают:

1. Противодействие раскрытию и расследованию.
2. Содействие, способствование раскрытию, нейтрализация последствий.
3. Индифферентное: безразличное к преступной деятельности и посткриминальному поведению.
4. Включающие различные противоположные виды поведения [14]. Данное направление выступает отдельной задачей исследования и будет рассмотрено отдельно. Несмотря на активное развитие технико-криминалистических средств, технических возможностей явно недостаточно для того, чтобы раскрыть каждую совершенную дистанционную кражу [8, с. 281]. Поэтому многие дистанционные хищения, к сожалению, продолжают оставаться не раскрытыми и как результат, похищенные денежные средства потерпевшим вернуть не представляется возможным по объективным и субъективным причинам [9, с. 371]. Следует отметить, что в 56 % случаев дистанционные кражи раскрываются посредством использования методов и средств оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Сотрудники оперативных подразделений правомочны на отправление запросов в банки с целью получения информации, необходимой для эффективного расследования и раскрытия преступлений (данные об операциях с переводом денежных средств, о дате, времени и месте совершения хищения и т. д.), а также на проведение иных оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных действующим законодательством РФ, что создает эффективную базу для раскрытия и расследования преступлений данной категории. Среди следственных действий для расследования данного вида преступлений наибольшее значение имеют невербальные действия, то есть различного вида осмотры, обыски, выемки. Несмотря на активные действия правоохранительных органов, направленные на минимизацию преступлений данной категории, существуют следующие проблемы:

- 1) взаимодействие с сотрудниками, обладающими знаниями в сфере IT-технологий;
- 2) применение специализированной криминалистической техники;
- 3) отсутствие структурированных методических рекомендаций, по расследованию данного вида преступлений;
- 4) необходимость создания эффективного профилактического заслона.

На основе вышеизложенного, с учетом анализа статистики, изучения уголовных дел и результатов опроса правоприменителей, а также в целях восполнения указанных недостатков, предлагаем следующую структуру диссертационного исследования по теме «Первоначальный этап расследования краж денежных средств с банковского счета»: 1. Криминалистическая характеристика и классификация краж денежных средств с банковского счета (теоретические и прикладные аспекты криминалистической характеристики и классификации краж денежных средств с банковского счета; способы краж денежных средств с банковского счета; посткриминальная деятельность лиц, связанных с кражами денежных средств с банковского счета; обстановка краж денежных средств с банковского счета; свойства личности преступника и потерпевшего); 2. Тактика первоначальных следственных действий при расследовании и раскрытии краж денежных средств с банковского счета (версии и типичные следственные ситуации первоначального этапа раскрытия и расследования краж денежных средств с банковского счета; особенности тактики производства невербальных следственных действий на первоначальном этапе расследования краж денежных средств с банковского счета; особенности тактики производства вербальных следственных действий на первоначальном этапе расследования краж денежных средств с банковского счета; особенности взаимодействия субъектов раскрытия и расследования краж денежных средств с банковского счета).

Исходя из изложенного, считаем, что дальнейшее исследование криминалистической характеристики дистанционных краж, особенностей, возникающих на первоначальном этапе расследования дистанционных краж, закономерностей способов дистанционных краж и связанных с ними механизмов постпреступной деятельности, а также иных структурных элементов позволит создать основы для методики расследования данного вида преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Андреев А.С. Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и практике расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2020.
3. Архипов А.В. Актуальные вопросы квалификации хищения безналичных денежных средств // «Вестник Томского государственного университета». 2017. № 418.
4. Варданян А.В., Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6.
5. Варданян А.В. Криминалистическая характеристика посткриминальной деятельности по делам о преступлениях в сфере информационных технологий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 2 (32).
6. Волинский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций криминалистики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 3(6).
7. Гузанова Е. 11 типичных и новых схем мошенничества с нашими банковскими счетами. URL: <https://inde.io/article/30540-11-tipichnyh-i-novyh-shem-moshennichestva-s-nashimi-bankovskimi-schetami> (дата обращения: 25.12.2021).
8. Казанцев С.Я., Варданян А.В., Самитов Э.О. Криминалистика: учебник. М., 2017.
9. Криминалистика: учебник для студ. вузов, обуч. по спец. 030501 «Юриспруденция» / под ред. А.Ф. Волинского, В.П. Лаврова. 2 изд., перераб. и доп. М., 2013.
10. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 2001.
11. Маилян А.В. Криминалистические аспекты изучения хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа // Вестник УЮИ. 2020. № 3(89).
12. Филатова М.А. Разграничение посягательств на безналичные денежные средства по формам хищения // Уголовное право. 2020 г. № 1.
13. Шестакова К. Как можно украсть данные вашей банковской карты. URL: <https://www.iphones.ru/iNotes/kak-kradut-dannye-bankovskih-kart-08-08-2018> (дата обращения: 25.12.2021).
14. Андреев А.С. Посткриминальное поведение лиц, связанных с преступной деятельностью, на месте происшествия (результаты анкетного опроса) // Фундаментальные исследования. 2015. № 2.
15. Словари и энциклопедии. Литературная энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/literary-encyclopedia/> (дата обращения: 25.06.2024).

REFERENCES

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 01.07.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 01.12.2021). Access from the legal system «ConsultantPlus».
2. Andreev A.S. Post-criminal activity as an object of cognition in forensic science and crime investigation practice: diss. ... Grand PhD in Law. Rostov-on-Don, 2020.
3. Arkhipov A.V. Actual issues of qualification of theft of non-cash funds // «Bulletin of Tomsk State University». 2017. № 418.
4. Vardanyan A.V., Andreev A.S. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in criminal and post-criminal reality // All-Russian Criminological Journal. 2018. № 6.
5. Vardanyan A.V. Forensic characteristics of post-trial activities in cases of crimes in the field of information technology // Siberian criminal procedure and forensic readings. 2021. № 2 (32).
6. Volynsky A.F. Forensic support for the disclosure and investigation of crimes as a form of implementing the social functions of forensic science // Legal science and law enforcement practice. 2008. № 3 (6).
7. Guzanova E. 11 typical and new fraud schemes with our bank accounts. URL: <https://inde.io/article/30540-11-tipichnyh-i-novyh-shem-moshennichestva-s-nashimi-bankovskimi-schetami> (date of access: 25.12.2021).
8. Kazantsev S. Ya., Vardanyan A. V., Samitov E. O. Forensic Science: textbook. Moscow, 2017.
9. Forensic Science: textbook for students of higher education institutions, training in the specialty 030501 «Jurisprudence» / edited by A. F. Volynsky, V. P. Lavrov. 2nd ed., revised. and additional. Moscow, 2013.
10. Forensic Science: textbook for higher education institutions / edited by R. S. Belkin. Moscow, 2001.

11. Mailyan A.V. Forensic aspects of the study of thefts committed using electronic means of payment // Bulletin of the UYU. 2020. № 3 (89).
12. Filatova M.A. Distinction between attacks on non-cash funds by forms of theft // Criminal law. 2020, № 1.
13. Shestakova K. How can you steal your bank card details. URL: <https://www.iphones.ru/iNotes/kak-kradut-dannye-bankovskih-kart-08-08-2018> (date of access: 25.12.2021).
14. Andreev A.S. Post-criminal behavior of persons associated with criminal activity at the scene of the crime (results of a questionnaire survey) // Fundamental research. 2015. № 2.
15. Dictionaries and encyclopedias. Literary encyclopedia. URL: https://gufo.me/dict/literary_encyclopedia/ (date of access: 25.06.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Цветков Владимир Александрович, адъюнкт адъюнктуры. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andreev Alexander Sergeevich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Tsvetkov Vladimir Alexandrovich, adjunct. Rostov Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.1

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

Бондарь Мария Михайловна

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация
bondar02082014@yandex.ru

Введение: любая осознанная деятельность индивида подразумевает целеполагание и мотивацию, по причине чего исследование мотива и цели уголовного преследования являются необходимым компонентом анализа данной специфической уголовно-процессуальной деятельности.

Материалы и методы: методологическую основу работы составили методы анализа и синтеза информации, а также логический, формально-юридический, функциональный методы исследования.

Результаты исследования: автор подразделяет высказанные в уголовно-процессуальной науке подходы к пониманию цели уголовного преследования на две группы, условно именуемые «обвинительно-репрессивным» и «субъектным» подходом, обосновывает в данной статье идею, что уголовное преследование в правовом демократическом государстве не должно иметь в качестве цели обеспечение реализации уголовной ответственности. Автор аргументирует свою позицию по вопросу о цели уголовного преследования, которую он видит в обеспечении правильного применения уголовного закона в отношении конкретного лица и его деяния.

Выводы и заключения: на основе анализа имеющихся подходов в философии, науке управления к пониманию целей и мотивов осознанной деятельности индивида, автор предпринимает попытку определить цель уголовного преследования как специфической уголовно-процессуальной деятельности. Исследуя доктринальные представления об уголовно-процессуальных функциях и процессуальных интересах, автор критически оценивает позицию профессора В.М. Бозрова по вопросу о существовании «общеспециального интереса».

Ключевые слова: уголовное преследование, уголовно-процессуальные функции, уголовно-процессуальный интерес, властные субъекты.

Для цитирования: Бондарь М. М. Уголовное преследование сквозь призму целеполагания / М. М. Бондарь // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 97–104.

Original paper

CRIMINAL PROSECUTION THROUGH THE PRISM OF GOAL-SETTING

Bondar Maria Mikhailovna

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: any conscious activity of an individual implies goal-setting and motivation, which is why the study of the motive and purpose of criminal prosecution is a necessary component of the analysis of this specific criminal procedural activity.

Materials and methods: the methodological basis of the work was formed by methods of analysis and synthesis of information, as well as logical, formal-legal, functional research methods.

Results of the study: the author divides the approaches to understanding the purpose of criminal prosecution expressed in criminal procedural science into two groups, conventionally called the «accusatory-repressive» and «subjective» approaches, substantiates in this article the idea that criminal prosecution in a legal democratic state should not have as its goal ensuring the implementation of criminal liability. The author argues his position on the issue of the purpose of criminal prosecution, which he sees in ensuring the correct application of the criminal law in relation to a specific person and his actions.

Findings and conclusions: based on the analysis of existing approaches in philosophy and management science to understanding the goals and motives of an individual's conscious activity, the author attempts to define the purpose of criminal prosecution as a specific criminal procedural activity. Exploring doctrinal ideas about criminal procedural functions and procedural interests, the author critically evaluates the position of Professor V.M. Bozrov on the existence of a «general special interest».

Keywords: criminal prosecution, criminal procedural functions, criminal procedural interest, authorities.

For citation: Bondar M. M. Criminal prosecution through the prism of goal-setting / M. M. Bondar // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 97–104.

В теории управления под мотивацией принято понимать процессы побуждения себя и других работать во имя достижения личных и организационных целей [1, с. 338]. Именно мотивация уголовно-процессуальной деятельности (в том числе – уголовного преследования) и пристальный интерес к ее изучению свидетельствуют не только о неоднозначности ее определения и понимания, но и о значимости данного элемента в уголовном судопроизводстве. В юридической литературе достаточно часто мотивация рассматривается как сила, заставляющая субъекта уголовного преследования сознательно стремиться к добросовестному исполнению служебных обязанностей, повышению своего профессионального уровня. Но, нельзя при рассмотрении проблематики мотивации, безусловно, исключать «человеческий фактор», несмотря на все большую формализацию уголовного преследования, попытки все больше конкретизировать нормы УПК РФ. В философских работах мотив обозначается не как единственная побудительная сила, а как компонент системы «потребность – интерес – мотив», где именно потребность выступает первым импульсом в реализации активности субъекта: «лишь потребности обладают изначальным иницирующим качеством, являясь основополагающим источником существования и функционирования интересов и мотивов деятельности» [2, с. 90].

Особая связь прослеживается между мотивами и целью деятельности. Так, философы утверждают, что «отношение мотивов к цели действия выражает *смысл деятельности*», что они «не тождественны целям действия, образуя с ними единство», что мотивы – это «осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности; идеальный или материальный предмет, побуждающий и определяющий выбор направленности деятельности, ради которой она осуществляется» [3]. Обращение к справочным ресурсам философского содержания показывает, что мотив чаще всего трактуется именно как «движущая сила, повод, побудительная причина» [4; 5]. А что является движущей силой должностного (и не только) уголовного преследования? Здесь мы должны обратиться к дискуссии об уголовно-процессуальных функциях, т. к. именно уголовно-процессуальное учение о функциях определяет методологический вектор исследования анализируемого нами явления. В этом исследовании мы будем делать основной упор на категорию «*интерес*», т. к. в уголовно-процессуальной доктрине именно эта категория используется и для описания отдельных субъектов уголовного судопроизводства, и для определения направленности их деятельности, в то время как категория «мотив» чаще становится предметом исследования в области уголовного права и редко используется для позитивной характеристики субъектов, осуществляющих уголовное преследование. В негативном ключе категория «мотив» применительно к деятельности субъектов уголовного преследования нередко ассоциируется с коррупционными явлениями, со злоупотреблением ими правом.

Профессор В.М. Бозров, выявляя свойства функции, которые обеспечивают ее стабильность, утверждал, что таковую ей гарантирует процессуальный интерес: «Функциональный интерес определяет целеустремленность и направленность функций. Его можно представить в виде побудительных сил, влияющих на возникновение и развитие процессуальных функций» [6, с. 85]. Он полагает, что «Функциональный интерес подразделяется на *общеспециальный* и *предметно-специальный*. Деление это связано с тем, что последний указывает на правовое предназначение функций вообще, вне зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела (в этих случаях речь идет об общеспециальном функциональном интересе), и уже в процессе производства по конкретному уголовному делу (предметно-специальный интерес)» [6, с. 85].

Мы разделяем высказывание В.М. Бозрова относительно мотивирующей роли процессуального интереса¹ в реализации функции, однако выражаем сомнения относительно уместности примененной им терминологии: слово «общеспециальный» содержит в себе логическое противоречие, т. к. «общий», согласно толковым словарям русского языка – «свойственный всем, касающийся всех» [8], «свойственный всем; одинаково свойственный, присущий всем, всему (в какой-либо категории, группе); характерный для всех; применимый по всему или ко всем вообще, обязательный для всех» [9], «распространяющийся на всё, охватывающий все» [10]. А «специальный» – это иная категория, означающая прямо противоположные свойства явления: «особый, исключительно для чего-нибудь предназначенный, относящийся к отдельной отрасли чего-нибудь» [8], «имеющий особое

¹Хотя при этом можем привести высказанную в науке позицию, что по сравнению с интересом есть еще более глубокий механизм, связанный с функциями и самим интересом: «любой интерес направлен на удовлетворение какой-либо *потребности*, поэтому потребность является *первичной категорией по отношению к интересу*» [7, с. 14].

назначение, предназначенный исключительно для чего-либо» [9], «особый, отдельный, *не общий*, исключительно для чего-нибудь предназначенный» [10]. Как видим, ученый пытался соединить в одном термине «несоединяемое».

Также видятся неверными следующие его рассуждения: «Общеспециальный интерес – это функциональный интерес, находящийся в *статистическом* состоянии [...]. Общеспециальный интерес (благодаря *статистическому* состоянию) выступает своеобразным фоном, на котором происходит развитие предметно-специального интереса» [6, с. 88]. Термин «статистический» в данном контексте (обеспечивающий стабильность и постоянство реализации функции) совершенно не подходит. Скорее всего, речь нужно вести о «статическом» или «статичном» состоянии.

Как определяет В.М. Бозров предметно-специальный интерес? «Это интерес, связанный с осуществлением конкретной функции. Предметно-специальный интерес функции уголовного преследования *сводится к установлению и изобличению конкретного лица, совершившего конкретное преступное деяние*» [6, с. 89], утверждает он.

Бозров В.М. излагает такую трактовку предметно-специального интереса данной функции именно в контексте принципа состязательности сторон (потому что далее он приводит определения таких же интересов для функции защиты и для судебной функции). Видится несколько «зауженной» формулировка содержания этого интереса применительно к функции уголовного преследования, т. к. из поля зрения ученого «выпадает» деятельность по обоснованию перед судом обвинительного тезиса, что является важной составляющей анализируемой нами функции, ее квинтэссенцией.

Относительно публичного интереса и его реализации в уголовном судопроизводстве и в правовом поле вообще в науке высказывалось много позиций [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17]. С точки зрения его нормативного оформления некоторыми авторами утверждается, что «под публичным интересом следует подразумевать *законный интерес, установленный нормами права*» [18, с. 80], который «тождественен государственно-общественным интересам с широчайшим содержанием» [18, с. 79]. Этим фактически постулируется наличие единого по сути интереса – «государственно-общественного».

В отличие от авторов этого утверждения, И.Г. Смирнова усматривает в содержании публичного интереса два компонента: собственно «*государственный интерес* и подтвержденный государством и законодательно закрепленный *общественный интерес* как совокупность социально значимых *частных интересов*, не вступающих в противоречие с государственным интересом» [13, с. 17]. Позиция этого автора видится нам более верной, т. к. она учитывает и абстрактный интерес общества, как совокупности индивидов, стремящихся к упорядочиванию общественных отношений и поддержанию должного уровня правопорядка, а также интерес отдельной личности, ожидающей защиты ее прав, пострадавших в результате преступления. Видится, что через категорию «общественный интерес» в такой интерпретации уважаемый ученый демонстрирует сопряжение публичного и частного интересов в уголовном судопроизводстве. Поэтому многие процессуалисты заявляют, что «публичный интерес всегда включает в себя защиту интересов личности» [7, с. 16].

Тушев А.А. в своей докторской диссертации обосновал зависимость способа регулирования статуса участников общественных отношений от того, *какой интерес они преследуют в деле*. Авторы статьи «О понятии публичного законного интереса в уголовном судопроизводстве» несколько неточно приводят этот его вывод в своей публикации, интерпретировав его в категорической форме: «По мнению А.А. Тушева, в зависимости от того, выступают участники уголовно-процессуальных правоотношений в защиту *своих* или *публичных* интересов, их деятельность может регулироваться посредством *предоставления прав* или *возложения обязанностей*» [16, с. 40]. Обращение к первоисточнику показывает, что А.А. Тушев более тонко выразил свою позицию: «Поведение участников уголовного процесса, имеющих личный интерес в исходе дела, *в основном регулируется посредством предоставления им прав* общего и конкретного характера. Поведение же участников, защищающих публичные интересы, *регулируется преимущественно путем возложения на них обязанностей (полномочий)* общего и конкретного характера» [19, с. 19]. Таким образом он подчеркивает примат норм, содержащих императивные предписания, в конструировании статуса властных субъектов уголовного судопроизводства, не отрицая при этом существование и управомочивающих норм, направленных на регулирование их правового положения.

Дашин А.В., П.М. Малин и А.В. Пивень, анализируя специфику публичного интереса, делают весьма интересное замечание: «Публичный законный интерес «вытекает» не из субъективного права, как это присуще личному законному интересу, а из

обязанности действовать должным образом, которая при определенных обстоятельствах трансформируется в субъективное право (выбрать то или иное действие)» [16, с. 42].

Этот подход коррелирует с философским пониманием мотивов, как «осознаваемой причины, лежащей в основе *выбора действий и поступков личности*; «побуждающей и определяющей *выбор направленности деятельности*, ради которой она осуществляется» [20]. Тем не менее, указанные авторы статьи «О понятии публичного законного интереса в уголовном судопроизводстве» несколько узко понимают публичный законный интерес, ассоциируя его исключительно с должностными лицами, которые осуществляют от имени государства уголовное преследование и, отрицая наличие законного публичного интереса у суда [16, с. 41]. Такое восприятие законного публичного интереса вызывает ряд вопросов: 1) чем руководствуется суд, реализуя свои процессуальные функции; 2) если у суда нет законного публичного интереса, то есть ли вообще у суда интерес; 3) если у суда есть законный интерес, то почему он не публичный? Можно и далее конструировать вопросы на эту тему, которые показывают некорректность высказывания упомянутых авторов. Полагаем, суд имеет в уголовном деле законный публичный интерес², заключающийся в надлежащем осуществлении правосудия³ и торжестве законности⁴.

Итак, как видим, категория «процессуальный интерес» в учениях об уголовно-процессуальных функциях, участниках уголовного судопроизводства и в нашем исследовании играет заметную роль, тем более что она особым образом высвечивает *цель уголовного преследования*.

Вопрос о цели уголовного преследования весьма дискуссионен, т. к. ряд авторов видит эту цель в реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности, что уже вызывает нежелательные ассоциации с обвинительным уклоном, с проявлением репрессивных начал в уголовном судопроизводстве. Условно назовем эту точку зрения «обвинительно-репрессивной» – с учетом ее явной ориентированности на реализацию уголовной ответственности.

Баев О.Я. связывает цель уголовного преследования исключительно с неотвратимостью наступления уголовной ответственности, обосновывая в противовес позициям З.Ф. Ковриги, А.Б. Соловьева и др. ученых, что уголовное преследование осуществляется и для прекращения уголовного дела и уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, и в случае производства о применении принудительных мер медицинского характера [22, с. 13–14]. Именно поэтому он определяет феномен уголовного преследования через обнаружение преступления, установление лица и его изобличение, т. е. ориентирует эту деятельность *на доказывание* деяния, его запрещенности уголовным законом, на установление причастности данного лица к совершению деяния. Поэтому О.Я. Баев подчеркивает в своей монографии, что уголовное преследование всегда «имеет единую цель – обвинение ... законное и обоснованное» [22, с. 17]. Такая трактовка в итоге приводит его к тому же самому обвинительному уклону, которого он пытается избежать, утверждая, что цель уголовного преследования не обязательно связана с обеспечением наступления уголовной ответственности.

Несколько в ином ключе определяет соотношение уголовного преследования и уголовной ответственности Ю.В. Козубенко, поясняя, что уголовная ответственность предстает в качестве последствия совершения преступления в виде возможного наказания, а уголовное преследование представляет собой тоже последствие совершения преступления, но уже в виде совокупности действий по изобличению преступника. В понимании этого автора соотношение уголовной ответственности и уголовного преследования можно продемонстрировать на примере категорий «цель» и «средство» [23, с. 209–210], что, опять же, позволяет отнести позицию этого автора к группе ученых, придерживающихся «обвинительно-репрессивных» взглядов. По сути, сходным образом цель уголовного преследования определяют К.А. Синкин и Д.А. Емельянова, связывая ее с вынесением приговора по уголовному делу [24, с. 41].

² Даже в ч. 1 ст. 29 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» отмечается наличие «интересов судей как носителей судебной власти», и, естественно, как полагаем, эти интересы должны быть публичными и законными (см.: О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1; Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (часть I). Ст. 8029).

³ Об интересах правосудия пишет С.В. Бурмагин [21, с. 183, 185, 212, 233].

⁴ Так, например, ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ предусматривает возможность выхода Президиума ВС РФ за пределы доводов надзорных обращений «в интересах законности».

Цель уголовного преследования в литературе рассматривается в том числе с учетом ее специфичности для различных властных субъектов, осуществляющих эту деятельность. Так, Г.Н. Королев, проанализировав закон «О прокуратуре Российской Федерации»⁵, счел необходимым выделить специально для прокурора цель его, прокурорского, уголовного преследования, которая заключается в «защите прав, свобод и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, а также в защите охраняемых законом интересов общества и государства» [25, с. 114]. Безусловно, такая трактовка цели имеет право на существование, тем более – с опорой на законодательство. Но она сформулирована слишком обще, в правозащитном аспекте, без учета специфической направленности уголовного преследования как особого вида уголовно-процессуальной деятельности, направленной, в том числе, на изобличение лица, виновного в совершении преступления.

Считаем, цель уголовного преследования не следует формулировать в *субъектном аспекте*, как это предложил Г.Н. Королев, иначе этот непродуктивный путь может привести к появлению такого же количества целей уголовного преследования, сколько существует субъектов, осуществляющих данную деятельность (включая и частных лиц, реализующих уголовное преследование в порядке ч. 2 ст. 20 УПК РФ⁶). А это нелогично, ибо уголовное преследование определяется законом в ст. 5 УПК РФ как «монолитная» деятельность, имеющая общую направленность.

Итак, «обвинительно-репрессивный» уклон и «субъектный» подход не годятся для выражения цели уголовного преследования. Что должно быть определяющим при выборе парадигмы, в рамках которой формулируется цель уголовного преследования? Полагаем, здесь необходимо учитывать то место, которое занимает деятельность органов уголовного преследования в системе всего уголовного судопроизводства.

Правовой спор по поводу уголовно-правового отношения окончательно разрешает в уголовном процессе суд, который применяет норму Особенной части уголовного закона (включая и санкцию), опираясь на доказательства, сформированные стороной обвинения. Именно *органы уголовного преследования обеспечивают правильное применение судам уголовного закона*. В ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР так и была сформулирована соответствующая задача уголовного процесса – «обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден»⁷. Видится, что именно в этом и заключается *цель уголовного преследования*: обеспечить посредством доказательств (достоверных, допустимых, относимых, достаточных в своей совокупности) правильное применение уголовного закона – как самим судом при разрешении уголовного дела по существу, так и непосредственно органами уголовного преследования в ходе досудебного производства.

Почти сходным образом («принятие законного и обоснованного решения по делу») определяет цель уголовного преследования с криминалистической точки зрения О.Н. Коршунова [26, с. 8]. Однако ее позиция имеет один «минус»: она «заиклена» на уголовном деле, которое, как известно, появляется после *возбуждения уголовного дела*. Поэтому наше понимание цели уголовного преследования как обеспечения правильного применения уголовного закона носит более универсальный характер, т. к. учитывает и этот нюанс первой стадии уголовного процесса, на которой, по нашему глубокому убеждению, уголовное преследование также реализуется. Кстати, этот аспект (реализации уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела) четко обрисован в знаменитом постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П по жалобе В.И. Маслова⁸.

Рассмотрим наш тезис применительно к различным этапам реализации уголовного преследования. На стадии возбуждения уголовного дела лица, осуществляющие проверку сообщения о преступлении, ищут в сообщении или материалах его проверки достаточное основание для начала производства по уголовному делу – не только уголовно-процессуальные, но и уголовно-правовые предпосылки к возбуждению уголовного дела, обеспечивают корректное применение диспозиции нормы Особенной части уголовного

⁵О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

⁶Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁷Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утвержден Законом РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

⁸URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30320.pdf> (дата обращения: 06.06.2024).

закона к проверяемому событию. При наличии к тому законных оснований они отказывают в возбуждении уголовного дела, что также является собой правильное применение норм уголовного (и уголовно-процессуального) закона. При появлении в поле зрения властных субъектов подозреваемого лица или привлечении лица в качестве обвиняемого осуществляется предварительная квалификация его деяния, доказательственная основа которой также обеспечивается органами, осуществляющими уголовное преследование. Если на этих этапах данными органами будут установлены предусмотренные законом обстоятельства, влекущие прекращение уголовного дела или освобождение лица от уголовной ответственности – также цель уголовного преследования будет достигнута, т. к. будут правильно к конкретному лицу и конкретным обстоятельствам применены нормы уголовного закона. Что касается деятельности государственного обвинителя в суде, как особого этапа уголовного преследования, то именно благодаря выверенности его позиции по делу, качественной реализации обвинения, суд принимает окончательное решение по делу в части применения норм Общей и Особенной частей уголовного закона.

Таким образом, можем констатировать, что цель уголовного преследования – обеспечение правильного применения уголовного закона в отношении конкретного лица и его деяния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента М., 2012.
2. Петрова С.И. О категориях «потребность», «интерес», «мотив» // Наука без границ. 2018. № 6(23).
3. Национальная энциклопедическая служба России. URL: <https://terme.ru/termin/motiv.html> (дата обращения: 07.11.2023).
4. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. М., 1997.
5. Национальная энциклопедическая служба России. URL: <https://terme.ru/termin/motiv.html> (дата обращения: 12.05.2023).
6. Бозров В.М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть. Екатеринбург, 2012.
7. Багаутдинов Ф.Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17936> (дата обращения: 07.05.2024).
9. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь. URL: <https://www.efremova.info/word/obschij.html> (дата обращения: 07.05.2024).
10. Ушаков Д.Н. Толковый словарь. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=38811> (дата обращения: 07.05.2024).
11. Кряжков А.В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10.
12. Тотьев К.Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Государство и право. 2002. № 9.
13. Смирнова И.Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное // Государство и право. 2008. № 8.
14. Аширбекова М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009.
15. Тарасов А.А. О публичном интересе в делах частного обвинения // Мировой судья. 2012. № 4.
16. Дашин А.В., Малин П.М., Пивень А.В. О понятии публичного законного интереса в уголовном судопроизводстве // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 4(35).
17. Спирин А.В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1(88).
18. Курбанов Д.А., Арутюнян М.С., Хисматуллин О.Ю. Публичный интерес в системе законных интересов, подлежащих судебной защите // Аграрное и земельное право. 2023. № 2(218).
19. Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006.
20. Философская энциклопедия / под ред. Ф.В. Константинова. URL: <https://terme.ru/termin/motiv.html> (дата обращения: 07.05.2024).

21. Бурмагин С.В. Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2022.
22. Баев О.Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). М., 2021.
23. Козубенко Ю.В. Уголовное преследование: опыт комплексного исследования. СПб., 2006.
24. Синкин К.А., Емельянова Д.А. К вопросу о понятии и сущности функции уголовного преследования в уголовном судопроизводстве России // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 1.
25. Королёв Г.Н. О целях прокурорского уголовного преследования в уголовном судопроизводстве России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 6.
26. Коршунова О.Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

REFERENCES

1. Meskon M., Albert M., Khedouri F. Fundamentals of Management Moscow, 2012.
2. Petrova S.I. On the Categories of «Need», «Interest», «Motive» // Science Without Borders. 2018. № 6 (23).
3. National Encyclopedic Service of Russia. URL: <https://terme.ru/termin/motiv.html> (date of access: 07.11.2023).
4. Philosophical Encyclopedic Dictionary / ed. and compiled by E.F. Gubsky et al. Moscow, 1997.
5. National Encyclopedic Service of Russia. URL: <https://terme.ru/termin/motiv.html> (date of access: 12.05.2023).
6. Bozrov V.M. Fundamentals of the Theory of Criminal Procedural Functions. General Part. Ekaterinburg, 2012.
7. Bagautdinov F.N. Public and personal interests in Russian criminal proceedings and guarantees of their provision during preliminary investigation: author's abstract. dis. ... Grand PhD in Law. Moscow, 2004.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17936> (date of access: 07.05.2024).
9. Efremova T.F. Explanatory dictionary. URL: <https://www.efremova.info/word/obschij.html> (date of access: 07.05.2024).
10. Ushakov D.N. Explanatory dictionary. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=38811> (date of access: 07.05.2024).
11. Kryazhkov AV Public interest: concept, types and protection // State and Law. 1999. № 10.
12. Totyev KY Public interest in legal doctrine and legislation // State and Law. 2002. № 9.
13. Smirnova IG Interest a concept of criminal procedure // State and Law. 2008. № 8.
14. Ashirbekova MT The principle of publicity of criminal proceedings: concept, content and limits of action: dis. ... Grand PhD in Law. Volgograd, 2009.
15. Tarasov AA On the public interest in private prosecution cases // Justice of the Peace. 2012. № 4.
16. Dashin A.V., Malin P.M., Piven A.V. On the Concept of Public Legitimate Interest in Criminal Proceedings // Bulletin of the Samara Law Institute. 2019. № 4(35).
17. Spirin A.V. Public Interest in Criminal Proceedings // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1(88).
18. Kurbanov D.A., Arutyunyan M.S., Khismatullin O.Yu. Public Interest in the System of Legitimate Interests Subject to Judicial Protection // Agrarian and Land Law. 2023. № 2(218).
19. Tushev A.A. Prosecutor in Criminal Procedure of the Russian Federation: System of Functions and Powers: Abstract of dis. ... Grand PhD in Law. Krasnodar, 2006.
20. Philosophical Encyclopedia / edited by F.V. Konstantinov. URL: <https://terme.ru/termin/motiv.html> (date of access: 07.05.2024).
21. Burmagin S.V. Conceptual Foundations of the Unity of Criminal Justice and Differentiation of Court Proceedings: dis. ... Grand PhD in Law. Volgograd, 2022.
22. Baev O.Ya. Investigator (Fundamentals of Theory and Practice of Activity). Moscow, 2021.
23. Kozubenko Yu.V. Criminal Prosecution: Experience of a Comprehensive Study. St. Petersburg, 2006.

24. Sinkin K.A., Emelyanova D.A. On the issue of the concept and essence of the function of criminal prosecution in criminal proceedings in Russia // Russian-Asian Legal Journal. 2021. № 1.

25. Korolev G.N. On the goals of prosecutorial criminal prosecution in criminal proceedings in Russia // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2018. № 6.

26. Korshunova O.N. Criminal procedural and forensic problems of criminal prosecution: author's abstract. diss. ... Grand PhD in Law. Sciences. Moscow, 2006.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарь Мария Михайловна, старший преподаватель кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел. Волгоградская академия МВД России. 400089, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

ORCID: 0000-0002-9494-9844

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bondar Maria Mikhailovna, senior lecturer at the Department of Criminal Procedure of the educational and scientific complex on preliminary investigation in the internal affairs bodies. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400089 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.3

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ КАК ФАКТОРУ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Григорян Давид Кромвелович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
davo-davo23@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются политические преступления, их разновидности, а также способы наказания, предусмотренные Уголовным Кодексом Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что политическая преступность складывается из преступлений как самого государства и олицетворяющих его преступную политику, так и против государства, против его конституционного строя. В ходе исследования проводится анализ преступлений, целью которых является изменение установленных в обществе и государстве правовых и моральных норм.

Материалы и методы: в ходе исследования использовались общенаучные методы, такие как сравнение, анализ синтез и др. Также применялись специальные методы – анализ правовых источников и правоприменительной практики, биографический, статистический, социологический и иные методы.

Результаты исследования: автор приходит к выводу, что политические преступления напрямую воздействуют на систему государства. Разрушают стабильность государства, уменьшают уровень патриотизма, происходит ослабление государственной власти, смена политической власти и многие другие отрицательные последствия, которые уменьшают авторитет государства на международной арене.

Выводы и заключения: необходимо актуализировать комплекс предупредительных мер с учетом современной обстановки и четко реализовывать его с целью пресечения политических преступлений на этапах планирования и подготовки, поскольку несвоевременное обнаружение таковых действий, может повлечь несоразмерные последствия для государства, что представляет собой одну из наиболее опасных проблем во времена политической нестабильности.

Ключевые слова: политические преступления, цели, причины, государственная измена, шпионаж, захват власти, взаимодействие, государство, структура.

Для цитирования: Григорян Д. К. К вопросу о политических преступлениях как фактору дестабилизации государственной власти / Д. К. Григорян // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 105–110.

Original paper

POLITICAL CRIMES AND CRIMES AGAINST ELITES AS A FACTOR OF DESTABILISATION OF STATE POWER

Grigoryan David Cromwelovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article examines political crimes, their varieties, as well as the methods of punishment provided for by the Criminal Code of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that political crime consists of crimes of both the state itself and those personifying its criminal policy, and against the state, against its constitutional system. The study analyzes crimes aimed at changing the legal and moral norms established in society and the state.

Materials and methods: the study used general scientific methods, such as comparison, analysis, synthesis, etc. Special methods were also used – analysis of legal sources and law enforcement practice, biographical, statistical, sociological and other methods.

Results of the study: the author comes to the conclusion that political crimes directly affect the state system. They destroy the stability of the state, reduce the level of patriotism, weaken state power, change political power and many other negative consequences that reduce the authority of the state in the international arena.

Findings and conclusions: it is necessary to update the set of preventive measures taking into account the current situation and clearly implement it in order to suppress political crimes at the planning and preparation stages, since untimely detection of such actions may entail disproportionate consequences for the state, which is one of the most dangerous problems in times of political instability.

Keywords: political crimes, goals, reasons, treason, espionage, seizure of power, interaction, state, structure.

For citation: Grigoryan D. C. Political crimes and crimes against elites as a factor of destabilisation of state power / D. C. Grigoryan // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 105–110.

«Политические преступления» понятие смежное с понятием «государственное преступление», поэтому в научной литературе часто можно наблюдать их использование как синонимичное. Политические преступления – это действия, направленные на дестабилизацию государственного строя страны (в некоторых случаях это может быть бездействие, когда нужно было действовать во благо своему государству). Государственные преступления – это действия, которые нарушают действующие законы в стране (Конституция, кодифицированные и не кодифицированные федеральные законы и т. д.) [2].

Целью политических преступлений является желание дестабилизировать государство. Преступники желают разрушить ту сформированную систему, которая основана на фундаментальных принципах, заложенных в Конституции страны. Практика показывает, что люди, которые совершают такие деяния, очень интеллектуально развиты. Понять причины того, почему они идут на такие преступления очень сложно. Однако есть сформированный список определенных причин, которые побуждают граждан своей страны идти на такие поступки. Автор к основным причинам политической преступности относит [6]:

- несоответствие государственной политической системы уровню идеологического и социально-экономического развития общества, а также неудовлетворенность некоторого процента граждан страны текущим политическим курсом страны;
- зарубежная культурная экспансия как средство идеологического обеспечения политической преступности;
- ухудшение уровня жизни, связанное с введением иностранными государствами санкций, достаточно высоким уровнем инфляции и прочее.;
- идеологическая и религиозная разобщенность граждан, связанная, например, с тем, что в многонациональном государстве, в котором проживают граждане, относящие себя к разным религиозным течениям;
- политическая, экономическая нестабильность, связанная как с проблемами мирового масштаба (например, пандемия Covid-19, изменение природного климата др.), так и с проблемами межгосударственного и внутригосударственного уровня (Специальная военная операция, проводимая Российской Федерации, а также проблема миграции, беженства и др.);
- ошибки и просчеты политического руководства, которые в некоторых случаях неизбежны, ввиду непредсказуемости политических и иных процессов;
- распространение идей экстремизма и радикализма, в том числе вытекающих из ранее приведенных негативных факторов;
- дестабилизирующая деятельность иностранных государств, которая направлена на ухудшение положения страны;
- негативная роль СМИ в формировании мировоззренческих основ общества.

К сожалению, и в Российской Федерации факты политического преступления также присутствуют. Разглашение государственной тайны, шпионаж, государственная измена наблюдались как в период военных действий, так и в мирное время. Именно поэтому еще в 1996 г. в Уголовном кодексе Российской Федерации была утверждена глава 29, посвященная «Преступлениям против основ Конституционного строя и безопасности государства» [1]. В данной главе подробно рассматриваются все виды политических преступлений на территории Российской Федерации. Глава 29 состоит из двадцати трех статей, каждая из которых регламентирует конкретный вид политического преступления и те меры, которые применяются в случае совершения данного вида преступления.

Рассмотрим некоторые из этих преступлений более подробно. Первым исследуемым преступным деянием в политической сфере является государственная измена. Судебная практика свидетельствует, что ежегодно правоохранительные органы расследуют несколько десятков уголовных дел, возбужденных по факту государственной измены.

Также, в ходе анализа судебной практики были получены выводы о том, что в 2023 г. общее число осужденных за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства выросло с 668 человек в 2022 г. до 862 человек в 2023 г. Необходимо отметить, что такой прирост, в частности, произошел за счет увеличения числа обвинительных приговоров по обвинениям в госизмене.

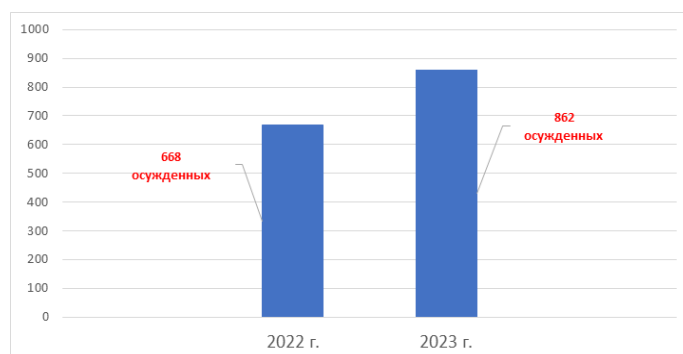

Рис. 1. Прирост осужденных за преступления против конституционного строя и безопасности государства

Так, в 2022 г. за преступление, предусмотренное ст. 275 Уголовного кодекса Российской Федерации «Государственная измена», было вынесено 16 приговоров, а в 2023 году их количество возросло более чем в два раза и составило 39 приговоров [3].

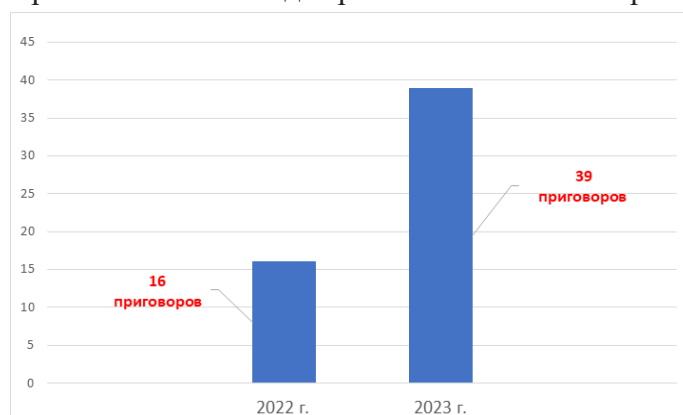

Рис. 2. Прирост числа приговоров по ст. 275 УК РФ

Рассмотрим один из приговоров. Южный окружной военный суд в городе Ростове-на-Дону приговорил 25 апреля 2023 г. ефрейтора Илью Трачука к 14 годам колонии строгого режима по делу о государственной измене. Так, из материалов уголовного дела стало известно, что 14 марта 2022 г. сотрудники ФСБ задержали военнослужащего Ростовского гарнизона, которого заподозрили в работе на украинские спецслужбы. По данным ведомства, житель Шпаковского муниципального округа в марте 2022 г. осуществлял переписку с сотрудниками Службы безопасности Украины (СБУ) и согласился оказывать помощь, «направленную на нанесение ущерба безопасности России». В ФСБ уточнили, что мужчина передавал фото железнодорожных станций и воинских частей Ставропольского края [4].

Другой разновидностью политического преступления является шпионаж. Шпионаж отличается от государственной измены длительным характером. Как правило, преступник длительное время собирает необходимую иностранным организациям информацию, которую в дальнейшем передает заказчику. В 2023 г. также отмечается прирост лиц, осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 276 Уголовного кодекса Российской Федерации – «Шпионаж». Согласно данным судебной практики, количество приговоров по рассматриваемой статье увеличилось в период времени с 2022 по 2023 гг. с 1 до 9, соответственно.

Так, разбирая судебную практику, установлено, что 18 июля 2024 г. в Свердловском областном суде закончилось судебное следствие по делу американского журналиста газеты The Wall Street Journal Эвана Гершковича, обвиняемого в шпионаже в пользу США. Эван Гершкович был задержан весной 2023 г. в Екатеринбурге по подозрению в сборе составляющих государственную тайну сведений об одном из предприятий российского

военно-промышленного комплекса в интересах США. Свердловский областной суд приговорил 19 июля 2024 г. сотрудника московского бюро издания The Wall Street Journal, гражданина США Эвана Гершковича к 16 годам колонии строгого режима [12].

Следующим видом политического преступления является посягательство на жизнь государственного деятеля. В современных условиях посягательства на жизнь государственных деятелей, как показывает практика, могут выступать средством устранения политических конкурентов, изменения внешней и внутренней политики, захвата власти, инструмента политической провокации, что не оставляет сомнений в высочайшей общественной опасности указанных деяний и их способности причинить самый серьезный ущерб интересам национальной безопасности. Посягательства на жизнь государственного деятеля, направленные на прекращение государственной или иной политической деятельности лицом, ее осуществляющим, является наиболее опасной и жестокой формой разрешения конфликтов, возникающих в политической жизни страны.

Ярким примером данного преступления может послужить покушение на бывшего главу Донецкой Народной Республики Александра Захарченко. Александр Захарченко, возглавивший ДНР 4 ноября 2014 г., погиб в результате взрыва в кафе «Сепар» 31 августа 2018 г. В сентябре 2018 г. Александр Погорелов (лицо, совершившее преступление) признал, что в составе группы диверсантов участвовал в подготовке теракта в кафе «Сепар» с целью убийства Александра Захарченко. По словам Александра Погорелова, он был завербован Службой безопасности Украины и действовал в качестве агента украинской спецслужбы.

Так, Южный окружной военный суд 19 июня 2024 г. приговорил Александра Погорелова в соответствии со ст. 277 Уголовного кодекса Российской Федерации к пожизненному лишению свободы с отбыванием наказания в колонии особого режима [10].

Рассмотрим судебную практику сразу по двум видам политических преступлений – приготовление к диверсии и склонение, вербовка и иное вовлечение лица в совершение преступления. 18 января 2024 г. Верховный Суд Республики Крым вынес приговор по уголовному делу в отношении жителя региона. Фигурант признан виновным по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 281 Уголовного Кодекса Российской Федерации (приготовление к диверсии), ст. 281.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации (склонение, вербовка и иное вовлечение лица в совершение преступления, предусмотренного ст. 281 Уголовного Кодекса Российской Федерации), п. «в» ч. 3 ст. 222.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации (незаконные приобретение, хранение, перевозка и ношение взрывных устройств).

В суде установлено, что подсудимый сотрудничал с Главным управлением разведки Украины, по заданию работников которого осуществлял фотосъемку одного из объектов жизнеобеспечения населения для осуществления его подрыва. Мужчина пытался привлечь к своей противоправной деятельности знакомого, однако получил отказ. В дальнейшем, действуя по указанию сотрудников управления разведки Украины, извлек из тайника самодельное взрывное устройство, которое хранил в своей квартире. Его действия были пресечены работниками правоохранительных органов.

Суд, согласившись с позицией государственного обвинителя, приговорил мужчину к 12 годам лишения свободы с отбыванием первых 2 лет в тюрьме, а оставшегося срока в исправительной колонии строгого режима. Осужденному назначен штраф в размере 400 тысяч рублей.

Проанализируем еще один вид преступления политической направленности – создание экстремистского сообщества, его активное функционирование [5].

В нашем государстве запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Однако вопреки конституционным принципам, преступления экстремистской направленности в Российской Федерации совершались и совершаются в настоящее время.

Анализируя единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими, автор акцентирует свое внимание на том, что одним из ярких примеров экстремистских организаций являются, признанные таковыми 9 июня 2021 г. Московским городским судом Фонд борьбы с коррупцией (ФБК, признан иноагентом) Алексея Навального, а также Фонд защиты прав граждан (ФЗПГ; юридическое лицо ФБК, признан иноагентом) и штабы оппозиционера. Внести организации Навального в

список экстремистских потребовала 16 апреля 2021 г. прокуратура города Москвы. «Под прикрытием либеральных лозунгов эти организации занимаются формированием условий для дестабилизации социальной и общественно-политической ситуации. Фактическими целями их деятельности является создание условий для изменения основ конституционного строя, в том числе с использованием сценария «цветной революции». При этом этими структурами осуществляется деятельность иностранных и международных организаций на территории Российской Федерации, в отношении которых принято решение о признании их деятельности нежелательной», — говорилось в сообщении ведомства. Позже, 26 апреля 2021 г., прокуратура Москвы своим решением приостановила деятельность общественного движения «Штабы Навального». На Фонд борьбы с коррупцией и Фонд защиты прав граждан суд в качестве обеспечительной меры наложил запрет определенных действий: размещать публикации в СМИ и соцсетях, организовывать публичные мероприятия, пользоваться банковскими счетами, за исключением выплат долгов по налогам и зарплате.

После вынесения решения о признании организаций экстремистскими сотрудники Фонда борьбы с коррупцией и активисты штабов Навального, были привлечены в качестве обвиняемых по ст. 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (организация деятельности экстремистской организации) [11].

Таким образом, несмотря на свою давнюю историю существования, политические преступления, как социально-политическое явление, все еще вызывают повышенный интерес и со стороны научного сообщества, и со стороны практиков.

Автор считает необходимым отметить, что политические преступления напрямую воздействуют на основы государственного строя Российской Федерации. Разрушают стабильность государства, девальвируют роль патриотизма, а также способствуют ослаблению государственной власти и ряду других отрицательных последствий, которые снижают авторитет государства на международной арене.

Проведенный комплексный анализ качественных и количественных показателей политических преступлений позволяет сделать вывод о том, что после начала Специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией, количество преступлений, совершаемых в политической сфере, значительно увеличилось. На основании этого необходимо отметить, что преступность в рассматриваемой сфере напрямую зависит от мировых политических процессов. Для минимизации преступных посягательств на основы конституционного строя и государственную безопасность Правоохранительные органы должны актуализировать комплекс предупредительных мер с учетом современной обстановки и четко реализовывать его, с целью пресечения данного вида преступлений на этапах планирования и подготовки, поскольку несвоевременное обнаружение таковых действий, может повлечь несоразмерные последствия для государства, что представляет собой одну из наиболее опасных проблем во времена политической нестабильности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
2. Арутюнян М.А. Понятие преступлений против мира и безопасности человечества. 2019. № 8.
3. В России выросло число приговоров по делам о госизмене и шпионаже. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/04/2024/-661fd9f39a79470998279764> (дата обращения: 20.07.2024).
4. Военного из Ростовской области приговорили к 14 годам по делу о госизмене. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/04/2023/6447-aefd9a79476cee459e6c> (дата обращения: 20.07.2024).
5. Главное в регионах – Генеральная прокуратура Российской Федерации // В Крыму суд вынес приговор по уголовному делу о приготовлении к диверсии. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/news-state-main?item=92696645> (дата обращения: 20.07.2024).
6. Григорян Д.К., И.Г. Веренич. Преступления, подрывающие основы государственной власти, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Роль гражданского общества в противодействии терроризму: сб. статей. Ростов-на-Дону, 2023.
7. Дегтерев А.А. Причины совершения преступлений против основ политической системы // Российский следователь. 2021. № 1.

8. Дегтерев А.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступлениям против основ политической системы России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.
9. Мячин А.Р. Анализ преступлений против политических прав и свобод человека и гражданина. Петрозаводск, 2023.
10. Новости – Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=95733894> (дата обращения: 20.07.2024).
11. Новости – Генеральная прокуратура Российской Федерации // Первый апелляционный суд общей юрисдикции отклонил апелляционные жалобы Фонда борьбы с коррупцией и Фонда защиты прав граждан. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64212146> (дата обращения: 20.07.2024).
12. Суд приговорил Эвана Гершковича к 16 годам колонии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/07/2024/669a38d69a7947809a63eac9> (дата обращения: 20.07.2024).

REFERENCES

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 25.12.2023) // Rossiyskaya Gazeta. № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
2. Arutyunyan M.A. The concept of crimes against the peace and security of mankind. 2019. № 8.
3. The number of sentences in cases of treason and espionage has increased in Russia. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/04/2024/-661fd9f39a79470998279764> (date of access: 20.07.2024).
4. A serviceman from the Rostov region was sentenced to 14 years in a case of treason. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/04/2023/6447-aefd9a79476cee459e6c> (date of access: 20.07.2024).
5. The main thing in the regions is the Prosecutor General's Office of the Russian Federation // In Crimea, a court issued a verdict in a criminal case on preparation for sabotage. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/news-state-main?item=92696645> (date of access: 20.07.2024).
6. Grigoryan D.K., I.G. Verenich. Crimes undermining the foundations of state power, committed using information and telecommunication networks // The role of civil society in countering terrorism: collection of articles. Rostov-on-Don, 2023.
7. Degterev A.A. Reasons for committing crimes against the foundations of the political system // Russian investigator. 2021. № 1.
8. Degterev A.A. Criminal-legal and criminological problems of counteracting crimes against the foundations of the political system of Russia: dis. ... Grand PhD in Law. Sciences. Moscow, 2023.
9. Myachin A.R. Analysis of crimes against political rights and freedoms of man and citizen. Petrozavodsk, 2023.
10. News – Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=95733894> (date of access: 20.07.2024).
11. News – Prosecutor General's Office of the Russian Federation // The First Appellate Court of General Jurisdiction rejected the appeals of the Anti-Corruption Foundation and the Citizens' Rights Protection Foundation. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64212146> (date of access: 20.07.2024).
12. The court sentenced Evan Gershkovich to 16 years in prison. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/07/2024/669a38d69a7947809a63eac9> (date of access: 20.07.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорян Давид Кромвелович, кандидат политических наук, доцент, начальник кафедры информационного обеспечения ОВД. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grigoryan David Cromwelovich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Information Support of the Department of Internal Affairs. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.98

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ, ВОЗМОЖНОСТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Жаркевич Илья Леонидович

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация
Iliazharkevich1945@gmail.com

Введение: в статье в историческом аспекте анализируется становление и развитие научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства в Республике Беларусь, основу которого составляют такие виды деятельности как экспертно-криминалистическая (ЭКД) и судебно-экспертная (СЭД); рассматриваются особенности организации деятельности Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, отмечаются ее проблемные вопросы в связи с совмещением функций эксперта и специалиста.

Материалы и методы: теоретической и эмпирической базой исследования являются ранее проведенные исследования ученых-криминалистов, статистические сведения, а также анализ нормативно-правовых актов Республики Беларусь. Методологическую основу исследования составляют диалектический, логический, системный, а также ряд других методов научного познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, описание.

Результаты исследования: акцентируется внимание на проведенной в Республике Беларусь правоохранительной реформе (2013 г.), что способствовало созданию Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Кратко обобщается опыт функционирования этого экспертного ведомства в условиях построения централизованной единой государственной политики в сфере судебной экспертизы. В частности, анализируется сохраняющееся в указанном ведомстве совмещение функций эксперта и специалиста (криминалиста); при том, что деятельность вышеуказанного ведомства законодательно не признана как правоохранительная, а значит непосредственно не направлена на раскрытие и расследование преступлений. Освещается влияние результатов реформы на экспертно-криминалистическую деятельность. Обращено внимание на особенности правовой регламентации.

Выводы и заключения: излагаются предложения о формировании системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства Республики Беларусь. Уточняются наиболее выраженные способы применения специальных знаний в форме экспертно-криминалистической и судебно-экспертной видов деятельности. Отмечаются положительные и отрицательные факторы, оказывающие влияние на организацию деятельности специалистов (криминалистов). Предлагается реализация организационной дифференциации функций экспертов и специалистов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Ключевые слова: судебный эксперт, специалист-криминалист, научно-техническое обеспечение, уголовное судопроизводство, экспертно-криминалистическая деятельность, судебно-экспертная деятельность, раскрытие и расследование преступлений.

Для цитирования: Жаркевич И. Л. Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства в республике Беларусь: проблемы, возможности их решения / И. Л. Жаркевич // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 111–117.

Original paper

SCIENTIFIC AND TECHNICAL SUPPORT OF CRIMINAL JUSTICE IN THE REPUBLIC OF BELARUS: PROBLEMS, POSSIBILITIES OF THEIR SOLUTION

Zharkevich Ilya Leonidovich

V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russian Federation

Introduction: the article analyzes the formation and development of scientific and technical support for criminal proceedings in the Republic of Belarus from a historical perspective, which is based on such activities as expert-criminalistic (ECD) and forensic expert (SED); considers the features of the organization of the activities of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus, notes its problematic issues in connection with the combination of the functions of an expert and a specialist.

Materials and methods: the theoretical and empirical basis of the study is previously conducted studies of forensic scientists, statistical data, as well as an analysis of regulatory legal acts of the Republic of Belarus. The methodological basis of the study is dialectical, logical, systemic, as well as a number of other methods of scientific knowledge: analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, description.

Results of the study: the focus is on the law enforcement reform carried out in the Republic of Belarus (2013), which contributed to the creation of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus. The experience of functioning of this expert agency in the context of building a centralized unified state policy in the field of forensic examination is briefly summarized. In particular, the author analyzes the combination of functions of an expert and a specialist (criminalist) that remains in the specified department; given that the activities of the above-mentioned department are not legally recognized as law enforcement, and therefore are not directly aimed at solving and investigating crimes. The influence of the reform results on forensic activity is highlighted. Attention is drawn to the peculiarities of legal regulation.

Findings and conclusions: proposals are presented on the formation of a system of scientific and technical support for criminal proceedings in the Republic of Belarus. The most pronounced ways of applying special knowledge in the form of forensic and forensic types of activity are specified. Positive and negative factors that influence the organization of the activities of specialists (criminalists) are noted. It is proposed to implement organizational differentiation of the functions of experts and specialists of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus.

Keywords: forensic expert, forensic specialist, scientific and technical support, criminal proceedings, forensic activity, forensic activity, crime detection and investigation.

For citation: Zharkevich I. L. Scientific and technical support of criminal justice in the Republic of Belarus: problems, possibilities of their solution / I. L. Zharkevich // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 111–117.

Становление и развитие системы научно-технического обеспечения борьбы с преступностью в Республике Беларусь тесно связаны, а во многом и обусловлены теми социально-экономическими и идеолого-политическими процессами, которые происходили в Российской империи, затем в СССР, а также, с обретением независимости белорусского государства.

Началу формирования системы научно-технического обеспечения в Российской империи способствовали события середины XIX в., а именно: в условиях набирающей обороты промышленной революции, массовой урбанизации белорусских земель и соответствующего роста преступности. Как объективная необходимость, проявился запрос общества на разработку действенных и гуманных методов противодействия ее нарастающим угрозам. Этому способствовали достижения того периода времени в области естественных и технических наук. Соответственно, изменялись организационные и правовые формы прикладного применения их возможностей; для удовлетворения потребностей общества и государства, в том числе в борьбе с преступностью.

Под влиянием этих факторов в Российской империи, в составе которой на тот момент находилась и Беларусь, была введена уголовная регистрация преступников: антропометрическая (1890 г.), а затем дактилоскопическая (1907 г.). В начале она, замечает Р.С. Белкин, воспринималась в основном как формальная система учета преступников на основе их биометрических данных и применялась в отношении лиц, осужденных за совершенные ими преступления, отбывавших наказание в местах лишения свободы, находившихся в ведении Министерства юстиции [1].

Однако фактически в то же время на нее обратили внимание и в департаменте полиции МВД страны, о чем свидетельствуют соответствующие циркуляры: от 25 сентября 1901 г. № 4789, в котором предписывалось губернаторам организовать «антропологические станции», уже действовавшие к тому времени в столице и в 18 городах Империи; от 26 сентября 1907 г. № 150270, которым губернские управления полиции обязывались организовать дактилоскопическую регистрацию. При этом объявлялись «Правила для обнаружения, сохранения и фотографирования следов отпечатков кожных линий пальцев рук, обнаруживаемых на местах происшествий» [2]. Годом позже принимается Закон № 30672 «Об организации сыскной части», в соответствии с которым в Российской империи начинают образовываться сыскные отделения, в которых уголовная регистрация рассматривалась в качестве одного из важнейших средств накопления и использования информации о преступлениях и преступниках. В частности, на территории Белорусского губернского правительства сыскные части были образованы в пяти городах (Минске, Витебске, Гродно, Полоцке, Могилеве).

Следует заметить, что по мере формирования системы регистрационных отделений (бюро) полиции, их сотрудники стали привлекаться в качестве специалистов к производству осмотров мест происшествий, иных следственных действий и оперативно-розыскных

мероприятий. Полагаем, именно в то время в Беларуси воссоздалась и получила нормативно-правовое закрепление организация их деятельности, в основе которой было совмещение в одном лице функции специалиста и эксперта-криминалиста, сохраняющееся в советский период и остающаяся неизменной в наши дни.

Впрочем, с введением уголовной регистрации связано начало развития системы государственных судебно-экспертных учреждений Беларуси. Этому способствовало проведение теми же сотрудниками регистрационных отделений (бюро) системы Минюста сравнительных (идентификационных) исследований вновь поступающих данных о лицах, содержащихся в местах лишения свободы, с уже находящимися в банке данных. По форме использования специальных знаний ими фактически проводились криминалистические (судебные) экспертизы.

Судебная экспертиза, как средство доказывания, уже вначале своего поступательного развития быстро приобрела распространенность и практическое признание в борьбе с преступностью, поскольку представлялась как правовое и действенное средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Именно поэтому в марте 1919 г. принимается решение о создании Кабинета судебной экспертизы в Центральном управлении уголовного розыска Народного комиссариата внутренних дел РСФСР [3]. К основным его функциям относились: ведение уголовной регистрации; участие в осмотрах мест происшествий (ОМП); проведение экспертиз по изымаемым с этих мест объектам; исследование вещественных доказательств; оказание научно-методической помощи по вопросам назначения, проведения экспертиз и др.

Однако уже через год стало вполне очевидно, что в организации раскрытия и расследования преступлений определяющее значение имеют результаты работы специалистов на местах происшествий и их участие в следственных действиях. Как итог, в 1922 г. этот Кабинет был преобразован в начале в научно-технический подотдел, а затем и в отдел (НТО) милиции, с конкретно определенными задачами – содействовать органам милиции в раскрытии и расследовании преступлений с использованием научно-технических средств и методов.

Данные отделы довольно стремительно стали создаваться во всех союзных республиках. В БССР в 1924 г. первые научно-технические отделы появились на территории ее столицы. В последующем, в 1929 г. в Минске был образован Белорусский государственный научно-исследовательский институт криминалистики и судебной экспертизы при НКВД БССР.

Парадоксально, но на волне революционных преобразований, проходивших в БССР в 20-ые годы прошлого века, влияющих на отечественную криминалистику того времени, этот факт публично, включая научные публикации многих советских ученых, представляется как создание принципиально новой, качественно иной системы использования достижений науки и техники в деятельности органов советской милиции в рамках уголовного судопроизводства. Прав А.Ф. Волынский, утверждая, что тогда фактически были реанимированы регистрационные бюро, действовавшие еще до революции в структуре полиции [4].

До начала 60-х гг. прошлого столетия НТО милиции БССР, что важно заметить, составляли основу научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. На их долю, как и в целом в СССР, приходилось порядка 80 % от общего числа экспертиз, назначаемых в Беларуси, по уголовным делам.

И, тем не менее, именно в тот период постепенно назревали условия для открытого соперничества двух видов деятельности экспертно-криминалистической (ЭКД) и судебно-экспертной (СЭД), сопровождавшегося «привычными», бесконечно длящимися и безрезультатными дискуссиями представителей правоохранительного и правоприменительного министерств советской Беларуси.

Особо подчеркнем, обозначенная в этих условиях тенденция укрепления системы судебно-экспертных учреждений Минюста СССР приобрела откровенно разрушительные формы по отношению к НТО милиции. После ликвидации МВД СССР (1960 г.) НТО милиции оказались в ведении вновь созданных республиканских министерств охраны общественного порядка, (МООП) где их фактически расформировали, а существенно сокращенные штаты передали в состав подразделений по связи. Более того, в ст. 74 УПК БССР было внесено дополнение, запрещавшее назначать экспертизы лицам, принимавшим участие в осмотре места происшествия по тому же уголовному делу, т. е. фактически сотрудникам НТО милиции.

Весьма своеобразные последствия в развитии научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства на этом этапе в Беларуси связаны с дифференциацией в СССР криминалистических знаний, начиная с 60-х гг. прошлого века, в результате которой из них

в виде самостоятельных наук выделились теория оперативно-розыскной деятельности и судебная экспертиза.

Признавая этот факт, как диалектически обусловленную закономерность интеграции и дифференциации научного знания, отмечая его положительные результаты, в частности, обусловившие законодательную регламентацию этих видов деятельности, однако в криминалистической литературе, не без основания, обозначаются и серьезные издержки. Во многом они были предопределены условиями проводившейся в то время в стране идеологизированной кампании «борьбы с культом личности и преодоления его последствий».

Под знаком этой «борьбы» из криминалистики вычленились касающиеся судебной экспертизы научные категории, учения и теории, а вместе с тем, как справедливо отмечал А.Ф. Волинский, разрушались практически значимые организационные связи в деятельности следователей, дознавателей, специалистов, экспертов. «Из криминалистики, науки о раскрытии и расследовании преступлений, приводит он мнение Б.М. Комаринца вырвали ее сердцевину» [5]. Однако реальные потребности следственной практики диктовали свои условия формирования системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства Республики Беларусь, основу которой составляли НТО милиции (ОТО ЭКП ОВД), которая постепенно возрождалась и к началу 90-х годов вновь оказалась доминирующей.

С распадом СССР Республика Беларусь, приобретя суверенитет, постепенно стала преобразовывать свою правоохранительную систему. С 1991 г. отмечается неведомый ранее рост преступности, борьба с которой велась с использованием устоявшихся и положительно себя зарекомендовавших, достижений науки и техники, внедренных в практическую деятельность правоохранительных органов в советский период.

Однако именно в первые годы независимости республики, в условиях формирования новых рыночных социально-экономических отношений правоохранительная система молодого государства столкнулась с крайне негативными изменениями преступности, которая получила возможность наравне с правоохранительными органами, а зачастую опережая их, осваивать достижения науки и техники и использовать их в своих целях.

Адекватным ответом на новые угрозы преступности на современном этапе стало развитие сферы правоохранительной деятельности Республики Беларусь, в том числе централизация судебно-экспертной деятельности (СЭД). Этот процесс, как представляется, обусловлен следующими объективными причинами.

Во-первых, происходящие преобразования в социально-экономических отношениях, рост межгосударственных интеграционных процессов способствовали тому, что судебная экспертиза стала более широко и чаще использоваться как средство доказывания не только по уголовным делам, но и по гражданским, арбитражным, экономическим делам.

Во-вторых, нередко эксперты в составе различных комиссий привлекаются для раскрытия и расследования транснациональных преступлений, что придает этому виду деятельности характер политики-правовой категории с присущими ей организационно-правовыми особенностями.

В-третьих, образование региональных сетей судебно-экспертных лабораторий (например, International Forensic Strategic Alliance), привели к появлению мировых стандартов их взаимодействия в данной области.

В связи с этим организация СЭД, ее правовое обеспечение, вопросы международного сотрудничества стали объектом внимания Комиссии Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Принятая данной комиссией в 2010 г. резолюция № 19/5 закрепила стандарт СЭД, в том числе один из важных принципов ее осуществления – процессуальной независимости судебного эксперта, который был реализован в ряде стран Европейского союза [6].

Однако сожалением приходится отмечать, что именно в первые десятилетия независимости Республики Беларусь под влиянием процессов глобализации в правоохранительной сфере придается дополнительный импульс, не только поступательному развитию СЭД, но и ее абсолютизации. Окончательно основы вектора государственной политики в сфере СЭД были определены Указом Президента Республики Беларусь от 22 апреля 2013 г. № 202 «Об образовании Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» [7]. Отметим, что через 10 лет *приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 1 марта 2023 г. № 45 выделяется новая специальность: 12.00.16 – судебно-экспертная деятельность (юридические, технические, биологические, химические науки)*. При этом, до настоящего времени, в Беларуси научно не определены концептуально важные

положения экспертно-криминалистической деятельности (ЭКД): понятие, система, задачи, методы и средства их решения, принципы ее организации, правовая оценка ее результатов, соотношение с СЭД и т. д.

Радикальное решение в отношении научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства было принято в 2013 г., результатом которого стало создание Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ). При этом из системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь в полном составе перенесли в новое ведомство экспертно-криминалистические подразделения, которые ранее на должном уровне осуществляли научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства.

В условиях функционирования в Республике Беларусь полисистемы правоохранительных органов, ГКСЭ, в порядке межведомственного взаимодействия проводит судебные экспертизы по материалам заявлений (сообщений) о преступлениях, уголовным делам, осуществляет другие функции в СЭД, тем самым обеспечивая выполнение подавляющего количества назначаемых экспертных исследований, в интересах иных правоохранительных ведомств.

Результаты анализа информации о деятельности ГКСЭ свидетельствуют о дискуссионности организации современной белорусской системы судебно-экспертных учреждений. При этом эксперты территориальных судебно-экспертных учреждений, не будучи представителями правоохранительных ведомств, обязаны участвовать, по приглашению следователей и органов дознания, в производстве осмотров мест происшествий, иных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. При такой организации ЭКД и СЭД в Республике Беларусь, как нам видется, сохраняются отмеченные нами ранее, в период нахождения белорусских земель в составе Российской империи и СССР, проблемы совмещения функций эксперта и специалиста-криминалиста, более того, усложняется их проявление особенностями межведомственных отношений. Также дискуссионным остается вопрос о монополизации СЭД и ЭКД одним обособленным ведомством [8].

Каждый из этих видов деятельности характеризуется решением специфических для них задач, используемых при этом методов и средств, обуславливаемых в основном задачами расследования, решаемыми на определенных этапах раскрытия и расследования преступлений. На этапе проверочных действий, возбуждения уголовного дела, осуществления осмотра места происшествия и иных неотложных следственных действий, как и оперативно-розыскных мероприятий, осуществляется, прежде всего ЭКД, в основе которой лежит поисково-познавательная деятельность. При установлении факта преступления и подозреваемого в его совершении лица, доминирует решение задач доказывания, важное значение в котором приобретает СЭД.

Таким образом, в настоящее время эти два разных вида деятельности фактически определяют двуединый процесс собирания и исследования доказательств, составляющих основу научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства Республики Беларусь. При этом по многим аспектам ЭКД и СЭД взаимно дополняют друг друга. Более того, эффективность СЭД находится в прямой зависимости от результативности ЭКД.

В рамках ЭКД и СЭД органично и в основе своей повсеместно используется арсенал конкретных технико-криминалистических методов и средств: собирания (поиска, фиксации, изъятия) и использования разнообразных по природе и механизму образования следов преступлений. Вместе с тем, СЭД по своему содержанию представляет решение задач, конкретно обозначенных в постановлении о назначении экспертизы, путем исследования представленных на экспертизу объектов, причем с использованием апробированных методик и средств. Таким образом СЭД отличается от ЭКД по решаемым задачам, условиям их решения, используемым методам и средствам, а также по правовому значению полученных результатов. Вместе с тем, ЭКД и СЭД представляются как единое целое, в общей системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что современные реалии следственной практики отличает, во-первых, стремительное развитие науки и техники, обуславливающих появление высокотехнологичной преступности; во-вторых, формирование в Республике Беларусь полисистемы правоохранительных министерств и ведомств, вместо ранее действовавшей моносистемы в виде МВД СССР. Естественно возникает важный вопрос: можно ли успешно использовать в борьбе с преступностью достижения науки и техники XXI века в организационно-правовых формах начала XX века?

Данный вопрос в настоящее время заслуживает особого внимания, поскольку в Республике Беларусь, в условиях функционирования указанной выше системы правоохранительных

министерств и ведомств, решающих широкий спектр задач уголовного судопроизводства, актуализировалась потребность в помощи и специалистов, и судебных экспертов.

Полагаем, что научно-техническое обеспечение деятельности всей полисистемы правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений является одной из ключевых задач криминалистики, которая решается в порядке взаимодействия, как экспертных учреждений ГКСЭ Республики Беларусь, так и экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России с другими правоохранительными ведомствами. Причем, если судить по отчетным показателям, введенным в этих подразделениях, то нет оснований говорить об их равной ответственности за конечный результат [9].

Отметим, что совмещение функции эксперта и специалиста в ГКСЭ, негативно отражается на производительности их труда в статусе первых и на его результативности в качестве вторых, при этом практически исключается их универсальная профессиональная специализация с ориентацией на формирование навыков и умений работы на местах происшествий с различными по природе и механизму образования следами преступлений.

В научном сообществе продолжаются дискуссии о целесообразности совмещения функций эксперта и специалиста (криминалиста) в одном лице и пока безрезультатно. И это несмотря на то, что судебный эксперт специализируется на производстве определенных видов экспертиз, входящих в его компетенцию, а на месте происшествия, выступая как специалист, он имеет дело с разнообразными по природе и механизму образования следами и объектами, которые он должен уметь обнаруживать, изымать, определять их связь с событием преступления, используя различные методы и средства, к чему по большому счету он профессионально не готов.

О значимости данной проблемы красноречиво говорят результаты социологического исследования, проведенного нами в августе 2024 г. в территориальных экспертно-криминалистических подразделениях ГКСЭ. Участие в нем приняли 94 судебных эксперта-криминалиста ГКСЭ. При этом 72 % респондентов сообщили, что совмещение функций специалиста и эксперта негативно отражается на результативности осмотров мест происшествий.

Более того, 91 % респондентов сообщили, что участие в качестве специалиста в осмотре места происшествия и в иных следственных действиях, иногда они рассматривают как возможность «регулировать» объем своей будущей экспертной работы.

И тому есть вполне состоятельное объяснение. Во многих территориальных экспертно-криминалистических подразделениях ГКСЭ работает по одному сотруднику этого ведомства, а в других (сектора межрайонных отделов ГКСЭ) 2–6 человек, включая руководителя подразделения, на которого возложены функции контрольно-методической работы с подчиненными. У каждого из них лежат неисполненными три-четыре, а то и больше экспертиз, а они, оказавшись на месте происшествия, обязаны искать еще и еще объекты для новых экспертных исследований. При этом нередко изымаются следы, не имеющие причинно-следственной связи с событием преступления, или не пригодные для идентификации.

Исходя из изложенного, нам представляется наиболее целесообразным организационно разграничить функции экспертов и специалистов (криминалистов) ГКСЭ, что способствовало бы повышению их специализации, конкретизации служебных задач, упорядочению оценки работы, а в целом – повышению ее эффективности. Решение этой проблемы следует осуществлять, как нам представляется, с учетом определенных в криминалистике этапов расследования преступлений или стадий в уголовном процессе. Каждой из них присущи специфические задачи, а следовательно методы и средства их решения. На первоначальном этапе расследования писал И.Я. Фойницкий еще в конце XIX в., следственные действия должны проводиться быстро, безотлагательно, фактически, в режиме текущего времени [10]. Успешно реализовать эту принципиально важную рекомендацию в форме СЭД, тем более с ее сверхзаформализованным порядком действий, тем более в условиях межведомственного взаимодействия, представляется чрезвычайно проблематично. Разумеется, что судебная экспертиза должна оставаться при этом как таковая, со всеми присущими ей формальными требованиями, касающихся порядка ее назначения, подготовки объектов исследования, процессуальной независимости судебного эксперта, и др.

Таким образом, научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства выступает в качестве определенного элемента организации раскрытия и расследования преступлений как целого, включающего в себя относительно самостоятельные организационно обособленные части – ЭКД и СЭД.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М., 1999.
2. Колдаев В.М. Из истории практической криминалистики в России. М., 2005.
3. Шведова Н.Н. Краткий исторический обзор становления и развития судебно-экспертных учреждений в России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 1.
4. Волынский А.Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России (невывученные уроки истории). Труды Акад. упр. МВД России. 2019. № 4(52).
5. Волынский А.Ф. Судебная экспертиза перед «судом истории» (заключение специалиста) // Судебная экспертиза и исслед. 2022. № 1.
6. Хазиев Ш.Н. Теоретические основы и организация международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.
7. Об образовании Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 22 апр. 2013 г., № 202 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024
8. Швед А.И. Теоретические предпосылки и прикладные аспекты реализации в Республике Беларусь единой государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности: автореф. д-ра юрид. наук. Минск, 2021.
9. Волынский В.А. Криминалистическая техника: наука – техника – общество – человек. М., 2000.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Изд. 2-е, перераб. СПб., 1899. Т. 2.

REFERENCES

1. Belkin R.S. History of Russian Forensic Science. Moscow, 1999.
2. Koldayev V.M. From the History of Practical Forensic Science in Russia. Moscow, 2005.
3. Shvedova N.N. Brief Historical Review of the Formation and Development of Forensic Institutions in Russia // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 1.
4. Volynsky A.F. On the Centenary of the Forensic Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Unlearned Lessons of History). Proceedings of the Acad. Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4 (52).
5. Volynsky A.F. Forensic Examination Before the «Court of History» (Expert Opinion) // Forensic Examination and Research. 2022. № 1.
6. Khaziev Sh.N. Theoretical Foundations and Organization of International Cooperation in the Field of Forensic Activities: dis. ... Grand PhD in Law. Moscow, 2016.
7. On the Formation of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus: Decree of the President of the Republic of Belarus, April 22, 2013, № 202 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Republic of Belarus. Minsk, 2024
8. Shved A.I. Theoretical Prerequisites and Applied Aspects of the Implementation of a Unified State Policy in the Sphere of Forensic Activities in the Republic of Belarus: author's abstract. Grand PhD in Law. Minsk, 2021.
9. Volynsky V.A. Forensic Science: Science – Technology – Society – Man. Moscow, 2000.
10. Foinitsky I.Ya. Criminal Procedure Course. 2nd ed., revised. St. Petersburg, 1899. Vol. 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жаркевич Илья Леонидович, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zharkevich Ilya Leonidovich, Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel. V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 12, Akademika Volgina St., Moscow 117437 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 4(111). – С. 118–123.
Jurist-Pravoved. 2024. № 4(111). – Pp. 118–123.

Научная статья
УДК 343.23

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ЗАПРЕЩЕННОСТИ ДЕЯНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Илиджев Александр Алексеевич

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Российская Федерация
ilidsasha@yandex.ru

Илиджев Алексей Александрович

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
Казань, Российская Федерация
aleksei.ilidzhev04@gmail.com

Введение: в статье рассматриваются теоретические и практические аспекты регулирования в уголовном законодательстве термина «состав преступления», дефиниция которого в УК РФ отсутствует. Анализируются проблемы определения понятия состава преступления, его признаков, имеющих нормативный характер, и предлагаются пути их решения.

Материалы и методы: методологическую основу статьи составил всеобщий метод диалектической гносеологии. Использованы общенаучные исследовательские методы, в частности, сравнительно-правовой, системно-структурный, правового моделирования, лингвистический. В качестве частнонаучного метода познания применялся анализ.

Результаты исследования: в ходе исследования авторы с использованием понятийно-терминологического инструментария провели анализ некоторых признаков понятия преступления, которые имеют определяющее значение для характеристики признаков состава преступления как родовидового понятия. Удалось установить, что состав преступления отражает признак запрещенности деяния Уголовным кодексом под угрозой наказания, включенный законодателем в понятие преступления.

Выводы и заключения: в результате исследования сущностных признаков состава преступления, с учетом различных подходов в отечественном уголовном праве к его понятию и юридической природе как уголовно-правового феномена предлагается и обосновывается его авторская дефиниция, а также аргументируется преимущество данного определения.

Ключевые слова: состав преступления, общественная опасность, запрещенность, признак, дефиниция, совокупность, деяние, система, наказуемость.

Для цитирования: Илиджев А. А., Илиджев А. А. Состав преступления как воплощение запрещенности деяния в Российском уголовном законодательстве / А. А. Илиджев, А. А. Илиджев // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 118–123.

Original paper

COMPOSITION OF A CRIME AS AN EMBODIMENT OF THE PROHIBITION OF AN ACT IN RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION

Ildzhev Alexander Alexeevich

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation

Ildzhev Alexey Alexandrovich

Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation

Introduction: the article examines theoretical and practical aspects of regulation in criminal legislation of the term «corpus delicti», the definition of which is absent in the Criminal Code of the Russian Federation. The problems of defining the concept of corpus delicti, its features of a normative nature are analyzed, and ways to solve them are proposed.

Materials and methods: the methodological basis of the article was the general method of dialectical epistemology. General scientific research methods were used, in particular, comparative legal, systemic-structural, legal modeling, linguistic. Analysis was used as a specific scientific method of cognition.

Results of the study: in the course of the study, the authors, using conceptual and terminological tools, analyzed some features of the concept of crime, which are of decisive importance for characterizing the features of corpus delicti as a generic concept. It was possible to establish that corpus delicti reflects the feature of prohibition of an act by the Criminal Code under threat of punishment, included by the legislator in the concept of crime.

Findings and conclusions: as a result of the study of the essential features of the crime, taking into account the various approaches in domestic criminal law to its concept and legal nature as a criminal-legal phenomenon, its author's definition is proposed and substantiated, and the advantage of this definition is argued.

Keywords: crime, social danger, prohibition, feature, definition, totality, act, system, punishability.

For citation: Ilidzhev A. A., Ilidzhev A. A. Composition of a crime as an embodiment of the prohibition of an act in Russian criminal legislation / A. A. Ilidzhev, A. A. Ilidzhev // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 118–123.

Термин «состав преступления» использован в УК РФ более 30 раз, в том числе 4 раза – в Общей части. При этом из закона можно уяснить, что состав преступления содержится в деянии (ст. 8, 29, 31, 76.1 УК РФ) и сам содержит признаки (ст. 8, 29, 76.1, 116.1, 171.5. УК РФ), включен в основание уголовной ответственности (ст. 8), предусмотрен в Уголовном кодексе (ст. 8, 29) или определенных статьях его Особенной части (ст. 76.1, 116.1, 171.5), может содержаться в действиях (примечания к ст. 110.2, 126, 127.1, 145, 178, 195, 200.1, 205, 205.1, 205.3 – 205.5, 206, 208, 210, 212, 275, 282.1 – 282.3, 322.1 – 322.3, ст. 116.1) или деятельности (ст. 171.1 УК РФ).

Однако, что такое состав преступления, УК РФ не раскрывает. Причем даже при большом желании законодателю это было сделать, на наш взгляд, нелегко. Нам видятся две причины нормативного характера. Первая – по закону состав преступления должен содержаться и в деянии, и в Уголовном кодексе (статьях Особенной части). Вторая – по закону состав преступления должен содержаться в действиях (деятельности), но статьи Особенной части УК РФ нередко включают последствия, возраст, с которого наступает уголовная ответственность, специального субъекта преступления, вину и другие признаки. Связать надлежащим образом все это воедино, по нашему мнению, практически нет никакой возможности.

На законодательном фоне в теории уголовного права предприняты многочисленные попытки дефинирования состава преступления. Решения даны разные, но, чтобы в их основе были нормативные установления, встречается не часто. Так, под составом преступления понимается:

- предусмотренная уголовным законом совокупность признаков, с помощью которых общественно опасное деяние характеризуется как преступление или дифференцируется их наказуемость [1, с. 55];
- предусмотренная уголовным законом система объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как определенный вид преступления [2, с. 197];
- система предусмотренных в диспозиции запретительной уголовно-правовой нормы элементов и признаков, выступающих структурированным выражением общественной опасности и виновности совершенного преступного деяния [3, с. 11].

Перечень дефиниций состава преступления можно было бы продолжить и дальше, но разброс имеющихся мнений внушительный. Следует отметить, что, на наш взгляд, ничего не дают пониманию состава преступления указания на:

- во-первых, объективные и субъективные признаки. Поскольку других быть не может, никакой информации о специфике состава преступления они не отражают;
- во-вторых, элементы преступления. При традиционном их понимании (объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления) они – не более чем соответствующая группировка признаков, ничего не дающая пониманию состава преступления;
- в-третьих, наказуемость деяния. Если оно определяется как преступное, то в силу ч. 1 ст. 14 УК РФ иначе быть не может, а; значит, не требует специального отражения;
- в-четвертых, преступление как социально-правовое явление. Последнее – характеристика вовсе не состава преступления, а самого преступления;
- в-пятых, преступное деяние как преступление. Если уже известно, что деяние преступно, то оно не может не быть преступлением;
- в-шестых, признаки преступления как общественно опасного, уголовно-противоправного и (или) виновного деяния. Преступление вовсе не нужно характеризовать как деяние общественно опасное, уголовно-противоправное и виновное, ибо по закону преступление и есть именно такое деяние;
- в-седьмых, диспозицию запретительной уголовно-правовой нормы. Последняя, как известно, отражает содержание права, в реальной же действительности состав преступления предусматривается

в форме права – уголовном законодательстве;

– в-осьмых, «конкретное», «определенное» общественно опасное деяние или преступление. При этом в русском языке слово «конкретный» означает реально существующий, вполне точный и вещественно определенный, в отличие от абстрактного, отвлеченного [4, с. 443]. А, на наш взгляд, преступление, в качестве которого характеризуется деяние, является именно абстрактным, отвлеченным и, наоборот, деяние, которое характеризуется как преступление, всегда конкретно.

Теперь перейдем к сущностному анализу понятий состава преступления. Все они построены как родовидовые. Возражений против такого подхода у нас нет, ибо подобные дефиниции являются наиболее информативными и показывают связь определяемого явления с другими и его отличия от других.

Не вызывает сомнений введение в качестве родового признака понятия состава преступления указания на соответствующие признаки. При установлении содержания явления, названного в УК РФ, прежде всего, нужно исходить из нормативных характеристик данного явления. А, на наш взгляд, законодатель неоднократно предусмотрел то, что состав преступления содержит некие признаки.

Очевидно, что видовые признаки понятия состава преступления должны отражать специфику признаков, содержащихся в составе. В законе о составе преступления говорится как о предусмотренном Уголовным кодексом или в его отдельных статьях в зависимости от того, дается ли общее решение или решение об отдельном составе преступления. Поскольку мы дефинируем, что представляет состав преступления как таковой, по нашему мнению, в его понятии целесообразно использовать первое решение. Причем, поскольку даже термин «состав преступления» помещен в УК РФ, то, что им охватывается, явно должен представлять собой не теоретический, а законодательный, точнее – уголовно-правовой феномен.

В понятии состава преступления вряд ли имеет смысл уточнение по поводу его предусмотренности в Общей и Особенной части УК РФ. То, что это, действительно, так, у нас сомнений не вызывает, но, на наш взгляд, такое уточнение имело бы смысл, лишь если бы состав преступления располагался только в какой-нибудь одной части УК РФ. Тогда, действительно, была бы подчеркнута некая специфика размещения состава преступления, а при сложившихся обстоятельствах ее нет, ибо, кроме Общей и Особенной части УК РФ, располагать состав просто негде.

Тем более в понятии состава преступления мы не видим смысла указывать на норму уголовного права. Она, по общепринятому мнению, относится к содержанию права. Правоприменитель же всегда оперирует формой права – уголовным законом. Видимо, не случайно норма очень редко упоминается в УК РФ (исключение составляют предписания ч. 3 ст. 17 об общей и специальной норме).

Хотя в ст. 8, 29, 31, 76.1 УК РФ говорится о том, что состав преступления содержится в деянии, ни в одной дефиниции состава данное обстоятельство не упоминается. И это, нам представляется, правильным. С одной стороны, состав преступления не может содержаться одновременно и в деянии, и в Уголовном кодексе (его определенных статьях). С другой стороны, в соответствующем деянии, по нашему мнению, должны содержаться совсем другие признаки – видовые признаки понятия преступления. Иначе им просто было бы не откуда взяться, чтобы стать отраженными в ч. 1 ст. 14 УК РФ. Более того, именно с помощью них описывается специфика преступления в отличие от иных деяний.

Поскольку состав преступления – то, что отражено в уголовном законе, казалось бы, также должно обстоять дело и с признаками состава. Вместе с тем Л.Д. Гаухман указывает, что они могут предусматриваться также в других законах и (или) иных нормативных правовых актах, в частности международных договорах, ссылки на которые содержатся в бланкетных диспозициях статей Особенной части УК РФ [5, с. 37, с. 47]. Ю.Е. Пудовочкин обоснованно не согласился с этим решением, считая, что сам бланкетный признак отражен в УК РФ; другое дело, что содержание такого признака в УК РФ непосредственно не определено [6, с. 8]. В то же время отметим, что в данном случае мы не видим ничего исключительного. Содержание признаков, в которых отсутствует бланкетная составляющая, совсем не часто раскрывается в уголовном законе. Возьмем, например, признаки хищений: тайность и открытость в нем не определены, а «хищение», «помещение» и «хранилище», наоборот, раскрыты в примечаниях к ст. 158 УК РФ.

Поскольку признаки состава преступления – не единичное явление, а некая множественность, нужно понять, образуют ли они определенную систему либо совокупность. В русском языке система – это нечто целое, а совокупность – сочетание, соединение, общий итог чего-нибудь [4].

Нам кажется, что состав преступления трудно назвать чем-то целым, говоря иначе, тем, что едино, нераздельно [4, с. 1288]. Обычно в состав преступления включаются достаточно разнородные явления: объект преступления; объективную сторону преступления как то, что характеризует не только само преступление, но и условия, в которых оно совершается (место, время, обстановка); субъекта преступления; субъективную сторону преступления как то, что складывается в голове

субъекта преступления. А вот то, что эти признаки образуют сочетание, соединение, общий итог законодательного решения, у нас сомнений не вызывает.

Для понятия состава преступления важно назначение его признаков, что подчеркивается во многих дефинициях. Это, думается, оправданно отражает функциональный характер состава. Трудно согласиться лишь с тем, что в состав преступления входят необходимые и достаточные для привлечения к уголовной ответственности признаки криминализуемого деяния. С одной стороны, законодатель признаки состава включил в основание уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ). Следовательно, необходимость только для привлечения к уголовной ответственности – слишком узкая роль для признаков состава преступления. С другой стороны, это роль – уголовно-процессуальная, а природа состава по действующему законодательству все-таки – уголовно-материальная. Если мы взглянем на вопросы межотраслевых взаимосвязей более широко и экстраполируем их в плоскость научного знания, то стоит согласиться с А.В. Варданяном в том, что наука уголовного права, хотя и имела достаточно продолжительный опыт ее развития в рамках самостоятельной специальности, отличной от уголовного процесса и криминалистики, но всегда выступала своеобразной нормативной и теоретико-методологической базой, определяющей вектор развития иных уголовно-правовых наук [7, с. 52]. Немаловажно также то, что состав преступления соотносится лишь с уже криминализованным деянием; иначе первый не мог бы войти в основание уголовной ответственности, т. к., по нашему мнению, криминализуемое деяние – то, что пока не отражено в УК РФ, а находится в процессе криминализации. Более того, на основании признаков криминализуемого деяния нельзя привлекать к уголовной ответственности в силу того, что еще не может действовать задача предупреждения преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

В понятиях состава преступления назначение признаков состава чаще всего видится в характеристике ими деяния как уголовно-противоправного, преступления. Хотя это в принципе верно, но на наш взгляд, недостаточно для понимания состава. С одной стороны, нужно учитывать форму, а с другой стороны – содержание соответствующего уголовно-правового регулирования.

Форма назначения признаков состава преступления, должна вытекать из предписаний ч. 1 ст. 14 УК РФ. Это означает, что данные признаки нужны для отражения запрета совершения общественно опасных деяний.

С содержанием широко воспроизводимого назначения признаков состава преступления не было бы никаких проблем, если бы статьи Особенной части УК РФ не делились на части. Тогда бы все признаки именно характеризовали соответствующие деяния в качестве преступных, чем стало бы полностью реализовано предписание ч. 2 ст. 2 УК РФ. В действительности же статьи Особенной части УК РФ в абсолютном большинстве случаев состоят из нескольких частей, и во всех частях представлены соответствующие признаки, но далеко не все они необходимы для того, чтобы определять, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями. На данную мысль нас натолкнули следующие обстоятельства:

– во-первых, приемы законодательной техники, использованные при конструировании вторых и последующих частей статей Особенной части УК РФ. Соответствующие части обычно а) повторяют название статьи (ст. 105, 107, 109 и др. УК РФ), б) начинаются со слов «то же деяние» (ст. 110, 110.1, 112 и др.), «те же деяния» (ст. 110.2, 111, 127.1 и др.), «деяния, предусмотренные частью первой» (ст. 148, 165, 171.2 и др.), и включают хотя бы один дополнительный признак;

– во-вторых, размеры санкций, установленных при конструировании вторых и последующих частей статей Особенной части УК РФ. Они – другие (измененные) и обычно повышенные по сравнению с санкциями первых частей статей Особенной части УК РФ.

Все отмеченное свидетельствует о том, что признаки вторых и последующих частей статей Особенной части УК РФ, по общему правилу, необходимы для изменения (дифференциации) наказуемости деяний, описанных в частях первых. По нашему мнению, без указания на это дефиниция состава преступления всегда неполная.

В понятиях состава преступления подчас особо подчеркивается, какие именно признаки понятия преступления характеризуют признаки состава. При этом наблюдаются расхождения во взглядах, ибо считается, что признаки состава характеризуют либо общественную опасность и уголовную противоправность, либо общественную опасность, либо уголовную противоправность деяния.

При выяснении, кто прав в отмеченной части, нужно вспомнить, что видовыми в понятии преступления являются признаки «общественно опасное», и «запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания». В отношении состава преступления особо проблематичен признак общественной опасности. Теоретиками уголовного права общественная опасность нередко включается в состав преступления (И.В. Андреев, Л.Д. Гаухман, О.Ф. Шишов и др.) [5, с. 45; 8, с. 10; 9, с. 154]. Другие же ученые соотносят состав лишь с запрещенностью (противоправностью) или просто не включают общественную опасность в состав преступления (А.В. Иванчин, А.Э. Жалинский, В.С. Прохоров,

И.А. Тарханов и др.) [1, с. 58; 2, с. 197; 10, с. 368; 11, с. 349; 12, с. 77]. И, по существу, последние, в нашем представлении, абсолютно правы.

Как отмечалось, в соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ Кодекс определяет, какие опасные для личности общества или государства деяния признаются преступлениями. Это означает, что законодатель сначала из всех возможных деяний должен выявлять те, которые опасны для перечисленного, а затем их включать в закон. Последнее осуществляется путем запрещения опасных для личности, общества или государства деяний под угрозой наказания в Уголовном кодексе.

Таким образом, о наличии у определенных деяний соответствующей опасности решает сам законодатель. Правоприменителю выявлять это уже не требуется. Он должен лишь обнаружить в Уголовном кодексе запрещенность деяния под угрозой наказания. Именно она и отражается через состав преступления. Дело в том, что законодатель то или иное деяние признает преступлением в силу опасности данного деяния для личности, общества или государства, а правоприменитель делает то же самое уже через сопоставление признаков установленного деяния и состава преступления.

Как следствие из всего сказанного, мы считаем, что состав преступления – это предусмотренная уголовным законом совокупность признаков, с помощью которых запрещается совершение опасных для личности, общества или государства деяний либо дифференцируется их наказуемость. Какие-либо другие признаки включать в дефиницию искомого, на наш взгляд, ни к чему.

Более того, на наш взгляд, при изложенном решении становится абсолютно ясным соотношение понятий состава преступления и преступления [13, с. 15], вызывающее серьезные споры в уголовно-правовой теории.

На наш взгляд, понятие состава преступления является ничем иным, как специальным отражением признака запрещенности, закрепленного в законодательной дефиниции преступления. Это сделано, вероятно, для того чтобы в Особенной части УК РФ постоянно не повторять излишнюю информацию, не нужную в силу того, что законодатель сам определил, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями.

Сопоставлять преступление и состав преступления, по нашему мнению, вообще нет логических оснований. Прав В.С. Комиссаров, считающий, что преступление и состав преступления лежат в разных плоскостях: «преступление – это явление реальной жизни, а состав преступления – юридическое представление законодателя о конкретном реально существующем явлении – преступлении» [14, с. 57]. Отсюда и то, и другое между собой не может пересекаться.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чучаев А.И. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник. М., 2013.
2. Сундулов Ф.Р., Тарханов И.А. Уголовное право России. Общая часть: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.
3. Комягин Р.А. Состав преступления: теоретическое моделирование понятия, структуры и соотношения с преступлением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. М., 2016.
5. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон теория, практика. М., 2001.
6. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. М., 2009.
7. Варданян А.В. Интеграция уголовно-правовых знаний в контексте закономерностей развития юридической науки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 1(25).
8. Андреев И.В. Теоретико-правовые основы квалификации преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
9. Ревин В.П. Уголовное право России. Общая часть: учебник. М., 2009.
10. Кропачев Н.М., Волженкин Б.В., Орехов В.В. Уголовное право России: общая часть: учебник. СПб., 2006.
11. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009.
12. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М., 2014.
13. Георгиевский Э.В., Кравцов Р.В. Состав преступления: учебное пособие. Иркутск, 2012.
14. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: Сравнительно-правовое исследование / под ред. В.С. Комиссарова, А.И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб., 2009.

REFERENCES

1. Chuchayev A.I. Criminal Law of the Russian Federation. General and Special Parts: textbook. Moscow, 2013.
2. Sundurov F.R., Tarkhanov I.A. Criminal Law of Russia. General Part: textbook. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, 2016.
3. Komyagin R.A. Composition of a Crime: Theoretical Modeling of the Concept, Structure and Relationship with a Crime: Abstract of PhD in Law Dissertation. Saratov, 2022.
4. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. 27th ed., revised. Moscow, 2016.
5. Gaukhman L.D. Qualification of Crimes: Law, Theory, Practice. Moscow, 2001.
6. Pudovochkin Yu.E. The Doctrine of Composition of a Crime: Textbook. Moscow, 2009.
7. Vardanyan AV Integration of criminal-legal knowledge in the context of patterns of development of legal science // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2023. № 1 (25).
8. Andreev IV Theoretical and legal foundations of qualification of crimes: author's abstract. dis. ... PhD in Law. Moscow, 2000.
9. Revin VP Criminal law of Russia. General part: textbook. Moscow, 2009.
10. Kropachev NM, Volzhenkin BV, Orekhov VV Criminal law of Russia: general part: textbook. St. Petersburg, 2006.
11. Zhalinsky AE Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. Moscow, 2009.
12. Ivanchin AV Construction of the elements of a crime: theory and practice. Moscow, 2014.
13. Georgievskiy E.V., Kravtsov R.V. Elements of a crime: a tutorial. Irkutsk, 2012.
14. The doctrine of the elements of a crime in the criminal law of Russia and China: A comparative legal study / edited by V.S. Komissarov, A.I. Korobeev, He Bingsun. St. Petersburg, 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Илиджев Александр Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД. Казанский юридический институт МВД России. 420108, Российская Федерация, г. Казань, ул. Магистральная, д. 35.
ORCID: 0000-0001-6624-7688

Илиджев Алексей Александрович, аспирант. Казанский филиал Российского государственного университета правосудия. 420088, Российская Федерация, г. Казань, ул. 2-я Азинская, д. 7а.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ildzhev Alexander Alekseevich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management of the Department of Internal Affairs. Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 35, Magistralnaya St., Kazan 420108 Russian Federation.

Ildzhev Alexey Alexandrovich, postgraduate. Kazan branch of the Russian State University of Justice (Kazan). 7a, 2nd Azinskaya St., Kazan 420088 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.272

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК ИНАЯ МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, ПРИМЕНЯЕМАЯ К ЛИЦАМ, СОВЕРШИВШИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ И ВОЙСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ильяшенко Екатерина Алексеевна

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
Краснодар, Российская Федерация
katyail99@mail.ru

Введение: увеличение количества преступлений, связанных с распространением заведомо ложной информации о Вооруженных силах (войсках национальной гвардии Российской Федерации), обусловило поиск наиболее эффективных методов предупреждения уголовно наказуемого деяния. В феврале 2024 г. произошли изменения в уголовном законе в части расширения перечня преступлений, за совершение которых возможна конфискация имущества. Внесенные поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации позволили применять меры, закрепленные в ст. 104.1 УК РФ, к лицам, совершившим преступления, предусмотренные ст. 207.3 УК РФ.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляют методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой, формально-юридический методы и др. В качестве материалов исследования выступает отечественное уголовное законодательство, регулирующее применение конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера к лицам, распространившим заведомо ложную информацию о Вооруженных силах и войсках национальной гвардии Российской Федерации.

Результаты исследования: в статье предлагаются результаты исследования по вопросам эффективности применения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера к лицам, совершившим преступления, связанные с публичным распространением под видом достоверной заведомо ложной информации о Вооруженных Силах РФ (войсках национальной гвардии РФ). Анализируются изменения, внесенные в ст. 104.1 УК РФ в части расширения перечня преступлений, за совершение которых предусмотрена конфискация имущества.

Выводы и заключения: в результате исследования сделан вывод, что конфискация имущества существенно не сократит количество распространяемой под видом достоверной заведомо ложной информации о Вооруженных Силах РФ (войсках национальной гвардии РФ), поскольку применение указанной нормы носит ограниченный характер.

Ключевые слова: меры уголовно-правового характера, конфискация имущества, общественная безопасность, общественно значимая информация, распространение информации, ложная информация.

Для цитирования: Ильяшенко Е. А. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера, применяемая к лицам, совершившим преступления, связанные с распространением заведомо ложной информации о Вооруженных силах и войсках национальной гвардии Российской Федерации / Е. А. Ильяшенко // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 124–128.

Original paper

CONFISCATION OF PROPERTY AS OTHER MEASURE OF A CRIMINAL NATURE APPLIED TO PERSONS COMMITTING CRIMES RELATED TO THE DISSEMINATION OF DELIBERATELY FALSE INFORMATION ABOUT THE ARMED FORCES AND TROOPS OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ilyashenko Ekaterina Alekseevna

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the increase in the number of crimes related to the dissemination of knowingly false information about the Armed Forces (troops of the National Guard of the Russian Federation) has led to the search for the most effective methods of preventing criminal offenses. In February 2024, changes were made to the criminal law in terms of expanding the list of crimes for which confiscation of property is possible. The amendments made to the Criminal Code of the Russian Federation made it possible to apply the measures enshrined in Art. 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation to persons who have committed crimes provided for in Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Materials and methods: the methodological basis of the study is the methods of analysis and synthesis, comparative legal, formal legal methods, etc. The research materials are domestic criminal legislation regulating the use of confiscation of property as another criminal measure to persons who have disseminated knowingly false information about the Armed Forces and troops of the National Guard of the Russian Federation.

Results of the study: the article presents the results of a study on the effectiveness of the use of confiscation of property as another measure of a criminal nature against persons who have committed crimes related to the public dissemination of knowingly false information about the Armed Forces of the Russian Federation (troops of the National Guard of the Russian Federation) under the guise of reliable information. The changes made to Art. 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of expanding the list of crimes for which confiscation of property is provided are analyzed.

Findings and conclusions: as a result of the study, it was concluded that confiscation of property will not significantly reduce the amount of knowingly false information about the Armed Forces of the Russian Federation (troops of the National Guard of the Russian Federation) disseminated under the guise of reliable information, since the application of this norm is limited.

Keywords: criminal measures, confiscation of property, public safety, socially significant information, dissemination of information, false information.

For citation: Ilyashenko E. A. Confiscation of property as other measure of a criminal nature applied to persons committing crimes related to the dissemination of deliberately false information about the Armed forces and troops of the National Guard of the Russian Federation / E. A. Ilyashenko // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 124–128.

Институт конфискации имущества на протяжении нескольких столетий рассматривался законодателем как эффективное средство противодействия преступности. Не теряют актуальности вопросы применения конфискации имущества за совершение преступлений и в настоящее время.

Так, в 2017 г. конфискация имущества была применена судами в отношении 2 060 осужденных, в 2022 г. их число возросло до 4 195, а за первые 6 месяцев 2023 г. таких решений принято в отношении уже 6 508 лиц.

Примечательно, что до 2003 г. институт конфискации имущества существовал как самостоятельный вид дополнительного наказания, назначаемый лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления из корыстных побуждений. Данный вид наказания предполагал принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства всего или части имущества, находящегося в собственности лица, осужденного по обвинительному приговору суда. Однако желание законодателя привести нормы отечественного уголовного закона в соответствие с требованиями международного права способствовало исключению указанного наказания из Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Вместе с тем исключение конфискации имущества из перечня видов наказания вызвало общественный резонанс ввиду поспешности принятого решения. В свою очередь, противники восстановления института конфискации отмечали нарушение провозглашенного Конституцией Российской Федерации права собственности, а также имущественных интересов членов семьи осужденного [1, с. 62].

Ввиду возникшей дискуссии в научном сообществе законодатель нашел компромисс – закрепление конфискации имущества в УК РФ как иной меры уголовно-правового характера, которая ограничивается изъятием не любого имущества, а только определенных его видов за совершение отдельных преступлений, исчерпывающий перечень которых установлен в уголовном законе. Цель конфискации имущества можно определить как восстановление социальной справедливости, которое проявляется не в отношении материального положения потерпевшего, а в восстановлении баланса общественных отношений, который был нарушен преступным получением имущества либо его использованием в качестве средства или орудия совершения преступления [2, с. 99].

Важно отметить, что в гл. 15.1 УК РФ, содержащую нормы, регламентирующие понятие, основания и пределы конфискации имущества (ст. 104.1–104.3), достаточно часто вносятся изменения, что свидетельствует о повышенном внимании к практическому применению указанных норм. Как

отмечала Е.А. Пашенко, выбор преступных деяний, по которым возможна конфискация имущества, является ограниченным и необоснованным, целесообразно расширение его в сторону преступлений, характеризующихся имущественной выгодой, а возможно, и всем перечнем преступных деяний [3, с. 85].

Как известно, Федеральным законом от 14 февраля 2024 г. № 11-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [4] в целях пресечения финансирования преступлений, а также иной деятельности, направленных против безопасности Российской Федерации, дополнен перечень преступлений, по которым возможно изъятие активов, предусмотренных п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Согласно изменениям теперь суд вправе конфисковать имущество за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил РФ, исполнении госорганами своих полномочий и публичные призывы к осуществлению деятельности против безопасности государства, совершенных из корыстных побуждений.

Как отмечено в пояснительной записке федерального закона [5], аналогичный подход уже установлен в уголовном законодательстве в целях пресечения финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Как отмечает председатель Государственной Думы РФ В.В. Володин, законопроект был направлен на лиц, которые «предали свою родину [...], находятся за границей, доходы получают за счет собственности, недвижимости, находящейся на территории нашей страны» [6].

Не поддержали законодательную инициативу депутаты партии «Новые люди», поскольку в уголовном законе предусмотрены все необходимые меры ответственности, а «размытые» понятия в законе могут привести к злоупотреблению правом [7].

Важно отметить, что конфискация имущества возможна только за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации о Вооруженных Силах РФ (войсках национальной гвардии РФ), совершенных из корыстных побуждений, т. е. за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ.

Верховный Суд РФ неоднократно отмечал, что под корыстными побуждениями понимается направленность умысла на получение материальной выгоды (денег, имущества или прав на их получение и т. п.) для себя или для других лиц либо избавление от материальных затрат (например, возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств) [8].

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискации подлежат деньги, ценности и иное имущество, в которые имущество, полученное в результате распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, были частично или полностью превращены или преобразованы (сокрытие, легализация посредством финансовых операций и других сделок). Например, продажа или обмен предметов, зачисление рублевой суммы на счет, покупка акций или недвижимости.

Вместе с тем нововведения в уголовный закон были направлены на конфискацию орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, к которым следует относить предметы, которые использовались либо были предназначены для использования при совершении преступного деяния или для достижения преступного результата.

Ввиду стремительного развития цифровизации в обществе преобладающее большинство преступлений, квалифицирующихся по ст. 207.3 УК РФ, совершается в рамках распространения заведомо ложной информации в социальных сетях, в связи с чем разъяснения Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) могут быть полезны при разрешении судом вопроса о применении к лицу иной меры уголовно-правового характера в виде конфискации имущества.

Так, дополнительное разъяснение о перечне объектов, подлежащих конфискации, содержится в постановлении Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» (далее по тексту – Постановление) [9], в котором акцентируется внимание на преступлениях, совершенных в сети Интернет.

Согласно п. 3 указанного Постановления оборудованием или иными средствами совершения преступления могут быть признаны электронные устройства: персональные компьютеры (включая ноутбуки и планшеты), мобильные телефоны, смартфоны и другие устройства, в том числе позволяющие подключиться к сети Интернет.

При этом ВС РФ в основном дает разъяснения по преступлениям террористической и экстремистской направленности, которые по аналогии могут быть применимы к рассматриваемым деяниям по распространению заведомо ложной информации.

Так, согласно п. 5 Постановления к конфискуемому имуществу могут относиться сотовые телефоны, персональные компьютеры, иные электронные средства связи и коммуникации, которые

использовались лицом, в частности, для размещения в средствах массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетях текстовых, аудио, видео и других материалов преступной деятельности.

Однако на практике могут возникнуть проблемы с идентификацией субъекта, совершающего преступление, а впоследствии – с отсутствием возможности конфисковать орудие преступления.

Многие достоверные сообщения о деятельности Вооруженных Сил РФ (войсках национальной гвардии РФ) формируются без упоминания об авторе текста и первичного источника опубликования. Кроме того, нередки случаи распространения заведомо ложной информации под именами лиц, занимающих государственные должности, а также публикации недостоверных сообщений под псевдонимом.

Также возникают вопросы при распространении заведомо ложной информации в ходе выступлений на собрании, митинге, а также распространении листовок, вывешивании плакатов. Для совершения преступления в данном случае необходимо использовать технические средства для печати на бумажном носителе, а при публичном выступлении объект конфискации вовсе может отсутствовать. В данном случае может иметь место конфискация гонорара за публичное выступление, направленное на дискредитацию Вооруженных Сил РФ (войск национальной гвардии РФ).

При этом органы предварительного расследования и сторона государственного обвинения в суде должны доказать, что лицо действовало из корыстных побуждений и получило вознаграждение за распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации или направило денежные средства для приобретения орудия преступления, а суд, в свою очередь, в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора должен указать доказательства, свидетельствующие о необходимости конфисковать имущество обвиняемого.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 18 мая 2022 г. пришла к выводу о том, что суд первой инстанции не привел в приговоре доказательства, свидетельствующие о том, что изъятые в ходе обыска денежные средства были получены М. в результате совершенных им преступлений, либо являлись орудием, оборудованием или иными средствами совершения преступлений, либо относятся к имуществу, указанному в п. «а-в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Данные нарушения закона судами апелляционной и кассационной инстанций были оставлены без внимания [10].

Вполне вероятно, что суд может учесть в качестве дохода, полученного в результате совершения преступления, заработную плату сотрудника СМИ или вознаграждение блогера, который в социальных сетях обзирал новости.

Несмотря на имеющиеся вопросы по реализации рассматриваемых нововведений в УК РФ, эффективность применения конфискации имущества за корыстные действия по распространению заведомо ложной информации о Вооруженных Силах РФ (войсках национальной гвардии РФ) покажет в дальнейшем судебная практика.

Необходимость поправок в ст. 104.1 УК РФ вызвана прежде всего проведением специальной военной операции по освобождению народных республик Донбасса, а также демилитаризации и денацификации Украины в период, когда возрастает количество «фейковой» информации, направленной против общественной безопасности государства. Однако данные изменения в УК РФ вряд ли значительно повлияют на эффективность противодействия рассматриваемым преступлениям, поскольку имеют локальный характер, в частности, относятся к случаям, когда данные уголовно-наказуемые деяния финансируются за счет средств иностранных государств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гулый А.А. Нужно ли России возобновление института общей конфискации имущества? // Юрист. 2006. № 4.
2. Курдиани З.В. К вопросу о целях конфискации // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Социальные науки. 2010. № 3.
3. Пашенко Е.А. Конфискация имущества: реалии и ожидания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 4.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14.02.2024 № 11-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 24.03.2024).
6. Что означает закон о конфискации за фейки об армии. URL: https://region15.ru/columnist_article/chto-oznachaet-zakon-o-konfiskatsii-za-fejki-ob-armii/ (дата обращения: 24.03.2024).

7. Путин подписал закон о конфискации имущества за фейки об армии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/02/2024/65cc60459a794761fc76e259?from=copy> (дата обращения: 24.03.2024).

8. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8.

9. О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 № 17 (ред. от 12.12.2023) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 8.

10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Guly A.A. Does Russia Need to Resume the Institute of General Confiscation of Property? // Jurist. 2006. № 4.

2. Kurdiani Z.V. On the Purposes of Confiscation // News of Universities. North Caucasus Region. Series: Social Sciences. 2010. № 3.

3. Pashchenko E.A. Confiscation of Property: Realities and Expectations // North Caucasus Legal Bulletin. 2015. № 4.

4. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 14.02.2024 № 11-FZ. Access from the legal system «ConsultantPlus».

5. Explanatory Note to the Draft Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». URL: sozd.duma.gov.ru (date of access: 24.03.2024).

6. What does the law on confiscation for fakes about the army mean. URL: https://region15.ru/columnist_article/chto-oznachaet-zakon-o-konfiskatsii-za-fejki-ob-armii/ (date of access: 24.03.2024).

7. Putin signed the law on confiscation of property for fakes about the army. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/02/2024/65cc60459a794761fc76e259?from=copy> (date of access: 24.03.2024).

8. On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and toxic substances: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2006 № 14 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2006. № 8.

9. On certain issues related to the use of confiscation of property in criminal proceedings: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.06.2018 № 17 (as amended on 12.12.2023) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 8.

10. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 2 (2023) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 19.07.2023). Access from the legal system «ConsultantPlus».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильяшенко Екатерина Алексеевна, соискатель кафедры уголовного права. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина. 350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilyashenko Ekaterina Alekseevna, candidate of the Department of Criminal Law. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. 13, Kalinina St., Krasnodar 350044 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.103

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

Ищенко Дмитрий Петрович

Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
idp161@yandex.ru

Малянова Карина Петровна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
kari_rostov@mail.ru

Введение: развитие технического прогресса, применение сложного технического оборудования не способствуют снижению числа происшествий, аварий и катастроф на транспорте. Особую озабоченность вызывают происшествия, допущенные в результате преступных действий и бездействий.

Основное количество крупных аварий и катастроф на объектах транспорта происходит не под воздействием неустраняемых источников воздействия, таких как природные катаклизмы, погодные и климатические особенности территории, а как результат преступной деятельности людей.

Специфика расследования преступлений данной категории предполагает наличие как у следователя, так и органа дознания, осуществляющих оперативное сопровождение уголовного дела, специальных познаний, организации взаимодействия с иными государственными (контролирующими) органами.

Статья посвящена особенностям расследования преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта: определения предмета доказывания, проведения следственных действий и организации взаимодействия.

Материалы и методы: методологической основой исследования выступили всеобщий диалектический метод научного познания, а также общие и частные научные методы: логико-юридический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический, системно-структурный методы. Эмпирическую базу исследования составили материалы судебно-следственной практики, полученные авторами из открытых источников.

Результаты исследования: в статье освещены аспекты организации расследования преступлений против безопасности дорожного движения, особенности расследования в целом и конкретных следственных действий, исходя из специфики объекта преступного посягательства и учета вреда, причиненного преступлениями данной категории.

Выводы и заключения: предложения и рекомендации, сформулированные в ходе исследования, обладают теоретической значимостью, представляют практическое значение для правоприменительной деятельности и повышения эффективности при расследовании уголовных дел данной категории.

Ключевые слова: катастрофы, происшествия, транспорт, нарушения, законодательство, предмет доказывания, следственная группа, взаимодействие.

Для цитирования: Ищенко Д. П., Малянова К. П. Актуальные вопросы расследования преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта / Д. П. Ищенко, К. П. Малянова // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 129–135.

Original paper

TOPICAL ISSUES IN INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST TRAFFIC SAFETY AND TRANSPORT OPERATION

Ishchenko Dmitry Petrovich

Rostov branch of St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Malyanova Karina Petrovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the development of technical progress, the use of complex technical equipment do not contribute to a decrease in the number of incidents, accidents and disasters in transport. Of particular concern are incidents caused by criminal actions and inactions.

The majority of major accidents and disasters at transport facilities occur not under the influence of unavoidable sources of influence, such as natural disasters, weather and climatic features of the territory, but as a result of criminal activity of people.

The specifics of the investigation of crimes of this category presupposes the presence of both the investigator and the inquiry body, implementing operational support of the criminal case, special knowledge, organization of interaction with other state (controlling) bodies.

The article is devoted to the features of the investigation of crimes against road safety and transport operation: determining the subject of proof, conducting investigative actions and organizing interaction.

Materials and methods: the methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as general and specific scientific methods: logical-legal, comparative-legal, specific-sociological, system-structural methods. The empirical basis of the study was the materials of forensic investigative practice obtained by the authors from open sources.

Results of the study: the article covers aspects of organizing the investigation of crimes against road safety, the features of the investigation in general and specific investigative actions, based on the specifics of the object of the criminal encroachment and taking into account the harm caused by crimes of this category.

Findings and conclusions: the proposals and recommendations formulated in the course of the study have theoretical significance, are of practical importance for law enforcement activities and increasing the efficiency of investigating criminal cases of this category.

Keywords: disasters, incidents, transport, violations, legislation, subject of proof, investigative team, interaction.

For citation: Ishchenko D. P., Malyanova K. P. Topical issues in investigation of crimes against traffic safety and transport operation / D. P. Ishchenko, K. P. Malyanova // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 4 (111). – Pp. 129–135.

Аварии, катастрофы, происшествия, как на железнодорожном, так водном и авиатранспорте, всегда приобретают большой общественный резонанс, зачастую сопровождаются масштабными разрушениями, огромным материальным и неустранимым моральным вредом, а также многочисленными человеческими жертвами [1, с. 169–172]. Происшествия такого рода сопровождаются большим количеством погибших, в том числе детей.

Актуальными, а потому не менее значимыми для нашего общества и по-своему сложными в расследовании для правоохранительных органов остаются происшествия на транспорте, наступившие в результате нарушений правил и требований безопасности эксплуатации транспортных средств, в том числе совершение преступлений должностными лицами, наделенными административно-хозяйственными и организационно-распорядительными полномочиями в силу исполняемых должностных, служебных полномочий и функций [2, с. 25–31], а также лица, называемые специальными субъектами.

В связи с увеличением количества эксплуатируемого авиатранспорта, железнодорожных составов и судов число происшествий в виде аварий и катастроф не уменьшается, ряд из которых, как результат преступных деяний, предусмотрен главой 27 УК РФ.

Основное количество крупных аварий и катастроф на объектах транспорта происходит не под воздействием неустранимых источников воздействия, таких как природные катаклизмы, погодные и климатические особенности территории, а как результат преступной деятельности людей [3, с. 86–101].

Преступления могут выражаться в допущении ошибок при производстве, обслуживании (в том числе технического состояния) транспортного средства и непосредственно при эксплуатации. Что важно, основная часть чрезвычайных ситуаций, происшествий возникает в последнем случае.

Развитие технического прогресса, применение новейшего навигационного и радиолокационного оборудования (в случае воздушного и водного транспорта), технической оснащенности транспортного объекта и специальной инфраструктуры не способствует снижению числа аварий, катастроф, происшествий. Это объясняется ростом числа

транспортных средств, увеличением их скорости, уплотнением и нарушением графиков движения.

Особую озабоченность вызывают выявляемые существенные нарушения со стороны юридических лиц и частные «коммерсанты» индивидуальных предпринимателей в форме несоблюдения правил эксплуатации, обеспечения безопасности перевозки пассажиров, технического обслуживания, условий противопожарной безопасности и других нормативно регламентированных требований.

В основном материалы проверки о выявленных нарушениях такой категории направляются оперативными подразделениями МВД России, по результатам проведенных оперативно-розыскных мероприятий, по документированию фактов нарушений действующего законодательства.

Также следственные органы проводят процессуальные проверки как по сообщениям о фактах аварий и катастроф на объектах транспорта, так и по фактам выявленных нарушений требований безопасности при оказании услуг по перевозке пассажиров, влекущих вред здоровью и иные тяжкие последствия.

Необходимо отметить, что в ряде случаев при проведении процессуальных проверок устанавливается, что нарушения правил предоставления услуг по перевозке пассажиров, несоблюдение конкретных незначительных требований не представляют опасности для жизни или здоровья людей, что не исключает возможность вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Для проведения доследственной проверки в соответствии с требованиями УПК РФ поступает информация в форме обращений и материалов проверки различных государственных контролирующих органов и ведомств, сообщения (обращения) от граждан о нарушениях законодательства, выявленных прокурором по результатам обще надзорных проверок [4, с. 198–203].

Поводом к возбуждению уголовного дела уголовно-процессуальным законом регламентирован источник первоначально полученной информации о преступлении готовящемся либо уже совершенном. Законодательно закрепленные поводы предусматривают фактически все вероятные ситуации, когда правоохранительный орган или контролирующее ведомство получает информацию в соответствии со своей компетенцией в виде официально полученной и надлежащим образом оформленной [4, с. 226–230].

Не имеет значения – преступление состоялось или происходит в настоящий момент. Нормативные требования закона декларируют не о факте совершения преступления, а о наличии его признаков.

Следует отметить, что имелись случаи, когда по факту аварии, катастрофы, трагического происшествия с погибшими либо, когда пострадавшим нанесен вред здоровью и иными последствиями (железнодорожное и водное сообщения, авиатранспорт, взрывы различного происхождения) незамедлительно возбуждалось уголовное дело без предварительной проверки. Принятие преждевременного решения о возбуждении уголовного дела без наличия установленных и подтвержденных поводов и оснований недопустимо. До проведения доследственной проверки поступает информация в форме обращений и материалов «реагирования» из различных государственных контролирующих органов и ведомств, сообщения (обращения) от граждан, в том числе размещенные в сети Интернет, а также о нарушениях законодательства, выявленных прокурором по результатам «общенадзорных» проверок.

Как правило, признаки конкретного состава преступления при принятии процессуального решения установить и квалифицировать затруднительно, а порой из имеющихся материалов не представляется возможными.

Предварительное расследование не может быть начато раньше, чем обнаружены признаки конкретного состава преступления, иначе уголовное дело возбуждается не для установления истины по делу, а фактически для решения вопроса для «реакции» на общественную опасность «возможного» преступления.

Доказывание состава и события преступления предполагает полного и всестороннего установления всех объективных и субъективных обстоятельств в первую очередь для правильной квалификации преступления.

Зачастую следователи сталкиваются с трудностями установления перечня обстоятельств, которые подлежат доказыванию. Статья 73 УПК РФ нам указывает совокупность обстоятельств, называемых предметом доказывания.

В практической деятельности органов предварительного расследования не редкостью является то, что доказывать требуется не только наличие, но и отсутствие обстоятельств предмета доказывания.

Для преступлений данной категории с целью принятия законного и обоснованного процессуального решения также требуется собрать доказательства, подтверждающие, что лицо, совершившее преступление, обладает признаками субъекта, наделенного соответствующими полномочиями.

Отдельно требуется установление обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (подозреваемого). Данное направление деятельности следователя должно заключаться не только в установлении и подтверждении официальных (анкетных) данных личности (ФИО, дата и место рождения и т. д.), но и информации, характеризующей личность как члена общества.

Перечисленные обстоятельства по обыкновению являются основными, поскольку последние свидетельствуют о возможности принятия процессуального решения о возможности привлечения к уголовной ответственности [5, с. 226–230].

Помимо основного перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, требуется установление и других обстоятельств, связанных с совершением преступного деяния.

Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, обширен, сами они разнообразны и специфичны.

В частности, требуется установление и проверка следующей информации и сведений:

- информации о местонахождении в момент совершения деяния лиц, привлекаемых к ответственности;
- возможности совершения тех или иных деяний [6, с. 912];
- знаний соответствующих правил и требований и пр.

Помимо этого, специфика предмета доказывания определяет и другие обстоятельства, характерные для производства ряда процессуальных действий и принятия решений:

- основания задержания подозреваемого, предусмотренные ч. 1 ст. 91 УПК РФ;
- основания избрания и вид меры пресечения (ч. 1 ст. 97 УПК РФ);
- нарушений в виде неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, влекущее наложение на них денежного взыскания (ст. 117 УПК РФ);
- оснований для проведения процессуальных действий, предусмотренных статьями 182, 183 уголовно-процессуального закона (обыска, выемки);
- наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки (ст. 185 УПК РФ) и др. [7, с. 167–182].

Поскольку процесс расследования – это, по сути своей, доказательство всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, следовательно, установление их существования с соблюдением требований уголовно-процессуального закона является обязательным условием.

Игнорирование и неустановление обстоятельств, подлежащих доказыванию, приводит к незаконному принятию решения об отказе в возбуждении уголовного дела или к неполному, некачественному расследованию и, как следствие, к необоснованным и неправомерным процессуальным решениям.

Важным направлением расследования является доказывание как самого факта причинения преступлением вреда (ущерба) не только материального (имущественного), но физического, такого как вред здоровью или смерть. Обязательным требованием остается установление точной суммы причиненного преступлением вреда (ущерба), которую возможно определить путем привлечения специалиста, либо назначения экспертизы.

Следует учитывать, что данная категория уголовных дел не исключает возможность совершения преступления при обстоятельствах, предусмотренных гл. 8 Уголовного Кодекса РФ [8, с. 432], исключающие преступность деяния, как такового. Установление, доказывание указанных обстоятельств также входит в предмет доказывания.

Требуют установления и доказывания обстоятельства, перечисленные в статьях 61 и 63 УК РФ, а именно смягчающие и отягчающие наказание. Указанные обстоятельства не менее важны и на стадии предварительного расследования.

Важно помнить, что законодательно закрепленный перечень обстоятельств, смягчающих ответственность, не является исчерпывающим, что нельзя сказать об отягчающих обстоятельствах.

Кроме этого требуется установление оснований, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности и наказания, в частности, в связи с истечением сроков давности, а

также амнистирование или помилование лица, привлекаемого к уголовной ответственности (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный).

Следует акцентировать внимание на том, что ряд преступлений, предусмотренных гл. 27 УК РФ, относятся к категории небольшой и средней тяжести, в связи с этим немалая часть возбужденных уголовных дел прекращается за истечением сроков давности [9, с. 11–15].

Кроме перечисленного, установление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, преследует и профилактические цели. Органы предварительного расследования, как и другие субъекты правоприменительной деятельности, уполномочены устанавливать обстоятельства, способствовавшие совершению преступления и соответственно принимать меры для их предупреждения и пресечения в соответствии с законом.

В зависимости от первоначальной и последующей информации, поступившей с места происшествия или из соответствующего ведомства, необходимо учитывать, что возможной причиной происшествия может быть террористический акт. Необходимо отметить, что на место прибывают представители различных правоохранительных органов, группа формируется в экстренном порядке, поэтому могут возникать сложности координации и межведомственного взаимодействия, что затрудняет принятие быстрых, согласованных и правильных решений, направленных на выполнение задач.

Прибыв на место происшествия, следователь, как руководитель следственной группы обязан:

- ознакомиться с обстановкой и обстоятельствами происшествия, при необходимости удалить посторонних лиц, принять меры к организации охраны места происшествия;
- организовать сбор дополнительной информации о происшествии и наступивших последствиях;
- распределить сотрудников группы по участкам работы согласно заранее разработанному плану проведения операции, а также выполняемым ими функций и обязанностей;
- установить и поддерживать деловые контакты с представителями ведомственных комиссий, прокуратуры, органов ФСБ, МВД и МЧС России, прибывших на место происшествия;
- обмениваться с представителями ведомственных комиссий, прокуратуры, органов ФСБ, МВД и МЧС России информацией по вопросам, относящимся к осмотру места происшествия, сбора доказательств, проведения первоначальных и неотложных следственных действий, направленных на расследование данного происшествия;
- организовать взаимодействие следственной группы с ведомственными комиссиями, органами ФСБ, МВД, МЧС России, здравоохранения, санитарного и эпидемиологического надзора, с представителями иных органов, ведомств и организаций.

При взрывах, например, на пожароопасных и взрывоопасных объектах, при осмотре места происшествия целесообразно привлечение специалистов взрывотехников МВД и ФСБ РФ специалистов саперных военно-инженерных частей; специалистов МЧС России, водолазов и других служб, и ведомств. Однако необходимо учитывать, что эти специалисты являются узконаправленными и они владеют, например, только знаниями в области физики взрыва, но не имеют навыков обнаружения, фиксации и изъятия следов происшествия, которые в дальнейшем могут стать вещественными доказательствами.

По общепринятым правилам расследование уголовного дела проводится следователем единолично. Однако в случае возникшей сложности и большого объема предстоящей работы по уголовному делу рассматриваемой категории, когда требуется принятие ряда решений и проведение большого объема следственных действий, производство предварительного следствия по уголовному делу может быть поручено следственной группе.

Следственная группа является основной формой процессуального взаимодействия, как инструмент организации деятельности по расследованию уголовных дел. Следственная группа выступает одной из эффективных форм организации расследования уголовных дел. К работе следственной группы возможно привлечение также сотрудников оперативно-розыскных подразделений [10]. Руководитель следственной группы лично принимает все основные решения по уголовному делу, и именно он несет ответственность за судьбу уголовного дела и обоснованность уголовного преследования.

Следственные группы создаются либо отдельным постановлением, либо об этом указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела. В состав следственной группы входят или могут входить: следователь или группа следователей; следователь-криминалист.

Помимо этого, на основании межведомственных соглашений, планов по взаимодействию, ведомственных нормативных актов организуется взаимодействие с оперативными сотрудниками МВД и ФСБ России, в том числе для производства оперативных мероприятий и участия в проведении следственных действий.

Кроме следственных групп для расследования уголовных дел о происшествиях на транспорте, имеющих общественный резонанс, повлекших человеческие жертвы и причинивших существенный вред экономике страны или обороноспособности государства, дополнительно могут создаваться:

- правительственные комиссии;
- межведомственный оперативный штаб, для организации работы, взаимодействия и контроля работы сотрудников различных государственных органов и ведомств: Следственного комитета, органов прокуратуры, МВД, ФСБ, МЧС, Минобороны и Минздравсоцразвития России;
- ведомственная комиссия, проводящая служебное расследование [11, с. 2–7].

К сожалению, при организации и планировании расследования преступлений в ряде случаев возникает конкуренция между различными органами и ведомствами, в том числе при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Взаимоотношения руководителя следственной группы с другими участниками следственной группы, а также лицами, осуществляющими оперативно-розыскные мероприятия, строятся в соответствии с нормативными требованиями. Следователь вправе привлекать к участию в следственном действии должностное лицо, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность, иных участников уголовного процесса. Для расследования происшествий на транспорте недопустимо игнорировать организацию и проведение оперативных мероприятий.

Проведение таких мероприятий не только возможно, но даже необходимо, например, при подозрении, что кто-либо из пассажиров провозил горючие или взрывоопасные вещества, при установлении возможных очевидцев происшествия, для поиска и отработки дополнительной оперативно-значимой информации.

При этом необходимо учитывать, что каждое преступление индивидуально и требует отдельного подхода. Особенность преступлений, совершаемых на транспорте, предполагает, что для эффективного и качественного расследования уголовного дела требуется грамотное планирование не только всего хода следствия, а фактически каждого следственного действия, обладание следователем специальных знаний и понимания специфики функционирования объекта, своевременного привлечения квалифицированных специалистов и экспертов, а также оперативного сопровождения и взаимодействия не только с правоохранительными органами, но и государственными и общественными организациями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Усич Л.А. Некоторые особенности осмотра места авиационного происшествия // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей. 2018.
2. Ищенко Д.П. К вопросу выявления и расследования коррупционных и должностных преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок // Актуальные вопросы противодействия коррупции в публичном и частном секторах. СПб., 2022.
3. Соломатина Е.А., Трощанович А.В. Особенности организации и производства осмотра места происшествия при авиакатастрофах // Расследование транспортных преступлений: проблемы и пути их решения. 2015.
4. Ищенко Г.К., Ищенко Д.П. К вопросу расследования преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта // Тенденции развития гуманитарного знания. Ростов-на-Дону, 2024.
5. Стельмах В.Ю. Некоторые процессуальные аспекты взаимодействия следователя и эксперта при назначении и производстве судебной экспертизы // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 2.
6. Руководство для следователей / под общ. ред. В.В. Мозякова. М., 2005.
7. Методология криминалистики и криминалистический анализ: учебник для вузов / И.В. Александров, В.Я. Колдин, О.А. Крестовников, С.А. Смирнова. М., 2022.
8. Проблемы доказывания по уголовным делам: учебник / В.Ю. Мельников, Б.Б. Джамалова, М.О. Саидов. Ростов-на-Дону, 2020.

9. Ильин Н.Н. Обстоятельства, устанавливаемые следователями Следственного комитета Российской Федерации с помощью транспортно-технических судебных экспертиз, при расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта // Российский следователь. 2019. № 3.

10. Статья 163 «Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024). Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

11. Елинский В.И., Коткин П.Н. Особенности организации расследования уголовных дел о транспортных происшествиях на железнодорожном транспорте // Российский следователь. 2010. № 12.

REFERENCES

1. Usich L.A. Some Features of the Inspection of the Scene of an Aviation Accident // Modern Jurisprudence: Current Issues, Achievements and Innovations: Collection of Articles. 2018.

2. Ishchenko D.P. On the Issue of Detecting and Investigating Corruption and Official Crimes in the Sphere of State and Municipal Procurement // Current Issues of Combating Corruption in the Public and Private Sectors. St. Petersburg, 2022.

3. Solomatina E.A., Troshanovich A.V. Features of the Organization and Production of the Inspection of the Scene of an Accident in Air Crashes // Investigation of Transport Crimes: Problems and Solutions. 2015.

4. Ishchenko G.K., Ishchenko D.P. On the Issue of Investigating Crimes against Traffic Safety and Transport Operation // Trends in the Development of Humanitarian Knowledge. Rostov-on-Don, 2024.

5. Stelmakh V.Yu. Some procedural aspects of the interaction between the investigator and the expert in the appointment and conduct of a forensic examination // Bulletin of KSU n.a. N.A. Nekrasov. 2016. № 2.

6. Guide for investigators / edited by V.V. Mozyakov. Moscow, 2005.

7. Methodology of forensic science and forensic analysis: a textbook for universities / I.V. Alexandrov, V.Ya. Kol'din, O.A. Krestovnikov, S.A. Smirnova. Moscow, 2022.

8. Problems of evidence in criminal cases: a textbook / V.Yu. Melnikov, B.B. Dzhamalova, M.O. Saidov. Rostov-on-Don, 2020.

9. Ilyin N.N. Circumstances established by investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation using transport and technical forensic examinations during the investigation of crimes against traffic safety and transport operation // Russian investigator. 2019. № 3.

10. Article 163 of the «Criminal Procedure Code of the Russian Federation» dated 18.12.2001 № 174-FZ (as amended on 29.05.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.07.2024). Access from the legal system «Consultant Plus».

11. Elinsky V.I., Kotkin P.N. Features of the organization of the investigation of criminal cases of transport accidents in railway transport // Russian investigator. 2010. № 12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ищенко Дмитрий Петрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса. Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации. 344064, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Волоколамская, 3 «В».

Малянова Карина Петровна, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ishchenko Dmitry Petrovich, PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure. Rostov branch of St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 3 «B», Volokolamskaya St., Rostov-on-Don 344064 Russian Federation.

Malyanova Karina Petrovna, PhD in Law, Deputy Head of the Department of Criminalistics and Operative Investigative Activity. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.326:004:738

ПРОБЛЕМЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ПОСРЕДСТВОМ ОНЛАЙН-ПЛОЩАДОК

Карпика Анатолий Григорьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
akarpika@yandex.ru

Введение: популярность социальных онлайн-площадок среди широкого круга пользователей породила сравнительно новую проблему вовлечения в экстремистскую деятельность в дистанционном (бесконтактном) режиме. Способы, которыми экстремисты используют пространство онлайн-игр, форумов, сайтов знакомств становятся все более изощренными, что требует от профессиональных психологов, социологов и правоохранительных органов лучшего поиска уязвимостей и оценки угроз, как для игровых сообществ, так и для отдельных граждан. В статье исследуются популярные игровые и аналогичные интернет-площадки, их возможности и связанные с ними факты использования их в экстремистских целях.

Материалы и методы: из множества интернет-площадок на первом этапе были отобраны пользующиеся наибольшей популярностью ссылки, которые часто встречаются в различных источниках. На последующих этапах анализировались потенциальные и реальные возможности использования их для вовлечения в экстремистскую деятельность.

Кроме этого анализировались известные примеры и теоретически возможные результаты деятельности преступников, направленные на расширение круга потенциальных жертв.

Результаты исследования: проведен анализ социальных интернет-площадок, используемых для вовлечения в преступную деятельность, сформулирована проблема выявления связей игровых и экстремистских сообществ, преступников и законопослушных пользователей.

Выводы и заключения: на многих игровых (и аналогичных) платформах в той или иной мере присутствует экстремистский контент от стримов и мемов сомнительного содержания до призывов к насилию. Значительный объем этого контента связан с играми.

Социальные платформы и сообщества по своей природе не опасны. Они используются экстремистами, как и любая другая цифровая платформа.

Платформы игровых (и аналогичных) сервисов часто работают как сайты социальных сетей. Заинтересованные экстремистски настроенные лица способны использовать их для общения друг с другом и потенциальными кандидатами на вовлечение в экстремистскую деятельность.

Модерацию контента в режиме прямых трансляций проводить достаточно затруднительно.

Для формирования целостного представления о проблеме, необходимо рассматривать всю экосистему контента, связанного с играми на всех платформах, а не только традиционные игровые (и аналогичные) платформы.

Формирование неприятия подобного контента пользователями способно сократить потенциальную аудиторию латентных или явных экстремистских сообществ, что в свою очередь повысит эффективность противодействия их влиянию.

Ключевые слова: экстремизм, вовлечение в преступную деятельность, игровые платформы, социальные ресурсы, стриминговый контент, правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Карпика А. Г. Проблемы радикализации пользователей посредством онлайн-площадок / А. Г. Карпика // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 136–140.

Original paper

PROBLEMS OF COUNTERACTING RADICALIZATION OF USERS ONLINE PLATFORMS

Karpika Anatoly Grigorievich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the popularity of online social platforms among a wide range of users has given rise to a relatively new problem of involvement in extremist activity in a remote (non-contact) mode. The ways in

which extremists use the space of online games, forums, dating sites are becoming increasingly sophisticated, which requires professional psychologists, sociologists and law enforcement agencies to better search for vulnerabilities and assess threats, both for gaming communities and for individuals. The article examines popular gaming and similar Internet platforms, their capabilities and related facts of their use for extremist purposes.

Materials and methods: from a variety of Internet platforms, at the first stage, the most popular links were selected, which are often found in various sources. At subsequent stages, potential and real possibilities of using them for involvement in extremist activity were analyzed.

In addition, known examples and theoretically possible results of criminal activities aimed at expanding the circle of potential victims were analyzed.

Results of the study: an analysis of social Internet platforms used for involvement in criminal activity was conducted, the problem of identifying connections between gaming and extremist communities, criminals and law-abiding users was formulated.

Findings and conclusions: many gaming (and similar) platforms contain extremist content to varying degrees, from streams and memes of questionable content to calls for violence. A significant amount of this content is related to games.

Social platforms and communities are not dangerous by their nature. They are used by extremists, like any other digital platform.

Gaming (and similar) service platforms often operate as social networking sites. Interested extremist-minded individuals can use them to communicate with each other and potential candidates for involvement in extremist activity.

Moderation of content in live broadcast mode is quite difficult.

To form a holistic view of the problem, it is necessary to consider the entire ecosystem of content related to games on all platforms, and not just traditional gaming (and similar) platforms. Formation of aversion to such content by users can reduce the potential audience of latent or overt extremist communities, which in turn will increase the effectiveness of counteracting their influence.

Keywords: extremism, involvement in criminal activity, gaming platforms, social resources, streaming content, law enforcement.

For citation: Karpika A. G. Problems of counteracting radicalization of users online platforms / A. G. Karpika // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111).* – Pp. 136–140.

Противоречие современного мира заключается в том, что появляющиеся новые технологии одновременно несут в себе не только комфорт и удобство для человека, но и нередко содержат новые опасности для него. Действительно, как отмечает С.А. Воронцов, феномен экстремизма уходит вглубь веков, ведь принципом «цель оправдывает средства» отдельные люди руководствовались достаточно давно с исторической точки зрения. В качестве примера можно привести деятельность секты сикариев в Иудее, находящейся под властью Римской империи в I в. н. э. Члены секты боролись против представителей римской власти, а также с сотрудничающей с ними еврейской знатью. С течением времени данный феномен не оставался неизменным. Одновременно с развитием человечества он преобразался с появлением каждого нового элемента научно-технического прогресса.

Относительно текущего состояния дел, согласно официально опубликованным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за период с 2018 по 2023 гг. (с января по ноябрь) отмечался рост экстремистских преступлений как количественно, так и в долевого выражении от общего количества зарегистрированных преступлений.

Популярность различных онлайн социальных площадок среди широко круга пользователей породило сравнительно новую проблему вовлечения в экстремистскую деятельность в дистанционном (бесконтактном) режиме [1]. Способы, которыми экстремисты используют пространство онлайн-игр, форумов, сайтов знакомств становятся все более изощренными, что требует от профессиональных психологов, социологов и правоохранительных органов лучшего поиска уязвимостей и оценки угроз как для игровых сообществ, так и для отдельных граждан. До сих пор отсутствует четкое определение и понимание того, что представляет собой игровая платформа, платформа, вовлекающая в игры, и платформа, где появляется контент, связанный с играми.

Рассмотрим основные традиционные игровые (и аналогичные) платформы, которые были созданы либо для игр, либо для игрового сообщества и которые потенциально могли быть связаны с экстремистскими видами деятельности. Основное внимание сосредоточим на платформах, так или иначе связанных с игровыми или аналогичными платформами

и формирующими соответствующий контент, например, посредством перекрестного обсуждения и репостинга.

Платформа Discord была создана как эффективное средство общения для геймеров, играющих совместно в видеоигры. Пользователи могут создавать публичные или частные серверы с форумами, функциями чата, аудио и видео с целью общения с единомышленниками. Многие из частных серверов имеют функцию автомодерации. Во всем мире Discord имеет почти 7 миллионов серверов, более 300 миллионов зарегистрированных счетов и более 140 миллионов активных пользователей в месяц, которые не только общаются на темы игр.

В сети созданы серверы для обсуждения тем, не связанных с играми (спорт, политика, музыка). Всего по данным ресурса Disboard зарегистрировано 1 331 818 серверов Discord. Среди этого количества серверов абсолютное большинство содержит (по крайней мере, внешне) абсолютно легальный или почти легальный контент. Вместе с этим имеются ресурсы, посвященные обсуждению и уголовно наказуемых в большинстве стран мира тем и формированию у пользователей ресурсов соответствующих настроений.

Некоторые серверы являются частью цифровой крайне правой экосистемы, ориентированной как на граждан отдельных стран, так и на международную аудиторию. В этом принимают участие сотни частных серверов, создатели и посетители которых разделяют неонацистскую идеологию, крайне правые взгляды и публикуют человеконенавистнические мемы.

Так, активные пользователи уже закрытого сервера «8chan» перенесли свою идеологию на улицы и приняли участие в беспорядках с неонацистскими и расистскими лозунгами, происшедшими в городе Шарлоттсвилль (США). При этом, координация участников «правых беспорядков», организовалась с помощью серверов Discord. Платформа также использовалась группами «Boogaloo Boys», «QAnon», а также другими крайне правыми группами и отдельными лицами.

Пользователи, создающие серверы, могут добавлять теги, описывающие основную тему сервера, чтобы другие могли легче определить в каких серверах они могут быть заинтересованы. В настоящее время есть 3 634 сервера с тегом «Токсичные», 272 сервера, помеченные как «Правое крыло», 182, помеченный тегом «Ненависть», 222, помеченные как «Нацистский», несмотря на регулярные действия Discord по удалению таких ресурсов с платформы [2].

Поскольку это только общедоступные теги, количество серверов с ненавистным контентом, вероятно, будет намного больше, чем указывают эти цифры. Описания серверов иногда указывают, кому разрешено присоединиться, например, «кроме меньшинств», «кроме женщин», «кроме чернокожих».

Платформа Steam является крупнейшей цифровой распределительной платформой для компьютерных игр. Имеет более 130 миллионов ежемесячных активных пользователей. В дополнение к играм, узлы Steam содержат видеоконтент, форум для обсуждений произведений искусства, скриншотов, гидов и проведения «мастер-классов», пользовательских модификаций популярных игр.

Steam был замешан в атаке 2016 г. в Мюнхене, когда следствие выяснило, что будущий стрелок создавал в форумах темы, оправдывающие массовые расстрелы и распространял антимусульманские нарративы. В 2019 г. человек был арестован за то, что он разместил угрозы в отношении иудеев и задавал вопрос: «Хотите увидеть массовую стрельбу с количеством тел более 30 нечеловеков»? Как показывает исследование [3], Steam содержит значительное количество правых экстремистов и сторонников «белого превосходства», которые выражают свои взгляды на изображениях профиля, именах, биографических описаниях и на дискуссионных форумах.

Как и Discord, Steam также частично работает как сайт социальной сети, с дискуссионными форумами и высокой степенью вовлечения пользователей. Это позволяет дискуссиям беспрепятственно перемещаться между играми и политической идеологией.

Twitch – это платформа для прямой трансляции, которая имеет 10 миллионов активных стримеров. Пользователи, 70 % которых составляют лица в возрасте от 16 до 34 лет, смотрят в среднем 2 миллиарда часов прямых трансляций (стримов). Несмотря на первоначальную идею сервиса, состоящую в размещении прямых трансляций, связанных с игровым контентом, в настоящее время на платформе имеются стримы, посвященные широкому кругу тем, включая занятия на свежем воздухе, спорт, приготовление пищи, искусство и ремесло, музыка, животные, политические разговоры, подкасты и «просто разговоры».

Противодействие прямым трансляциям – достаточно сложное дело для полиции не только потому, что это происходит вживую, но и потому, что разговор сложнее нейтрализовать

мерами обнаружения, чем, например, текст, в котором можно искать ключевые слова. Более того, стримы могут просто исчезнуть после того, как они заканчиваются, что делает практически невозможным их анализ, если не наблюдать в режиме реального времени.

Twitch был замешан в незаконном финансировании правых экстремистов, которые зарабатывали деньги не только стримами прохождений видеоигр и распространением политических заявлений и сообщений, но и распространением дезинформации. Кроме этого, зрители, разделяющие ультраправые взгляды, жертвовали им значительные суммы денег.

Платформа Dlive, которая была создана в качестве альтернативы потоковой передаче на YouTube и Twitch, насчитывала в 2022 г. более 150 000 активных стримеров и заявляла о 6 миллионах активных пользователей, зафиксированных в апреле 2023 г. Подобно Twitch, Dlive распространяет разнообразный контент, а также проводит различные цифровые мероприятия и выступает как «координатор сообществ», публикующих другие виды контента.

Платформа частично геймифицирована, поскольку зрители получают вознаграждение за постоянное взаимодействие со стримерами с возможностью выиграть Lemon – платформенную валюту. Несмотря на то, что некоторые каналы, где господствовали правые экстремистские идеи и сторонники «белого превосходства» были удалены, Dlive все еще считается «экстремистским убежищем» и «домом» для правых пропагандистских идей. В основном это связано с терпимой к подобным идеям политикой модерации контента, пропагандирующего ненависть, антисемитизм, прославление нацизма и призывы к насилию.

Наряду с рассматриваемыми платформами существует множество более или менее специализированных игровых форумов. Например, на Reddit зарегистрировано более 30 миллионов участников, обсуждающих контент, связанный с играми, а на форуме MMORPG есть 1,3 миллиона комментариев только в общем дискуссионном форуме и сотни тысяч в других частях форума.

Несмотря на то, что ни один из этих форумов не был связан с экстремистскими действиями, исключать то, что между пользователями таких форумов и радикализированными людьми существует некоторое совпадение нельзя. Вместе с этим распространенность экстремистского контента на этих платформах трудно оценить. Также нелегко определить, использовались ли они для распространения пропаганды или усилий по подбору будущих кандидатов, подходящих для вовлечения в экстремистские сообщества. Тем не менее, теоретически эти форумы являются эффективным способом, чтобы охватить потенциально миллионы людей, заинтересованных в играх.

YouTube является крупнейшей видео-платформой в мире, создающей миллиард часов контента в день, включающего в себя прямые трансляции с возможностью для зрителей комментировать в режиме реального времени, а также предварительно записанный контент. Потенциально имеется несколько возможностей для экстремистски настроенных стримеров.

Во-первых, прямые трансляции, даже на крупной платформе, такой как YouTube, трудно модерировать в режиме реального времени, особенно, если видеоконтент замаскирован под кулинарный или игровой канал, и только произнесенное слово раскрывает определенную политическую идеологию.

Учитывая, что такие каналы, как Baklava Kitchen, притворяясь кулинарным каналом, но в действительности распространяя неонацистскую идеологию, все еще доступны на YouTube, игровой контент может использоваться аналогичным образом с целью сокрытия экстремистской направленности другим занятием.

Во-вторых, публикация контента на платформе, такой как YouTube, даже если впоследствии удаляется, может увеличить охват стримеров и потенциально побудить некоторых зрителей следовать за стримером к менее регулируемой платформе, такой как DLIVE.

В-третьих, игровой контент, непосредственно связанный с экстремистскими организациями, доступен на платформе. Например, для серии видеоигр Special Forces and Heimatdefender: Rebellion, связанной с немецкоязычным филиалом движения, можно найти видеоролики, доступные на YouTube. Это особенно тревожно, учитывая, что Heimatdefender был помещен в индекс опасного материала Германии. В целом, связь между платформами, связанными с игрой, и YouTube, составляет два года.

Самое главное, что эти ссылки могут также ассоциироваться с другими видео на основе видео рассматриваемого канала.

Таким образом, подводя итоги анализа, можно установить следующее:

1. Существует экстремистский контент почти на всех игровых (и аналогичных) платформах, от стримов до мемов сомнительного содержания и призывов к насилию. Значительный объем этого контента связан с играми.

2. Сами платформы по своей природе не опасны. Они используются экстремистами, как и любая другая цифровая платформа. Кроме того, подавляющее большинство контента на игровых (и аналогичных) платформах не связано с экстремизмом.

3. Платформы игровых (и аналогичных) сервисов часто работают в том числе и как сайты социальных сетей. Они поощряют обсуждение различных тем среди пользователей и проводят прямые трансляции по различным темам, включая политические и идеологические. Заинтересованные экстремистски настроенные лица используют эти платформы для общения друг с другом и потенциальными кандидатами на вовлечение в экстремистскую деятельность, например, выражая свои взгляды через свои профили и посты.

4. Модерацию контента, особенно в режиме прямых трансляций, проводить в режиме реального времени затруднительно, особенно когда прямые трансляции проводятся на языках, отличных от русского или английского.

5. Для формирования целостного представления о проблеме необходимо рассматривать всю экосистему контента, связанного с играми на всех платформах, а не только традиционные игровые (и аналогичные) платформы.

6. Контент, формирующийся на игровых (прилегающих) платформах, часто выпускается или дублируется на других платформах, увеличивая охват целевой аудитории, сложность модерации или удаления противоправного контента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карпика А.Г., Лемайкина С.В. Вопросы обеспечения национальной безопасности в киберпространстве // Актуальные проблемы современного российского государства и права. Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Калининград, 2022. № 8-3.

2. Шлегель Л. Использование экстремистами игровых платформ. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/2021-08/ran_extremists_use_gaming_platforms_082021_en.pdf (дата обращения: 29.05.2024).

3. «Это не игра: как Steam используется экстремистами». URL: <https://archive.is/aP33d> (дата обращения: 29.05.2024).

REFERENCES

1. Karpika A.G., Lemaikina S.V. Issues of Ensuring National Security in Cyberspace // Actual Problems of the Modern Russian State and Law. Proceedings of the Annual All-Russian Scientific and Practical Conference. Kaliningrad, 2022. № 8-3.

2. Schlegel L. Use of Gaming Platforms by Extremists. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/2021-08/ran_extremists_use_gaming_platforms_082021_en.pdf (date of access: 29.05.2024).

3. «This is not a game: how Steam is used by extremists». URL: <https://archive.is/aP33d> (date of access: 29.05.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпика Анатолий Григорьевич, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karpika Anatoly Grigorievich, PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Support of Internal Affairs Agencies. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.985.7

ВИНОВНАЯ ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ МАСКИРОВКИ ПРИ ДОПРОСЕ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ТЯЖКИХ И ОСОБО ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Коряк Юлия Дмитриевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
julia.koryak@mail.ru

Введение: анализируя состояние современной преступности за последние пять лет, на первый взгляд, можно отметить, что в целом наблюдается положительная тенденция к снижению числа зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации. Так, в 2019 г. зарегистрировано 2 024,3 тыс. преступлений, в 2020 г. на 1,0 % больше (2 044,2 тыс.), в 2021 г. на 1,9 % меньше, чем за 2020 г. (2 004,4 тыс.), в 2022 г. на 1,9 % меньше, чем за 2021 г. (1 966,8 тыс.), в 2023 г. на 1,0 % меньше, чем за 2022 г. (1 947,2 тыс.), однако количество нераскрытых преступлений прошлых лет увеличивается (в 2023 г. 911,4 тыс. преступлений остались нераскрытыми, что на 0,8 % больше, чем за 2022 г.) [1]. Одной из причин этого является использование преступниками различных приемов противодействия расследованию, к числу которых относится маскировка преступной деятельности (в том числе, поведения).

Материалы и методы: теоретической основой исследования является дескриптивный и сравнительный анализ суждений, эмпирической основой – анализ правоприменительной практики и статистических данных.

Результаты исследования: автором проведен анализ взаимосвязи преступного поведения в момент совершения преступлений и поведения на допросе в качестве подозреваемого, который позволил сделать вывод о типичности линий поведения. С целью выявления наиболее рациональных и тактически эффективных способов поведения следователя на допросе было проведено анкетирование лиц, осуществляющих предварительное расследование.

Выводы и заключения: предлагается в криминалистической науке и правоприменительной практике рассматривать виновную осведомленность как признак маскировки, и как способ маскировки. Приходим к выводу о том, что цель субъекта маскировки – избежать передачи признаков виновной осведомленности, а для следователя – поиск этих признаков, для проверки версий.

Ключевые слова: криминалистика, маскировка, доказательства поведения, улики поведения, виновная осведомленность, линия поведения, линия противодействия, тактика, версии.

Для цитирования: Коряк Ю. Д. Виновная осведомленность и особенности ее маскировки при допросе в процессе расследования тяжких и особо тяжких преступлений / Ю. Д. Коряк // Юрист-Правовед : научн.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 141–147.

Original paper

GUILTY AWARENESS AND FEATURES OF ITS MASKING DURING INTERROGATION IN THE PROCESS OF INVESTIGATION OF GRAVE AND ESPECIALLY GRAVE CRIMES

Koryak Yulia Dmitrievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: analyzing the state of modern crime over the past five years, at first glance, it can be noted that, in general, there is a positive trend towards a decrease in the number of registered crimes on the territory of the Russian Federation. Thus, in 2019, 2,024.3 thousand crimes were registered, in 2020 by 1.0 % more (2,044.2 thousand), in 2021 by 1.9 % less than in 2020 (2,004.4 thousand), in 2022 by 1.9 % less than in 2021 (1,966.8 thousand), in 2023 by 1.0 % less than in 2022 (1,947.2 thousand), however, the number of unsolved crimes from previous years is increasing (in 2023, 911.4 thousand crimes remained unsolved, which is 0.8 % more than in 2022) [1]. One of the reasons for this is the use of various methods by criminals to counteract the investigation, which include disguising criminal activity (including behavior).

Materials and methods: the theoretical basis of the study is a descriptive and comparative analysis of judgments, the empirical basis is the analysis of law enforcement practice and statistical data.

Results of the study: the author analyzed the relationship between criminal behavior at the time of committing crimes and behavior during interrogation as a suspect, which allowed us to conclude that the behavior patterns are typical. In order to identify the most rational and tactically effective ways for an investigator to behave during interrogation, a survey was conducted among persons conducting a preliminary investigation.

Findings and conclusions: it is proposed that in forensic science and law enforcement practice, guilty knowledge should be considered as a sign of disguise, and as a method of disguise. We come to the conclusion that the purpose of the subject of disguise is to avoid transmitting signs of guilty knowledge, and for the investigator - to search for these signs to check versions.

Keywords: forensics, disguise, behavioral evidence, behavioral clues, guilty knowledge, behavioral line, counteraction line, tactics, versions.

For citation: Koryak Y. D. Guilty awareness and features of its masking during interrogation in the process of investigation of grave and especially grave crimes / Y. D. Koryak // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp.

Термин «виновная осведомленность» достаточно часто используется в теории уголовного процесса, однако должным образом криминалистическому исследованию подвергнут не был. Предлагаем рассмотреть вышеуказанное понятие подробнее. В рамках настоящего исследования используются термины «деятельность» и «поведение». При этом особое внимание уделяется результатам исследования поведения, как части преступной деятельности.

Одной из особенностей производства допроса при расследовании корыстно-насильственных преступлений является то, что в большинстве случаев противоборствующие субъекты формируют конфликтную ситуацию (64 %), которая значительно усложняет деятельность органов предварительного расследования. Сложность вышеуказанного действия состоит в противоположности целей субъектов уголовного процесса, а именно: цель субъекта маскировки – избежать передачи признаков виновной осведомленности, а для следователя – поиск этих признаков, для проверки версий. Маскировка – один из распространенных приемов противодействия расследованию и, одновременно, способ сокрытия тяжких и особо тяжких преступлений, который характеризуется применением специальных приемов и средств для создания неочевидности следов преступления и личности преступников [2, с. 75]. Для криминалистической науки личность преступника представляет особый интерес, поскольку «основной задачей криминалистического исследования личности преступника является использование информации для разработки тактики следствия» [3, с. 28]. Свойства личности преступника определяют: особенности его поведения при подготовке к совершению преступления; способ совершения преступления; способ сокрытия следов.

Для личности преступника характерным является наличие «виновной осведомленности» – знания о событии преступления, характере и обстоятельствах его совершения, которое может быть известно лишь лицу, действительно совершившему это преступление. Чтобы скрыть свою осведомленность виновные и другие лица, непосредственно связанные с событием преступления, используют различные приемы маскировки своего преступного поведения.

В последнее время существенно трансформирующиеся способы противодействия расследованию характеризуются смещением акцента в сторону цифрового взаимодействия. Все чаще встречаются электронные платформы, в которых содержатся «советы» о том, как противодействовать расследованию в целом, в том числе скрывать свою виновную осведомленность. Так, в сети Интернет нами обнаружено более 100 сайтов, рекомендующих различные способы противодействия расследованию, из них в 70 % случаев содержится информация о том, как скрывать свою виновную осведомленность, а именно описываются: концепция выдачи преступного поведения за линию невиновного поведения (62 %), приемы сокрытия эмоционального состояния во время производства следственных действий (44 %); речевые приемы манипуляции и тайного искажения информации (30 %) и т. д. Как правило, подобного рода рекомендации дают бывшие сотрудники, которые сами раскрывали и расследовали преступления, а теперь учат виновных как противодействовать, будучи уже в качестве адвокатов. Появление «учителей противодействия» свидетельствует о трансформации современного общества, в котором в ближайшее время появятся более осмысленные способы противодействия, в том числе и новые виды маскировки.

Ввиду использования маскировки как приема противодействия и, одновременно, способа сокрытия на первоначальном этапе расследования процесс собирания доказательств значительно затрудняется, а иногда и вовсе не представляется возможным.

Поэтому представляется особенно актуальным уделить внимание доказательствам (уликам) поведения, которые опосредовано могут указать на виновность и причастность лиц к совершению или участию в совершении преступления.

Криминалистическому познанию улики поведения подвергнуты лишь поверхностно, но в уголовно-процессуальных исследованиях доказательства поведения были изучены разнопланово. Так, некоторые авторы предлагают рассмотреть улики поведения с нескольких сторон: как поведение подозреваемого (обвиняемого), направленное на уклонение от грозящей ему ответственности; как улики поведения, косвенно свидетельствующие о признании подозреваемым (обвиняемым) своей виновности в совершении преступления; как случаи проявления подозреваемым и обвиняемым осведомлённости о событии, характере и обстоятельствах преступления, которые могли быть известны лишь преступнику – «виновная осведомленность» [4, с. 14]. С этой точки зрения рассматриваемое понятие представляется достаточно широко и включает в себя все виды преступной деятельности (поведения), которые могут свидетельствовать о причастности виновного к совершению преступления.

Существуют и другие мнения авторов, которые предлагают рассматривать доказательства (улики) поведения как косвенные доказательства: «[...] которые вытекают из поведения (действия или бездействия) совершивших преступление либо причастных к преступлению лиц» [5, с. 186], «[...] фактические данные о действиях обвиняемого после совершения инкриминируемого преступления: попытки уклониться от следствия (суда); попытки заведомо ввести в заблуждение следствие (суд) относительно действительных обстоятельств дела; действия, которые свидетельствуют о знании таких обстоятельств события, которые могут быть известны только его участнику («виновная осведомленность») [6, с. 83]. Мы же в большей мере согласимся с определением понятия «улик поведения», разработанным учеными-криминалистами А.В. Варданяном и А.С. Андреевым, которые рассматривают их как действие, бездействие, состояние или обнаружившаяся информированность субъекта, свидетельствующая об участии лица в любой фазе преступной деятельности [7]. По этой причине представляется возможным определить закономерности уликового поведения в ходе осуществления как преступной, так и посткриминальной деятельности.

Значение улик поведения для криминалистической науки заключается в том, что они позволяют сделать вывод о причастности виновных к совершению преступного деяния, а также определить основные направления проверки версий. Основу механизма преступной посткриминальной деятельности составляют различные факторы, в том числе психологические особенности личности преступника. Главный факт – факт совершения преступления [8] образует в памяти у очевидцев, свидетелей или субъектов преступления идеальные следы. Процесс их возникновения связан с особенностями нервной системы. В ней образуется очаг возбуждения, который концентрирует в себе психические процессы, имеющие отношение к совершенному деянию. Этот очаг возбуждения обусловлен постоянными размышлениями виновного и лиц, связанных с событием преступления, о содеянном, их переживаниями, стойким чувством беспокойства, неуверенности, страха и т. д. В образовавшемся очаге возбуждения, который А.А. Ухтомский был назван как «доминанта» [9], преобладающее значение имеют психические процессы, связанные со стремлением преступника обезопасить себя всеми возможными способами, образуется «защитная доминанта». С точки зрения криминалистики «защитная доминанта» является «маскировкой преступного поведения».

Пытаясь защитить себя, преступник выбирает определенную линию поведения, именно эти действия виновных привлекают к себе внимание органов предварительного расследования и дают основания полагать о причастности подозреваемого (обвиняемого) или иных лиц к совершенному деянию. Выражение «линия поведения» образовано от французского словосочетания «*ligne de conduite*» и означает план действий [10]. Линия поведения имеет такие коннотации как «способ поведения», «тактика», «тактический феномен» [11]. Линия поведения в криминалистике с учетом ее двуединого объекта может быть рассмотрена как: линия поведения следователя (тактический ориентир субъекта криминалистической деятельности); линия поведения виновного и других лиц, связанных с событием преступления. Последнюю можно рассматривать как совокупность умышленных действий, направленных либо на содействие, либо на противодействие расследованию. Линию поведения виновного и других лиц, связанных с событием преступления, направленную на противодействие раскрытию и расследованию преступлений можно назвать «линия противодействия».

Ученые-криминалисты А.Ю. Головин и Н.П. Яблоков утверждают, что противодействие в рамках конкретного вида преступлений носит типичный характер [12, с. 160], а, следовательно, можно сделать вывод о типичности линии противодействия. Чтобы отстоять свою линию противодействия виновные маскируют свое поведение посредством: маскировки содействия – «псевдосодействие» (оговор, самооговор, лжесвидетельство и т. д.); маскировки лжи (умалчивание, утаивание, сообщение заведомо ложных показаний и т. д.); маскировки виновной осведомленности, проявления которой изучим подробнее.

Рассматривая категорию тяжких и особо тяжких корыстно-насильственных преступлений, предлагаем рассматривать виновную осведомленность с двух сторон, как: признак маскировки и способ маскировки. Виновная осведомленность как признак маскировки характеризуется: сокрытием (несообщение информации об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела); утаиванием (частичная фильтрация количественной и качественной наполненности сообщаемой информации); искажением (сообщение информации, часть из которой заведомо не соответствует действительности); фальсификацией (например, сообщение информации с подменой некоторой части события ложной). В данном случае различные проявления виновной осведомленности дают основание для проверки версий.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что особенность маскировки заключается в том, что во многом это не самостоятельный прием противодействия, потому как виновная осведомленность тесно связана и с утаиванием (как пассивной формой лжи – 11 %), и с фальсификацией (как активной формой лжи – 89 %).

Предлагаем рассмотреть следующую классификацию маскировки виновной осведомленности:

1. Субъектная:
 - а) имитирование различных эмоциональных состояний («маска ненастоящих эмоций»);
 - б) ситуативная наигранность;
 - в) использование суггестивных психологических приемов и т. д.
2. По отношению субъекта к событию:
 - а) чрезмерная эмоциональность и привлечение внимания;
 - б) демонстративное равнодушие;
 - в) эмоциональная бесчувственность и т. д.

Как способ маскировки виновная осведомленность выходит за пределы способа совершения преступления. Ее проявления можно проследить именно в поведении виновных и других лиц, связанных с событием преступления, а разоблачить в ходе производства такого следственного действия как допрос.

Резюмируя изученные труды отечественных ученых-криминалистов [13; 14; 15] можно сделать вывод о том, что допрос – это самостоятельное следственное действие, сущность которого заключается в принятии от допрашиваемого лица показаний, имеющих особое значение для расследования преступления.

В ходе изучения процесса расследования корыстно-насильственных преступлений и анализа судебной практики мы приходим к выводу о взаимосвязи между поведением субъекта в момент совершения преступления и его посткриминальным поведением на допросе в качестве подозреваемого, который подтверждается проведенным исследованием (таблица 1):

Таблица 1

Анализ взаимосвязи преступного поведения в момент совершения преступлений, предусмотренных п. «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и посткриминального поведения на допросе в качестве подозреваемого

Поведение в момент совершения убийства	Посткриминальное поведение на допросе в качестве подозреваемого (%)			Итого (%)
	Отказ от дачи показаний	Давал частичные (неполные) показания	Давал заведомо ложные показания	
Совершил убийство, без попытки скрыть свою внешность	2	2	2	6%
Совершил убийство, маскируя свою внешность	10	7	15	32%

Совершил убийство, без попытки скрыть следы преступления, но скрывая свою внешность	1	1	4	6%
Совершил убийство, предпринял попытки к сокрытию следов преступления и сокрытию внешности	10	6	40	56%
Итого (%)	23%	16%	61%	100%

По результатам исследования уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях можно сделать вывод о трех типичных линиях поведения виновных лиц на допросе: дача заведомо ложных показаний – 61 %; отказ от дачи показаний (в порядке ст. 51 Конституции РФ) – 23 %; дача частичных (неполных) показаний – 16 %.

Итак, дача заведомо ложных показаний, как маскировка виновной осведомленности, затрудняет достижение назначения уголовного судопроизводства и приводит к тому, что сроки предварительного расследования увеличиваются, виновные не привлекаются к уголовной ответственности, а значительная доля выявленных преступлений остается нераскрытой. Согласимся с мнением А.С. Андреева, который в своем исследовании пришел к выводу о том, что при совершении убийства в условиях неочевидности противодействие расследованию становится закономерной составляющей, а выявление такого вида посткриминального поведения, как содействие – главной задачей для первоначального этапа деятельности по раскрытию и расследованию преступлений [16, с. 70–71].

На сегодняшний день основной целью, стоящей перед следователем при производстве допроса в условиях конфликтной ситуации, является попытка нивелировать противодействие со стороны допрашиваемого. Чтобы установить виновную осведомленность (и как признак маскировки, и как ее способ) необходимо выделить признаки лжи, по которым в последующем представляется возможным ее разоблачить. Как правило, ложь сопровождается большим количеством внешних невербальных признаков, облегчающих выявление попыток обмана: асимметрия мимики, «запаздывающее» выражение эмоций, подергивание какой-либо частью тела, скудная/чрезмерная жестикуляция, согнутый корпус, закрытая поза и т. д.

С целью выявления наиболее рациональных и эффективных в определенной ситуации способов действия лица, производящего расследование, нами было проведено анкетирование следователей и дознавателей. Так, опрос показал, что большинство сотрудников считает, что благодаря такому следственному действию как допрос можно установить субъектов маскировки преступной деятельности (100 %) и преступного поведения (100 %). На вопрос: «Какими способами маскировки преступного поведения пользуются преступники в момент производства такого следственного действия как допрос?» большинство респондентов ответили – утаивание (исключение) некоторых фактов из события преступления (82 %), меньший процент проголосовал за подмену события целиком либо его части искаженными (вымышленными) событиями или деталями, либо сообщение фактов, имевших место, но относящихся к другим событиям (58 %) и добавление в показания вымышленных эпизодов (54 %). На вопрос: «Какие психологические приемы воздействия использовались Вами в ходе допроса субъекта использования приемов маскировки преступного поведения?» мнения опрошенных разделились практически в равном процентном соотношении между тремя вариантами ответа: методы изобличения – 60 %; методы убеждения – 54 %; методы эмоционального воздействия – 52 %, при этом методы примера выбрали только 24 % сотрудников.

Таким образом, представляется, что в настоящее время наиболее значимой идеей, которая может привести к положительным тенденциям борьбы с преступностью, является консолидация тактико-криминалистических приемов выявления и разоблачения использования маскировки как приема противодействия расследованию.

Итак, подводя итог проведенному исследованию отметим: т. к. термин «виновная осведомленность» достаточно часто используется учеными-криминалистами, однако должным образом с точки зрения криминалистики исследован не был, то считаем, что вы-

шеуказанное свидетельствует о необходимости дальнейших исследований в данной области в рамках разработки тактики выявления признаков маскировки виновной осведомлённости как части тактической комбинации разоблачения лжи на первоначальном и последующих этапах расследования тяжких и особо тяжких преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Состояние преступности. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 20.09.2024).
2. Андреев А.С., Коряк Ю.Д. Маскировка как прием противодействия раскрытию и расследованию корыстно-насильственных преступлений // Юристъ-Правоведъ : научн.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109).
3. Поврезнюк Г.И. Криминалистические методы и средства установления личности в процессе расследования преступлений. М., 2005.
4. Мудьюгин Т.Н. Расследование убийств по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1962.
5. Ковалев А.И. Улики поведения и планирование следствия // Вопросы правоведения. Новосибирск, 1970. Вып. 5.
6. Хмыров А.А. Некоторые вопросы теории и практики применения косвенных доказательств // Сов. государство и право. М., 1965. № 2.
7. Варданян А.В., Андреев А.С. Эмоциональные переживания и суицидальные поступки как часть посткриминального поведения лиц и их значение для раскрытия и расследования убийств (криминалистические и психологические аспекты). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnye-perezhivaniya-i-suitsidalnye-postupki-kak-chast-postkriminalnogo-povedeniya-lits-i-ih-znachenie-dlya-raskrytiya-i> (дата обращения: 20.09.2024).
8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968.
9. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб., 2002. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_00448_5205/ (дата обращения: 20.09.2024).
10. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М., 2008.
11. Academic.ru. URL: <https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=линия+поведения&from=ru&to=xx&did=&stype=> (дата обращения: 03.10.2024).
12. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М., 2002.
13. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 2001.
14. Криминалистика / под ред. В.А. Образцова. М., 2017.
15. Порубов Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии: учебное пособие. М., 1998.
16. Андреев А.С. Посткриминальное поведение лиц, связанных с преступной деятельностью, в структуре объекта криминалистики. М., 2015.

REFERENCES

1. The state of crime. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (date of access: 20.09.2024).
2. Andreev A.S., Koryak Yu.D. Camouflage as a technique for counteracting the disclosure and investigation of mercenary-violent crimes // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical. and information-method. journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2 (109).
3. Povreznyuk G.I. Forensic methods and means of establishing identity in the process of investigating crimes. Moscow, 2005.
4. Mudyugin T.N. Investigation of murders in cases initiated in connection with the disappearance of the victim: author's abstract. dis. ... PhD in Law. Moscow, 1962.
5. Kovalev A.I. Evidence of behavior and planning of the investigation // Questions of jurisprudence. Novosibirsk, 1970. Issue 5.
6. Khmyrov A.A. Some issues of the theory and practice of using circumstantial evidence // Sov. state and law. Moscow, 1965. № 2.
7. Vardanyan A.V., Andreev A.S. Emotional experiences and suicidal acts as part of post-criminal behavior of individuals and their importance for solving and investigating murders (forensic and psychological aspects). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnye-perezhivaniya-i-suitsidalnye-postupki-kak-chast-postkriminalnogo-povedeniya-lits-i-ih-znachenie-dlya-raskrytiya-i> (date of access: 20.09.2024).

8. Strogovich M.S. Course of Soviet criminal procedure. Moscow, 1968.
9. Ukhtomsky A.A. Dominant. SPb., 2002. URL: https://rus-neb.ru/catalog/000199_000009_00448_5205/ (date of access: 20.09.2024).
10. Ushakov D.N. Large explanatory dictionary of the Russian language: modern edition. Moscow, 2008.
11. Academic.ru. URL: <https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=линия+поведения&from=ru&to=xx&did=&stype=> (date of access: 03.10.2024).
12. Golovin A.Yu. Forensic systematics. Moscow, 2002.
13. Belkin R.S. Forensics course. Moscow, 2001.
14. Forensic Science / edited by V.A. Obraztsov. Moscow, 2017.
15. Porubov N.I. Interrogation Tactics during Preliminary Investigation: A Tutorial. Moscow, 1998.
16. Andreev A.S. Post-Criminal Behavior of Persons Associated with Criminal Activity in the Structure of the Forensic Science Object. Moscow, 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коряк Юлия Дмитриевна, адъюнкт. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Koryak Yulia Dmitrievna, adjunct. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83 Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 342.9: 351.74

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОЛИЦИИ И ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Кобец Петр Николаевич

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Российская Федерация
pkobets37@rambler.ru

Введение: в настоящее время актуальность проблематики развития партнерства полиции и общества чрезвычайно высока, потому как налаживание прочных контактов между полицейскими и представителями гражданского общества становятся важным условием правоохранительной составляющей. Поэтому целью данной работы стал анализ основных современных направлений по развитию партнерства полиции и населения, а также выработка предложений по дальнейшему их совершенствованию.

Материалы и методы: в процессе подготовки настоящей статьи использовались различные методы познания, включая: систематизацию, системный подход, обработку информации и др., а также автор использовал ряд частнонаучных и общенаучных методов. Методологическую основу работы составил анализ нормативных правовых актов, определяющих организационно-правовое взаимодействие полиции и общества, а также обзор источников научной литературы по рассматриваемой проблематике. Данная эмпирическая база позволила сформулировать ряд основных выводов и предложений.

Результаты исследования: в данной работе автором рассмотрены общественные отношения, которые складываются в деятельности, направленной на укрепление партнерских отношений полицейских подразделений и представителей общественности. Проведенный анализ позволяет утверждать о том, что, гарантируя эффективное и полное исполнение защиты прав личности через государственные органы, государство подобным образом способствует развитию взаимодействия органов государственной власти и местного управления с обществом. Полиция России, будучи составной частью МВД России, в своей деятельности стремится качественно обеспечивать безопасность и правопорядок. Практика свидетельствует о том, что во многом эффективность функционирования полиции обусловлена поддержкой и доверием гражданского общества. Поэтому в ее деятельности так важно укреплять и развивать сотрудничество с населением.

Выводы и заключения: опыт правоприменительной практики свидетельствует о том, что усиление негативных тенденций в сфере борьбы с преступностью, обусловленных разного рода противоправными проявлениями, может быть минимизировано благодаря поддержке и контролю со стороны общества. Поэтому в дальнейшей перспективе одним из важнейших направлений по совершенствованию деятельности полиции должна стать активизация работы с общественностью. В том числе одной из важнейших задач, требующей своего решения, должно стать развитие партнерского взаимоотношения полиции и всего российского общества.

Ключевые слова: общественные объединения, полиция, партнерство, сотрудничество, формы и методы взаимодействия, охрана правопорядка, гражданский надзор, общественный порядок, публичные слушания, гражданское общество, общественный контроль.

Для цитирования: Кобец П. Н. Основные направления развития партнерских отношений полиции и общества в сфере противодействия преступности / П. Н. Кобец // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 148–153.

Original paper

MAIN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF PARTNERSHIP RELATIONS BETWEEN THE POLICE AND SOCIETY IN THE SPHERE OF COMBATING CRIME

Kobets Peter Nikolaevich

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: currently, the relevance of the problem of developing partnership between the police and society is extremely high, because the establishment of strong contacts between the police and representatives of civil society is becoming an important condition for the law enforcement component. Therefore, the purpose of this work was to analyze the main modern directions for the development of partnership between the police and the population, as well as the development of proposals for their further improvement.

Materials and methods: in the process of preparing this article, various methods of cognition were used, including: systematization, systems approach, information processing, etc., and the author also used a number of specific scientific and general scientific methods. The methodological basis of the work was the analysis of regulatory legal acts that determine the organizational and legal interaction of the police and society, as well as a review of scientific literature on the issue under consideration. This empirical base allowed us to formulate a number of main conclusions and proposals.

Results of the study: in this work, the author examined the public relations that develop in activities aimed at strengthening the partnership between police units and representatives of the public. The conducted analysis allows us to assert that by guaranteeing effective and complete protection of individual rights through state bodies, the state in this way promotes the development of interaction between state and local government bodies and society. The Russian police, being an integral part of the Ministry of Internal Affairs of Russia, strives to ensure high-quality security and law and order in its activities. Practice shows that the effectiveness of the police is largely due to the support and trust of civil society. Therefore, it is so important to strengthen and develop cooperation with the population in its activities.

Findings and conclusions: the experience of law enforcement practice shows that the strengthening of negative trends in the fight against crime, caused by various kinds of illegal manifestations, can be minimized due to the support and control of society. Therefore, in the long term, one of the most important areas for improving police activities should be the intensification of work with the public. In particular, one of the most important tasks that requires its solution should be the development of a partnership between the police and the entire Russian society.

Keywords: public associations, police, partnership, cooperation, forms and methods of interaction, law enforcement, civil supervision, public order, public hearings, civil society, public control.

For citation: Kobets P. N. Main directions of development of partnership relations between the police and society in the sphere of combating crime / P. N. Kobets // Jurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 148–153.

Анализ зарубежных научных публикаций правоохранительной проблематики свидетельствует о том, что в настоящее время правоохранители многих государств стремятся к развитию партнерского сотрудничества, улучшению коммуникации, совершенствованию координации и оптимизации взаимодействия с населением. В ряде стран мира властям удалось отказаться от военных моделей управления полицейскими структурами, что, в свою очередь, позволило правоохранителям гораздо эффективнее взаимодействовать с различными социальными группами общества [1, с. 127]. В исследованиях современных российских ученых также высказывается точка зрения о том, что совершенствование данной работы необходимо и важно для Полиции России (далее – полиция) – составной части единой централизованной системы МВД России [2, с. 201].

Среди основных современных стратегических направлений данной работы выступает социально ориентированный характер взаимодействия полиции с общественностью. В частности, в научных исследованиях, публикациях и иных источниках российскими экспертами специально подчеркивается, что характер взаимодействия между полицейскими и общественностью является одним из важнейших индикаторов социально-политического климата и общественно-политической обстановки в государстве, поскольку по восприятию общественности в одном случае полицейские символизируют законодательный порядок, а в другом это один из наиболее осязаемых инструментов власти [3, с. 140].

Как полагают отечественные исследователи, подобный подход развития сотрудничества полицейских и общества поспособствует формированию более эффективной защищенности населения от различных противоправных проявлений, а также повышению укрепления доверительных отношений простых граждан и правоохранителей. В том числе развитие подобных партнерских отношений также неизменно приведет и к повышению уровня вовлеченности самого населения в работу, связанную с обеспечением правопорядка и безопасности [4, с. 268]. При этом в основе данного вида паритетного взаимодействия правоохранителей с населением должно быть полное доверие общества к полицейским, поскольку, будучи вовлеченными в участие в подобное сотрудничество, граждане гораздо лучше осознают, насколько непроста полицейская служба и сколько усилий затрачивается

сотрудниками этой структуры для осуществления всех правоохранительных функций.

Ключевым фактором в расширении и укреплении партнерства между властными структурами и населением является совершенное правовое обеспечение данной работы. В настоящее время таковыми являются положения некоторых законодательных актов. В частности, возможности развития партнерских отношений между полицейскими и гражданами определены Федеральным законом от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹. В нем сосредоточены концептуальные идеи: по установлению и развитию партнерства полицейских и граждан, развитию контроля и мониторинга полицейской деятельности со стороны общественности, формирования позитивного образа полицейских и др.

В соответствии со ст. 10 анализируемого законодательного акта в целях роста доверительности граждан изложен ряд базовых положений данной работы. В том числе, что полицейским в процессе исполнения возложенного на них функционала необходимо взаимодействовать с гражданами, поддерживая и развивая гражданские инициативы. Немаловажно и то, что согласно ст. 8 данного законодательного акта фундаментальными базисными началами функционирования полицейских подразделений названы открытость и публичность. При этом открытость функционала полицейской деятельности для общества в первую очередь заключается в доступности ознакомления заинтересованных субъектов с принятыми сотрудниками полиции решениями и документацией, а также возможности быть в курсе содержания деятельности этих подразделений.

В то же время публичность предполагает соблюдение законности, защиты прав и интересов граждан полицейскими подразделениями, выражаемая в возможности ведения диалога с представителями общественности и СМИ, а также осуществления с ними взаимодействия на равноправной основе и взаимопонимания, с учетом взаимных интересов и принципах взаимоуважения и общественного согласия. Кроме того, граждане и общественные объединения обладают правами получения достоверных информационных данных о работе полицейских подразделений, а также сведений, которые затрагивают права граждан, за исключением данных с ограниченным кругом доступа. Заявления и жалобы, как и обращение граждан, разрешено подавать «лично, либо направлять в виде почтовой корреспонденции, по факсу, на официальный сайт, дежурную часть территориальных органов МВД России, а также посредством специальной связи» [5, с. 61].

В 2014 г. вступил в силу Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка»². Им были «закреплены принципы по вовлечению общественности в работу, направленную на укрепление общественной безопасности и общественного порядка, а также взаимодействия с органами внутренних дел (полицией)» [6, с. 19]. В нем также отмечено, что «народные дружины (далее – ДНД, дружина) являются общественными объединениями, которые во взаимодействии с правоохранителями принимают участие в охране правопорядка» [7, с. 134]. В данной работе задействованы представители как государственных органов – МВД России, ФСБ России, Росгвардии, так и негосударственных структур – разного рода частных охранных организаций, а также общественных организаций правоохранительного профиля. Также важно отметить, что в ст. 8 гл. 2 анализируемого законодательного акта конкретизированы сферы деятельности ДНД. В том числе, обозначенная выше норма вполне позволяет заниматься анализируемой совместной правоохранительной деятельностью в информационном поле нашей страны. Причем немаловажно, что данная проблематика в настоящее время становится весьма актуальной для российского общества.

Так, в частности, важнейшей из форм профилактического воздействия, осуществимой членами дружин, может стать разработка веб-страниц дружин в большинстве региональных групп и соцсетях. Подобный подход поможет им выявлять распространителей в информационных каналах, группах и новостных пабликах недостоверные информационные данные, которые способствуют вовлечению незрелых граждан в нелегальную противоправную деятельность [8, с. 309]. В том числе дружинники могли бы заниматься информированием граждан, проживающих в их регионе, посредством собственной информационной площадки как в целом о результатах правоохранительной деятельности, так и наиболее важных и результативных ее успехах. Также вполне возможно совместными усилиями правоохранителей и членов ДНД обсуждать самые актуальные и насущные проблемы правоохранительной направленности, требующие незамедлительного реагирования на них.

¹Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

²Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка» от 02.04.2014 № 44-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, с учетом важности использования информационных ресурсов правоохранительных структур в противостоянии преступным проявлениям, вполне возможно проработать вопрос по вовлечению представителей общественности в работу, направленную на снижение фейковых информационных данных в цифровом пространстве. Подобная совместная деятельность позволит обеспечивать охрану правопорядка, в том числе в информационном пространстве.

Немаловажно отметить, что в соответствии со ст. 15 ФЗ № 44 от 2 апреля 2014 г. членам ДНД следует проходить специальную подготовку на основе порядка, изложенного Приказом МВД России от 18 августа 2014 г. № 696 «Вопросы подготовки народных дружинников к действиям в условиях, связанных с применением физической силы и по оказанию первой помощи»³. В настоящее время деятельность ДНД является неким показателем в развитии гражданского общества – пожалуй, одним из важнейших результатов большинства, проведенных за последние тридцать лет реформ и обновлений в нашей стране.

Делается акцент на том, что в непростых условиях для нашего государства на основе вовлечения общественности в работу, связанную с охраной правопорядка, вполне возможно обеспечивать решение задач в сфере общественной безопасности. Также немаловажно, чтобы у правоохранителей было понимание того, что обеспечение правопорядка является сложнейшей задачей, требующей для ее решения серьезно подготовленных общественников. В действительности плохо подготовленные для оказания помощи правоохранителям представители общественности только осложнят сотрудникам полиции качественное выполнение правоохранительных функций.

В целях развития взаимодействия, налаживания контактов и укрепления связей между полицейскими подразделениями и общественностью, а также формирования объективного общественного мнения о деятельности полиции Приказом МВД России от 26 декабря 2023 г. № 1011 «Об утверждении Инструкции по организации и проведению отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России» нормативно закреплены обязанности полицейских по отчету перед населением, а также порядок проведения и организация этих мероприятий⁴.

Также нельзя обойти вниманием положения Федерального закона № 182 от 23 июня 2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», декларировавшие гражданам право участия в деятельности, направленной на профилактику разного рода правонарушений, тем самым оказывая содействие правоохранителям в борьбе с преступными проявлениями⁵. Развитие данной формы сотрудничества, в том числе, будет гарантировать достижению поставленных целей в противодействии преступности.

Отдельно хотелось бы отметить, что в процессе своей профессиональной деятельности полицейским приходится иметь дело с разного рода криминальными элементами и лицами, которые имеют противоправные намерения, что, в свою очередь, ведет к высокому уровню эмоциональной напряженности. Поэтому члены ДНД в процессе совместной правоохранительной деятельности также могут быть подвержены подобным эмоциональным и психологическим нагрузкам. В связи с этим, в процессе совместной правоохранительной работы с населением полицейским чрезвычайно важно обладать навыками управления конфликтными ситуациями, одновременно действуя в законодательных рамках и в соответствии с возложенными на них полномочиями.

Кроме того, полиции в процессе установления контактов и дальнейшем взаимодействии с населением важно быть чрезвычайно компетентными во многих вопросах. В частности, у них должны быть навыки по оказанию помощи населению в процессе разного рода возникших затруднений. При этом, как отмечают эксперты, подобная деятельность нуждается в определенной психологической подготовке, чтобы в максимальной степени взаимодействовать с представителями общественности [9, с. 73]. Поэтому в дальнейшем в процессе взаимодействия общественности и полиции важно делать акценты на подготовке членов ДНД совместно с полицейскими к ситуациям, в которых необходимо урегулировать кризисные ситуации и тем самым повышать социальное доверие общества.

³Приказ МВД России от 18 августа 2014 г. № 696 «Вопросы подготовки народных дружинников к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, и по оказанию первой помощи». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴Приказ МВД России от 26 декабря 2023 г. № 1011 «Об утверждении Инструкции по организации и проведению отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Важнейшим направлением, по мнению отечественных экспертов, в процессе взаимодействия полиции с органами и учреждениями, институтами гражданского общества является работа, связанная с профилактикой правонарушений несовершеннолетних, а также их суицидов. Правоохранителям совместно с представителями общественности чрезвычайно важно заниматься данными вопросами и осуществлять совместное оперативное реагирование на обозначенные негативные проявления. В том числе немаловажно заниматься планированием деятельности, направленной на снижение данных деяний [10, с. 355].

Как отмечают отечественные эксперты, после установления партнерских взаимоотношений с полицейскими общественность будет стремиться не только к непосредственному участию в правоохранительной деятельности, связанной с поддержанием правопорядка и противодействием преступным проявлениям, но более активно включиться в процессы информирования правоохранителей о фактах абсолютно любых нарушений законности, тем самым также способствуя повышению результативности правоохранительного функционала [11, с. 628].

В немалой степени успех в развитии совместной работы с общественностью будет зависеть и от индивидуальных нравственных качеств самих правоохранителей, правосознания, правовой культуры, компетенции, профессионализма, квалификации, коммуникабельности, налаживания контактов с людьми [12, с. 268]. Перечисленные качества способствуют как в целом соблюдению законности, так и повышают результативность деятельности правоохранителей в работе с населением. Также немаловажно отметить, что для совместной модели подобного взаимодействия характерно развитие партнерских взаимоотношений всех субъектов рассматриваемой деятельности.

В том числе в настоящее время важно стремиться к формированию положительного общественного мнения о работе полицейских подразделений со стороны населения. Чтобы суметь выстроить партнерские взаимоотношения, полицейским важно приложить все необходимые усилия, чтобы стать более доступными для граждан, им также следует быть не только узнаваемыми, но и наладить взаимоотношения с людьми, работающими и проживающими на подконтрольных территориях. При этом им также следует быть не только внимательными к людям, но и незамедлительно откликаться и реагировать на любые их обращения, не оставаясь безучастными к возникающим проблемам. Данная работа станет еще более эффективной, если полицейские будут на регулярной основе отчитываться перед населением о проделанной работе и полученных результатах.

Совершенно очевидно, что преобразование анализируемой деятельности сможет обеспечить привлечение ответственных, энергичных и инициативных людей, обладающих соответствующим опытом и багажом знаний, который в настоящее время так необходим для оказания помощи полиции для качественного исполнения их функций. Подобный подход, в свою очередь, также будет способствовать повышению степени внимания властей для оказания содействия правоохранителям в решении задач, направленных на взаимодействие с обществом. Также немаловажно, чтобы происходила активизация законодательных инициатив, которые бы обладали предложениями, направленными на развитие разного рода гарантий для лиц, в различных направлениях, оказывающих активное взаимодействие правоохранителям.

В заключении важно отметить, что выводы проведенного исследования указывают на то, что деятельность полицейских с каждым годом все более открытая и подконтрольная для общества, что, в свою очередь, способствует росту доверия полиции. В настоящее время участие населения в оказании помощи полиции может оказывать чрезвычайно позитивное воздействие на развитие правоохранительных функций государства. Для этого необходимо как совершенствование законодательства, так и внедрение новых форм взаимодействия полицейских и общественности, которые могут быть весьма разнообразны. Развитие данного сотрудничества будет способствовать улучшению взаимоотношений между общественностью и полицейскими, тем самым гарантируя достижение поставленных целей в сфере охраны правопорядка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гордеев А.Ю. К вопросу о положительном опыте предупреждения преступлений в зарубежных странах // Вопросы российского и международного права. 2017. № 11А. Т. 7.
2. Кобец П.Н. Положительный опыт японской полиции в сфере охраны правопорядка и профилактики преступности // Юрист-Правовед. 2021. № 2(97).

3. Ильченко В.А. Взаимоотношения общества и полиции за рубежом и в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1.
4. Щеголева Н.В. Полиция и общество: система и люди // Молодой ученый. 2013. № 2.
5. Бучакова М.А., Дизер О.А. Взаимодействие полиции и общества // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2(43).
6. Шпак А.В. Актуальные проблемы взаимодействия полиции и гражданского общества в сфере реализации правоохранительной функции государства: отечественный и зарубежный опыт // Журнал юридических исследований. 2022. № 2. Т. 7.
7. Новиков С.В. Проблемы правового регулирования подготовки сотрудников добровольных дружин в Российской Федерации // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 1. Т. 11.
8. Лосев А.Н., Новиков С.В. Добровольные народные дружины как фактор воспитания социально активной личности // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 12.
9. Зыков А.П. Готовность сотрудников полиции к урегулированию кризисных ситуаций как фактор укрепления социального доверия граждан (на примере отечественного и зарубежного опыта) // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4(18).
10. Яндыбаев В.Н. Взаимодействие полиции с органами и учреждениями, институтами гражданского общества в сфере профилактики детских суицидов // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. № 2(14). Т. 1.
11. Нижник Н.С. Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия // Полицейская деятельность. 2018. № 5.
12. Клейменов Е.А. Взаимодействие полиции с гражданами и организациями в оценках сотрудников полиции // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4(97).

REFERENCES

1. Gordeev A.Yu. On the issue of positive experience in crime prevention in foreign countries // Issues of Russian and international law. 2017. № 11A. Vol. 7.
2. Kobets P.N. Positive experience of the Japanese police in the field of law enforcement and crime prevention // Jurist-Pravoved. 2021. № 2(97).
3. Ilchenko V.A. Relations between society and the police abroad and in Russia // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2015. № 1.
4. Shchegoleva N.V. Police and society: system and people // Young scientist. 2013. № 2.
5. Buchakova M.A., Dizer O.A. Interaction of the police and society // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2015. № 2 (43).
6. Shpak AV Actual problems of interaction of the police and civil society in the sphere of implementation of the law enforcement function of the state: domestic and foreign experience // Journal of legal studies. 2022. № 2. Vol. 7.
7. Novikov SV Problems of legal regulation of training of employees of voluntary squads in the Russian Federation // Socio-economic phenomena and processes. 2016. № 1. Vol. 11.
8. Losev AN, Novikov SV Voluntary people's squads as a factor in the education of a socially active personality // Socio-economic phenomena and processes. 2014. № 12.
9. Zykov AP Readiness of police officers to resolve crisis situations as a factor in strengthening social trust of citizens (based on domestic and foreign experience) // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (18).
10. Yandybaev V.N. Interaction of the police with bodies and institutions, institutions of civil society in the field of prevention of child suicides // Theory of law and interstate relations. 2021. № 2 (14). Vol. 1.
11. Nizhnik N.S. Police and civil society: search for a vector of interaction // Police activity. 2018. № 5.
12. Kleymenov E.A. Interaction of the police with citizens and organizations in the assessments of police officers // Power and management in the East of Russia. 2021. № 4 (97).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России. 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.
ORCID: 0000-0001-6527-3788

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kobets Petr Nikolaevich, Grand PhD in Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Organizational Support of Scientific Activities. All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 25/1, Povarskaya St., Moscow 121069 Russian Federation.

Научная статья
УДК 004.62

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕНЕВОГО ИНТЕРНЕТА ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Лемайкина Светлана Владимировна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
slemaikina2@mvd.ru

Введение: Dark Web относится к части Интернета, которая намеренно скрыта и недоступна обычным поисковым системам. Это область веб-сайтов и онлайн-сообществ, которые работают анонимно, что делает их привлекательной платформой для незаконной деятельности. По мере развития технологий и роста зависимости от телефонов наблюдается рост угрозы киберпреступлений, совершающихся посредством инструментов и ресурсов Dark Web.

Материалы и методы: в статье приведены результаты исследования одного из направлений преступного использования технологий взлома смартфонов, распространяемых через Dark Web.

Из множества дискуссий о проблемах, тенденциях исследований и направлениях, связанных с рассматриваемой темой, отобраны те, ссылки на которые наиболее часто встречаются в различных источниках. На последующих этапах исследования анализировались методы, используемые хакерами, и последствия, которые они имеют для конфиденциальности и безопасности людей. Проанализированы масштабы последствий цифрового взлома.

Результаты исследования: проведенный анализ методов взлома телефонов показал, что киберпреступники используют сеть Dark Web как торговую площадку для продажи инструментов и технологий взлома телефонов, а также для сотрудничества между преступными группировками. Учитывая глобальный характер сети, можно сделать вывод, что правительства, правоохранительные органы и организации по кибербезопасности должны работать сообща для обмена информацией, координации расследований и разработки стратегий по пресечению действий по взлому телефонов через Dark Web.

Выводы и заключения: по мере развития технологий возникают новые риски при взломе телефонов посредством технологий, распространяемых через Dark Web. Новые технологии и риски, такие как искусственный интеллект, блокчейн и квантовые вычисления требуют адаптации законов и нормативных актов для обеспечения кибербезопасности.

Ключевые слова: мобильный телефон, Интернет, Dark Web, вредоносная программа, веб-сайт, кража личных данных, хакер, кибербезопасность, шантаж, мошенничество.

Для цитирования: Лемайкина С. В. Проблемы противодействия использования теневого Интернета для совершения преступлений / С. В. Лемайкина // Юрист-Правовед : науч.-теоритич. информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024 № 4(111). – С. 154–158.

Original paper

PROBLEMS OF COUNTERING THE USE OF SHADOW INTERNET FOR COMMITTING CRIMES

Lemaykina Svetlana Vladimirovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the Dark Web refers to a part of the Internet that is intentionally hidden and inaccessible to regular search engines. It is an area of websites and online communities that operate anonymously, making it an attractive platform for illegal activity. As technology advances and reliance on phones increases, the threat of cybercrime committed through Dark Web tools and resources has increased.

Materials and methods: the article presents the results of a study of one of the areas of criminal use of smartphone hacking technologies distributed through the Dark Web.

From the many discussions on the problems, research trends and directions related to the topic under consideration, those that are most frequently referenced in various sources were selected. In the subsequent stages of the study, the methods used by hackers and the implications they have for people's privacy and

security were analyzed. The scale of the consequences of digital hacking was analyzed.

Results of the study: the conducted analysis of phone hacking methods showed that cybercriminals use the Dark Web network as a marketplace for selling phone hacking tools and technologies, as well as for cooperation between criminal groups. Given the global nature of the web, it can be concluded that governments, law enforcement agencies, and cybersecurity organizations must work together to share information, coordinate investigations, and develop strategies to stop phone hacking activities via the Dark Web.

Findings and conclusions: as technology evolves, new risks arise when hacking phones through technologies distributed via the Dark Web. New technologies and risks such as artificial intelligence, blockchain, and quantum computing require the adaptation of laws and regulations to ensure cybersecurity.

Keywords: mobile phone, internet, Dark Web, malware, website, identity theft, hacker, cybersecurity, blackmail, fraud.

For citation: Lemaikina S. V. Problems of countering the use of shadow Internet for committing crimes / S. V. Lemaikina // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024 № 4(111). – Pp. 154–158.

Современные смартфоны, использующие технологии Apple либо Google, представляют собой компактные разновидности компьютеров с высокой производительностью, значительным объемом памяти и расширенными функциональными возможностями. Мобильные телефоны – наиболее персональное электронное устройство, к которому имеет доступ пользователь. Они используются для выполнения простых коммуникационных задач, таких как звонки и текстовые сообщения, при этом обеспечивают поддержку просмотра ресурсов Интернета, электронной почты, фотосъемки и видеосъемки, создания и хранения документов, определения местоположения с помощью геоинформационных служб и управления бизнес-процессами. По мере внедрения в мобильные телефоны новых функций и приложений объем информации, хранящейся как на устройствах, так и в облачных хранилищах, постоянно растет. Мобильные телефоны становятся портативными носителями данных и отслеживают перемещения владельца.

Организация GSM Association (GSMA) опубликовала доклад Mobile Internet Connectivity Report за 2023 год. Согласно документу, смартфонами по всему миру владеют 4,3 млрд человек, или 55 % от общего населения планеты, из которых 4 млрд регулярно выходят через смартфоны в Интернет. Отмечается, что 600 млн человек или около 8 % мирового населения пользуются мобильным интернетом через обычные телефоны [1].

С ростом использования мобильных телефонов в повседневной жизни людей, телефон стал идеальной мишенью для преступника. При этом если преступнику удастся взломать телефонное устройство, установленные на нем приложения могут открыть ему неограниченный доступ к личной информации – от финансовой до данных электронной почты и социальных сетей.

Телефонные взломы могут привести к различным последствиям, таким как кража личных данных, финансовые потери, вторжение в частную жизнь и шантаж. Они представляют реальную опасность для отдельных людей, организаций и государственной сферы безопасности.

Под телефонным взломом понимается несанкционированный доступ к мобильному устройству и контроль над ним с целью сбора личной информации, перехвата коммуникаций или манипулирования устройством в преступных целях. Данная практика позволяет злоумышленникам задействовать слабые места в мобильных операционных системах, приложениях или сетевых инфраструктурах для получения несанкционированного доступа.

Площадкой для незаконной деятельности, в том числе и для взлома телефонов, все чаще служит Dark Web. Она является рынком для распространения вредоносных программ, украденных личных данных и предложений по взлому. Благодаря анонимности и секретности сети, киберпреступники продают инструменты для взлома телефонов, распространяют технологии взлома и сотрудничают с «коллегами».

Исследователи в области кибербезопасности пролили свет на торговую площадку Dark Web под названием InTheBox, ориентированную специально на разработчиков мобильного вредоносного софта. Взломщик, стоящий за криминальным интернет-магазином, существующим, предположительно, как минимум с января 2020 г., предлагает более 400 специализированных веб-программ, распределенных по территориальному признаку [2].

К распространенным методам взлома телефонов через Dark Web относится использование вредоносных и шпионских программ. Злоумышленники разрабатывают вредоносное обеспечение, которое может быть незаметно внедрено в устройство жертвы различными

способами, включая вложения в зараженные сообщения электронной почты, либо взломанные веб-сайты.

После установки вредоносного или шпионского приложения, программное обеспечение может собирать конфиденциальную информацию, такую как учетные данные для входа в систему, сообщения и метаданные звонков без ведома пользователя.

Замена SIM-карты, также известная как мошенничество с SIM-картами, – это метод, используемый телефонными хакерами для получения контроля над номером мобильного телефона жертвы. Хакеры связываются с оператором мобильной связи жертвы, выдавая себя за законного владельца учетной записи, и запрашивают перевод SIM-карты на новое устройство. После замены SIM-карты хакеры получают контроль над номером телефона жертвы, что позволяет им перехватывать звонки, текстовые сообщения и получать доступ к конфиденциальной информации. Ранее использованные SIM-карты вновь поступают в продажу, выкупаются мошенниками в целях дальнейших попыток восстановить аккаунты. Профиль на «Госуслугах» злоумышленники восстанавливают через SMS-сообщение, эту же схему они используют для банков и социальных сетей [3].

Разработчики под заказ активно ищут уязвимости в мобильных операционных системах и приложениях, которые можно задействовать для получения несанкционированного доступа к устройству. Эти уязвимости могут содержаться в устаревшем программном обеспечении, на устройствах с не устраненными уязвимостями или плохо защищенных приложениях. Преступники получают контроль над мобильным устройством и с помощью этого контроля совершают различные противоправные действия, такие как кража личных данных, удаленное слежение и в том числе управление самим устройством.

Открывать банковские счета, оформлять кредитные карты или совершать незаконные покупки – все это мошенничество, которое совершается преступниками в результате кражи личных данных с помощью взлома телефона. Зачастую взлом мобильных телефонов приводит к краже личных данных и мошенничеству по отношению к ним. В результате кражи личных данных у жертв могут возникнуть серьезные финансовые последствия, а также пострадать деловая репутация и конкурентоспособность.

Телефонные взломщики могут использовать свои хакерские навыки для нелегального подслушивания телефонных разговоров. Завладев мобильным устройством жертвы, хакеры могут перехватывать и записывать телефонные звонки, читать текстовые сообщения и следить за всеми операциями в сети. Конфиденциальные разговоры, деловые операции и служебная информация могут быть раскрыты и незаконно использованы. Так, в прошивке беспроводных наушников Apple «AirPods» была обнаружена опасная уязвимость. Эксплуатируя ее, злоумышленники могут прослушивать телефонные разговоры пользователей. Об этом в июне 2024 г. сообщил портал MacRumors. По информации этого источника наушники отправляют запрос на беспроводное подключение к одному из ранее сопряженных устройств, например, смартфону владельца, хакеры в зоне действия Bluetooth могут подделать сигналы и установить скрытое соединение [4].

Для монетизации незаконной деятельности злоумышленники часто прибегают к шантажу и вымогательству. Получив доступ к личной информации жертвы, компрометирующим фотографиям или конфиденциальным разговорам, они могут пытаться вымогать деньги или другие услуги, угрожая раскрыть или обнародовать украденные сведения. Подобный вид шантажа может причинить жертвам значительные эмоциональные страдания и финансовые потери.

Представители «Лаборатории Касперского» сообщили, что в мае 2023 г. компания обнаружила новую программу-вымогатель под названием Rasket [5].

Учитывая глобальный характер Dark Web и широкое распространение телефонных взломов, правительства, правоохранительные органы и организации по кибербезопасности должны работать сообща для обмена информацией, координации расследований и разработки стратегий по пресечению действий по взлому телефонов через Dark Web. Сотрудничество на международном уровне позволяет объединить ресурсы и опыт для борьбы с этой растущей угрозой.

По мере развития технологий возникают новые риски и вызовы при использовании Dark Web в качестве площадки распространения незаконных технологий. Появление и широкое распространение таких технологий, как искусственный интеллект, блокчейн и квантовые вычисления, представляют интерес для преступных сообществ, как инструменты, способные облегчить решение таких задач, как создание программного обеспечения взлома различных устройств, оплаты услуг, взлома криптографических протоколов.

Для противодействия существующим и перспективным угрозам безопасности мобильных устройств посредством ресурсов Dark Web важно принять упреждающие меры кибербезопасности. Они должны включать инвестиции в продвинутую систему анализа угроз, проведение регулярных аудитов безопасности, внедрение алгоритмов машинного обучения для обнаружения аномалий и обучение отдельных лиц и организаций передовым методам снижения риска взломов телефонов.

В ответ на растущую угрозу законодателям целесообразно адаптировать законодательную базу и обеспечить соблюдение законов и нормативных актов для эффективной борьбы с этой проблемой.

Необходимо рассмотреть возможность криминализации действий по взлому мобильных устройств, налагать штрафы на нарушителей и предоставлять правоохранительным органам необходимые инструменты и ресурсы для расследования и судебного преследования злоумышленников, действующих в том числе и внутри Dark Web. Необходима постоянная оценка и адаптация правовых рамок, с целью обеспечения соответствия развивающимся технологиями и возникающим угрозами.

Основатель сервиса разведки утечек данных и мониторинга Dark Web Ашот Оганесян в беседе с «Лентой.ру» отметил, что пока в России пользоваться Dark Web не запрещено. Таким образом, ни Dark Web, ни обычный Интернет не регулируются законами. Регулируется именно деятельность физических и юридических лиц [6].

На этом информационном фоне большинство преступлений, с которыми сталкиваются сотрудники полиции и которые могут быть квалифицированы как «мошенничество», по-прежнему совершается посредством «классической» технологии телефонной (мобильной) связи. Независимо от места нахождения (так же как и при использовании интернет-сервисов), злоумышленники могут находиться и совершать преступления в любом регионе Российской Федерации, или другой страны [7].

Заглядывая в будущее, можно сказать, что упреждающие меры кибербезопасности, технологические достижения и адаптивные законы и нормативные акты сыграют жизненно важную роль в смягчении будущих угроз взлома телефонов через Dark Web.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смартфонами обзавелись 4,3 млрд человек – больше половины населения Земли. URL: <https://3dnews.ru/1094421/smartfonami-obzavelis-43-mlrd-chelovek-bolshe-pолоvini-na-seleniya-planeti> (дата обращения: 12.07.2024).
2. Крупнейший рынок мобильных вредоносных программ Darknet угрожает пользователя по всему миру. URL: <https://thehackernews.com/2022/12/darknets-largest-mobile-malware.html?hl=en> (дата обращения: 12.07.2024).
3. Личные данные новоросийцев могут продать в Даркнете. URL: <https://bloknot-novorossiysk.ru/news/lichnye-dannye-novorossiyssev-mogut-prodat-v-darkn> (дата обращения: 12.07.2024).
4. Хакеры научились прослушивать своих жертв через наушники Apple AirPods. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-06-28_hakery_nauchilis_proslushivat (дата обращения: 12.07.2024).
5. Хакеры вымогают у россиян деньги, угрожая слить в Сеть интимные фото и переписку. URL: https://safe.cnews.ru/news/top/2023-05-26_zloumyshlenniki_s_pomoshchyu (дата обращения: 12.07.2024).
6. Что такое даркнет и как туда попасть? Почему даркнет опасен и стоит ли туда заходить. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/07/09/darknet/> (дата обращения: 12.07.2024).
7. Карпика А.Г., Лемайкина С.В. Анализ способов противодействия анонимному использованию сетей мобильной связи // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3(94).

REFERENCES

1. 4.3 billion people have acquired smartphones - more than half of the world's population. URL: <https://3dnews.ru/1094421/smartfonami-obzavelis-43-mlrd-chelovek-bolshe-pолоvini-na-seleniya-planeti> (date of access: 12.07.2024).
2. The largest market for mobile malware Darknet threatens users all over the world. URL: <https://thehackernews.com/2022/12/darknets-largest-mobile-malware.html?hl=en> (date of access: 12.07.2024).

3. Personal data of Novorossiysk residents can be sold on the Darknet. URL: <https://blok-not-novorossiysk.ru/news/lichnye-dannye-novorossiitsev-mogut-prodat-v-darkn> (date of access: 12.07.2024).

4. Hackers have learned to eavesdrop on their victims through Apple AirPods headphones. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-06-28_hakery_nauchilis_proslushivat (date of access: 12.07.2024).

5. Hackers extort money from Russians, threatening to leak intimate photos and correspondence online. URL: https://safe.cnews.ru/news/top/2023-05-26_zloumyshlenniki_s_pomoshchyu (date of access: 12.07.2024).

6. What is the darknet and how to get there? Why is the darknet dangerous and is it worth going there. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/07/09/darknet/> (date of access: 12.07.2024).

7. Karpika A.G., Lemaikina S.V. Analysis of methods to counteract the anonymous use of mobile networks // Jurist-Pravoved. 2020. № 3 (94).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лемайкина Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lemaikina Svetlana Vladimirovna, Senior Lecturer of the Department of Information Support for Internal Affairs Agencies. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.982.3

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДИНАМИЧЕСКИХ БИОМЕТРИЧЕСКИХ СИСТЕМ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПО РУКОПИСНОМУ И КЛАВИАТУРНОМУ ПОЧЕРКУ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Макаров Алексей Геннадьевич

Областная детская клиническая больница, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
lexxrgmu@yandex.ru

Барсуков Сергей Сергеевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
barsukov1982@yandex.ru

Введение: биометрическими являются системы и способы, основанные на использовании для верификации и идентификации уникальных анатомических и физиологических характеристик организма. Биометрические системы дифференцируются на две разновидности. К первой относится группа технологий, построенных на анализе статических, т. е. неизменяемых образов личности, данных ей от рождения и наблюдаемых окружающими. Ко второй – биометрические программы, построенные на анализе динамических образов личности, отражающих характерные для нее быстрые подсознательные движения.

Статья посвящена динамическим биометрическим системам идентификации, использующим в качестве ключа поведенческие особенности человека, проявляющиеся во время выполнения рукописного текста и работы на клавиатуре.

Материалы и методы: методологию исследования составили положения диалектики как всеобщего метода познания, эмпирико-теоретические общенаучные методы (наблюдение, описание, измерение), логико-теоретические методы (анализ, синтез, индукция, сравнение, исторический метод, системный метод), а также кибернетические и собственно криминалистические методы.

Результаты исследования: в статье рассмотрены анатомические и физиологические особенности опорно-двигательной и нервной системы, являющиеся основой формирования уникальных признаков, используемых при идентификации по рукописному и клавиатурному почерку. Описываются особенности статического и динамического рукописного биометрического распознавания, а также стилометрии. Рассматриваются направления криминалистики, где современные возможности динамической биометрии позволяют наиболее эффективно решать поставленные практические задачи.

Выводы и заключения: черты рукописного и клавиатурного почерка являются индивидуальными для каждого человека, т. к. обусловлены уникальными особенностями строения верхних конечностей, органа зрения, а также особенностями нейропсихологических процессов человека (внимание, память, зрительный гнозис). Использование методов поведенческой биометрии позволяет решить идентификационные и поисковые задачи. Выявленные закономерности могут быть использованы для обеспечения безопасности при идентификации в сервисе, а также в криминалистике – для поиска человека с нужным рукописным или клавиатурным почерком.

Ключевые слова: идентификация, аутентификация, рукописный почерк, клавиатурный почерк, подпись, поперечно-полосатые мышцы, нейрон, синапс, нейромедиатор, нейронные сети, стилометрия, параметр частоты ошибок, идентификационный период.

Для цитирования: Макаров А. Г., Барсуков С. С. Современные возможности и проблемы применения динамических биометрических систем идентификации по рукописному и клавиатурному почерку в криминалистике / А. Г. Макаров, С. С. Барсуков // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информ.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 159–165.

Original paper

MODERN POSSIBILITIES AND PROBLEMS OF USING DYNAMIC BIOMETRIC IDENTIFICATION SYSTEMS BASED ON HANDWRITING AND KEYBOARD HANDWRITING IN CRIMINALISTICS

Makarov Alexey Gennadievich

Regional Children's Clinical Hospital, Rostov-on-Don, Russian Federation

Barsukov Sergey Sergeevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: biometric systems and methods are based on the use of unique anatomical and physiological characteristics of the body for verification and identification. Biometric systems are differentiated into two types. The first includes a group of technologies built on the analysis of static, i.e. unchangeable images of the personality, given to it from birth and observed by others. The second - biometric programs built on the analysis of dynamic images of the personality, reflecting its characteristic rapid subconscious movements.

The article is devoted to dynamic biometric identification systems that use as a key the behavioral characteristics of a person, manifested during the execution of handwriting and work on the keyboard.

Materials and methods: the research methodology consisted of the provisions of dialectics as a general method of cognition, empirical-theoretical general scientific methods (observation, description, measurement), logical-theoretical methods (analysis, synthesis, induction, comparison, historical method, systems method), as well as cybernetic and forensic methods.

Results of the study: the article discusses the anatomical and physiological features of the musculoskeletal and nervous systems, which are the basis for the formation of unique features used in identification by handwritten and keyboard handwriting. The features of static and dynamic handwritten biometric recognition, as well as stylometry, are described. The areas of forensic science are considered, where modern capabilities of dynamic biometrics allow the most effective solution of practical problems.

Findings and conclusions: the features of handwritten and keyboard handwriting are individual for each person, since they are due to the unique structural features of the upper limbs, the organ of vision, as well as the features of human neuropsychological processes (attention, memory, visual gnosis). The use of behavioral biometrics methods allows solving identification and search problems. The identified patterns can be used to ensure security during identification in the service, as well as in forensic science – to search for a person with the desired handwritten or keyboard handwriting.

Keywords: identification, authentication, handwriting, keyboard handwriting, signature, striated muscles, neuron, synapse, neurotransmitter, neural networks, stylometry, error rate parameter, identification period.

For citation: Makarov A. G., Barsukov S. S. Modern possibilities and problems of using dynamic biometric identification systems based on handwriting and keyboard handwriting in criminalistics / A. G. Makarov, S. S. Barsukov // Lawyer-Jurist: scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 159–165.

Современные методы биометрической идентификации принято делить на два основных класса: статистические и динамические. Статические методы используют в качестве идентификатора анатомические и физиологические параметры, присутствующие у всех людей, но уникальные для каждого отдельного человека – сосудистый рисунок сетчатки, узор радужной оболочки глаза, расположение вен на кистях, особенности геометрии лица. Идентификаторами в динамических методах являются уникальные физиологические характеристики неосознанных движений в процессе выполнения тех или иных действий.

Как и при традиционном методе криминалистической идентификации, основой поведенческой биометрией является сравнение выявленной совокупности индивидуальных устойчивых признаков с контрольными образцами, находящимися в базе данных. Среди динамических методов отдельно стоит отметить идентификацию по клавиатурному почерку, по подписи, по голосу [1].

Почерк – индивидуальная графическая техника, реализация которой осуществляется в результате письма. Почерк формируется в результате обучения письму, а также регулярной практики, автоматизм письма вырабатывается обычно к 6–7 классу. Окончательно почерк формируется к 25–30 годам.

Любое действие человека, в том числе выполняемое при помощи мелкой моторики, зависит от согласованности работы опорно-двигательной и нервной системы, а также от особенностей функционирования органов чувств. Сигналы, благодаря которым осуществляется пространственное восприятие, поступают в теменную долю мозга, затем подается команда мышцам, осуществляющим двигательные функции организма. Скелетная мышечная ткань обеспечивает произвольные движения частей тела.

Поперечно-полосатая мышца состоит из множества мышечных волокон (см. рис. 1) [2]. Способность человека к письму и рисованию обеспечивается несколькими группами мышц, которые осуществляют ладонное сгибание и движение пальцев кисти. Общее число задействованных мышц при написании текста составляет около 60, при этом наибольшее значение имеют 10 из них (см. рис. 2).

Сократительную функцию скелетной мышечной ткани контролирует нервная система – иерархически организованная нервная ткань, пронизывающая весь организм и связывающая его в единое целое. Нервная ткань состоит из нейронов и глии. Нейрон – это основной

структурный и функциональный элемент нервной системы. Взаимодействие между нейронами представляет собой передачу нервного возбуждения за счет выработки нейромедиаторов, биологически активных химических веществ. Наиболее распространенные медиаторы относятся к одному из двух типов – возбуждающие и тормозные. Также различают нейромодуляторы, основной функцией которых является изменение восприимчивости нейрона к сигналам.

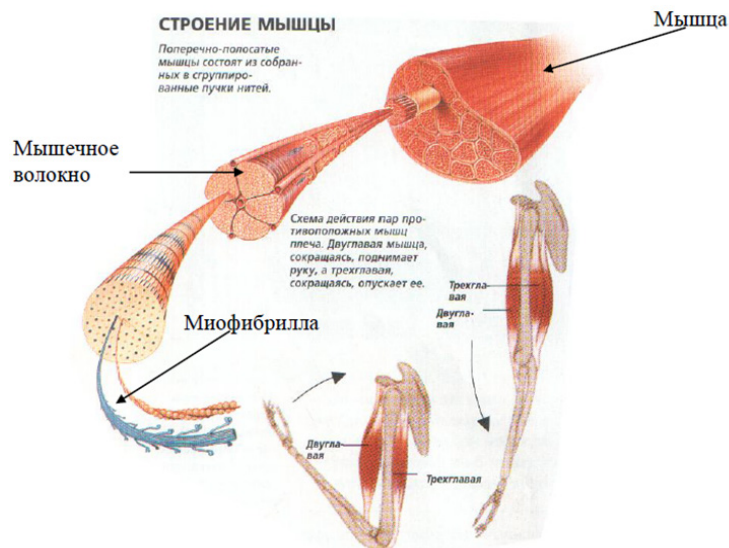

Рис. 1. Строение мышцы

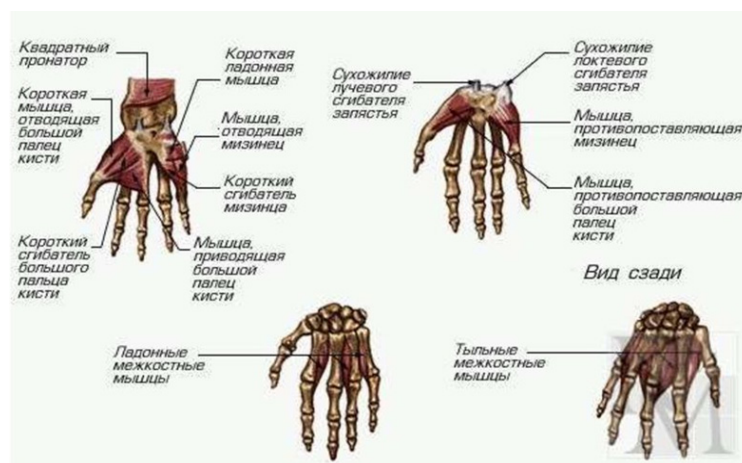

Рис. 2. Мышцы кисти

Благодаря отросткам (аксоны и дендриты) нейроны контактируют друг с другом и образуют нейронные сети, по которым циркулируют нервные импульсы (см. рис. 3) [3]. Место контакта между двумя нейронами или между нейроном и клеткой рабочего органа называется синапсом.

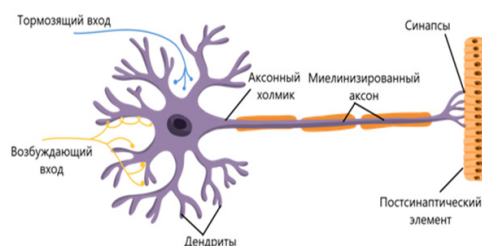

Рис. 3. Строение нейрона и его связь с другими клетками

Нервы подключаются к мышечным волокнам в определенных участках их поверхности. Нервно-мышечный синапс, нервное окончание на скелетном мышечном волокне входит в состав нервно-мышечного веретена – сложного рецептора, который включает в себя нервные отростки и контролирует скорость, степень сокращения и степень растяжения скелетных мышц. В данных синапсах нервный импульс при помощи нейромедиаторов превращается в механическое движение мышечной ткани. Проходящий по нерву импульс высвобождает ацетилхолин, который вызывает сокращение мышц.

Нейроны, используемые вместе, соединяются, образуя нейронные сети. Один нейрон может иметь множественные связи с другими нейронами. Каждый новый поведенческий акт сопровождается формированием новой группы специализированных клеток, которые по большей части будут отвечать за данный поведенческий акт на протяжении всей жизни человека. Когда человек совершает определенные повторяющиеся действия, связь между нейронами становится крепче, и в результате формируется навык. Согласно теории нейропластичности, чем чаще используется сеть, тем прочнее она становится, и тем проще получить к ней доступ.

Таким образом, черты рукописного и клавиатурного почерка являются индивидуальными для каждого человека, т. к. обусловлены уникальными физиологическими и анатомическими особенностями строения руки, органа зрения, а также особенностями нейропсихологических процессов человека, таких как внимание, память, зрительный гнозис. Значение также имеют и условия, в которых осуществлялось обучение письму.

В связи с большей размерностью задач по сравнению с размерностью нашего вычислителя, в процессе обучения приходится прилагать значительные усилия [4]. При этом, когда обучение приводит к выполнению задач на подсознательном уровне, формируется уникальный навык, который сохраняется на длительное время [5].

Рукописным биометрическим распознаванием называют процесс идентификации автора по стилю рукописного ввода. Рукописные биометрические данные подразделяются на два вида в зависимости от способа создания образца: статические и динамические. Для осуществления статического распознавания «off-line» пользователь выполняет подпись либо выполняет запись текста на бумаге. Далее выполняется оцифровка, после чего данные проходят через программный алгоритм, который распознает текст, анализируя его характеристики. Данный метод называется автономным способом распознавания, и основанные на нем системы используются для облегчения работы эксперта путем определения численных параметров отклонения статической подписи от оригинала.

Динамическое распознавание «on-line» выполняется, когда пользователь выполняет запись в цифровом планшете в режиме реального времени, при этом для целей распознавания используются характеристики, которые проявляются при непосредственном написании текста [6]. Динамическая рукописная подпись создается с использованием графического планшета, а в момент ввода подписи происходит считывание значения сигналов по различным каналам (см. рис. 4).

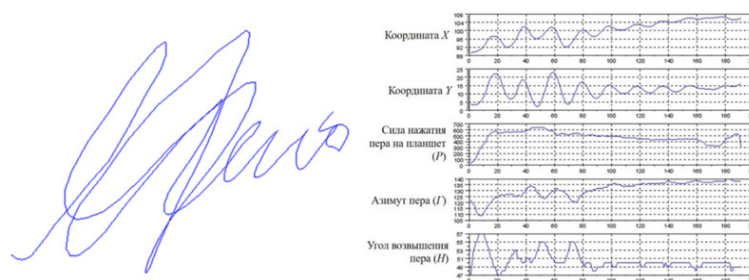

Рис. 4. Изображение динамической рукописной подписи и динамические характеристики [7]

Первые системы распознавания подписей, которые были разработаны еще в 60-х годах, основывались на использовании статических характеристик. В настоящее время активно развиваются системы сбора данных, выполняемых при помощи сенсорных технологий, что обеспечивает интерес именно к динамическим характеристикам. Современные алгоритмы также способны учитывать естественные изменения или дрейфы, которые происходят со временем в подписи человека [8].

Отметим, что в отличие от графического образа подписи, динамические характеристики сложны и уникальны для стиля конкретного человека. Большинство систем, использующих

идентификацию личности по рукописной подписи, строятся именно на анализе динамики написания, при этом статические записи могут успешно дополнять динамические.

В настоящее время существуют методы определения автора текста не только по рукописному почерку, но и по особенностям ввода текста на клавиатуре. Стилometрия – набор динамических характеристик нажатия на клавиши клавиатуры, который включает в себя комплекс подсознательных автоматических действий, характерных для конкретного человека [9].

Наиболее важными из характеристик являются: динамика ввода, скорость набора, скорость ввода, интенсивность нажима, продолжительность и структура задержек и пауз, наличие и частота ошибок при вводе, особенности использования клавиш для печатания определенных знаков, таких как заглавные буквы, скобки и т. д.

Динамика ввода характеризуется временем между нажатием отдельных клавиш и временем их удержания. Скорость ввода – количество введенных символов, разделенное на время печатания. Интенсивность нажима – сила воздействия на клавишу. Характеристики редактирования учитывают, как часто человек ошибается (параметр частоты ошибок), а также каким образом затем редактирует допущенные ошибки, что также является характерным паттерном поведения [10].

При парольной аутентификации осуществляется сравнение клавиатурных почерков, выявляемых при наборе заранее заданной текстовой последовательности, как правило, небольшой длины, в качестве которой может использоваться логин или пароль (парольная фраза). Благодаря непрерывной аутентификации осуществляется постоянный анализ особенностей характеристик работы на клавиатуре, при этом текст, используемый для обучения системы, может быть предварительно сгенерированным или даже произвольным [11].

Клавиатурный почерк является составной частью цифрового почерка, который также включает в себя навигационные привычки, особенности использования компьютерной мыши и тачскрина.

Основным достоинством биометрии по клавиатурному почерку является отсутствие необходимости в применении дорогостоящей аппаратуры. К тому же упомянутые элементы цифрового поведения являются примерами «пассивной» или «тихой» биометрии, т. е. осуществляемая проверка является незаметной для пользователя [12; 13]. Данный вид биометрии обеспечивает высокий уровень безопасности, т. к. поведение человека невозможно скопировать и воссоздать: оно динамично, индивидуально и зависит от целого комплекса скрытых факторов.

Использование методов поведенческой биометрии позволяет решить идентификационные и поисковые задачи. Выявленные закономерности могут быть использованы для обеспечения безопасности при идентификации в сервисе, а также в криминалистике – для поиска человека с определенным почерком.

Системы рукописного биометрического распознавания способны значительно облегчить работу экспертов при проведении почерковедческих экспертиз и исследований.

Для идентификации пользователя сервиса можно использовать не только комбинацию логина и пароля, но и в качестве дополнительной защитной меры – клавиатурный почерк ввода указанных параметров. Контроль клавиатурного почерка также может осуществляться и после проведения авторизации, что может, например, выявить случаи, когда пользователя заставили войти в систему. Использование биометрии клавиатурного почерка также позволяет выявить цифровой автоподлог, когда недобросовестный пользователь инсценирует хищение личной информации третьими лицами.

Как рукописный, так и клавиатурный почерк может претерпевать изменения под влиянием психофизиологических факторов: утомления, старения, а также патологических процессов, к числу которых следует отнести психические расстройства, нарушения зрения, опорно-двигательного аппарата. Размытый характер динамической рукописной подписи может объясняться изменением места и положения тела человека. Причиной изменения клавиатурного почерка и устаревания шаблона может стать приобретенный опыт ввода и использование разных клавиатур, так как особенности взаимодействия с устройствами ввода зависят от их типа, раскладки и т. д.

Отметим, что на сегодняшний день существуют механизмы учета большинства из описанных факторов. Наименее изученными и плохо поддающимися учету факторами остаются особенности психофизиологического состояния человека, например, в вечерние часы происходит снижение средних значений скорости печати, что необходимо учитывать при аутентификации [14].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попов В.В. К вопросу о проведении идентификации по голосу посредством гауссовой модели смеси. Юрист-Правоведъ. № 1(96). 2021.
2. Зверев А.А., Аникина Т.А., Крылова А.В., Зефирова Т.Л. Физиология мышц: учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений. Казань, 2016.
3. Анатомия и физиология центральной нервной системы: учебное пособие / Ф.В. Орлов, Л.П. Романова, Н.Н. Ланцова, В.О. Романов. Саратов, 2018.
4. Томакова Р.А., Насер А.А., Шаталова О.В., Рудакова Е.В. Универсальные сетевые структуры в задачах классификации многомерных данных. Современные наукоемкие технологии. № 8. 2012.
5. Солошенко А.Е., Витовтова О.В., Егоров В.Г. Обзор динамических методов биометрической идентификации личности. Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. № 1(4). 2015.
6. Чапран Дж. Биометрическая идентификация автора: анализ и классификация признаков. Международный журнал распознавания образов и искусственного интеллекта. № 20(4). 2006.
7. Аникин И.В., Анисимова Э.С. Программный комплекс биометрической аутентификации на основе динамической рукописной подписи. Математические методы в технологиях и технике. № 1. 2021.
8. Распознавание подписи. URL: <https://bio-metria.ru/blog/recogn/> (дата обращения: 10.07.2024).
9. Фойгель Е.И. Некоторые возможности использования поведенческой биометрии в расследовании преступлений. Развитие российского общества: вызовы современности. Иркутск, 2021.
10. Guven A., Sogukpinar I. Understanding users' keystroke patterns for computer access security // Computers & Security. 2003. T. 22.
11. Grabham N., White N. Use of a novel keypad biometric for enhanced user identity verification // In: Proceedings of the instrumentation and measurement technology conference proceedings, IEEE. 2008.
12. Behavioural biometrics: Online identification is getting more and more intrusive // The Economist. 2019.
13. Liang Wang, Xin Geng. Behavioural biometrics for human identification: intelligent Application / Wang Liang, Geng Xin. Hershey, 2010.
14. Панфилова И.Е., Карпова Н.Е. Исследование влияния состояния пользователя на качество аутентификации по клавиатурному почерку. Динамика систем, механизмов и машин. № 4. 2021. Т. 9.
15. Варданян А.В. Влияние научно-технического прогресса на модернизацию общетеоретических положений криминалистики // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Ростов-на-Дону, 2019.
16. Брюхомицкий Ю.А. Биометрические технологии идентификации личности: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2017.

REFERENCES

1. Popov V.V. On the issue of voice identification using a Gaussian mixture model. Yurist-Pravoved. № 1(96). 2021.
2. Zverev A.A., Anikina T.A., Krylova A.V., Zefirov T.L. Muscle physiology: a teaching aid for students of higher educational institutions. Kazan, 2016.
3. Anatomy and physiology of the central nervous system: a tutorial / F.V. Orlov, L.P. Romanova, N.N. Lantsova, V.O. Romanov. Saratov, 2018.
4. Tomakova R.A., Naser A.A., Shatalova O.V., Rudakova E.V. Universal network structures in problems of classification of multidimensional data. Modern science-intensive technologies. № 8. 2012.
5. Soloshenko A.E., Vitovtova O.V., Egorov V.G. Review of dynamic methods of biometric identification of a person. Russian science and education today: problems and prospects. № 1(4). 2015.
6. Chapran J. Biometric identification of the author: analysis and classification of features. International journal of pattern recognition and artificial intelligence. № 20(4). 2006.
7. Anikin I.V., Anisimova E.S. Software package of biometric authentication based on a dynamic handwritten signature. Mathematical methods in technology and engineering. № 1. 2021.
8. Signature recognition. URL: <https://bio-metria.ru/blog/recogn/> (date of access: 10.07.2024).

9. Foigel E.I. Some Possibilities of Using Behavioral Biometrics in Crime Investigation. Development of Russian Society: Challenges of Our Time. Irkutsk, 2021.
10. Guven A., Sogukpinar I. Understanding Users' Keystroke Patterns for Computer Access Security // Computers & Security. 2003. Vol. 22.
11. Grabham N., White N. Use of a Novel Keypad Biometric for Enhanced User Identity Verification // In: Proceedings of the Instrumentation and Measurement Technology Conference Proceedings, IEEE. 2008.
12. Behavioural Biometrics: Online Identification is Getting More and More Intrusive // The Economist. 2019.
13. Liang Wang, Xin Geng. Behavioural Biometrics for Human Identification: In-telligent Application / Wang Liang, Geng Xin. Hershey, 2010.
14. Panfilova I.E., Karpova N.E. Study of the influence of the user state on the quality of authentication by keystroke dynamics. Dynamics of systems, mechanisms and machines. № 4. 2021. Vol. 9.
15. Vardanyan A.V. The influence of scientific and technological progress on the modernization of general theoretical provisions of forensic science // Forensic science: current issues of theory and practice. Rostov-on-Don, 2019.
16. Bryukhomitsky Yu.A. Biometric technologies for personal identification: a tutorial. Rostov-on-Don, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Макаров Алексей Геннадьевич, кандидат медицинских наук, врач детский уролог-андролог. Областная детская клиническая больница. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. 339-й Стрелковой Дивизии, 14.

Барсуков Сергей Сергеевич, старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Makarov Aleksey Gennadyevich, PhD in Medical Sciences, pediatric urologist-andrologist. Regional Children's Clinical Hospital. 14, 339th Rifle Division St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Barsukov Sergey Sergeevich, Senior Lecturer, Department of Criminalistics and Operational-Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 4(111). – С. 166–172.
Jurist-Pravoved. 2024. № 4(111). – Pp. 166–172.

Научная статья
УДК 343.326

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ САБОТАЖА КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Максименко Александр Владимирович

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Российская Федерация
mav1202@yandex.ru

Лашенко Роман Александрович

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Российская Федерация
ralbel@mail.ru

Юрченко Владимир Николаевич

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Российская Федерация
urchenko31@mail.ru

Введение: авторами рассмотрены нормы отечественного и иностранного законодательства, устанавливающие уголовно-правовой запрет посягательств на важные для экономики, обороны и жизнеобеспечения населения объекты в подрывных целях. Осуществлен ретроспективный анализ криминализации в России, таких общественно опасных деяний, как диверсия и саботаж. Также с использованием компаративистского метода рассмотрены уголовно-правовые нормы Франции, ФРГ и США об ответственности за аналогичные деяния. Установлено, что действующее законодательство России имеет ряд недостатков в уголовно-правовой охране объектов экономической безопасности и обороноспособности от подрывных посягательств. Авторским коллективом сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-правового механизма противодействия диверсии и саботажа.

Материалы и методы: исследование базируется на ретроспективном и компаративном изучении нормативных правовых актов, регулирующих институт уголовной ответственности за саботаж и диверсию, кроме этого, проанализированы научные публикации по исследуемой проблеме.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило установить основные недостатки действующего законодательства в сфере уголовно-правовой охраны объектов экономической безопасности и обороноспособности от подрывных посягательств и сформулировать конкретные предложения по совершенствованию соответствующих уголовно-правовых норм.

Выводы и заключения: сформулирован вывод о том, что в условиях современных вызовов, связанных в том числе с проведением специальной военной операции, требуется криминализация такой формы диверсионной деятельности как саботаж, для чего необходимо дополнение действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: диверсия, подрывная деятельность, саботаж, объекты экономической безопасности и обороноспособности, совершение взрывов, поджогов, эпидемии, эпизоотии.

Для цитирования: Максименко А. В., Лашенко Р. А., Юрченко В. Н. Криминализация саботажа как одной из форм диверсионной деятельности // А. В. Максименко, Р. А. Лашенко, В. Н. Юрченко // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 166–172.

Original paper

CRIMINALIZATION OF SABOTAGE AS ONE OF THE FORMS OF SABOTAGE ACTIVITY

Maksimenko Alexander Vladimirovich

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russian Federation

Laschenko Roman Alexandrovich

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russian Federation

Yurchenko Vladimir Nikolaevich

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putlin, Belgorod, Russian Federation

Introduction: the authors reviewed the norms of domestic and foreign legislation establishing a criminal-legal ban on attacks on objects important for the economy, defense and life support of the population for subversive purposes. A retrospective analysis of the criminalization in Russia of such socially dangerous acts as sabotage and diversion was carried out. Also, using the comparative method, the criminal-legal norms of France, Germany and the USA on liability for similar acts were considered. It was established that the current legislation of Russia has a number of shortcomings in the criminal-legal protection of objects of economic security and defense capability from subversive attacks. The authors' collective formulated proposals for improving the criminal-legal mechanism for counteracting sabotage and diversion.

Materials and methods: the study is based on a retrospective and comparative study of regulatory legal acts governing the institution of criminal liability for sabotage and subversion; in addition, scientific publications on the problem under study were analyzed.

Results of the study: the study allowed us to identify the main shortcomings of the current legislation in the field of criminal-legal protection of economic security and defense facilities from subversive attacks and formulate specific proposals for improving the relevant criminal-legal norms.

Findings and conclusions: a conclusion was formulated that in the context of modern challenges, including those associated with the conduct of a special military operation, it is necessary to criminalize such a form of subversive activity as sabotage, which requires supplementing the current criminal legislation.

Keywords: sabotage, subversive activity, sabotage, economic security and defense facilities, explosions, arson, epidemics, epizootics.

For citation: Maksimenko A. V., Laschenko R. A., Yurchenko V. N. Criminalization of sabotage as one of the forms of sabotage activity / A. V. Maksimenko, R. A. Laschenko, V. N. Yurchenko // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 166–172.

В связи с проведением специальной военной операции, угрозами актов терроризма и существующей нестабильностью современной международной обстановки обострились и без того актуальные проблемы обеспечения защищенности объектов экономической безопасности и обороноспособности России, в частности уголовно-правовыми средствами.

В настоящее время, с целью ослабить оборонную, экономическую и идеологическую составляющие нашего государства, противник стремится осуществить уничтожение и повреждение инфраструктуры, как военным путем, так и с применением разведывательно-подрывных методов деятельности (повреждение газопровода в Балтийском море, неоднократные обстрелы и повреждения Крымского моста, разрушение зданий сооружений, жилых домов, гибель мирного населения в первую очередь приграничных регионов).

Совершенно очевидно, что такие противоправные деяния требуют надлежащей правовой оценки и привлечения виновных лиц к ответственности, принятия мер по возмещению государству и обществу причиненного ущерба.

В то же время анализ имеющейся правоприменительной практики и доктринальных подходов к уголовно-правовой характеристике диверсии (ст. 281 УК России) свидетельствует о наличии недостатков в законодательной конструкции преступления¹.

Согласно толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, диверсия (от лат. *diversio*-отклонение, отвлечение): 1) акт разрушения или повреждения объектов военного, государственного значения агентами враждебных стран или народными мстителями в тылу оккупантов; 2) военная операция, осуществляемая для отвлечения внимания противника от места, где готовится главный удар².

При этом С.И. Глазырин отмечает, что действующее нормативное определение анализируемого понятия, которое содержится в ст. 281 УК РФ, несколько отличается по содержанию от общепринятого. Как видим, кроме посягательств на важные для экономики или обороны объекты, этот состав преступления учитывает также посягательство на людей [1, с. 168–169].

Как справедливо указывает Д.Г. Лисовский, неоднородность современных форм совершения диверсии проявляется в том, что ст. 281 УК РФ охраняются разнообразные ценности из многих сфер общественных отношений.

¹Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.

²Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006.

Другим важным моментом является окончание преступления. Преступление считается оконченным с момента совершения взрывов, поджогов или других действий, направленных на разрушение или повреждение объектов диверсии, независимо от фактического наступления последствий. Так, например, в результате взрыва в связи со слабой мощностью заряда может вообще не наступить каких-либо заметных последствий, из-за дождя может не загореться подожженное хранилище, или яд, или патоген окажутся неэффективными. То есть, речь идет о формальном или даже усеченном составе преступления [2, с. 2–3].

Предметом рассматриваемого преступления выступают предприятия (заводы, фабрики и т. д.), сооружения (мосты, плотины, электростанции и т. д.), пути и средства сообщения и другие объекты.

Такая конструкция объективной стороны состава диверсии объясняется исторически обусловленной трансформацией соответствующего уголовно-правового запрета, различными общественно-политическими запросами государства в зависимости от того или иного периода его исторического развития. Ретроспективный анализ этой нормы свидетельствует, что изначально под диверсией понимались организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или иным способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и других сооружений или зданий, а также участие в исполнении указанных преступлений (ст. 65 УК РСФСР 1922 г.)³.

Следовательно, предметом этого преступления выступали пути сообщения, средства народной связи, водопроводы, склады, другие сооружения или здания, а момент окончания преступления однозначно связывался с разрушением или повреждением таких важных во время ведения военных действий объектов [3, с. 172].

Киреев М.П. отмечал, что из «контрреволюционного» преступления диверсия трансформировалась в преступление против государства и дополнилась несколькими другими формами: разрушение или повреждение взрывом, поджогом или иным способом предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи или другого государственного или общественного имущества, совершение массовых отравлений или распространение эпидемий и эпизоотий. Уголовная ответственность за преступления диверсионного характера в советский период развития законодательства предусматривалась статьями 58.1, 58.1а-58.1г. и 58.2-58.14 УК РСФСР 1926 года⁴ [4, с. 173].

Впоследствии УК РСФСР 1960 г. содержал уже отдельную статью, предусматривающую ответственность за совершение диверсии (ст. 68 УК РСФСР), где под диверсией понималось совершение с целью ослабления Советского государства взрывов, поджогов или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений, либо другого вреда их здоровью, на разрушение или повреждение предприятий, путей и средств сообщения, средств связи, либо другого государственного или общественного имущества, а равно совершение в тех же целях массовых отравлений или распространение эпидемий и эпизоотий. Наказание за эти преступления предусматривалось суровое – вплоть до смертной казни. Состав диверсии существовал в УК РСФСР до 1994 г. и был исключен Федеральным законом от 1 июля 1994 г. [5, с. 169–170].

Как, справедливо отмечает С.В. Дьяков, до 1996 г. существовала уголовно-правовая норма, устанавливавшая ответственность за диверсию, как совершение действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений или иного вреда их здоровью. Но в настоящее время законодателем указанный состав преступления сформулирован как формальный, в частности общественно опасные последствия таких действий находятся за его пределами, следовательно нуждаются в дополнительной квалификации: по совокупности преступлений – за диверсию и в соответствии с наступившими последствиями за преступления против жизни и здоровья человека, собственности, общественной безопасности и т. д. [6, с. 72].

По мнению В.И. Торговченкова, объективную сторону состава диверсии необходимо определять, как «разрушение или повреждение объекта путем поджога, взрыва или иным способом». Такой подход позволит перейти от формальной конструкции состава преступления к материальной, что в свою очередь решит проблему дополнительной квалификации по совокупности преступлений [7, с. 260].

³Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

⁴Уголовный Кодекс РСФСР ред. 1926 г. с постанейно-систематизированными материалами / сост., отв. ред. С. С. Аскарханов). М., 1927.

Братусин А.Р. отмечает, что под экономической безопасностью государства следует понимать совокупность экономических, политических, военных, научно-технологических и социальных аспектов и факторов, определяющих состояние или уровень национальной безопасности.

Под объектами, имеющими другое значение для обороноспособности государства, следует понимать, в частности, средства массовой информации и другие объекты материального мира, которые в зависимости от конкретного проявления указанного преступления и условий его совершения могут иметь значение для страны (информация, объекты информационной инфраструктуры и т. п.). [8, с. 66].

Исследуя объективную сторону диверсии, М.В. Лобанов отмечает, что противоправные деяния, направленные на подрыв национальной безопасности РФ (непосредственным объектом диверсии является экономическая безопасность и обороноспособность РФ), т. е. на ослабление государства, также могут быть совершены и путем бездействия. В одних случаях диверсия может быть совершена лишь путем активного разрушительного воздействия на предмет преступления, однако, в других случаях, диверсия может быть совершена путем бездействия (когда в механизме совершения преступления используются посторонние силы и процессы как естественного, так и искусственного происхождения, машины и механизмы), а также в случае невыполнения субъектом преступления своих должностных, служебных, профессиональных обязанностей [9, с. 79–81].

Демидов М.А. также отмечает, что уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 281 УК РФ, криминализирует такие посяательства, которые обладают направленностью разрушения или повреждения. В то же время подрывная деятельность может иметь целью не только фактическое уничтожение, но и дезорганизацию, замедление или невозможность работы таких важных объектов, причем даже без физического нарушения их целостности. В этом контексте целесообразно обратиться к понятию «саботаж».

В энциклопедической литературе термин «саботаж» (франц. sabotage, от saboter – стучать деревянными ботинками) определяется так: 1) в широком понимании как скрытое противодействие любым мерам, попытки воспрепятствовать, замедлить или сделать невозможным их осуществление; 2) как одна из форм социального протеста⁵.

Суть саботажа заключается в сознательном невыполнении властных распоряжений или противодействии им.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова «саботаж» означает:

1. Скрытое противодействие исполнению, осуществлению чего-либо.

2. Преднамеренное расстройство или срыв работы при соблюдении видимости ее выполнения.

Характерной чертой саботажа является отсутствие внешних открытых признаков противостояния, проявления протеста, истинных намерений, притворство надлежащего исполнения обязанностей.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. (ст. 58-14) саботаж рассматривался как контрреволюционное преступление, и предусматривалось наказание в виде лишения свободы или смертной казни с конфискацией имущества [10, с. 107–109].

Кондрашин В.В. подчеркивает, что со временем состав «контрреволюционного саботажа» приобрел конкретные признаки, то есть с объективной стороны вредительство являлось преступлением с формальным составом и предусматривало деяние в двух альтернативных формах: 1) использование определенных организаций; 2) противодействие их нормальной работе. Первая форма предполагала проникновение вражеских элементов на соответствующие должности в учреждения, организации, предприятия с последующим использованием их возможностей для реализации преступных целей. Под использованием подразумевались подрывные по своей сути, однако с виду вполне правомерные действия от имени таких предприятий, учреждений, организаций с применением их полномочий и авторитета (затягивание строительства объектов, неправильное планирование, распыление средств и материальных активов, нарушение технологических процессов, несоблюдение проектной документации, выпуск некачественной, нестандартной или некомплектной продукции, заключение убыточных договоров и т. п.).

Вторая форма вредительства отличалась от первой тем, что преступники не использовали возможности государственных или общественных организаций в подрывных целях, а препятствовали их работе, как правило, извне, а не изнутри (выпуск в обращение фальшивых

⁵Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т. Егорова. М., 2014.

денег, коллективное неисполнение определенных обязанностей, например с целью срыва мобилизационных мероприятий, заведомо ложная клевета, направленная на подрыв правосудия, компрометацию органов власти и т. п.) [11, с. 153].

Александров А.С. отмечает, что в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации отсутствует такой состав преступления, как саботаж, хотя уголовными законами некоторых иностранных государств соответствующие общественно опасные деяния криминализированы.

Например, в УК Франции (1992 г.) содержится раздел 4 о саботаже, который в ст. 411-9 определяет указанное общественно опасное деяние как «уничтожение, повреждение или незаконное присвоение какого-либо документа, материала, конструкции, оборудования, установки, аппарата, технического прибора или системы автоматизированной обработки информации или внесения неполадок в их работу, если это деяние способно нанести вред основополагающим интересам нации»⁶.

Как видим, французский законодатель избегает указаний в диспозиции этой нормы на любые важные для государства объекты, однако предоставляет исключительный перечень материальных вещей, которые выступают предметом саботажа и очевидно задействованы в рабочих процессах, происходящих именно на таких критически важных для безопасности государства объектах.

Объективная сторона саботажа по французскому уголовному закону характеризуется активными действиями в четырех альтернативных формах: 1) уничтожение; 2) повреждение; 3) незаконное присвоение; 4) внесение неполадок в работу соответствующих предметов преступления. Статьей 411-9 УК Франции предусмотрен также квалифицированный состав саботажа, где квалифицирующим признаком выступает цель совершения этого преступления и служит интересам иностранного государства, иностранного или находящегося под иностранным контролем, предприятия или организации.

Уголовный кодекс ФРГ (в редакции 1998 г.) в разделе 3 «создание опасности для демократического правового государства» содержит § 87 «Агентурная деятельность с целью саботажа», который во второй части определяет деяния, являющиеся актами саботажа⁷. Если в п. 1 ч. 2 § 87 перечислены деяния, фактически соответствующие составу диверсии, то п. 2 ч. 2 § 87 УК ФРГ относит к актам саботажа «другие деяния, которые мешают или нарушают работу важных для обороны и экономики государства предприятий путем уничтожения, повреждения, удаления, модификации или приведения в негодность вещи, обеспечивающей рабочий процесс, или путем лишения такого процесса необходимой энергии». Очевидным образом прослеживается аналогия форм саботажа с французской нормой (кроме обесточивания объекта), однако, в отличие от последней, немецкий законодатель ограничился унифицированным определением предмета этого преступления, что мы считаем более приемлемым. В § 88 «антиконституционный саботаж» УК ФРГ содержится специальная норма, определяющая состав саботажа, субъективная сторона которого характеризуется умышленными действиями, направленными против стабильности и безопасности ФРГ или против ее конституционных основ.

Свод законов США, также известный как Федеральный уголовный кодекс, в разделе 18 «Преступления и уголовный процесс» содержит главу 105 «Саботаж», которая включает в себя пять соответствующих составов преступлений (§ 2 152–2 156). Особенностью этих норм является то, что они направлены на защиту только военных интересов США⁸.

С объективной стороны саботаж в понимании Федерального уголовного кодекса США характеризуется следующими активными действиями: повреждением или уничтожением любых сооружений, имущества, материалов, подводных мин, торпед, фортификационных сооружений или систем обороны гавани; умышленным нарушением требований президентского акта о прохождении судов или лиц в пределах оборонительных морских районов (§ 2 152); повреждением, уничтожением, загрязнением или заражением любой военной техники, военных объектов или помещений (§ 2 153) а также любого материала, объектов или предприятия национальной обороны (§ 2 155); изготовлением или проектированием дефектных военных материалов, помещений, объектов или любого инструмента, прибора, механизма, оборудования (§ 2 154), либо соответственно материалов, помещений, объектов национальной обороны (§ 2 156). Как видим, законодательство США

⁶Уголовный кодекс Франции от 22 июля 1992 г. / науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крылова. СПб., 2002.

⁷Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии (в ред. от 13 нояб. 1998 г.) / науч. ред. Д.А. Шестаков. СПб., 2003.

⁸Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / Сост. В.И. Лафитский; Под ред. и со вступ. ст. О.А. Жидкова. М., 1993.

также не различает понятий «диверсия» и «саботаж». При этом наиболее приближенными с объективной стороны к сугубо «саботажным», по нашему мнению, являются деяния, которые заключаются в невыполнении нормативных требований и производстве бракованной военной продукции.

Итак, очевидно, что действующее законодательство Российской Федерации имеет определенный пробел в уголовно-правовой охране объектов экономической безопасности и обороноспособности страны от подрывных посягательств, который требует устранения, особенно в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий [12, с. 2–4].

Суммируя результаты ретроспективного и компаративного анализа указанных уголовно-правовых норм, предлагаем дополнить Уголовный кодекс РФ ст. 281.4 «Саботаж», и изложить в следующей редакции:

1. Умышленные действия (бездействие), направленные на дестабилизацию объектов экономической безопасности и обороноспособности страны, а равно деятельности органов государственной власти, организаций, предприятий или иных учреждений с целью ослабления государственной власти, экономики и обороноспособности Российской Федерации, а равно неисполнение указов и распоряжений президента Российской Федерации лицом, исполняющим свои трудовые обязанности, повлекшие причинение существенного вреда охраняемым законом интересам общества и государства.

2. Те же деяния, совершенные в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глазырин С.И. Преступления диверсионной направленности: новый подход в области обеспечения экономической безопасности и обороноспособности российской федерации на современном этапе // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1(40).
2. Лисовский Д.Г. Уголовно-правовая и социальная сущность диверсии // E-Scio. 2022. № 4(67).
3. Канкулов А.Х. Вопросы правоприменительной практики по новым статьям УК Российской Федерации, направленным на противодействие диверсионным акциям // Аграрное и земельное право. 2023. № 3(219).
4. Киреев М.П. О соотношении терроризма и преступлений террористической направленности по Российскому законодательству // Социально-политические науки. 2018.
5. Давитадзе М.Д. Уголовная ответственность за диверсию // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3.
6. Дьков С.В. Государственные преступления (против основ государственного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 2003.
7. Торговченков В.И. Объективная сторона заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Вестник ТГУ. 2012. № 1.
8. Братусин А.Р. Проблема кибертерроризма как многоаспектный феномен технологических и политических реалий современного мира // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60-4.
9. Лобанов М.В. Экономическая безопасность России как основа обеспечения обороноспособности страны // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2010. № 3.
10. Демидов М.А. Предпосылки криминализации саботажа в современной России // Вестник ННГУ. 2018. № 4.
11. Кондрашин В.В. Феномен вредительства в социально-политическом контексте и современном дискурсе гуманитарного знания // НИР. 2017. № 2(19).
12. Александров А.С. Саботаж в современной России как фактор, влияющий на безопасность государства // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 1(36).

REFERENCES

1. Glazyrin S.I. Sabotage-oriented crimes: a new approach in the field of ensuring economic security and defense capability of the Russian Federation at the present stage // Law and order: history, theory, practice. 2024. № 1(40).
2. Lisovsky D.G. Criminal-legal and social essence of sabotage // E-Scio. 2022. № 4(67).
3. Kankulov A.Kh. Issues of law enforcement practice under new articles of the Criminal Code of the Russian Federation aimed at countering sabotage acts // Agrarian and land law. 2023. № 3(219).
4. Kireev M.P. On the relationship between terrorism and terrorist crimes under Russian legislation // Social and political sciences. 2018.
5. Davitadze M.D. Criminal liability for sabotage // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3.
6. Dkov S.V. State crimes (against the foundations of the state system and state security) and state crime. Moscow, 2003.
7. Torgovchenkov V.I. The objective side of a knowingly false report of an act of terrorism // Bulletin of TSU. 2012. № 1.
8. Bratusin A.R. The problem of cyberterrorism as a multifaceted phenomenon of technological and political realities of the modern world // Problems of modern pedagogical education. 2018. № 60-4.
9. Lobanov M.V. Economic security of Russia as the basis for ensuring the country's defense capability // Scientific and analytical journal «Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia». 2010. № 3.
10. Demidov M.A. Prerequisites for the criminalization of sabotage in modern Russia // Bulletin of UNN. 2018. № 4.
11. Kondrashin V.V. The phenomenon of sabotage in the socio-political context and modern discourse of humanitarian knowledge // Research. 2017. № 2(19).
12. Aleksandrov A.S. Sabotage in modern Russia as a factor influencing state security // Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2023. № 1(36).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Максименко Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Лашенко Роман Александрович, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Юрченко Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maksimenko Alexander Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 71, Gorky St., Belgorod 308024 Russian Federation.

Laschenko Roman Alexandrovich, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 71, Gorky St., Belgorod 308024 Russian Federation.

Yurchenko Vladimir Nikolaevich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 71, Gorky St., Belgorod 308024 Russian Federation.

Научная статья
УДК 342.5

РЕАЛИЗАЦИЯ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ МЕР: БАЗОВЫЕ ПОДХОДЫ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Натура Денис Александрович

Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского Университета кооперации,
Краснодар, Российская Федерация
zida@indox.ru

Пилюгина Татьяна Владимировна

Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского Университета кооперации,
Краснодар, Российская Федерация
pilyugina_tv@mail.ru

Введение: настоящая статья посвящена исследованию базовых подходов реализации антикоррупционных мер. Авторы указывают на необходимость совершенствования антикоррупционного законодательства, связанного с регулированием национальной безопасности личности, общества и государства, ибо коррупционность социума сегодня стала одной из основных не только криминальных, но и политических проблем, фактически общегосударственным негативным фактором, подрывающим авторитет власти, разрушая государственность.

Материалы и методы: специфика правового обеспечения антикоррупционных мер противодействия коррупционной преступности изучается посредством анализа, как нормативно-правовых актов, так и работой ученых-юристов и криминологов. В статье нашли применение формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы, а также методы криминологического анализа коррупционной преступности.

Результаты исследования: в статье раскрыты практические составляющие базовых подходов усовершенствования антикоррупционного законодательства, выявлены его пробелы и недостатки.

Выводы и заключения: в рамках корреляционного анализа авторами (с целью усовершенствования мер противодействия коррупции) предложен ряд правовых механизмов, способных повысить эффективность борьбы с коррупционными проявлениями с учетом принципов верховенства закона.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, коррупционная преступность, степени корреляции коррупционной зависимости, меры борьбы с коррупцией.

Для цитирования: Натура Д. А., Пилюгина Т. В. Реализация антикоррупционных мер: базовые подходы и основные проблемы / Д. А. Натура, Т. В. Пилюгина // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 173–178.

Original paper

IMPLEMENTATION OF ANTI-CORRUPTION MEASURES: BASIC APPROACHES AND MAIN PROBLEMS

Natura Denis Alexandrovich

Krasnodar Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, Krasnodar, Russian Federation

Pilyugina Tatyana Vladimirovna

Krasnodar Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: this article is devoted to the study of basic approaches to the implementation of anti-corruption measures. The authors point to the need to improve anti-corruption legislation related to the regulation of national security of the individual, society and the state, since the corruption of society today has become one of the main not only criminal, but also political problems, in fact, a nationwide negative factor that undermines the authority of the authorities, destroying statehood.

Materials and methods: the specifics of the legal support for anti-corruption measures to combat corruption crime are studied through the analysis of both regulatory legal acts and the work of legal scholars and criminologists. The article uses formal legal, comparative legal and statistical methods, as well as methods of criminological analysis of corruption crime.

Results of the study: the article reveals the practical components of the basic approaches to improving anti-corruption legislation, identifies its gaps and shortcomings.

Findings and conclusions: within the framework of the correlation analysis, the authors (with the aim of improving anti-corruption measures) proposed a number of legal mechanisms that can increase the effectiveness of the fight against corruption, taking into account the principles of the rule of law.

Keywords: corruption, anti-corruption policy, corruption crime, degrees of correlation of corruption dependence, measures to combat corruption.

For citation: Natura D. A., Pilyugina T. V. Implementation of anti-corruption measures: basic approaches and main problems / D. A. Natura, T. V. Pilyugina // Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 173–178.

Встречая XXI век, Россия вступает в сложный для нее период трансформации общества, в результате чего старые, ранее скрытые негативные явления, сменяются новыми многочисленными проблемами кризисных ситуаций социального характера. Объяснительных схем здесь много – от антропологических и генетических до социологических и психологических. Наиболее опасной государственной угрозой становится коррупция. В этом случае согласимся с мнением Х.Л. Нальгиевой, которая определяет коррупцию как «один из важнейших факторов, влияющих на функционирование государства в целом» [6].

Безусловно, в борьбе с коррупцией создается серьезная правовая платформа и на федеральном, и на региональном уровне, однако сегодня принятых антикоррупционных мер недостаточно, поскольку испытывается недостаток социокультурной политической модели предотвращения коррупционных рисков и возможности их проявления.

С точки зрения научных суждений, сегодня сложно говорить о понятии коррупции, и единых стандартах построения системы антикоррупционных мер.

Проводя анализ коррупционности общества, со стороны многих ученых и специалистов высказываются различные суждения, вместе с тем все приходят к одному мнению, определяя коррупцию как особо опасное социальное явление с использованием служебного положения для получения личной выгоды со стороны лиц государственного управления и в сфере политики. Говоря о причинах этого социального явления, мы приходим к мнению, что основной причиной является слабость гражданского общества, влекущая за собой неразвитость правового сознания населения, что сказывается на эффективности работы государственных структур в целом.

Авторами высказывается мнение о создании эффективного механизма взаимодействия гражданского общества со структурными подразделениями федеральной и региональной власти. В свою очередь, такой механизм позволяет выделить ряд ключевых инструментов эффективности предупреждения коррупционной преступности.

Во-первых, решение такой глобальной проблемы, как коррупция невозможно без криминологического анализа современной коррупционности и ее прогнозирования для возможности дальнейшего планирования антикоррупционных мер борьбы с этим явлением. Во-вторых, признание открытости ряда органов публичной власти к стремлению учета предложений и положений членов гражданского общества во многом способствует совершенствованию механизма противодействия коррупционности и ограничит чиновников в злоупотреблении своими служебными полномочиями в личных корыстных целях.

Следует отметить и тот факт, что при повышении уровня коррупции, особенно в системе государственного управления, увеличиваются экономические издержки, а это значительно влияет на государственный бюджет страны. Прежде всего страдает социальная сфера, в результате неблагоприятных условий, создаваемых коррупционностью, нарушается баланс социальных функций государства в сфере жизнедеятельности общества.

Проведенный авторами экспресс-анализ коррупционности социума дает возможность оценить ее уголовно-правовую направленность политической составляющей, а результаты такого исследования позволяют сделать ряд выводов.

Несмотря на созданный при Президенте России Совет по противодействию коррупции, принятию пакета антикоррупционных законов и указов, базовым из которых становится Федеральный закон «О противодействии коррупции», криминальные деяния коррупционной направленности не снижаются. Наоборот, судебная и правоохранительная практика зафиксировала увеличение абсолютного уровня коррупционной преступности.

Экспертная оценка изучаемого явления, с учетом конкретных статистических данных Следственного комитета и Генеральной прокуратуры России, дает возможность судить о степени корреляции коррупционной зависимости. Как известно кривая коррупционных преступлений сегодня возросла примерно до 16 % от общего уровня преступности по сравнению с 2022 г. Коэффициент, с учетом всех коррупционных преступлений, зарегистрированных в 2022 г. (около 35 тысяч) составлял 14 % [5].

Безусловно, варьирование коррупционности во всех сфера общества связана с ее структурой. В большинстве случаев уголовные дела связаны со взяточничеством (67 % от общего числа преступлений коррупционной направленности), при этом нами учитывались преступления экономической направленности и преступления с использованием служебного положения (13 %). Сегодня по сравнению с прошлым годом количество преступлений совершенных в крупном и особо крупном размере возросло почти в два раза, и составило порядка двадцати двух тысяч [1].

Казалось бы, риск подвергнуться суровому наказанию не всегда удерживает чиновника, «государственного мужа» от участия в коррупционных схемах. Отметим тенденцию, чем выше положение чиновника в иерархии государственной власти, тем смелее они участвуют в коррупционных схемах.

Последнее время информация о коррумпированности депутатов, представителей власти и должностных лиц муниципалитетов превышает все ожидания общества. Судебная и следственная статистика связывает их с криминальными структурами. Вопрос напрашивается сам собой. Каким лицам доверило общество свое благополучие? Как они, не затрагивая своих интересов, будут решать основные вопросы жизнедеятельности государства и общества, справедливого правосудия, если сами становятся коррупционерами? Особую обеспокоенность вызывают государственные служащие, которые сами признаны бороться с коррупцией. «По версии следствия в 2022 г. бывший начальник Управления по противодействию коррупции ФТС России Дмитрий Мурышов, путем коррупционной схемы используя свое положение, стал особым коррупционером. Феномен коррупционности связан с его организованностью» [2]. А сколько еще сегодня таких высокопрофессиональных групп, с достаточным уровнем образования и опыта, имеющих доступ к властным полномочиям и личную заинтересованность для получения выгоды?

Психология общества, социальные факторы в значительной степени будут влиять на динамику роста коррупционности, отсюда причинно-следственная связь – зависимость криминогенного характера, учитывая взаимодействие среды и личности. В этом ракурсе следует учитывать и определенный временной период.

Сегодня мы находимся в таком состоянии, в таком временном периоде риска и нестабильности, когда важной мерой антикоррупционной политики становится «зависимость от нравственно-политического климата в обществе, а его базовым ориентиром становится комплекс социально-экономических, политических, воспитательных и правовых мер» [8].

В рамках исследования актуализации выбранной темы следует признать своевременность принятого государством антикоррупционного законодательства, связанного с мерами борьбы с коррупцией, с четко сформулированными в нем стратегическими задачами антикоррупционной политики по формированию механизма взаимодействия государственных структур с институтами гражданского общества.

Несмотря на это, основным катализатором всех социальных процессов, происходящих в обществе, выступает разновидность социально-экономической пространственной системы. В данном случае коррумпированность создает опасность не только национальной безопасности, но и мешает механизму функционирования жизнедеятельности социума, снижая эффективность промышленного сектора, побуждая расцвет теневого сектора, что нередко связано с использованием лиц находящихся на государственных должностях криминальными структурами по причине некорректной работы институтов власти. В целях предотвращения такого бюрократического механизма в сфере экономики предлагается внедрение независимого аудита финансовых и экономических вопросов, выявления и оценки коррупции при распределении государственных средств. Такой подход позволит снизить уровень коррупционной составляющей, лишая чиновников личной заинтересованности.

Выход видится в решении со стороны государства вопросов, связанных с формированием правового механизма антикоррупционной кадровой политики. На наш взгляд, прозрачность законотворческой деятельности позволит выявить неточности и пробелы уголовного законодательства.

Оценка правового поля антикоррупционной деятельности акцентирует внимание на большое количество пробелов и недочетов понятийного аппарата системы сдержек и противовесов, что характеризует доминирование исполнительной власти.

Со стороны авторов возникает вопрос, как можно контролировать конституционные институты, если инструмент общественного контроля работает недостаточно? Не обращать внимания на усиление коррупционности общества сегодня невозможно.

Двойственность правового поля отечественного законодательства в сфере антикоррупционной деятельности сегодня как никогда нуждается в изменении институализации государственной власти [7], и это подтверждают принятые в рамках антикоррупционной реформы стратегические решения, раскрывающие ряд системных и прикладных аспектов [12].

Заметим, сегодня в российском законодательстве понятие «коррупция» настолько уязвимо, что допускает множество трактовок. Законодательные недоработки точности понятийного аппарата позволяют правоохранительным органам самим выбирать «виновных», усложняя процедуру уголовного разбирательства.

Такой «профильный» недостаток антикоррупционного законодательства, в частности закона «О противодействии коррупции», как неточное определение виновности сторон коррупционных преступлений на практике позволяет выстраивать деятельность по пресечению коррупционности только по негласным правилам, особенно относительно взятки. Трактуя федеральное законодательство, коррупцию следует рассматривать более широко, ведь практически в каждом коррупционном случае это «получение выгоды от незаконного использования должностного положения» [10].

Таким образом, неверная оценка правовых норм, вызванная отсутствием конкретизации понятия коррупции в статьях 290–290.1 УК РФ, подрывает «устойчивость долгосрочных результатов текущей комплексной российской антикоррупционной реформы» [9].

Также есть определенные вопросы к пониманию такого явления, как лоббирование. Принятые нормативные акты не дают четкой правовой основы и не раскрывают сути для выявления и пресечения этих процессов, а отсутствие «независимого политического контроля, связанного с механизмом поддержки заявителей о коррупции, способствует использованию «политическими элитами» пробелов законодательства в своих интересах» [4].

Не секрет, что сегодня представители антикоррупционного комитета становятся фигурантами уголовных дел. Именно формирование правового механизма на высоком политическом уровне, по нашему мнению, обеспечит преодоление «традиционной» бюрократической культуры в высших эшелонах власти, и позволит, частично, решить проблему мотивационного побуждения к обогащению, при использовании особого статуса.

Безусловно, для решения этой проблемы необходимо развитие целостной системы антикоррупционного мониторинга в рамках прозрачности разработки и применения, принятых антикоррупционных нормативных актов, где в первую очередь должны отмечаться вопросы результативности механизмов взаимодействия общества и государства в борьбе с коррупцией.

При таких обстоятельствах возникает вопрос, как социально-ориентированная деятельность институтов гражданского общества будет использоваться в реализации антикоррупционных мероприятий.

Краеугольным камнем здесь выступает прозрачная кадровая политика государства в сфере публичной власти и муниципального управления. Введение антикоррупционных стандартов для соответствующих областей деятельности, их результативность целевых функций с установлением системы запретов и ограничений для должностных лиц, значительно минимизирует мотивацию к осуществлению коррупционной деятельности, что, в свою очередь, позволит обеспечить прозрачность деятельности публичной власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аналитический сборник: Генеральная прокуратура Российской Федерации 2023. URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 07.10.2024).
2. Бастрыкин А.И. В условиях проведения СВО общество особенно остро реагирует на коррупцию чиновников // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/07/24/sleduet-schitat.html> (дата обращения: 07.10.2024).
3. Малько А.В., Субочев В.В. Лоббизм: проблемы правового регулирования. Пятигорск, 2003.
4. Материалы Главного Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1593284/> (дата обращения: 07.10.2024).
5. Нальгиева Х.Л. Проблемы реализации антикоррупционной политики в России // *Endless light in science. Экономические науки*. 2022. № 5.
6. Пилюгина Т.В., Натура Д.А. Использование метода математического моделирования при прогнозировании региональной преступности в вопросах ее предупреждения // *Всероссийский криминологический журнал* 2017. № 4. Т.11.
7. Пилюгина Т.В., Тараканова Л.А. Правовой анализ эффективности взаимодействия общества и государств в сфере предупреждения коррупции // *Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции*. Чебоксары, 2022.
8. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы / отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2016.
9. Румянцева Е.Е. Пробелы российского антикоррупционного законодательства и негласные правила борьбы с коррупцией // *Мониторинг общественного мнения // Экономические и социальные перемены*. 2017. № 3.
10. Шевердяев С.Н. Концептуальные пробелы в системе российского антикоррупционного законодательства // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2020. № 1.

REFERENCES

1. Analytical collection: Prosecutor General's Office of the Russian Federation 2023. URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (date of access: 07.10.2024).
2. Bastrykin A.I. In the context of the internal investigation, society reacts especially sharply to corruption of officials // *Rossiyskaya Gazeta*. URL: <https://rg.ru/2024/07/24/sleduet-schitat.html> (date of access: 07.10.2024).
3. Malko A.V., Subochev V.V. Lobbying: problems of legal regulation. Pyatigorsk, 2003.
4. Materials of the Main Investigative Committee of the Russian Federation. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1593284/> (date of access: 07.10.2024).
5. Nal'gieva H.L. Problems of implementing anti-corruption policy in Russia // *Endless light in science. Economic sciences*. 2022. № 5.
6. Pilyugina TV, Natura DA Using the method of mathematical modeling in forecasting regional crime in matters of its prevention // *All-Russian Criminological Journal* 2017. № 4. Vol. 11.
7. Pilyugina TV, Tarakanova LA Legal analysis of the effectiveness of interaction between society and states in the field of corruption prevention // *Collection of materials of the IV All-Russian scientific and practical conference*. Cheboksary, 2022.
8. Combating corruption: constitutional and legal approaches / ed. S.A. Avakyan. Moscow, 2016.
9. Rumyantseva EE Gaps in Russian anti-corruption legislation and unspoken rules for the fight against corruption // *Monitoring public opinion // Economic and social changes*. 2017. № 3.
10. Sheverdyayev S.N. Conceptual gaps in the system of Russian anti-corruption legislation // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2020. №1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Натура Денис Александрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Юриспруденции. Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского Университета кооперации. 350015, Российская Федерация. Краснодар, ул. Митрофана Седина, 168/1.

Пилюгина Татьяна Владимировна, доцент кафедры юриспруденции. Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского Университета кооперации. 350015, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Митрофана Седина, 168/1.
ORCID: 0000-0003-4521-3141

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natura Denis Alexandrovich, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Jurisprudence. Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation. 168/1, Mitrofana Sedina St., Krasnodar 350015 Russian Federation.

Pilyugina Tatyana Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Jurisprudence. Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation. 168/1, Mitrofana Sedina St., Krasnodar 350015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Пахомова Елена Валерьевна

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
ele-pakhomo@yandex.ru

Введение: статья посвящена исследованию способов совершения преступлений в сфере долевого строительства, как одно из условий, определяющих тактику расследования уголовных дел данной категории.

Материалы и методы: в статье использованы метод анализа, познания, логико-теоретический, описательный и другие методы.

Результаты исследования: установлено, что сложность расследования этих преступлений вызывает доказывание прямого умысла лиц, участвующих в преступных схемах, что обусловлено отсутствием явно выраженных противоправных действий встроенных в гражданско-правовые отношения.

Выводы и заключения: в целях эффективного расследования мошенничеств в сфере долевого строительства рекомендована линейная специализация сотрудников следственных и оперативных подразделений ОВД и повышение квалификации сотрудников органов предварительного расследования по программам, соответствующих объектно-отраслевой специализации.

Ключевые слова: доленое строительство, участие, способ, преступление, застройщик, следователь, договор, правоотношения.

Для цитирования: Пахомова Е. В. Актуальные вопросы расследования преступлений, совершенных в сфере долевого строительства / Е. В. Пахомова // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 179–183.

Original paper

TOPICAL ISSUES OF INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF SHARED CONSTRUCTION

Pakhomova Elena Valeryevna

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the study of the methods of committing crimes in the field of shared construction, as one of the conditions determining the tactics of investigating criminal cases of this category.

Materials and methods: the article uses the method of analysis, cognition, logical-theoretical, descriptive and other methods.

Results of the study: it was found that the complexity of investigating these crimes causes proof of direct intent of persons participating in criminal schemes, which is due to the absence of clearly expressed illegal actions built into civil law relations.

Findings and conclusions: in order to effectively investigate fraud in the field of shared construction, linear specialization of employees of investigative and operational units of the Internal Affairs Directorate and advanced training of employees of preliminary investigation bodies under programs corresponding to object-industry specialization are recommended.

Keywords: shared construction, participation, method, crime, developer, investigator, contract, legal relations.

For citation: Pakhomova E. V. Topical issues of investigation of crimes committed in the sphere of shared construction / E. V. Pakhomova // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 179–183.

Для выявления преступлений в сфере долевого строительства значение приобретает установление способа совершения преступления, который в сочетании с выбором используемых средств указывает на определенный порядок, метод, последовательность

приемов и действий, применяемых лицом в процессе совершения преступления [1].

Уже на первоначальном этапе расследования, чтобы спланировать производство следственных действий, с помощью которых будет обеспечиваться процесс доказывания, следователь должен понимать, каким способом совершено преступление. Установление способа совершения преступления непосредственно влияет на оперативность и последовательность действий, направленных на установление истины по делу, определяет организационно-тактическую особенность расследования преступления.

Эффективность расследования таких преступлений зависит от того, насколько следователь владеет инициативой и способен упреждать действия виновных по противодействию установлению истины. Верная тактика расследования преступлений включает механизмы, позволяющие не допустить уничтожения доказательств, пресечь попытки введения в заблуждение о якобы безобидной сделке, основанной на нормах гражданского законодательства.

Определению способа совершения преступления способствуют знания о следах, которые указывают на преступное деяние. Чаще всего к таким следам относятся сведения из средств массовой информации с рекламой о возможности получения жилья на выгодных условиях для дольщиков. Их получению существенное значение может оказать взаимодействие на первоначальном этапе расследования с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Способ, проявляющийся в материальных следах, является важным источником информации о лицах, совершивших преступление, которые, достигнув определенных успехов в мошеннических схемах, как правило, не меняют свою традиционную процедуру, действуют по инерции. Именно способ совершения преступления позволяет правильно ориентироваться в поиске преступника.

Для преступлений в сфере долевого строительства важным является выполнение тех следственных действий, которые, с одной стороны состоят в выявлении конкретных лиц их совершивших, а с другой – создают информационную базу для дальнейшего хода предварительного расследования.

Ключевым моментом в расследовании данной категории уголовных дел является определение алгоритма действий следователя на первоначальном этапе, который формируется с учетом выявленных и зафиксированных следов преступления, свидетельствующих о совершении преступления установленным способом.

Рассматривая типичные способы совершения преступления при строительстве многоквартирных домов, следует учитывать, что их перечень достаточно обширен. Часто препятствием на ввод в эксплуатацию служат нарушения в части проектно-сметной документации, устанавливающей право на земельные участки, начало выполнения строительных работ без заключения экологической экспертизы.

При строительстве многоквартирных домов недобросовестность застройщика может найти проявление, как в полном, так и частичном выполнении договорных отношений, невыполнении их вообще либо выполнении их ненадлежащим образом.

О недобросовестности застройщика может свидетельствовать:

- 1) распространение ложной информации об участии в строительстве известных компаний, положительно зарекомендовавших себя на рынке строительства с целью получения денежных средств граждан путем создания видимости надежности застройщика;
- 2) заключение агентских договоров по привлечению денежных средств граждан заведомо без намерения выполнения обязательств;
- 3) взимание с дольщиков определенных сумм, но неполное отражение их в бухгалтерских документах и обналичивание части средств на счетах подставных фирм;
- 4) завышение смет на строительные работы, их переутверждение задним числом, оформление фиктивных актов.

Первым таким признаком является броская реклама. Обращение к статусности покупателя очень важный фактор, наряду с которым используются неконкретные, но эмоциональные обещания, цель которых усыпить бдительность и побудить интерес к заключению договора. Обычно в ней отсутствует указание о цене, а имеется лишь общая ссылка на дешевизну.

Однако рекламу следует рассматривать во взаимосвязи с другими данными. Необходимо сравнивать данные о рекламе в конкретном районе и наличии документов, позволяющих строительство. Встречаются ситуации, когда при наличии рекламы отсутствует разрешение на строительство. Это указывает на наличие умысла.

Другим признаком, указывающим на недобросовестность, является договор, которым оформляется сделка. На наличие умысла может указывать мелкий шрифт в условиях договора, слишком абстрактные обязательства застройщика и иные противоречия в условиях договора. Необходимо обращать внимание на наличие свидетельства о допуске строительных работ и компетентность организации, осуществляющей такой допуск. Помимо этого существуют и другие требования, обеспечивающие качество выполняемых работ.

Анализ договоров, заключенных лицами, участвующими в долевом строительстве, в совокупности с правоустанавливающими и финансовыми документами, позволяет сделать вывод о том, имело ли место преступление либо это гражданская сделка, оформленная с ошибками. Отдельные следы, оставленные на месте совершения преступления, позволяют указать не только на способ совершения преступления, но и наличие умысла. Так, сопоставление договора и оферты, содержащихся в рекламе, позволяет сделать вывод о наличии умысла введения в заблуждение дольщиков. Это связано с тем, что долевое строительство жилья является умышленным преступлением, а потому виновный заблаговременно готовился к его совершению.

Знание способа совершения преступления поможет определить время подготовки преступления, что важно для определения недостающей информации. На основе этих знаний можно определить круг людей, с которыми виновный делится информацией, имеющей значение для дела.

Как правило, преступления в сфере долевого строительства совершаются в соучастии и по заранее продуманному плану. Причем совершаются такие преступления в группах. Проблема состоит в том, чтобы изобличить всех виновных. Часто доказать это бывает невозможно, поскольку другие участники пытаются скрыть следы преступления и, противодействуя следствию, скрывают либо предоставляют недостоверную информацию. В практической деятельности следователям достаточно часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда за виновников выдаются лица, не причастные к преступлению. Это своего рода «стрелочники», подготовка которых начинается еще на стадии приготовления к преступлению. Однако о том, что им отводится основная роль в преступлении, они могут быть не осведомлены. Такие люди, как правило, не обладают знаниями и умениями, но их назначают на должности с властно-распорядительными функциями, доверяя проведение сомнительных и фиктивных операций. В свою очередь, компетентные лица, выступающие организаторами обмана участников долевого строительства, пытаются предстать перед следователем и судом в роли лица, обманутого третьей стороной.

Способ совершения преступления в долевом строительстве построен на нарушениях осуществления строительной деятельности. Это представляет собой сложную систему действий, направленную на достижение цели – обмана участников долевого строительства. Как правило, осуществляется это путем внесения изменений в обычный порядок совершения процедуры строительства и ввода домов в эксплуатацию, что на первый взгляд соответствует закону и не вызывает сомнений у потенциальной жертвы, однако, серьезно искажает суть действий.

Начальный этап расследования характеризуется тем, что возникает необходимость привлечения специалиста в сфере строительства и бухучета [2, с. 146]. Это необходимо для изъятия наиболее значимых документов и определения круга лиц, которые могут сообщить сведения, важные с точки зрения способа совершения преступления.

Установление способа совершения преступления позволяет определиться с тактикой дальнейшего расследования. При этом заметим, что большой объем следственных и процессуальных действий, обусловленный тактикой одновременного их выполнения, предопределяет расследование преступлений следственной группой.

В рамках установления способа совершения преступления выделяют действия по подготовке к преступлению. На начальном этапе является знание типовых способов данных преступлений. Эти знания носят методологический характер, поскольку помогают организовать и провести предварительное расследование. На их основе следователю необходимо оценить следственную ситуацию, определиться с первоначальными следственными действиями, выработать алгоритм действий.

Основными способами служит: подделка документов, которая создает видимость правомерности сделки и уничтожение документов, свидетельствующих о противоправности сделки.

В способе совершения рассматриваемого вида преступления можно выделить пять элементов, указывающих на противоправность действий при осуществлении деятельности в сфере долевого строительства:

- 1) с частичным выполнением строительных работ;
- 2) с выполнением строительных работ в полном объеме, но ненадлежащего качества;
- 3) с выполнением строительных работ в полном объеме, но без ввода объекта в эксплуатацию;
- 4) без фактически выполненных строительных работ;
- 5) без фактического выполнения строительных работ с возвращением денежных средств определенным дольщикам.

Особенность первой категории – застройщик выполняет только часть работ, которые входят только в план действий, связанный с приготовлением и сокрытием преступления. Сложность представляет доказывание виновности в сокрытии преступления. Данная деятельность сложная в отыскании и фиксации доказательственной информации. Основными доводами преступников служат: смена подрядчиков, инфляция и удорожание стройматериалов и т. д. Следовательно, чтобы проверить все версии, необходимо установить всю цепочку действий, начиная с подачи разрешительных документов на строительство. Важным элементом является установление внесения корректив в проектно-сметные или разрешительные документы с целью выявления:

- работ, выполненных в неполном объеме, с включением не производившихся строительных работ;
- осуществления строительных работ с нарушениями проектно-сметной документации относительно размерных характеристик объекта;
- подписания фиктивных договоров и актов-приемки выполненных работ, действующих в сговоре с подрядчиками;
- возведения объекта несоответствующим характеристикам;
- привлечения денежных средств посредством заключения договоров инвестирования;
- продажи одного объекта нескольким лицам;
- имитации проведения строительных работ без их реального выполнения либо введение в заблуждение иным образом [3, с. 95].

Вторая категория менее распространена. Этот случай возникает по вине подрядчика, который непосредственно участвует в возведении объекта капитального строительства, если имеет место выполнение работ не соответствующего качества. Основным доказательством этого случая является судебно-строительная экспертиза.

Третья категория. Для нее характерен готовый объект, но не введенный в эксплуатацию. Эти причины могут быть как по вине застройщика, так и контролирующей организации, ответственной за ввод. Причины, по которым контролирующая организация не допустила ввод в эксплуатацию:

- отсутствие денежных средств у организации;
- отсутствие подключенных коммуникаций;
- нецелевое расходование денежных средств.

Последние две группы отличаются тем, что застройщик не собирался приступать к строительству. В данном случае доказывание сводится к объекту капитального строительства и к выполнению некоторых строительных работ. Речь идет только о возврате полной суммы денежных средств или части денежных средств участникам долевого строительства.

Характерной особенностью преступлений в сфере долевого строительства является скрытый способ совершения преступления, заключающийся в создании видимости благополучия организации. Для получения прибыли осуществляются повторяющиеся операции: получение денежных средств от дольщиков, уступка права требования.

Из-за меняющегося характера преступной деятельности и роли участников уголовного судопроизводства, расследование может быть более сложным, чем изначально планировалось. Ведь для сокрытия преступления виновные лица используют разнообразные действия, обычно таковыми являются:

- убеждение потерпевших в объективности причин;
- сложность в проведении операций;
- поиск новых подрядчиков тем, которые не исполняют обязательств;
- создание несуществующей документации, компьютерной техники;
- объявление организации банкротом;
- выезд организаторов за пределы Российской Федерации и др.

Перечень таких действий разнообразен и зависит от конкретной следственной ситуации, определяемой способом совершения преступления.

Судебно-следственная практика подтверждает особую сложность расследования преступлений в сфере долевого строительства, что связано с большими количеством потерпевших и объемом производства следственных действий, а также доказыванием прямого умысла, направленного на совершение преступления всех лиц, участвующих в нем. Специфика расследования уголовных дел данной категории требует от следователя знаний не только уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и правового регламента строительных работ, норм гражданского права и процесса, позволяющих выявить преступные схемы, тщательно встроенные в гражданские правоотношения. Установление способа совершения преступления в сфере долевого строительства позволяет определить алгоритм расследования уголовного дела, особая роль в котором отводится специальным познаниям.

Таким образом, коэффициент эффективности среди следователей, занимающихся расследованием мошенничеств в сфере долевого строительства, выше при линейной специализации сотрудников следственных и оперативных подразделений ОВД. Узкая специализация выявления и расследования преступлений позволяет совершенствовать опыт за счет полученного навыка предыдущих расследований. В связи с этим следует обратить внимание на повышение квалификации сотрудников органов предварительного расследования по программам, соответствующих их объектно-отраслевой специализации, которые могут быть разработаны и реализованы с учетом запроса правоприменителя в профильных высших учебных заведениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, 1982.
2. Подольный Н.А. Разумный срок получения заключения эксперта: проблемы законодательного определения и практики применения ст. 144 УПК РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1(49).
3. Крюченко М.С. Организация расследования преступлений в сфере строительства многоквартирных домов: дис... канд. юрид. наук. М., 2020.

REFERENCES

1. Panov N.I. Method of committing a crime and criminal liability. Kharkov, 1982.
2. Podolny N.A. Reasonable time for obtaining an expert opinion: problems of legislative definition and practice of applying Art. 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1(49).
3. Kryuchenko M.S. Organization of investigation of crimes in the field of construction of apartment buildings: diss... PhD in Law. Moscow, 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пахомова Елена Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса. Краснодарский университет МВД России. 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Pakhomova Elena Valeryevna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.985

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЧЛЕНАМИ МОЛОДЕЖНЫХ НЕФОРМАЛЬНЫХ ГРУППИРОВОК

Подольный Николай Александрович

Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Казань, Российская Федерация
ipk-saransk@yandex.ru

Введение: выявление, раскрытие и расследование конкретного преступления, совершенного членами молодежной неформальной группировки, далеко не всегда приводит к спаду криминальной активности этой группировки и ее членов. Несмотря на то, что за совершение одного преступления привлекаются к уголовной ответственности виновные в нем члены молодежной неформальной группировки, в это же время другие ее члены могут совершать аналогичное преступление. То есть, само по себе раскрытие и расследование конкретного преступления не предупреждает совершение других преступлений членами той же группировки. Поэтому важным является то, чтобы предпринимались со стороны следователя и лиц, которые оказывают ему помощь в расследовании, меры по криминалистической профилактике преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных группировок.

Материалы и методы: в исследовании, которое было положено в основу данной статьи, применялся комплекс таких методов, как диалектический метод, метод анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии. Также были использованы специальные методы: ситуационный метод и системно-деятельностный метод.

Результаты исследования: сложность расследования преступлений, совершенных членами молодежных неформальных группировок, состоит в том, что криминальная активность названных группировок не прекращается даже когда уже идет расследование совершенных преступлений. Параллельно этому расследованию другие члены той же группировки часто совершают аналогичные преступления. Поэтому одной из задач, которая встает перед следователем, является проведение профилактических мероприятий, благодаря которым можно было бы подавить криминальную активность названных группировок и их членов. Практика показывает, что целесообразно, чтобы избираемая следователем тактика преследовала не только цель установления обстоятельств совершения преступления, но и предупреждения совершения новых преступлений.

Выводы и заключения: решение проблем криминалистической профилактики возможно при условии того, что уже на момент планирования расследования следователь будет избирать те или иные процессуальные действия не только, исходя из их пользы для установления обстоятельств совершения преступления, но и пользы для предупреждения новых преступлений. Также важным является то, чтобы в число рекомендаций, содержащихся в соответствующих криминалистических методиках расследования преступлений, совершенных членами молодежных неформальных группировок, входили рекомендации по криминалистической профилактике новых преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая профилактика, расследование, методика расследования, молодежные неформальные группировки, процессуальные действия, тактический прием.

Для цитирования: Подольный Н. А. Криминалистическая профилактика как элемент методики расследования преступлений, совершенных членами молодежных неформальных группировок / Н. А. Подольный // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 184–192.

Original paper

FORENSIC PREVENTION AS AN ELEMENT OF THE METHODOLOGY FOR INVESTIGATING CRIMES COMMITTED BY MEMBERS OF INFORMAL YOUTH GROUPS

Podolnyy Nikolai Alexandrovich

Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Kazan, Russian Federation

Introduction: the detection, disclosure and investigation of a specific crime committed by members of an informal youth group does not always lead to a decline in the criminal activity of this group and its members. Despite the fact that the members of an informal youth group who are guilty of committing one crime are brought to criminal responsibility, at the same time other members of the group may commit a similar crime. That is, the disclosure and investigation of a specific crime in itself does not prevent the commission of other crimes by members of the same group. Therefore, it is important that the investigator and the persons who assist him in the investigation take measures for the forensic prevention of crimes committed by members of informal youth groups.

Materials and methods: the study, which was the basis of this article, used a set of methods such as the dialectical method, the method of analysis and synthesis, induction and deduction, analogy. Special methods were also used: the situational method and the system-activity method.

Results of the study: the complexity of investigating crimes committed by members of informal youth groups is that the criminal activity of these groups does not stop even when the investigation of the crimes committed is underway. In parallel with this investigation, other members of the same group often commit similar crimes. Therefore, one of the tasks that the investigator faces is to carry out preventive measures, thanks to which it would be possible to suppress the criminal activity of these groups and their members. Practice shows that it is advisable for the tactics chosen by the investigator to pursue not only the goal of establishing the circumstances of the crime, but also the prevention of new crimes.

Findings and conclusion: the solution to the problems of forensic prevention is possible provided that already at the time of planning the investigation, the investigator will select certain procedural actions not only based on their usefulness in establishing the circumstances of the crime, but also the usefulness in preventing new crimes. It is also important that the recommendations contained in the relevant forensic methods of investigating crimes committed by members of informal youth groups include recommendations for forensic prevention of new crimes.

Keywords: forensic prevention, investigation, investigation methodology, informal youth groups, procedural actions, tactical technique.

For citation: Podolny N. A. Forensic prevention as an element of the methodology for investigating crimes committed by members of informal youth groups / N. A. Podolny // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 184–192.

Молодежная организованная преступность представляет особую опасность для общества и государства в силу разных причин. Они выделяются своей повышенной опасностью от иных видов преступности. Среди признаков, повышающих ее общественную опасность, является ее массовость (она способна охватывать значительное число молодых людей), ориентированность на совершение не одного, а целого ряда преступлений, дерзость при их совершении. Примечательно также и то, что для молодежной организованной преступности совершение преступления само становится элементом поведения, которое одобряется соответствующими молодежными преступными группировками. Более того, преступление возводится в ранг значимого элемента соответствующей субкультуры, что особенно опасно для общества, поскольку тем самым ставятся под угрозу его традиционные ценности. Также особенностью молодежной организованной преступности является то, что совершаемые преступления являются часто импульсивными, результатом недостаточно обдуманной, эмоциональной реакции на определенные социальные события или действия иных лиц [6, с. 10–11]. Проявлением этой особенности является реакция молодежных преступных группировок на проводимое расследование. Они достаточно активно противодействуют проводимому расследованию, создавая серьезные сложности в установлении обстоятельств совершения преступления.

Следует отметить, что членами молодежных преступных группировок являются не только несовершеннолетние, но и лица достигшие совершеннолетия, но продолжающие испытывать трудности социализации, адаптации в общество взрослых людей. Достижение возраста 18 лет вовсе не обозначает, что снимаются сразу все проблемы социальной адаптации, свойственные несовершеннолетним. Даже возросший интеллект не влечет за собой решение всех этих проблем [5, 149–156]. Это отображается и на организованной преступности, видом которой правильнее было бы считать молодежную организованную преступность, а не организованную преступность несовершеннолетних. Тем более что часто названные преступные группы характеризуются наличием в них, как лиц в возрасте до 18 лет, так и лиц свыше этого возраста. В связи с этим, более предпочтительным в исследовании названного негативного социального явления говорить о молодежной организованной преступности. Это позволяет охватывать все группировки, в которых имеются, как несовершеннолетние,

так и члены, достигшие возраста 18 лет. Возраст должен ограничиваться 30 годами. Это возраст, для которого, как свидетельствуют исследования в психологии и социологии [4, с. 164–168], характерны многие проблемы взросления, которые отображаются в поведении.

Опасность названного негативного социального явления предполагает борьбу с ним, частью которой является профилактика названных преступлений. В частности, важно уделять внимание криминалистической профилактике преступлений рассматриваемого вида. С сожалением приходится признать то, что, несмотря на очевидную необходимость проведения криминалистической профилактики названных преступлений, ей уделяется мало внимания. Это объясняется тем, что все силы и все отпущенное законом время следователи отводят установлению обстоятельств совершения данных преступлений. Криминалистическая профилактика оказывается за пределами прилагаемых следователем усилий. Однако она важна, поскольку благодаря ей имеется возможность выявления в каждом конкретном случае условий совершения преступления. Результатом такой профилактики может стать то, что новое преступление не будет совершено. Анализ обстоятельств совершения конкретного преступления позволяет выявить те факторы, которые способствовали совершению конкретного преступления. Благодаря этому имеется возможность принятия мер по устранению названных факторов, которые являются условием совершения конкретного преступления. Устранение названных условий позволяет предупредить возможность совершения новых преступлений.

Расследование конкретного преступления – это всегда уникальная возможность установить все многообразие обстоятельств, не только составляющих конкретное преступление, но и обстоятельств, которые способствовали его совершению [7, с. 186–193]. Причем увидеть в деталях, то, что позволяет понять весь механизм развития соответствующего события. Это особенно важно в случае расследования преступлений, совершенных молодежными неформальными организованными группировками. В ходе расследования имеется возможность выявить весь механизм совершения конкретного преступления, в том числе и условия, которые способствовали тому, что сформировалась конкретная молодежная группировка, приобрела антисоциальную направленность и ее члены совершили конкретное преступление. Часто это бывают недоработки в воспитательной работе, в работе учреждений досуга, учебных заведений. В отдельных случаях преступлению может содействовать попустительство со стороны правоохранительных органов, которые не отреагировали своевременно на совершение правонарушений членами соответствующей молодежной неформальной группировки. Могут быть и иные условия, которые содействовали совершению преступления. Например, при расследовании отдельных преступлений названного вида устанавливается то, что на соответствующих промышленных предприятиях члены названных группировок делают заготовки для холодного и огнестрельного оружия, а руководство данного предприятия этого не замечает в силу ненадлежащей дисциплины.

Криминалистическая профилактика предполагает вынесение представлений соответствующим органам и организациям, в деятельности которых в ходе расследования были выявлены нарушения, которые способствовали совершению соответствующего преступления [3, с. 46–52]. Такое представление выносится по окончании предварительного расследования. Вынесение данного представления предусмотрено ч. 2 ст. 158 УПК РФ¹. Его вынесение по окончании предварительного расследования вполне логично, поскольку именно на этом этапе следователь достигает той полноты и всесторонности, при которой он имеет возможность сделать вывод о том, что способствовало совершению соответствующего преступления [9, с. 331–337]. При этом законодатель вполне обоснованно избегает употребления терминов «причины» и «условия». Он использует терминологию уголовного судопроизводства, упоминая об «обстоятельствах, способствовавших совершению преступления». Вынесением данного представления следователь выполняет профилактическую работу – предупреждает совершение новых преступлений, вероятность совершения которых весьма велика при сохранении соответствующих обстоятельств, которые ранее уже способствовали совершению преступления [8, с. 331–337]. Хотя непосредственно в уголовно-процессуальном законе и не указывается то, что названные представления являются криминалистической профилактикой, однако это вполне очевидно, поскольку цель предупреждения совершения новых преступлений достигается в результате проведенного расследования и установления в ходе него соответствующих обстоятельств.

¹Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Данная профилактика реализуется в конкретном случае расследования соответствующего преступления.

Расследование преступлений, совершенных молодежными преступными группировками, показывает значение названной профилактики по предотвращению случаев совершения новых преступлений названного вида. Выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений рассматриваемого вида, позволяет предупреждать новые преступления соответствующей молодежной неформальной группировки. Это позволяет проводить целенаправленную работу по предупреждению названных преступлений. Более того, данная работа часто бывает направлена на развал такой группировки, дискредитацию лиц, обладающих в ней криминальным авторитетом. Благодаря проведенному расследованию и установлению механизма совершения конкретного преступления рассматриваемого вида имеется возможность формулирования рекомендаций по предотвращению новых преступлений той же группировкой и лицами, которые являются ее членами. Уже в ходе проводимого расследования следователем предпринимаются действия по предупреждению новых преступлений, которые состоят в целом комплексе мер, направленных на разобщение лиц, входящих в соответствующую группировку, формированию у них недоверия друг к другу, а также желания прекратить членство в такой группировке, поскольку оно способно лишь причинить вред интересам конкретного лица. Поэтому криминалистическая профилактика названных преступлений не сводится только к вынесению представлений и направлению их в соответствующие организации, и соответствующим должностным лицам. Представления являются лишь частью проводимой криминалистической профилактики, ее процессуально оформленным итогом, который является своего рода призывом к соответствующим организациям и должностным лицам предпринять неотложные меры по предотвращению новых преступлений рассматриваемого вида.

Выше названная норма уголовно-процессуального кодекса РФ предполагает применение в качестве меры профилактики представление, которое выносится только по окончании предварительного расследования. Однако, представляется, что сводить профилактику преступлений только к этому моменту уголовного процесса неправильно, поскольку вся суть процессуальной процедуры призвана иметь вполне определенное воспитательное воздействие, частью которого является профилактика преступлений (причем не только однотипных, но и вообще всех видов). Кроме того, вполне очевидно то, что отдельные мероприятия по профилактике новых преступлений следователю необходимо выполнять уже в ходе проводимого предварительного расследования. Так, в случае установления обстоятельств, которые могут способствовать совершению новых преступлений, необходимо принимать действия по их устранению сразу после их установления. Применение меры пресечения в отношении лица обвиняемого в совершении преступления также следует рассматривать, как достаточно эффективную меру по профилактике преступлений, поскольку применение этой меры препятствует совершению лицом, которое предполагается виновным, совершения новых преступлений. На профилактический характер мер пресечения прямо указано в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, где указано на то, что основанием их избрания является то, что обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью [1, с. 16–19]. В этом достаточно отчетливо просматривается профилактический характер мер пресечения. Избрание их в ходе проводимого предварительного расследования является частью профилактической деятельности следователя. Выбор в отношении членов молодежных преступных группировок, совершивших преступное деяние, соответствующей меры пресечения предупреждает возможность совершения нового преступления, как этим членом, так и группировки, в которую он входит. Как правило, в отношении членов молодежных преступных группировок избирается заключение под стражей, поскольку эта мера пресечения наиболее эффективно предупреждает возможность совершения нового противоправного деяния лицами, подозреваемыми в совершении расследуемого преступления. Причем, характерным является то, что принятая в отношении одного члена преступной молодежной группировки мера пресечения имеет некоторый профилактический эффект и по отношению ко всей этой группировке, которая приостанавливает свою преступную деятельность. Таким образом, следователь имеет возможность проводить профилактику преступлений еще в ходе предварительного расследования.

Профилактический эффект от предпринимаемых следователем процессуальных действий тем выше, чем более системной является их организация и проведение. Важно, чтобы эти действия были не спонтанными и стихийными, а спланированными, чтобы следователь ставил целью профилактику, предупреждение совершения новых преступлений.

Но возможно это, если соответствующие процессуальные действия будут применяться в соответствии с заранее избранной тактикой и стратегией. Следователь должен точно знать то, какой профилактический эффект способно произвести соответствующее процессуальное действие и как этот эффект можно усилить благодаря сочетанию разных действий. Также он должен принимать во внимание при применении процессуальных действий характер совершенного соответствующим лицом преступного деяния и особенности личности виновного. Вполне очевидно то, что одни и те же процессуальные действия могут иметь разный профилактический эффект в зависимости от их восприятия лицом, в отношении которого применены. Для достижения необходимого эффекта названные процессуальные действия должны соответствовать той следственной ситуации, в которой они применяются. Вполне очевидно то, что не соответствующие следственной ситуации и воспринимаемые, как жесткие, процессуальные действия могут восприниматься, как чрезмерные, а потому несправедливые. Такие процессуальные действия не будут иметь профилактического эффекта, а в отдельных случаях могут приводить даже к негативному результату. Нежелательно также и выполнение тех процессуальных действий, которые в конкретной следственной ситуации будут восприниматься, как мягкие, недостаточные, что может привести лицо, которое предполагается виновным, к убеждению в своей вседозволенности, что также причиняет вред проведению профилактики новых преступлений. Поэтому избирая выполнение соответствующих процессуальных действий, следователь должен принимать во внимание особенности складывающейся следственной ситуации. Знание и использование этих особенностей позволяет добиться профилактического эффекта.

Нельзя утверждать о том, что главной задачей проведения процессуальных действий является профилактика преступлений. Процессуальные действия часто имеют в качестве основных другие задачи. Так, следственные действия разрешают задачу установления тех или иных значимых для разрешения уголовного дела по существу обстоятельств. Целый ряд иных процессуальных действий ориентирован на создание условий благоприятных для принятия справедливых процессуальных решений по результатам проведенного уголовного процесса. В то же время любое процессуальное действие может иметь также и профилактическое значение. Даже следственные действия могут иметь профилактическое значение, которое во многом зависит от той ситуации, которая складывается на определенный момент времени. Как показывает практика расследования преступлений, совершенных молодежными группировками, своевременно и тактически правильно организованный и проведенный допрос способен предотвратить совершение новых преступлений. Профилактические действия могут иметь и иные следственные действия, которые демонстрируют лицам, совершившим преступление, то, что ничего тайного для правоохранительных органов нет, а потому совершение преступлений просто бессмысленно, поскольку они все равно будут раскрыты, а виновные в них предстанут перед органами правосудия. Помимо этого, выполнение следственных действий обыкновенно прерывает преступную деятельность молодежных криминальных группировок, которые стремятся к тому, чтобы не выдать своих членов, особенно из числа руководящего состава. Как выражаются сами члены этих группировок, они стремятся «залечь на дно» и благодаря этому остаться не выявленными правоохранительными органами. Такая тактика преступных группировок хотя и затрудняет раскрытие и расследование совершенных ими преступлений, но вместе с тем новые преступления хотя бы временно не совершаются.

Но не только процессуальные, в том числе следственные, действия могут иметь профилактическое значение. Предупредить совершение новых преступлений можно и с помощью тактических приемов. Это достаточно распространенная практика при расследовании преступных деяний, совершенных молодежными преступными группировками. Так, при расследовании этих преступлений типичным является использование тактических приемов по дискредитации лидера и иных руководителей соответствующей группировки. Данные тактические приемы выполняются, как в рамках соответствующих следственных действий, так и за их пределами. Цель этих тактических приемов, прежде всего, состоит в том, чтобы нейтрализовать противодействие со стороны лиц, которые не заинтересованы в установлении истинных обстоятельств совершения конкретного преступления. Но данные тактические приемы также предупреждают возможность совершения новых преступлений членами соответствующей молодежной группировки. Помимо данных тактических приемов имеются и иные, которыми следователь стремится убедить виновное лицо в том, что совершение преступлений бессмысленно уже хотя бы в силу того, что они все равно будут выявлены, раскрыты и расследованы, а потому избежать уголовной ответственности

все равно не удастся. Конечно же, многие из этих тактических приемов ориентированы, прежде всего, на решение задач установления обстоятельств совершения преступления, но они же часто решают также и задачи профилактики преступлений. При расследовании преступлений, совершенных молодежными группировками, применяются тактические приемы, направленные на развал этих группировок и разрыв связей между их членами. Тем самым создаются благоприятные условия для проведения раскрытия и расследования названных преступлений. Но также предупреждается совершение новых преступлений названными группировками и их членами.

В настоящее время следователь подходит к вопросам криминалистической профилактики по принципу: получится – хорошо, не получится – ну что ж, жалко, но ничего страшного. Результатом такого подхода является случайность в профилактической эффективности проводимого предварительного расследования. Следователь специально не озадачивается профилактикой преступлений, а решает лишь задачи, связанные с установлением обстоятельств совершения конкретного преступления, необходимых для вынесения справедливых процессуальных решений. Профилактика является лишь побочным продуктом проводимого раскрытия и расследования преступлений. Однако такой подход недопустим, особенно в случаях расследования преступлений, совершенных молодежными неформальными группировками. Привлечение к уголовной ответственности одного или нескольких членов такой группировки лишь на сравнительно непродолжительное время приостанавливает преступную деятельность такой группировки и ее членов. Спустя некоторое время они вновь возвращаются к преступной деятельности, которая является основой существования этих группировок. Поэтому такой подход к расследованию не влечет за собой профилактики. Он часто лишь способствует тому, что соответствующая неформальная молодежная группировка анализирует свою деятельность, выявляет ошибки и промахи, которые способствовали привлечению к уголовной ответственности ее членов, и на основе этого совершенствует механизм достижения преступных целей. То есть, расследование без профилактики не способствует снижению молодежной организованной преступности, а, напротив, создает условия для ее качественного изменения в направлении профессионализации. Каждое очередное расследование обогащает не только опыт следователей, но и соответствующей молодежной неформальной группировки, которая учитывает, со своей стороны, каждое действие всех участников уголовного процесса. Ею принимается во внимание то, как оказывалось противодействие расследованию, какие из действий по воспрепятствованию раскрытию и расследованию были более эффективны, а какие – нет. Все это принимается во внимание при планировании и совершении новых преступлений. Поэтому раскрытие и расследование преступлений, совершенных членами молодежных неформальных группировок, нельзя рассматривать, как профилактику преступлений лишь из-за того, что кто-то был привлечен к уголовной ответственности и понес уголовное наказание. Профилактикой это может быть лишь в тех случаях, когда после расследования и вынесения процессуальных решений последовал распад соответствующих молодежных неформальных группировок, выход из них отдельных ее членов.

Нельзя ограничивать расследование преступлений, которые совершаются неформальными молодежными группировками только установлением круга обстоятельств, которые указывают на наличие криминального события и виновность в его совершении конкретного лица. Для общества и государства важно не только восстановление социальной справедливости, нарушенной совершенным преступлением, но и то, чтобы в последующем, после вынесения приговора судом, она не нарушалась. Для общества и государства важно, чтобы поддерживался правопорядок, чтобы обеспечивалась безопасность граждан. Поэтому расследование и весь процесс уголовного правосудия должен обеспечивать не только привлечение к уголовной ответственности виновных в совершении преступлений лиц, но и гарантировать то, что не будут совершены новые преступления. В случае расследования преступлений, совершенных членами молодежных неформальных группировок, важно то, чтобы не только пресечь возможность совершения новых преступлений виновными лицами, но, чтобы упредить саму возможность новых преступлений со стороны названных группировок. Для этого необходимо ставить соответствующие цели уже на момент начала проведения соответствующего расследования. Следователь, приступая к расследованию, должен иметь в виду то, что каждое выполняемое им действие – это не только установление обстоятельств совершенного преступления, но и профилактика новых, результат которой – предотвращение криминальной активности со стороны соответствующей молодежной неформальной группировки. Если этого нет, то ценность такой работы следователя

существенно падает в глазах общества и государства, поскольку не обеспечивается достаточный, ожидаемый уровень общественной безопасности.

Особенностью криминалистической профилактики является то, что она ориентирована на получение результатов «здесь и сейчас», т. е. она преследует не только удаленные по времени цели прекращения преступной деятельности, но, прежде всего, результаты, которые могут быть получены в кратчайшие сроки. Так, при расследовании преступлений, совершенных молодежными неформальными группировками, важным является то, чтобы эта группировка прекратила свою преступную деятельность. Это тем более значимо в виду того, что названные группировки часто совершают параллельно не одно, а несколько преступлений, а также имеют планы на совершение большого числа новых. Поэтому следователь должен предпринимать в ходе расследования меры к тому, чтобы, как минимум, в ходе расследования не совершались новые преступления, и, как максимум, чтобы после проведенного расследования молодежной неформальной группировке был причинен такой моральный вред, после которого она бы распалась, а ее члены отказались от своей криминальной активности. В связи с этим уже при планировании расследования названных преступлений следователь должен формулировать соответствующие профилактические задачи, решение которых могло бы обеспечить предотвращение совершения новых преступлений названными группировками и их членами. Следователь должен при проведении каждого процессуального действия предпринимать меры по дискредитации лидеров соответствующей группировки, самой группировки, ее идеологии, других членов. Следователь должен предпринимать меры к тому чтобы, предполагаемые виновными, лица задумывались над своим антиобщественным поведением и подвергали полному переосмыслению имеющиеся у них антисоциальные установки. То есть, он должен проводить индивидуальную профилактическую работу с тем, чтобы показать тот вред, который причиняется конкретному лицу тем, что он участвует в криминальной деятельности соответствующей группировки, что он поддерживает отношения с лицами – членами этой группировки. При этом данная работа должна проводиться не только с теми лицами, которые предполагаются виновными в совершении конкретного преступления, но и с иными лицами, которые попали в сферу осуществления уголовного правосудия.

Профилактическая работа в ходе раскрытия и расследования преступлений, совершенных членами молодежных неформальных группировок, должна осуществляться не только проведением процессуальных действий, но и проведением оперативно-розыскной деятельности. В связи с этим, на проведение криминалистической профилактики должно быть направлено взаимодействие между следователем и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при раскрытии и расследовании названных преступлений. Данное взаимодействие должно быть ориентировано на обмен информацией, которая может быть эффективной в профилактике, а также на согласованность выполняемых действий. Как следователь, так и конкретный сотрудник, оказывающий помощь при расследовании преступления посредством выполнения оперативно-розыскных мероприятий, должны предоставлять в условиях реального времени друг другу информацию о том, какие полученные сведения могут оказаться полезными для проводимой криминалистической профилактики. Также данное взаимодействие должно предусматривать согласованность в ее проведении.

Криминологическая и криминалистическая профилактики относятся друг к другу, как общее к частному. При этом они взаимосвязаны, поскольку идут друг с другом рука об руку. Успех каждой из них зависит от успеха другой. Вместе все они представляют достаточно сложную систему профилактической работы.

Как правило, криминалистическая профилактика остается за рамками криминалистических методик расследования преступлений. Это обосновывается тем, что криминалистическая профилактика – это не выявление, не раскрытие и не расследование, а потому не может охватываться методикой. Однако следует отметить то, что данное представление криминалистической методики в настоящее время постепенно сменяется другим, в соответствии с которым криминалистическая методика расследования должна также включать и криминалистическую профилактику [2, с. 55–56]. Это представляется правильным и в отношении к криминалистической методике расследования преступлений, совершенных членами молодежных неформальных группировок. Это обусловлено тем, что общество и государство ждут от расследования этих преступлений не только справедливого процессуального решения, но и предотвращения новых преступлений со стороны существующих молодежных неформальных группировок. В связи с этим, криминалистическая методика расследования названных преступлений должна содержать

не только рекомендации по раскрытию и расследованию, но и рекомендации по криминалистической профилактике. Она должна определять то, какие действия необходимо выполнить для того, чтобы не допустить совершение новых преступлений.

Криминалистическая профилактика – это не просто взгляд в будущее, основанный на реалиях современности, это стремление определить это будущее так, чтобы разорвать порочный круг самовозобновления преступности или, по крайней мере, не допустить того, чтобы были совершены новые преступления лицом, в отношении которого свершилось правосудие. Одним из средств добиться этого является криминалистическая профилактика, выполняемая в рамках проводимого расследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Блинова М.А. Проблемы установления достаточных оснований для избрания меры пресечения // *Modern Science*. 2020. № 4-2.
2. Бойко Ю.Л., Симонова Т.С. Криминалистическая профилактика как элемент структуры частной методики расследования преступлений // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*. 2018. № 18-1.
3. Брусенцева В.А. Роль и место криминалистической профилактики в структуре криминалистической науки // *Таврический научный обозреватель*. 2015. № 2-3.
4. Иванова А.М. Определение возрастных границ категории «молодежь» // *Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции*. Материалы научно-практической конференции. Астрахань, 2019.
5. Кузнецова М.О. Исследование личности членов молодежных неформальных группировок, причастных к совершению преступлений экстремистской направленности, с целью определения тактики расследования // *Философия права*. 2024. № 1(108).
6. Лисин Н.С. Отдельные проблемы взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при расследовании преступлений, составляющих молодежную организованную преступность // *Российский следователь*. 2013. № 1.
7. Михайлов А.Е. Правовая основа криминалистической профилактики // *Вестник Владимирского юридического института*. 2019. № 2(51).
8. Михайлов В.А. Криминалистический аспект производства следственной профилактики // *Публичное и частное право*. 2016. № 4(32).
9. Угольников А.В. Содержание представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других нарушений закона // *Библиотека криминалиста*. 2017. № 6(35).

REFERENCES

1. Blinova M.A. Problems of establishing sufficient grounds for choosing a preventive measure // *Modern Science*. 2020. № 4-2.
2. Boyko Yu.L., Simonova T.S. Forensic prevention as an element of the structure of a private methodology for investigating crimes // *Actual problems of combating crimes and other offenses*. 2018. № 18-1.
3. Brusentseva V.A. The role and place of forensic prevention in the structure of forensic science // *Tavrishesky scientific observer*. 2015. № 2-3.
4. Ivanova A.M. Definition of the age boundaries of the category «youth» // *Problems and prospects for the development of modern jurisprudence*. Materials of the scientific and practical conference. Astrakhan, 2019.
5. Kuznetsova M.O. Study of the personality of members of informal youth groups involved in committing extremist crimes in order to determine the tactics of investigation // *Philosophy of Law*. 2024. № 1(108).

6. Lisin N.S. Certain problems of interaction between the investigator and the bodies carrying out operational-search activities during the investigation of crimes constituting youth organized crime // Russian investigator. 2013. № 1.

7. Mikhailov A.E. Legal basis for forensic prevention // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2019. № 2(51).

8. Mikhailov V.A. Forensic aspect of investigative prevention // Public and private law. 2016. № 4(32).

9. Ugolnikov A.V. The content of ideas on taking measures to eliminate circumstances that contributed to the commission of crimes and other violations of the law // Library of the criminalist. 2017. № 6(35).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Подольный Николай Александрович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики. Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 420126, Российская Федерация, г. Казань, ул. Фатыха Амирхана, д.14.
ORCID: 0000-0002-4206-7719

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Podolny Nikolay Aleksandrovich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science. Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia). 14, Fatykha Amirkhan St., Kazan 420126 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.10

ВИДЫ И ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Сатторов Сухроб Наимович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация
sattorov_21@list.ru

Введение: в российской уголовно-процессуальной доктрине и практике отсутствует определенность в точном понимании сути, видов и форм, как функции, так и собственно деятельности, характеризующихся как уголовное преследование. Указанное объективно препятствует как точному познанию этого правового явления, так и эффективной его реализации в практике.

Материалы и методы: методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод научного познания, а также общие и частные научные методы исследования: исторический, логико-юридический, сравнительно-правовой. Эмпирическую базу исследования составили материалы монографического характера и статистические данные, полученные из открытых источников.

Результаты исследования: на основе реализованного анализа определены критерии для дифференциации исследуемого явления на виды и формы; обоснованы авторские позиции относительно системы форм и видов осуществления уголовного преследования; обоснована теоретическая и практическая несостоятельность отождествления в законе и практике категорий «уголовное преследование» и «обвинение».

Выводы и заключения: основываясь на итогах реализованного анализа, автор настаивает на диалектической взаимосвязи реализации таких форм уголовного преследования, как: не персонифицированное (в стадии возбуждения уголовного дела); строго персонифицированное (в форме подозрения и обвинения); в форме поддержания государственного (частного) обвинения в суде.

Ключевые слова: уголовное преследование, функция, деятельность, формы и виды реализации.

Для цитирования: Сатторов С. Н. Виды и формы осуществления функции уголовного преследования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Таджикистан / С. Н. Сатторов // Юрист-Правоведъ: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 193–199.

Original paper

TYPES AND FORMS OF IMPLEMENTATION OF THE FUNCTION OF CRIMINAL PROSECUTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Sattorov Sukhrob Naimovich

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction: in the Russian criminal procedure doctrine and practice there is no certainty in the precise understanding of the essence, types and forms of both the function and the actual activity characterized as criminal prosecution. This objectively hinders both the precise knowledge of this legal phenomenon and its effective implementation in practice.

Materials and methods: the methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as general and specific scientific research methods: historical, logical-legal, comparative-legal. The empirical basis of the study was made up of monographic materials and statistical data obtained from open sources.

Results of the study: based on the implemented analysis, the criteria for differentiating the phenomenon under study into types and forms were determined; the author's positions regarding the system of forms and types of criminal prosecution were substantiated; the theoretical and practical inconsistency of identifying the categories of «criminal prosecution» and «accusation» in the law and practice was substantiated.

Findings and conclusions: based on the results of the implemented analysis, the author insists on the dialectical relationship between the implementation of such forms of criminal prosecution as: non-personalized (at the stage of initiation of a criminal case); strictly personalized (in the form of suspicion and accusation); in the form of maintaining state (private) prosecution in court.

Keywords: criminal prosecution, function, activity, forms and types of implementation.

For citation: Sattorov S. N. Types and forms of implementation of the function of criminal prosecution in criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan / S. N. Sattorov // Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – С. 193–199.

Вопрос о видах и формах уголовного преследования, как функции и собственно деятельности в уголовном процессе, является одним из наиболее изученных в процессуальной доктрине и, по идее, не должен вызывать особых разночтений в правильном своем понимании. Практически в каждой монографии [1, с. 6; 2, с. 34; 3, с. 91], издании учебного [4, с. 168; 5, с. 138] или учебно-практического характера, в научных статьях [6, с. 105; 7, с. 112] исследователи практически «единогласно» суммируют, что в той или иной правовой национальной системе предусмотрено три вида уголовного преследования. Это преследование, реализуемое в частном, частно-публичном или публичном порядке. Как правило, приводится и критерий указанной дифференциации – характер и тяжесть совершенного общественно-опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Далее, как правило, анализируются: особенности инициации каждого из названных видов уголовного преследования; осуществления бремени изобличения в отношении уголовно-преследуемых лиц; особенности строгой процессуальной формы досудебного и судебного производства; возможные варианты и основания прекращения уголовного преследования или в целом уголовного судопроизводства [8, с. 318–368; 9, с. 111–146; 10, с. 117–118]. Как следствие, если мы и «вернемся» к этим моментам, то исключительно в контексте анализа деятельности тех публичных субъектов уголовного судопроизводства, которые властно уполномочены к осуществлению исследуемой функции, и, соответственно, в контексте того, насколько их процессуальный статус достаточен (оптимален) для реализации указанной функции.

Куда более интересным оказался ключевой вопрос о собственно формах и видах уголовного преследования в той или иной национальной уголовно-процессуальной системе. Суть проблемы в практически полном отсутствии (в доктрине и практике) определенности в вопросе о том, какие именно правовые акты процесса следует воспринимать и оценивать как формы уголовного преследования, какие как виды. Для задач и целей исследования, на основе суждений и авторских дифференциаций того или иного исследователя, кратко рассмотрим современное состояние доктрины в этих моментах.

По мнению А.Ф. Кучина, например, имеются два основных вида уголовного преследования: 1) частное, которое реализуется частным лицом (потерпевшим), для целей защиты частного законного интереса; 2) публичное, которое осуществляется официально, от имени государства исключительно уполномоченными, публичными процессуальными органами в целях защиты государственных и общественных интересов, охраняемых *ex officio*. Дополнительно автор выделяет разновидности исследуемого явления: 1) субсидиарное уголовное преследование; 2) дополнительное; 3) частно-публичное [11, с. 19]. Какой именно критерий положен в основу этой дифференциации, при этом не поясняется; не акцентируется и то, насколько приведенные разновидности можно оценивать в качестве самостоятельных форм или видов исследуемой функции и деятельности.

Петрова Н.Е. выделяет следующие виды обвинения (как уголовного преследования) в российском уголовном процессе:

1. В зависимости от субъектного состава реализуемой обвинительной деятельности: официальное, реализуемое уполномоченными органами и должностными лицами государства; неофициальное, реализуемое усилиями частных заинтересованных лиц. Последнее, отметим, дополнительно дифференцируется (по критерию), когда частный обвинитель полностью независим в вопросе распоряжения частным обвинением-иском, и субсидиарное, когда он действует наряду с публичным должностным лицом процесса и связан процессуальной позицией последнего в вопросе об обвинении [12, с. 7]. Насколько эта дифференциация, особенно в контексте акцентуации автором неофициального обвинения, соответствует строго публичному характеру континентального уголовного процесса, и как именно она соотносится (взаимодействует) с аналогичными формами осуществления исследуемой публичной деятельности, исследователь не поясняет.

Несколько оригинальная классификация предложена К.В. Муравьевым [13, с. 51]. Исследователь, вне (актуальных и востребованных) оговорок о собственном виде или форме исследуемой деятельности, уверенно дифференцирует уголовное преследование:

1) на усеченное – осуществляемое до установления признаков преступления и не обеспеченное принуждением; и полноценное – реализуемое после возбуждения уголовного дела и весомо обеспеченное государственным принуждением. Скорее всего, автор стоит на позициях, по сути которых в стадии возбуждения уголовного дела в принципе не может быть процессуального принуждения, как содержательного элемента (одного из структурных элементов) уголовного преследования. Практика реализации норм ч. 1 ст. 144 УПК РФ, нередко, являет факты обратного;

2) рассредоточенное – осуществляемое в отношении неопределенного круга лиц; сосредоточенное – в отношении конкретного субъекта. Речь идет о «неперсонифицированном» и строго «персонифицированном» уголовном преследовании, реализуемом в отношении подозреваемого, обвиняемого, к которому достаточно часто апеллируют и иные исследователи, рассматриваемого нами правового явления.

Дискуссионной представляется классификация, предложенная З.Д. Еникеевым. Последний, несколько «упустив» подходы законодателя о доминантно-процессуальном характере уголовного преследования – как доказывания-изобличения (п. 55 ст. 5 УПК РФ) являет его непроцессуальные виды. Например, как деятельности: 1) оперативно-розыскной; 2) общественно-гражданской; 3) ведомственно-охранной [1, с. 17]. При этом и здесь в целом не уточняется: речь о формах или видах осуществления, анализируемого явления.

Можно и далее приводить позиции тех или иных исследователей по этим моментам; однако мы конвенционально откажемся от этого. «Простое» перечисление суждений и мнений, без востребованной определенности в критериях и итоговых выводах, отстаиваемой дифференциации, в том числе в контексте актуального понимания: когда речь идет о формах; когда о видах исследуемой деятельности, не даст ни нового научного знания, ни искомой определенности. В итоге, в заключение приведем позиции непосредственно таджикских исследователей, которые неопределены. Рассмотрим, например, дифференциации уголовного преследования на виды и формы, предложенные Р.Р. Рахмаджонзода [8, с. 121–122]. В зависимости:

1) от объекта уголовного преследования, исследуемое правовое явление дифференцируется исследователем на: подозрение и обвинение. Возразим, уголовное преследование, как изобличительная (уголовно-процессуальная, доказательственная) деятельность, может быть реализовано и в «неперсонифицированной» форме (например, в стадии возбуждения уголовного дела), и в форме подозрения или обвинения (на стадии предварительного расследования), и как государственное обвинение – в судебных стадиях и производствах континентальной формы процесса;

2) от формы, в рамках которой по УПК Республики Таджикистан осуществляется досудебное производство на:

2.1) дознание и предварительное следствие в общем порядке, которые, в свою очередь, разграничиваются на дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно; дознание по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно; ускоренное производство; предварительное следствие;

2.2) досудебное производство в особом порядке, которое осуществляется в форме: производства неотложных следственных действий; ускоренного производства (гл. 46 УПК РТ).

Категорически не согласимся с этим подходом, т.к., по факту, уголовное преследование (в указанной классификации) фактически отождествляется в целом с уголовно-процессуальной деятельностью, осуществляемой на стадии предварительного расследования, теряя, в итоге, самостоятельное свое содержание. Между тем, непосредственно по тексту исследования автор неоднократно и достаточно акцентировано высказывается против любых попыток подобного отождествления. Необоснованно последнее и на наш взгляд;

3) от формы, в которой по УПК Республики Таджикистан осуществляется судебное производство по уголовному делу: частное обвинение (субсидиарное обвинение); государственное обвинение; упрощенный порядок судебного следствия. Возразим и по сути указанного критерия, а равно его итоговых элементов. Во-первых, частное обвинение и субсидиарное обвинение, это не тождество, и, соответственно, они не могут использоваться в едином синонимическом ряду. Во-вторых, упрощенный порядок судебного следствия, предусмотренный уголовно-процессуальным законом Республики Таджикистан, никак не

нивелирует государственной сути обвинения, осуществляемого (реализуемого) в данном процессуальном порядке;

4) из конструкции, предложенной УПК Республики Таджикистан, согласно которой виды уголовного преследования в зависимости от характера и степени тяжести совершенного преступления целесообразно разграничить на: уголовные дела частного обвинения; уголовные дела частно-публичного обвинения; уголовные дела публичного обвинения.

В итоге, если суммировать, более или менее определенность сформирована автором исключительно к видам уголовного преследования (п. 4). Применительно к пунктам 1–3, предложенной дифференциации, в наличии та же неопределенность: в формах или в видах реализации исследуемой деятельности. Как следствие, необходимы критерии, позволяющие достоверно разграничить исследуемые явления.

Доктрина российского процессуального права отчасти обращалась к этим актуальным моментам. Р.В. Мазюк считает, что в основе дифференциации уголовного преследования на формы должны находиться исключительно особенности уголовно-процессуальной формы реализации этого правового явления как деятельности, осуществляемой в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, но никак не процессуального производства по уголовному делу в целом [7, с. 112].

Категория «вид» уголовного преследования актуально указывает на то, по чьей именно инициативе иницируется уголовное преследование (как уголовно-процессуальная деятельность); в рамках, какой именно законной правовой процедуры (установленной процессуальной формы) это преследование осуществляется [14, с. 16].

Трудно не поддержать эти подходы, ибо с этих позиций исследуемое правовое явление становится более понятным и верифицируемым. С указанным в целом «согласны» и иные исследователи. Например, акцентируя в своих итоговых выводах, что применительно к категории «форма» уголовное преследование может осуществляться как: 1) уголовное преследование в форме подозрения; 2) форме обвинения; 3) форме производства по применению принудительных мер медицинского характера [15, с. 96–103; 2, с. 33–34].

Ничего не имея против двух первых названных форм, однозначно возразим по факту включения в указанный перечень такой «формы», как «производство по применению принудительных мер медицинского характера», учитывая основания и цели применения указанных мер, речь об уголовном преследовании уже не идет. Теряет телеологическое свое назначение в этой ситуации и основной вопрос уголовного дела. В итоге, это не форма и не вид уголовного преследования – указанное вид уголовно-процессуального производства, не более.

Еще шире дифференцирует «формы» уголовного преследования О.Д. Жук. Традиционно апеллируя к практически общепризнанным в доктрине и практике, формам подозрения и обвинения. Исследователь настаивает на том, что осуждение как уголовное преследование, осуществляемое от имени всего государства, не только форма реализации исследуемой деятельности, но и относится к основным [6, с. 105–106]. Во-первых, отметим, что «государственное осуждение, порицание преступника, выраженное в обвинительном приговоре суда» вступившем в законную силу – суть элемента, форма реализации уголовной ответственности, но никак не форма процессуальной деятельности – как закон определяет собственно уголовное преследование. Во-вторых, телеологически уголовное преследование как раз направлено на реализацию уголовной ответственности (на разрешение основного вопроса уголовного дела по существу). Суть заключается в средстве реализации последней. В понимании О.Д. Жук «осуждение» – одновременно и средство и цель. Наконец, если осуждение – одна из основных форм уголовного преследования, то к достижению какой именно значимой цели последнего оно направлено. Вывод в итоге видится однозначным: включение «государственного осуждения-порицания преступника» в перечень форм реализации, исследуемой деятельности, не имеет под собой оснований.

Еще более «дробные», не всегда оправданные с позиций закона и практики, формы уголовного преследования предлагают (обосновывают) Р.В. Мазюк [16, с. 111] и В.В. Хатуева [3, с. 90–91]. Конвенционально оставив их без скрупулезного анализа, с позиций предмета и целей данной работы, выскажем свои подходы к исследуемым моментам. Мы стоим на позициях, по сути которых уголовное преследование (как уголовно-процессуальная, изобличающая, по сути, и назначению деятельность) может иметь место и в стадии возбуждения уголовного дела (гл. 19–20 УПК РФ). Являясь, как правило, «неперсонифицированной» по субъекту исследуемого деяния, она имеет нормативное свое содержание, публичных субъектов реализации, конкретные задачи, значимые процессуальные результаты. Поэтому

эта форма деятельности не может быть оставлена за рамками, реализуемого анализа. Во-вторых, произвольно (субъективно) исключена из общего содержания и назначения деятельности, характеризуемой как уголовное преследование. Однозначно мы признаем и такие формы (уже «персонифицированной») деятельности, как уголовное преследование в форме подозрения и обвинения (что акцентируется большинством исследователей). В качестве самостоятельной нами воспринимается и такая процессуальная форма как уголовное преследование в форме поддержания государственного обвинения. В итоге, в качестве востребованных должны быть восприняты такие, относительно самостоятельные, формы как: 1) «неперсонифицированное» уголовное преследование в стадии возбуждения уголовного дела; 2) уголовное преследование в форме подозрения; в) уголовное преследование в форме обвинения; 3) уголовное преследование в форме поддержания государственного (частного) обвинения в суде.

Что касается видов исследуемого явления, мы стоим на позициях действующего процессуального закона (ст. 24 УПК РТ, ст. 20 УПК РФ), дифференцируя их на: 1) частное уголовное преследование; 2) частно-публичное уголовное преследование; 3) публичное уголовное преследование.

Для точного понимания воли закона и сути исследуемого явления, следует остановиться и на букве предписаний, изложенных в ст. 24 и 25 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ). Суть проблемы в том, что формируя предписания, связанные с уголовным преследованием, законодатель, по факту, отождествляет категории «обвинение» и «уголовное преследование». Указанное, полагаем, ошибочно. Кроме того, пагубно практически, т. к, воздействуя на правосознание участников правовых отношений, приводит к сложным и негативным коллизиям в точном понимании и применении закона. Поясним:

1) по нормам ч. 1 ст. 24 УПК РТ: «В зависимости от характера и степени тяжести совершенного преступления обвинение в суде осуществляется в частном, частно-публичном и публичном порядке». Речь идет исключительно об обвинении, которое, являясь утверждением (тезисом) не может практически осуществляться за рамками деятельности (по осуществлению уголовного преследования в форме обвинения). Во-вторых, речь об осуществлении обвинения исключительно в суде, но никак ни в уголовном судопроизводстве, в целом. Между тем, при точном понимании исследуемой категории, и в первом и во втором контексте речь должна идти именно об уголовном преследовании (элементом/ этапом/ промежуточным результатом которого является и обвинение, как обвинительный тезис и деятельность);

2) по нормам ч. 1 ст. 25 УПК РТ: «Потерпевший, а в случае его смерти или неспособности по возрасту или состоянию здоровья выражать свою волю в уголовном судопроизводстве, законный представитель или его представитель имеют право в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, участвовать в уголовном обвинении обвиняемого, а по делам частного обвинения имеют право выдвигать и поддерживать обвинение против соответствующего лица».

Здесь потерпевшему, его представителю вновь предлагают участвовать в обвинении-тезисе; причем в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом. Между тем, закон не предполагает возможности вынесения и предъявления публичного обвинения, как потерпевшим, так и его представителем; не предусматривает, соответственно, официального внесения подобного обвинения в суд для целей его разрешения по существу. В итоге и в этом случае предписание закона, как представляется, должно быть адресовано к категории «уголовное преследование», но никак не к категории «обвинение». Как следствие, в целях оптимизации законодательной воли и собственно практической деятельности, считаем актуальным и правильным предложить следующее изменение указанных норм:

1) ч. 1 ст. 24 УПК РТ изложить в следующей редакции: «В зависимости от характера и степени тяжести совершенного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, уголовное преследование в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан может осуществляется в частном, частно-публичном и публичном порядке»;

2) ч. 1 ст. 25 УПК РТ изложить в следующей редакции: «Потерпевший, а в случае его смерти или неспособности по возрасту или состоянию здоровья выражать свою волю в уголовном судопроизводстве, законный представитель или его представитель имеют право в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, участвовать в уголовном преследовании подозреваемого, обвиняемого, а по делам частного обвинения – право выдвигать и поддерживать обвинение против соответствующего лица».

Предлагаемые новации позволят более точно и оптимально осуществлять уголовное преследование – как комплексную, системную деятельность по изобличению и привлечению к уголовной ответственности уголовно-преследуемых лиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Еникеев З.Д. Уголовное преследование: учебное пособие. Уфа, 2000.
2. Халиулин А.Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. Кемерово, 1997.
3. Хатуяева В.М. Институт уголовного преследования в российском уголовно-процессуальном праве: монография. М., 2010.
4. Лебедев В.М. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры). 3-е изд. перераб. и доп. М., 2023.
5. Прошляков А.Д. Уголовный процесс. М., 2022.
6. Жук О.Д. Формы и виды уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11.
7. Мазюк Р.В. Особые формы уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 3(83).
8. Рахматджонзода Р.Р. Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе. 2022.
9. Азимзода Ш.Д. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования на стадии предварительного расследования по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2023.
10. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. проф. А.П. Кругликов. М., 2015.
11. Кучин А.Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004.
12. Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1999.
13. Муравьев К.В. Возбуждение уголовного дела в отношении лица: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
14. Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: проблемы осуществления в условиях правовой реформы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.
15. Кан М.П. Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1988.
16. Мазюк Р.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве: монография. М., 2009.

REFERENCES

1. Yenikeev Z.D. Criminal prosecution: a textbook. Ufa, 2000.
2. Khaliulin A.G. Implementation of the criminal prosecution function by the Russian prosecutor's office. Kemerovo, 1997.
3. Khatuayeva V.M. Institute of criminal prosecution in Russian criminal procedural law: monograph. Moscow, 2010.
4. Lebedev V.M. Criminal procedural law: a textbook for bachelor's, specialist, master's and postgraduate (adjunct) degrees. 3rd ed. revised and enlarged. Moscow, 2023.
5. Proshlyakov A.D. Criminal procedure. Moscow, 2022.
6. Zhuk O.D. Forms and types of criminal prosecution // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 11.
7. Mazyuk R. V. Special forms of criminal prosecution in Russian criminal proceedings // Bulletin of the Orenburg State University. 2008. № 3(83).
8. Rakhmadzhonzoda R.R. The doctrine of criminal prosecution in criminal proceedings of the Republic of Tajikistan: dis. ... Grand PhD in Law. Dushanbe. 2022.
9. Azimzoda Sh.D. Termination of a criminal case and criminal prosecution at the stage of preliminary investigation under the criminal procedure legislation of the Republic of Tajikistan: dis. ... PhD in Law. Volgograd, 2023.
10. Criminal procedure: textbook for bachelors / ed. prof. A.P. Kruglikov. Moscow, 2015.
11. Kuchin A.F. Legal mechanism of public criminal prosecution: author's abstract. dis. ... PhD

in Law. Nizhny Novgorod, 2004.

12. Petrova N.E. Private and subsidiary prosecution: author's abstract. dis. ... PhD in Law. Samara, 1999.

13. Muravyov K.V. Initiation of criminal proceedings against a person: dis. ... PhD in Law. Omsk, 2005.

14. Khaliulin A.G. Criminal prosecution as a function of the prosecutor's office of the Russian Federation: problems of implementation in the context of legal reform: author's abstract. dis. ... Grand PhD in Law. Moscow, 1997.

15. Kan M.P. Procedural functions of the prosecutor in the pre-trial stages of criminal proceedings: dis. ... PhD in Law. Tashkent, 1988.

16. Mazyuk R.V. Institute of criminal prosecution in Russian criminal proceedings: monograph. Moscow, 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сатторов Сухроб Наимович, адъюнкт. Нижегородская академия МВД России. 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sattorov Sukhrob Naimovich, adjunct. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3, Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod 603950 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Серебрянников Станислав Вадимович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
stas.serb@gmail.com

Введение: на сегодняшний день в условиях непростых политических и социальных условий в современном обществе во многом создаются условия для возникновения негативных проявлений в среде детей и подростков, а именно – появление экстремистских взглядов и внедрение мотивов ненависти и вражды в те преступные проявления, в которых ранее их доля была незначительна. Важную роль здесь играют особенности формирования личностных установок у несовершеннолетних как таковых, а также вновь возникающие или видоизмененные внешние факторы, в совокупности провоцирующие рост числа преступлений, имеющих под собой экстремистскую подоплеку.

Материалы и методы: в ходе исследования применялась система общенаучных и специальных методов изучения данных борьбы с преступностью, собственно криминалистических методов познания преступлений экстремистского толка: системный, социологический, аналитический и синтетический методы, а также функциональный и статистический метод исследования.

Результаты исследования: исходя из особенностей самих преступлений, имеющих экстремистскую составляющую независимо от непосредственного объекта преступного посягательства, и роста числа проявления ненависти и насилия в отношении различных социальных групп (в первую очередь по политическим, идеологическим и национальным признакам), а также недостаточно оперативной адаптации нормативной системы к таким проявлениям, можно предположить рост числа таких преступлений в ближайшие годы и возникновение новых способов их совершения и вовлечения в этот процесс несовершеннолетних.

Выводы и заключения: экстремистская направленность при совершении преступлений и антиобщественных действий характеризуется изменчивостью и реакционностью на события и факты объективной реальности. Обладая тенденцией к синергии с другими мотивами, а также специфической особенностью таких субъектов как несовершеннолетние, экстремистская направленность может иметь место в различных видах преступных деяний, в том числе тех, в которых такие проявления ранее не имели место.

Ключевые слова: экстремизм, криминалистика, несовершеннолетние, группа, мотивация, факторы, расследование.

Для цитирования: Серебрянников С. В. Криминалистическая характеристика некоторых аспектов расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых несовершеннолетними / С. В. Серебрянников // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 200–205.

Original paper

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF SOME ASPECTS OF THE INVESTIGATION OF EXTREMIST CRIMES COMMITTED BY MINORS

Serebryannikov Stanislav Vadimovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: today, in the context of difficult political and social conditions in modern society, conditions are largely created for the emergence of negative manifestations among children and adolescents, namely, the emergence of extremist views and the introduction of motives of hatred and hostility into those criminal manifestations in which their share was previously insignificant. An important role here is played by the peculiarities of the formation of personal attitudes in minors as such, as well as newly emerging or modified external factors, which together provoke an increase in the number of crimes with an extremist background.

Materials and methods: during the study, a system of general scientific and special methods for studying data on the fight against crime, specifically forensic methods for understanding extremist crimes were used: systemic, sociological, analytical and synthetic methods, as well as a functional and statistical research method.

Results of the study: based on the characteristics of the crimes themselves, which have an extremist component regardless of the direct object of the criminal attack, and the increase in the number of manifestations of hatred and violence against various social groups (primarily on political, ideological and national grounds), as well as the insufficiently prompt adaptation of the regulatory system to such manifestations, it is possible to assume an increase in the number of such crimes in the coming years and the emergence of new ways of committing them and involving minors in this process.

Findings and conclusions: the extremist orientation in committing crimes and antisocial actions is characterized by variability and reaction to events and facts of objective reality. Having a tendency to synergy with other motives, as well as a specific feature of such subjects as minors, an extremist orientation can take place in various types of criminal acts, including those in which such manifestations have not previously taken place.

Keywords: extremism, forensics, minors, group, motivation, factors, investigation.

For citation: Serebryannikov S. V. Criminalistic characteristics of some aspects of the investigation of extremist crimes committed by minors / S. V. Serebryannikov // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 200–205.

Преступления экстремистского характера в современном российском обществе представляют собой одну из ключевых проблем, стоящих перед отечественной правоохранительной системой. Особый интерес вызывает субъектный состав преступлений экстремистской направленности, характеризующийся снижением возраста лиц-участников данной группы деяний. Правильное понимание особенностей субъекта при расследовании и раскрытии преступлений данной категории предопределяет эффективность деятельности правоохранительных органов в условиях противодействия экстремизму и подростковой преступности в целом. Для криминалистики и криминалистической методики приоритетной является разработка методико-криминалистических рекомендаций, позволяющих интенсифицировать и оптимизировать процесс расследования отдельных видов и групп преступлений [1].

И хотя во многом рост преступлений экстремистской направленности (особенно на межнациональной или религиозной почве) обусловлен ошибками во внутренней политике советского периода нашей истории, задачи преодоления данной весьма неблагоприятной тенденции актуализировались именно перед современниками [2].

Средний возраст лица, совершающего преступление экстремистского толка, в 80 % случаев не превышает 30 лет. При этом непосредственно исполнителями таких преступлений все чаще являются лица подросткового и молодого возраста до 20 лет. Связано это с совокупностью различных факторов как кратковременного, так и длительного свойства.

К числу таких детерминант можно отнести: маргинализация социальной среды – неопределенность и неустойчивость в общественном положении способствует развитию искаженных идей о виновности в этом определенной категории людей и последующей формирующейся ненависти к ним; отсутствие нормативных установок – правовая неграмотность и заменяющие законы неформальные нормы поведения приводят к устойчивой уверенности в справедливости и положительном характере экстремистских проявлений; низкий уровень самоуважения – нездоровая оценка собственной личности соразмерно формирует пренебрежительное и циничное отношение и к окружающим, в особенности в отношении тех лиц, которые не разделяют жизненные представления виновного; деформация культурных ценностей – разорванный характер культурного аспекта жизни формирует ложные представления о ценностях и ориентирах, зачастую изначально содержащие в себе деструктивные и опасные элементы; экстремистский характер общества – существование в социальной среде принявшей идеологию насилия и морально-нравственного упадка наиболее эффективно формирует личность, склонную и проявляющую готовность к совершению преступлений на почве ненависти.

Для лиц, не достигших совершеннолетия, вышеуказанные факторы являются наиболее существенными в силу особенностей данной возрастной группы – внушаемость, впечатлительность, эмоциональность, цинизм, низкий уровень критического мышления, эгоизм, самоуверенность и т. п.

На основании существующих эмпирических данных, таких как материалы уголовных дел, данные ПДН и т. д. можно сделать вывод об определенных криминалистически значимых особенностях преступлений, совершаемых несовершеннолетними по экстремистским мотивам.

Криминалистика рассматривает преступление с позиции деятельностного подхода, формулируя на основе системного познания механизма преступления определенной группы его информационную модель, отраженную в криминалистической характеристике. Исходя из данного положения, представляется важным выделить в рамках криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности необходимость дифференциации таких деяний не только с позиции анализа непосредственного объекта

преступного посягательства, но и с учетом мотивов совершенного преступления.

Как показывает практика, подавляющее большинство преступлений экстремистской направленности, совершаемых несовершеннолетними, являются насильственными преступлениями [3], которые в свою очередь, обладая неярко выраженной экстремистской подоплекой и посягающие на жизнь и здоровье, половую свободу и половую неприкосновенность, на собственность с указанной точки зрения, могут определяться неверно, оставаясь в рамках формального подхода к характеристике преступных деяний по объективным признакам. С точки зрения уголовно-правовой квалификации это может не являться существенной проблемой, однако, в рамках расследования и раскрытия, а также профилактики совершения таких преступлений крайне важно в полной мере понимать причины, детерминанты и механизмы формирования преступных намерений и готовности воплощать их в противоправной деятельности.

Уголовный кодекс с точки зрения направленности относит к экстремистским мотивам ненависти и вражды на политической, идеологической, национальной, религиозной, расовой почве, при этом допуская расширительное толкование данного перечня. Исходя из этого, при установлении мотивов совершения преступления необходимо установить особенности личного отношения подозреваемых к потерпевшим, т. к. ввиду специфичности причин ненависти или вражды экстремистский элемент мотивации может быть упущен, что в свою очередь затруднит расследование или исказит его результаты.

Совершение таких преступлений как разбой, изнасилования, побои и истязания, угрозы убийством сами по себе не подразумевают экстремистскую направленность умысла преступника. Такие деяния зачастую «маскируются» под обычные преступления с хулиганскими, корыстными или иными мотивами, что создает условия для неверного понимания общей картины преступления и может затруднять поиск преступников и формирование доказательной базы.

Механизм формирования мотивации является ключевым элементом в криминалистическом анализе преступлений экстремистской направленности. Негативное отношение к представителям определенных социальных групп по тем или иным признакам, будь то политические, идеологические, религиозные либо какие-то иные основания, формируются не одномоментно. В подавляющем большинстве случаев данный процесс начинается в детском возрасте, когда понимание сути услышанного или увиденного не является доступным для несформировавшегося разума, однако, восприимчивость и впечатлительность психики в этом период развития человека позволяет любой получаемой информации усваиваться особенно легко, трансформируя ее в дальнейшем в установки и устойчивые позиции. Источником такого формирования обычно выступают близкие родственники (родители, дяди, тети, бабушки, дедушки, старшие братья, сестры), воспитатели дошкольных учреждений, учителя младших классов, няни и т. д. Немаловажным является и восприятие бесконтрольно получаемой информации из медиа источников, например, видеороликов на популярных видео-хостингах, транслирующих детский контент зачастую с искаженным либо вредным посылом, порой неочевидным для взрослого человека, но воспринимаемый на предусмотренном уровне ребенком. В данном случае речь идет об объективных факторах. С субъективной точки зрения, несомненно, важным является и непосредственно психологические и психические особенности личности ребенка. Индивидуальные свойства формирующейся личности уже на раннем этапе могут создавать определенный психологический фильтр для входящей информации. Однако при любом сочетании и степени воздействия самих вышеуказанных факторов важным остается воспитательный элемент, как внутри семьи, так и социума в целом. Ошибки в воспитании, несоизмеренность как в положительную, так и в отрицательную сторону наказаний, несоразмерные ограничения и запреты, нарушенные или утраченные эмоциональные связи, отсутствие доверительных отношений и прочие подобные детерминанты в конечном счете создают условия, при которых несовершеннолетний начинает искать самостоятельно или с подачи других лиц, виновных в своем нежелательном травмирующем состоянии. Обычно таковые находятся среди не конкретных людей или обстоятельств, а среди целых социальных групп, в зависимости от конкретных ситуаций. Причина этому кроется в легкости восприятия такой идеи, как невозможности воспрепятствования некой силе, что создает условия для морального оправдания личных неудач, а также дает искаженную мотивацию для дальнейшей жизнедеятельности. Но поскольку движущей силой развития личности уже является ненависть и агрессия, то с большой долей вероятности единственным исходом будет формирование устойчивых девиаций, а в дальнейшем и совершение преступлений на почве ненависти [4].

Важно подчеркнуть, что сам мотив ненависти и вражды в спектре рассмотрения преступлений экстремистской направленности имеет неоднородную структуру и условно может быть разделен на этапы в зависимости от конкретизации формирования психической и моральной готовности несовершеннолетнего лица к совершению преступления.

Коршунова О.Н. предлагает следующую классификацию мотивов субъектов преступлений экстремистской направленности:

- целевые мотивы;
- ориентирующие мотивы;
- технические мотивы [5].

Целевой мотив подразумевает раскрытие общих элементов в поведении субъекта, определяющих цель и стремление к достижению цели. Ориентирующий мотив характеризует устойчивый психический стимул, определяющий выбор конкретного типа поведения субъекта. Технический мотив является психическим стимулом ситуативного характера, определяющий выбор объект, способ взаимодействия с объектом и т. д. в рамках конкретной ситуации и избранного типа поведения.

Интересной особенностью, отличающей экстремистскую преступность несовершеннолетних от аналогичных деяний без мотивов ненависти с точки зрения анализа личности, является то, что несовершеннолетние преступники зачастую характеризуются высоким творческим потенциалом и высоким уровнем интроверсии. Такие лица отличаются склонностью и потребностью к генерации идей, концепций и различных мысленных моделей, вызывающих душевное волнение. Невозможность их реализации и воплощения длительный период, либо острое критическое отторжение окружающими способно приводить к состояниям фрустрации и отрешенности. Возникновение подобных состояний нередко провоцирует разочарование в себе, в окружающей действительности и приводит к деформации установок в их деструктивное состояние. В итоге возникает девиантная личность, склонная к осознанным проявлениям насилия и совершению продуманных циничных преступлений, а также готовая к распространению собственных деструктивных взглядов и формированию вокруг себя определенного рода идеологии [6].

Немаловажным с позиции криминалистического анализа представляется указание на преимущественно групповой характер данных преступлений, что характерно для большинства противоправных деяний, связанных с насильственными действиями или сложными организованными схемами совершения. Выделяет же именно данный элемент в текущем аспекте рассмотрения то, что реализации экстремистских планов требуется либо массовая вовлеченность, взаимно подпитывающая участников и придающая им уверенность, либо сознательное и продуманное руководство иных, чаще всего более старших участников. Реже переход от мыслей к действию происходит у несовершеннолетних преступников-одиночек, и в таких случаях необходимо досконально изучать механизм формирования готовности к совершению преступления индивидуально и персонифицировано в каждом конкретном случае.

С точки зрения дифференциации преступлений экстремистской направленности групповой элемент присутствует преимущественно в деяниях, подразумевающих определенный риск недостижения цели, либо сопротивления при попытке достичь цели. В первую очередь к таким видам деяний относятся преступления против жизни и здоровья, а также реже против половой свободы и половой неприкосновенности, так как речь идет о непосредственном физическом взаимодействии с жертвой, которая может оказаться старше по возрасту, физически сильнее, лучше подготовленной и т. д. Действие в составе группы позволяет несовершеннолетним даже при критической разнице в индивидуальных физических возможностях преодолеть сопротивление жертвы и достичь целей преступления, а также пресечь попытки к возможному задержанию на месте преступления. Таким образом по одному только групповому характеру совершенного преступления можно первично судить о предполагаемом субъектном составе в части, касающейся возраста.

Иные же преступления экстремистской направленности если и имеют групповой характер, то преимущественно это выражается в наличии участников-организаторов и подстрекателей. Например, получившая наибольшее распространение в последние годы форма совершения таких преступлений – экстремизм в сети Интернет, находит свою реализацию в совершении преступлений, предусмотренных ст. 280, 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, несовершеннолетними лицами, действующими под прямым либо косвенным руководством иных лиц, чаще всего более старшей возрастной группы, осуществляющих данную деятельность по организации и руководству совершения таких преступлений на профессиональной основе. Истинные мотивы таких скрытых участников могут отличаться от мотивов непосредственных исполнителей. Например, несовершеннолетний исполнитель осуществляет публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, либо распространяет материалы, возбуждающие ненависть, руководствуясь соответствующими экстремистскими взглядами, в то время как лицо, склонившее его к этому, имеет чисто корыстный мотив. Возможна и полностью обратная ситуация. Таким образом необходимо досконально изучить все аспекты таких деяний и выявить источник экстремистской идеологии с целью полной общей и частной превенции и профилактики.

Изучая вопрос о непосредственном свойстве самих преступных групп в рамках рассматриваемой темы, необходимо охарактеризовать различный уровень организации таких групп. Наиболее часто встречающийся тип групп с точки зрения криминалистической методики расследования преступлений экстремистской направленности может быть обозначен как «компания». Такие группы в большинстве случаев формируются на основе совместного времяпрепровождения участников в рамках образовательной, спортивной, культурно-массовой и иной деятельности, которая сама по себе может и не носить противоправный характер. Ключевым здесь является синергия основной и дальнейшей совместной деятельности, которая в свою очередь уже содержит в себе элементы антиобщественного поведения – курение, употребление алкоголя и наркотических средств, хулиганское поведение и т. д.

Ввиду многочисленности и изначальной положительной направленности таких форм объединения группы типа «компания» могут представлять определенную сложность в установлении причастности ее членов к экстремистским проявлениям, однако, склонность некоторых таких «компаний» к различным видам девиантного поведения, например, футбольных фанатов, напротив может облегчить установление взаимосвязей между совершенным преступлением и подозреваемыми. Данный тип групп является наименее организованным и наименее устойчивым, т. к. для «развала» группы обычно достаточно разделить участников или отделить зачинщиков и вдохновителей, что делает его наименее опасным [7].

Группы более высокого уровня организации, как указывалось выше, подразумевают более сложную форму взаимодействия участников и устойчивое руководство. Такие группы менее многочисленны нежели «компании», однако, за счет своих особенностей приобретают первостепенное значение при рассмотрении данного вопроса. Исходя из позиции Верховного Суда РФ, экстремистское сообщество является разновидностью организованной группы, что подчеркивает организованный тип групп как основную форму объединения участников преступлений экстремистской направленности [8]. Группа чаще всего имеет определенную идеологическую базу, нормы поведения и атрибутику. Непосредственными руководителями таких групп могут выступать идеологически подкованные, харизматичные, либо просто более взрослые и агрессивные субъекты. Иерархия подразумевает продуманность и планирование действий всех участников на основании единых целей и наличие общих методов их достижения. Для таких групп характерны повышенный уровень жестокости по отношению к объектам идеологической ненависти независимо от целей и характера непосредственно самого преступления, применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, показательный характер и стремление к устрашению, наличие запасных планов на случай непредвиденных обстоятельств и т. д.

Резюмируя все вышесказанное, мы можем прийти к выводу о том, что при всей своей видимой простоте экстремистский элемент мотивов совершения преступления имеет глубокий и многослойный характер, представляющий значительный научный и практический интерес. Общий криминалистический анализ отдельных аспектов данной темы выявил ряд определенных трудностей, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, а именно:

- неочевидность истинных мотивов преступника;
- скрытый групповой характер определенных видов преступлений;
- сложности в установлении личности виновного;
- запоздалость профилактических и превентивных мер.

Детальное изучение преступлений экстремистской направленности, совершаемых несовершеннолетними, требует комплексного подхода с позиции криминалистического анализа, психологии и социологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варданян А.В. Научный потенциал методики построения психолого-криминалистического портрета личности типичного преступника в контексте проблемы совершенствования криминалистической характеристики преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Ростов-на-Дону, 2015.
2. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Некоторые факторы, предопределяющие генезис этнорелигиозного экстремизма и терроризма, а также их актуализацию на современном этапе развития общества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. Вып. 2.
3. Варданян А.В., Кийко Л.Н. Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как элемент криминалистической характеристики // Науч. тр. SWorld. 2013. № 1. Т. 29.
4. Томалинцев В.Н. Человек в XXI веке: поиск на грани творчества и экстремизма. СПб., 2001.
5. Коршунова О.Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. СПб., 2006.

6. Константинов В.В., Осин Р.В. Психология экстремизма и терроризма: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024.
7. Варданян Г.А. Криминалистически значимые особенности организованных групп, осуществляющих серийное производство и оборот фальсифицированных лекарственных средств, как информационный ориентир для организации раскрытия и расследования указанных преступлений // Известия Тульского государственного университета. 2014. № 3–2.
8. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

REFERENCES

1. Vardanyan A.V. Scientific potential of the methodology for constructing a psychological and forensic portrait of a typical criminal in the context of the problem of improving the forensic characteristics of crimes // Forensic science: current issues of theory and practice. Rostov-on-Don, 2015.
2. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. Some factors that determine the genesis of ethnoreligious extremism and terrorism, as well as their actualization at the current stage of society development // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 2.
3. Vardanyan A.V., Kiyko L.N. Motivation of serious violent crimes against the individual as an element of forensic characteristics // Scientific tr. SWorld. 2013. № 1. V. 29.
4. Tomalintsev V.N. Man in the 21st century: a search on the verge of creativity and extremism. St. Petersburg, 2001.
5. Korshunova O.N. Crimes of an extremist nature: theory and practice of counteraction. St. Petersburg, 2006.
6. Konstantinov V.V., Osin R.V. Psychology of extremism and terrorism: a textbook for universities. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, 2024.
7. Vardanyan G.A. Forensically significant features of organized groups engaged in serial production and circulation of counterfeit drugs, as an information guide for organizing the disclosure and investigation of these crimes // Bulletin of Tula State University. 2014. № 3–2.
8. On judicial practice in criminal cases concerning crimes of an extremist nature: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 № 11 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Серебрянников Станислав Вадимович, преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Serebryannikov Stanislav Vadimovich, Lecturer of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.13

ОТКАЗ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ЛИЦОМ В ПРОДЛЕНИИ СРОКА ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ И СРОКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

Сивораक्षा Валерия Валентиновна

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация
svaleriya94@mail.ru

Введение: процедура продления процессуальных сроков осуществляется в соответствии с определенными законом требованиями. Однако не во всех случаях регламентирована возможность отказа при рассмотрении соответствующего ходатайства, что порождает различия в толковании норм и правоприменительной практике. Чаще всего такой отказ выражается в устной форме, что порой приводит к принятию неправомерных процессуальных решений по уголовному делу и материалу проверки сообщения о преступлении.

Материалы и методы: теоретическую базу исследования составили Уголовно-процессуальный кодекс РФ, ведомственные нормативно-правовые акты и работы других ученых по рассматриваемому вопросу. Автором использовались такие методы научного познания, как анализ, синтез, абстрагирование, а также эмпирический метод – анкетирование, в котором приняли участие 185 респондентов, являющихся сотрудниками органа дознания, предварительного следствия, прокуратуры, адвокатуры, образовательных и научно-исследовательских организаций из 31 субъекта Российской Федерации.

Результаты исследования: полученные в ходе изучения данного вопроса сведения (в том числе и научные позиции других авторов) указывают на необходимость корректировки норм, регламентирующих процедуру рассмотрения ходатайства о продлении срока предварительного следствия и дознания, а также срока проведения проверки сообщения о преступлении, в части установления возможности принятия решения об отказе в продлении срока.

Выводы и заключения: проведенное исследование и анализ возможных путей решения позволяют выбрать в качестве наиболее оптимального регламентацию возможности отказа уполномоченным лицом в продлении срока с вынесением отдельного мотивированного постановления.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебное производство, процессуальный срок, продление процессуального срока, отказ в продлении срока.

Для цитирования: Сивораक्षा В. В. Отказ уполномоченным лицом в продлении срока проверки сообщения о преступлении и срока предварительного следствия и дознания / В. В. Сивораक्षा // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 206–211.

Original paper

REFUSAL BY AN AUTHORIZED PERSON TO EXTEND THE TERM OF VERIFICATION OF A CRIME REPORT AND THE TERM OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

Sivoraksha Valeria Valentinovna

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation

Introduction: the procedure for extending procedural deadlines is carried out in accordance with the requirements set by law. However, the possibility of refusal when considering the relevant petition is not regulated in all cases, which gives rise to differences in the interpretation of the rules and law enforcement practice. Most often, such a refusal is expressed orally, which sometimes leads to the adoption of unlawful procedural decisions on a criminal case and the material of the verification of a report of a crime.

Materials and methods: the theoretical basis of the study was the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, departmental regulatory legal acts and the works of other scientists on the issue under consideration. The author used such methods of scientific knowledge as analysis, synthesis, abstraction, as well as an empirical method – a questionnaire, in which 185 respondents took part, who are employees of the inquiry body, preliminary investigation, prosecutor's office, advocacy, educational and research organizations from 31 subjects of the Russian Federation.

Results of the study: the information obtained during the study of this issue (including the scientific positions of other authors) indicate the need to adjust the rules governing the procedure for considering a petition for an extension of the preliminary investigation and inquiry period, as well as the period for checking a report of a crime, in terms of establishing the possibility of making a decision to refuse to extend the period.

Findings and conclusions: the conducted study and analysis of possible solutions allow us to choose as the most optimal regulation the possibility of an authorized person refusing to extend the period by issuing a separate reasoned decision.

Keywords: criminal proceedings, pre-trial proceedings, procedural period, extension of the procedural period, refusal to extend the period.

For citation: Sivoraksha V. V. Refusal by an authorized person to extend the term of verification of a crime report and the term of preliminary investigation and inquiry / V. V. Sivoraksha // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 206–211.

В соответствии с УПК РФ некоторые уголовно-процессуальные сроки являются строго определенными и заканчиваются в конкретную дату, а некоторые из них возможно продлить при соблюдении определенных требований и условий [1, с. 54–55; 2, с. 9]. Реализованная в строгом соответствии с нормами УПК РФ процедура продления процессуальных сроков, завершающаяся принятием процессуального решения о возможном продолжении уже начатой деятельности, обеспечивает соблюдение принципа законности, а совокупность норм, регламентирующих порядок продления, является значимой процессуальной гарантией обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Решение о продлении срока уполномочены принимать соответствующие субъекты. Так, срок проверки сообщения о преступлении до 10 суток продлевает начальник органа дознания, а до 30 суток – прокурор; срок предварительного следствия и дознания продлевают начальник следственного органа и прокурор соответственно. Продление срока меры пресечения или процессуального принуждения, избираемых по решению суда, осуществляется также судом. Однако это решение принимается указанными субъектами не по своей инициативе, а на основании заявленного соответствующими должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, мотивированного ходатайства.

Шимановский В.В. называет такие документы, как ходатайство о разрешении производства следственных действий «совместными правовыми актами», где само решение принимается следователем, а согласие дает (в то время) прокурор [3, с. 19]. Аналогичный смысл, на наш взгляд, имеет и ходатайство о продлении срока расследования уголовного дела или проверки сообщения о преступлении. Хотя само процессуальное решение о продлении принимает уполномоченный на то субъект, решение как волевой акт о необходимости продлить срок принимает то лицо, в чьем производстве находится уголовное дело или материал проверки. Кроме того, рассмотрение ходатайства о продлении в большинстве случаев осуществляется в присутствии следователя или дознавателя (в данном случае понимается и лицо, относящееся к органу дознания), заявившего ходатайство, а также его руководителя. И именно такое по сути «совместное» принятие решения рассматривается нами в качестве процессуальной гарантии обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Здесь как нельзя более точным и актуальным видится мнение коллектива ученых о том, что «обладающий всей необходимой информацией по конкретным уголовным делам и осуществляющий непрерывный ежедневный процессуальный контроль за законностью, своевременностью и качеством расследования, руководитель следственного органа в состоянии объективно оценить действительную необходимость продления срока следствия, его законности и обоснованности, приняв самостоятельно соответствующее процессуальное решение по уголовному делу и организационное (в зависимости от причин) – в отношении следователя» [4, с. 9]. Сказанное справедливо возможно отнести и к порядку продления срока прокурором и начальником органа дознания.

Вместе с тем, несмотря на такое «солидарное разделение ответственности» при продлении срока, окончательное процессуальное решение на основании ходатайства все же принимает то лицо или орган, которые уполномочены на то законом. И не всегда совместное обсуждение доводов о необходимости продления приводит к единству мнений лица его заявившего и лица, рассматривающего ходатайство. Формулировка норм УПК РФ позволяет сделать предположение о том, что принятие положительного решения при рассмотрении ходатайства является не обязательным. Так, согласно 3 ст. 144 УПК РФ указанные выше лица вправе продлить срок проверки сообщения о преступлении, а в соответствующих ст. 162, 223 и 109 УПК РФ срок предварительного следствия, дознания и

содержания обвиняемого под стражей может быть продлен уполномоченными субъектами, при наличии определенных обстоятельств и при соблюдении ряда условий. Очевидно, что данные слова, в большей степени указывают на саму возможность продления, поскольку оно не является обязательным процессуальным действием. Вместе с тем, вынесение ходатайства о продлении срока представляет собой форму просьбы перед лицом, наделенным законом правом принимать соответствующее решение, которое предполагает как согласие, так и отказ.

Существующая в настоящее время практика в большей степени представляет собой разрешение или согласие на продление, нежели чем само решение, поскольку выражается в виде подписи соответствующего уполномоченного лица рядом со словом «продлеваю» в верхней части постановления. В случае принятия положительного решения о продлении срока с такой формой можно согласиться, поскольку все мотивы и обоснование доводов в пользу продления в полной мере уже изложены в тексте ходатайства и не требуют вынесения отдельного решения. Однако возникает вопрос о порядке действий, если лицо, принимающее решение, не согласно с изложенными доводами и считает необходимым отказать в продлении.

Следует отметить, что принятие решения об отказе в продлении срока процессуально регламентировано только лишь для суда, тогда как для остальных субъектов такая альтернатива при рассмотрении ходатайства прямо в законе не предусмотрена. И хотя вопрос о длительности срока меры пресечения в отношении обвиняемого или срока наложения ареста на имущество в наибольшей степени затрагивает конституционные права и свободы граждан, все же отметим, что не менее значимым являются и сроки проведения проверки сообщения о преступлении и расследования уголовного дела, продление которых должно быть обусловлено соответствующими существенными причинами.

Процессуальная оценка уполномоченными должностными лицами изложенных в ходатайстве доводов предполагает принятие решения о возможности или невозможности продлить срок, которое должно найти свое отражение в соответствующем документе. Однако по сложившейся в настоящее время практике отказ в продлении выражается лишь в устной форме, а рассмотренное ходатайство остается за рамками уголовного дела или материала проверки сообщения о преступлении. Например, в инструкции об организации процессуального и ведомственного контроля при возбуждении ходатайств о продлении сроков предварительного следствия, содержания обвиняемых под стражей, домашнего ареста и запрета определенных действий по уголовным делам, находящимся в производстве следователей органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной Приказом Следственного департамента МВД РФ от 29.07.2020 № 27, «отказ в продлении» рассматривается в качестве возврата без удовлетворения материалов ходатайства в случае выявления существенных нарушений требований УПК РФ, или оставления без рассмотрения материала ходатайства, в случае поступления письма от руководителя следственного органа об отзыве материалов.

И такие случаи, к сожалению, не являются редкостью. Так, в рамках проведенного нами исследования получены данные о том, что более половины опрошенных сталкивались с отказом со стороны уполномоченных на то лиц при возбуждении ходатайства о продлении срока: 52,2 % в случаях продления срока проверки сообщения о преступлении и 59,6 % – при продлении срока предварительного следствия и дознания.

Нельзя не согласиться с Б.Я. Гавриловым в том, что предоставление на законодательном уровне руководителю следственного органа полномочий отказывать в продлении срока следствия не решит вопрос о необходимости полного и всестороннего расследования уголовного дела «независимо от субъективного или объективного характера причин невозможности окончания следствия в установленные законом сроки» [4, с. 8].

Подобные случаи устных отказов приводят к нарушению норм УПК РФ, регламентирующих порядок продления того или иного срока: принятие решения должно выражаться в соответствующем процессуальном документе и не может «аннулировать» предшествовавшее ему вынесение ходатайства. Негативными аспектами сложившейся практики являются отсутствие возможности обжаловать устный отказ, а также следующее за ним неизбежное возникновение у следователя или дознавателя обязанности «уложиться в срок», которая чаще всего исполняется за счет некачественного расследования либо принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела или приостановлении срока следствия или дознания. Отсутствие в материалах дела каких-либо процессуальных подтверждений о намерении должностного лица продлить срок способствует увеличению «латентности»

случаев необоснованных отказов в продлении, при которых вся ответственность за дальнейшее принятие незаконных процессуальных решений «ложится на плечи» следователя и дознавателя.

Очевидно, что наличие такой проблемы требует соответствующего процессуального решения, и регламентация в законе возможности отказа в продлении процессуального срока видится нам наиболее оптимальной. Следует отметить, что 59,6 % опрошенных респондентов поддержали данное предложение в части корректировки норм, регулирующих процедуру продления на этапе возбуждения уголовного дела, и 74% – на этапе предварительного расследования. Из них 41,8 % и 60 % соответственно считают необходимым вынесение отдельного мотивированного процессуального решения об отказе в продлении срока.

В качестве альтернативных вариантов нами рассматриваются следующие:

1. Выражение отказа в продлении в виде резолюции «Не продлеваю» в начале ходатайства, без вынесения отдельного постановления.

2. Вынесение соответствующим уполномоченным лицом отдельного мотивированного постановления об отказе в продлении срока.

Следует отметить, что предложенные пути решения традиционно имеют ряд плюсов и минусов. Так, первый способ, с одной стороны, решит проблему «латентности» необоснованных отказов в продлении, не создавая при этом дополнительной бумажной волокиты. Но в то же время такое процессуальное решение не будет отвечать требованиям законности, обоснованности и мотивированности, поскольку причины отказа остаются нераскрытыми. Справедливо называет «заведомо неправомерным» такой способ О.В. Мичурина, подчеркивая, что реализация должностными лицами функции процессуального контроля и надзора обязана предотвратить такие случаи, когда лицо «не укладывается» в установленный срок [5, с. 263]. Из этого следует вывод о том, что причины отказа должны быть в достаточной степени существенными и обоснованными, а значит, простой резолюции будет мало для признания такого способа отвечающим требованию законности.

В качестве отказа в продлении срока предварительного следствия Д.Н. Митрошина рассматривает дачу указаний о принятии процессуального решения в установленный (фактически оставшийся) срок [6]. Следует отметить, что хотя и такие случаи имеют место в практической деятельности, данное «решение», как правило, исключает приобщение ходатайства о продлении к уголовному делу, а значит, по своей сути является таким же, как и устный отказ в продлении. Кроме того, УПК РФ разделяет полномочия руководителя следственного органа о даче указаний и о продлении срока предварительного следствия, реализация которых, на наш взгляд, не может служить заменой друг другу.

В качестве наиболее оптимального решения рассматриваемой проблемы представляется вынесение уполномоченным должностным лицом отдельного мотивированного постановления об отказе в продлении срока, который поддержало большинство опрошенных респондентов. Несмотря на то, что такой порядок предполагает определенную «бюрократическую нагрузку», он создает дополнительные процессуальные гарантии для всех участников уголовного судопроизводства, включая само лицо, ходатайствующее о продлении, и лицо, принимающее по нему решение. Необходимость обосновывать принимаемое процессуальное решение исключает возможность вынесения неправомерных отказов в продлении, которые (выражаясь в настоящее время в устной форме) зачастую используются в качестве способа «наказания» для следователя или дознавателя за «волокиту» в расследовании. Е.В. Богословская называет такое решение «санкцией ничтожности», которое, по мнению автора, способствует недопущению нарушений требования закона о разумном сроке уголовного судопроизводства [7, с. 64–65].

Однако процедура продления срока не может использоваться в качестве способа проверки качества выполнения своих обязанностей должностным лицом. Наоборот, процессуальный контроль служит средством обеспечения законности при продлении и поиска оптимальных путей реализации назначения уголовного судопроизводства, а сама процедура возникает как необходимость достижения результата, для которого установлен первоначальный срок. Использование отказа в качестве меры дисциплинарного воздействия и способа ускорения расследования противоречит правовой природе продления. Разумеется, в отношении недобросовестного следователя или дознавателя, злоупотребляющего возможностью ходатайствовать о продлении срока, должны быть применены соответствующие санкции, однако, если к моменту продления срока имеется объективная необходимость продолжить расследование для принятия законного и обоснованного решения, он должен быть продлен. Такую позицию разделяют и другие ученые [8, с. 23; 9, с. 82].

В каких же случаях отказ в продлении срока будет являться правомерным? По нашему мнению, только тогда, когда к моменту рассмотрения соответствующим должностным лицом ходатайства имеются основания для принятия другого процессуального решения (возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела, приостановления срока предварительного следствия или дознания, прекращения уголовного дела), либо установлены иные объективные обстоятельства, при которых продление срока нецелесообразно (на день рассмотрения ходатайства значительная часть запланированных следственных действий выполнена или отпала необходимость в их производстве, и оставшегося срока достаточно для принятия законного и обоснованного решения по делу). Подобные обстоятельства возникают на практике и сейчас, однако принятие соответствующего решения по заявленному ходатайству остается за рамками процессуального поля, что, по нашему мнению, является неприемлемым.

Таким образом, считаем возможным сделать вывод о том, что регламентация в законе возможности отказа в продлении срока проверки сообщения о преступлении и сроков предварительного следствия и дознания путем вынесения отдельного мотивированного постановления уполномоченным лицом, в наибольшей степени позволит обеспечить законность при процедуре продления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петрова Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
2. Алексеев И.М. Правовая регламентация сроков в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013.
3. Шимановский В.В. Общие условия производства предварительного следствия: учебное. Ленинград, 1983.
4. Гаврилов Б.Я. Процессуальные сроки производства предварительного следствия и содержания обвиняемых под стражей: научно-практическое пособие / Б. Я. Гаврилов, У. В. Садюкова, Ю. В. Шпагина. М., 2023.
5. Мичурина О.В. Что не так в процедуре обращения дознавателя к прокурору с ходатайством о продлении срока производства дознания? // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2021.
6. Митрошина Д.Н. Процессуальное решение о продлении уголовно-процессуальных сроков (межотраслевой аспект) // Государственная служба и кадры. 2022. № 1.
7. Богословская Е.В. Меры прокурорского реагирования по устранению нарушений разумного срока уголовного преследования // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной реформы: сб. научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Курск, 2019.
8. Ефремова Н.П. Исчисление и продление сроков предварительного расследования: учебно-практическое пособие. Омск, 2016.
9. Мордвинов А.В. Процессуальные сроки: особенности установления и исчисления при производстве предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2021.

REFERENCES

1. Petrova G.B. Time limits as an element of legal regulation in criminal proceedings: diss. ... PhD in Law. Saratov, 2004.
2. Alekseev I.M. Legal regulation of time limits in the pre-trial stages of criminal proceedings in the Russian Federation: author's abstract. diss. ... PhD in Law. St. Petersburg, 2013.
3. Shimanovsky V.V. General conditions for the preliminary investigation: training. Leningrad, 1983.
4. Gavrilov B.Ya. Procedural time limits for the preliminary investigation and detention of the accused: scientific and practical manual / B.Ya. Gavrilov, U.V. Sadyokova, Yu.V. Shpagina. Moscow, 2023.
5. Michurina O.V. What is wrong with the procedure for an investigator's appeal to the prosecutor with a petition to extend the time limit for the inquiry? // Criminal proceedings in Russia and

foreign countries: problems and development prospects: materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg, 2021.

6. Mitroshina D.N. Procedural decision on the extension of criminal procedural deadlines (intersectoral aspect) // Civil service and personnel. 2022. № 1.

7. Bogoslovskaya E.V. Prosecutor's response measures to eliminate violations of a reasonable time for criminal prosecution // Unity and differentiation of pre-trial and trial proceedings in criminal proceedings: new conceptual approaches in light of the legacy of the Great Judicial Reform: collection of scientific articles of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Kursk, 2019.

8. Efremova N.P. Calculation and extension of the terms of preliminary investigation: a teaching aid. Omsk, 2016.

9. Mordvinov A.V. Procedural deadlines: features of establishment and calculation during preliminary investigation: dis. ... PhD in Law. Izhevsk, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сиворакша Валерия Валентиновна, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sivoraksha Valeria Valentinovna, adjunct of the faculty for the preparation of scientific- pedagogical and scientific personnel. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 12, Academic Volgin St., Moscow 117437 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ СТ. 164 УПК РФ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Смолин Алексей Владимирович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация
avsmolin1@gmail.com

Количенко Артем Андреевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация
kolichenkoa@mail.ru

Грачева Олеся Александровна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация
olesya_leushkina@mail.ru

Введение: активное развитие цифровых технологий и их повсеместное использование в преступной деятельности привело к необходимости изменения уголовно-процессуального закона. Примером тому может послужить относительно недавнее введение законодателем ст. 164¹ УПК РФ, регулирующей порядок изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий. Неоднозначная репутация названной нормы в научных кругах и среди практических работников свидетельствует о непроработанности самой конструкции нормы. Ввиду этого, в рамках данной статьи авторами производится попытка определения теоретических и практических проблем в реализации ст. 164¹ УПК РФ, предлагаются пути их решения.

Материалы и методы: в статье проанализированы положения УПК РФ, судебно-следственная практика реализации ст. 164¹ УПК РФ, а также юридическая литература по данному вопросу. Методологическая база исследования состоит в применении диалектического метода научного познания, общенаучных и частнонаучных методов

Результаты исследования: дали возможность обратить внимание на проблемы теории и практики, связанные с реализацией ст. 164¹ УПК РФ в правоприменительной деятельности. На основе этого выработаны пути решения выявленных проблем.

Выводы и заключения: авторы исследования пришли к выводу о том, что современные реалии требуют концептуального пересмотра и переосмысления подхода к работе с информацией, находящейся на электронных носителях. Видится, что наилучшим началом работы в этом направлении (минимизации процессуальных ошибок) служит проведение дополнительного обучения всех субъектов деятельности по выявлению и расследованию преступлений по особенностям работы с электронными носителями информации.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальное доказывание, теория доказательств, электронные носители информации, ст. 164¹ УПК РФ.

Для цитирования: Смолин А. В., Количенко А. А., Грачева О. А. Проблемы реализации положений ст. 164¹ УПК РФ: от теории к практике / А. В. Смолин, А. А. Количенко, О. А. Грачева // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 212–218.

Original paper

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PROVISIONS OF ARTICLE 164 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: FROM THEORY TO PRACTICE

Smolin Alexey Vladimirovich

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Kolichenko Artem Andreevich

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Gracheva Olesya Alexandrovna

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction: the active development of digital technologies and their widespread use in criminal activities has led to the need to change the criminal procedure law. An example of this is the relatively recent introduction by the legislator of art. 164 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which regulates the procedure for the seizure of electronic storage media and copying information from them during investigative actions. The ambiguous reputation of this norm in scientific circles and among practitioners indicates that the very design of the norm is not well developed. In view of this, within the framework of this article, the authors attempt to identify theoretical and practical problems in the implementation of art. 164 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and propose ways to solve them.

Materials and methods: the article analyzes the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the judicial and investigative practice of implementing art. 164 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as legal literature on this issue. The methodological basis of the study consists in the application of the dialectical method of scientific knowledge, general scientific and specific scientific methods.

Results of the study: made it possible to pay attention to the problems of theory and practice related to the implementation of art. 164 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in law enforcement activities. Based on this, solutions to the identified problems were developed.

Findings and conclusions: the authors of the study came to the conclusion that modern realities require a conceptual revision and rethinking of the approach to working with information stored on electronic media. It seems that the best start to work in this direction (minimization of procedural errors) is to conduct additional training for all subjects of activity in identifying and investigating crimes on the specifics of working with electronic media.

Keywords: criminal procedure, criminal procedural proof, theory of evidence, electronic media, art. 164 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

For citation: Smolin A. V., Kolichenko A. A., Gracheva O. A. Problems of implementing the provisions of article 164 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: from theory to practice / A. V. Smolin, A. A. Kolichenko, O. A. Gracheva // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 212–218.

Стремительное развитие цифровых (высоких) технологий является локомотивом модернизации если не всех, то большинства сфер жизнедеятельности общества и государства. И игнорирование, проявление инертности к данной тенденции преступно недопустимо на фоне активного использования цифровых технологий в совершении преступлений различных видов направленности. Но, в особенности из общей массы выделяется группа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Как мы видим из официальной статистики МВД России о состоянии преступности в период с января по март 2024 г., более трети всех преступлений совершено с использованием указанных технологий – в этой сфере зарегистрировано на 17,6 % больше уголовно наказуемых деяний (179 228), чем в январе–марте прошлого года [1].

Очевидно, что проблемы практики требуют изначально глубокой теоретической проработки. Сложно представить в последнее время более «популярной» проблематики, чем электронное (виртуальное, цифровое, компьютерное и т. п.) доказательство или электронный носитель информации (далее – ЭНИ). Большинство дискуссий можно свести к вопросу о необходимости его самостоятельного уголовно-процессуального закрепления и порядка работы с ним. И здесь важно отметить, что данная проблематика находится в ведении теории доказательств.

Тем самым ракурса на решение указанных вопросов может быть два: уголовно-процессуальный и криминалистический. Первый рассматривает вопросы взаимоотношения электронного доказательства и его природы с нормами действующего уголовно-процессуального законодательства. Второй – с точки зрения порядка работы с ним (обнаружение источника, изъятие и использование в доказывании содержащейся в нем информации). При этом, если с точки зрения уголовного процесса проблематику можно считать обоснованной, в виду малого количества в действующем УПК РФ норм, которые бы учитывали техническую специфику работы с данного рода доказательствами, то с

точки зрения криминалистики такое пристальное внимание к нему вызывают вопросы. В основном это связано с тем, что современные представления о процессах следообразования и использования доказательственной информации были получены именно при адаптации положений науки, непосредственно и изучающей электронную информацию – кибернетики.

Следует отметить тот факт, что слияние философских воззрений и научно-технического прогресса, их влияние на теорию доказательств привели к переосмыслению процесса доказывания. И как справедливо отметил Ю.П. Боруленков, ныне действующий УПК РФ содержит именно информационную модель доказательства, поскольку раскрывает его содержание через понятие «сведения» [2, с. 2]. Тогда назревает вопрос – почему, если сущность электронного доказательства полностью соответствует концепции информационного доказывания, в последнее время такое внимание уделяется проблемам его выделения в отдельный (самостоятельный) вид? Полагаем, что ответ кроется в технической, а не процедурной стороне вопроса.

Проанализированные в доктрине подходы к определению понятия «электронное доказательство», а также «ЭНИ», сводятся к тому, что большинство авторов делают акцент именно на особой форме их выражения [3, с. 47]. Можно предположить, что многочисленные дискуссии об их природе, в том числе, связаны с отсутствием раскрытия его содержания в действующем УПК РФ. Мы солидарны с М.М. Лукьяновым, который отметил, что одним из вопросов, решение которых имеет криминалистическое и уголовно-процессуальное значение, является определение понятия «электронные носители информации», его отграничение от электронных устройств [4, с. 74]. В ранее опубликованных работах, мы отмечали, что законодатель оперирует данной категорией в нормах уголовно-процессуального закона не менее 35 раз, подобное положение дел создало противоречивую интерпретационную ситуацию при понимании сущности ЭНИ в уголовно-процессуальном доказывании [5, с. 116]. С момента опубликования данной статьи прошло более 2-х лет, но проблема своего разрешения не нашла, несмотря на то, что на нее обращают внимание не только в рамках научных статей, но и на уровне исследований монографического уровня.

Например, А.А. Балашова указывает, в условиях отсутствия законодательного закрепления понятия электронного носителя информации и одновременно широкого его использования в текстах нормативно-правовых актов различного уровня, возникает правовая неопределенность при решении вопроса об отнесении того или иного объекта к указанной категории, что, в свою очередь, способно привести к недопустимости доказательств, полученных в нарушение процессуальных требований к порядку собирания доказательств на электронных носителях информации [6, с. 18].

Но одно лишь нормативное закрепление не решит всех проблем, особенно для практической деятельности. Отметим, что законодателю целесообразно это сделать, поскольку это сняло бы множество вопросов в теории, тем самым дало новый вектор проработки практических вопросов. Для правоприменительной деятельности куда важнее разрешение проблем, связанных с извлечением из электронных доказательств информации, ее интерпретацией и соблюдением при этом норм, нарушение которых может повлечь признание последних недопустимыми.

Такая тенденция прослеживается и за рубежом, где юристов не волнуют вопросы этимологии, а в первую очередь они изучают условия соблюдения прав и законных интересов граждан при работе с электронной информацией [7, с. 43].

Аналогичного мнения придерживаемся и мы, полагая, что куда важнее знать и понимать критерии законности обнаружения, получения и оперирования доказательствами, нежели неуловимые для практических сотрудников тонкости различия их видов. Уголовно-процессуальное законодательство должно давать пространство для тактического «маневра» каждой из сторон процесса, чтобы в равных условиях они могли либо убедить суд в выдвинутой им версии, или же убедиться в ее несостоятельности [8]. Эта позиция разделяется и другими авторами. Так, И.А. Зинченко и А.П. Попов, отметили, что для субъектов деятельности по выявлению и расследованию преступлений не столь важно, каким образом выполнена информация, а важно ее значение для доказывания [9].

В настоящее время особо пристального внимания заслуживают проблемы практической деятельности, возникшие после введения ст. 164¹ УПК РФ, регламентирующей особенности изъятия ЭНИ и копирования с них информации при производстве следственных действий. Данная норма имеет неоднозначную репутацию, которая кроется в том, что конструкция данной нормы не является совершенной и создает определенные трудности и коллизии при ее применении в практике расследования преступлений. Далее постараемся рассмотреть

наиболее типичные проблемы теории и практики применения ст. 164¹ УПК РФ, а также предложить пути их решения.

Актуализируя проблематику, следует сказать о том, что при поисковом запросе «электронные носители информации в уголовном процессе» / «электронные носители информации» в научной электронной библиотеке «Elibrary.ru» система находит сотни публикаций [10]. Авторами публикаций являются не только именитые ученые-процессуалисты [11; 12], а также молодые исследователи, которые только начинают свой путь на научном поприще [13]. Данный факт свидетельствует, во-первых, о заинтересованности научного сообщества в разработке проблематики использования, а равно реализации положений ст. 164¹ УПК РФ в нуждах доказывания, а во-вторых, о наличии определенных проблем, которые в действительности имеются в данном направлении.

Первая проблема заложена в самой юридической конструкции данной нормы. В соответствии с ч. 1 ст. 164¹ УПК РФ, законодатель определяет случаи, когда изъятие ЭНИ не допускается – это случаи, обусловленные производством по уголовным делам, указанным в ч. 4 ст. 164 УПК. Однако в той же статье предусмотрен ряд исключений, в частности: вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации [14]. Вопрос – как правоприменитель может прийти к выводу о необходимости применения специальных знаний в отношении объекта исследования для получения доказательственной информации, когда у него нет в распоряжении самого объекта исследования?

Так, согласно ч. 1 ст. 195 УПК РФ, при вынесении постановления о назначении судебной экспертизы следователь указывает, в том числе, основания ее назначения и материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта. То есть, он обязан изложить обстоятельства уголовного дела (фабула уголовного дела, обстоятельства изъятия объекта исследования, обоснование необходимости применения для его исследования специальных знаний) и индивидуальные характеристики предоставляемых на исследование материалов и объектов, в том числе упаковку. Как можно указать обстоятельства события, которое произойдет в будущем, и характеристики того, чего еще у тебя нет? На лицо явная несогласованность норм УПК РФ, и нарушение логической последовательности принятия процессуального решения.

Решение данной проблемы мы видим только в исключении из закона рассмотренной части нормы по изъятию ЭНИ, поскольку она видится не состоятельной, вызывающей конфликт норм УПК РФ, а также нарушения логического хода действий при принятии процессуального решения о назначении судебной экспертизы.

Следующая проблема содержится в ч. 2 ст. 164¹ УПК РФ, а именно – императивном предписании на необходимость изъятия ЭНИ в ходе производства следственных действий с участием специалиста. Логика законодателя, как кажется, при формулировании данной нормы максимально понятна – любая операция, которая связана не с самим ЭНИ, а содержащейся на нем информацией, легко может повлечь искажение и уничтожение последней. Но проблема связана с тем, что при изъятии ЭНИ правоохранители изымают преимущественно только непосредственно носители информации, с ней же никаких манипуляций не совершается. В этом случае речь идет о применении классических криминалистических знаний, которыми субъекты расследования априори обязаны обладать.

Безусловно, есть случаи, когда участие специалиста необходимо и при простом изъятии ЭНИ, например, с сервера. Зачастую они оборудованы программными или техническими ловушками, направленными на уничтожение содержащейся на них информации. И обнаружить их, нейтрализовать и провести изъятие такого ЭНИ сможет только лицо, обладающее специальными знаниями.

Но еще одна проблема в том, что в подразделениях МВД России нет такого количества специалистов в области работы с ЭНИ, чтобы они могли обеспечить сопровождение их изъятия. Правоприменительная практика также не однозначна. В некоторых случаях суды признают изъятие ЭНИ без участия специалиста незаконными [15], в других же оставляют такие решения в силе, ссылаясь на то, что копирование информации, содержащейся на изъятых предметах на другие ЭНИ, не производилось [16].

Решения данной проблемы видится два.

На законодательном уровне – предоставить субъектам расследования диспозитивный характер участия в таких случаях специалиста, а не императивный.

На практическом уровне – проводить обучение в рамках повышения квалификации сотрудников экспертно-криминалистических подразделений и оперативных работников по работе с ЭНИ и привлекать их в качестве специалистов при изъятии последних.

В завершении следует обратить внимание на еще одну распространенную проблему – несоблюдение порядка хранения ЭНИ. Складывающаяся практика свидетельствует о том, что изымаемые ЭНИ (ноутбуки, сотовые и мобильные телефоны и пр.), как правило, признаются в качестве вещественных доказательств. При этом важно отметить, что доказательственное значение в большинстве случаев представляют не сами носители информации, а содержащиеся на них сведения. И в постановлении о признании их вещественными доказательствами обычно идет формулировка, например: признать в качестве вещественного доказательства сведения [...], содержащиеся на [...]. Такая практика может считаться в целом нормальным явлением, поскольку, как мы уже отмечали, информация вне источника существовать не может.

Разрешение данной проблемы на сегодняшний день видится одно – ответственная и внимательная работа субъектов доказывания с находящимися в их производстве уголовными делами и вещественными и иными доказательствами по ним, исключающая принятие незаконных и необоснованных решений об их хранении. А также не лишним будет и дополнительное прохождение следователями и дознавателями обучения по повышению квалификации с учетом складывающейся практики работы с ЭНИ.

Подводя итоги исследования, отметим, что современные реалии требуют концептуального пересмотра и переосмысления подхода к работе с информацией, находящейся на ЭНИ. В особенности требуют внимания аспекты, связанные с практической реализацией положений ст. 164¹ УПК РФ. Отсутствие проработанного и адекватного нормативно-правового регулирования, нестабильность следственной и судебной практики приводят к тому, что в одних и тех же ситуациях принимаются противоположные решения следователями и судьями, что порождает огромное количество замечаний на их действия и ходатайств о признании полученных таким образом доказательств недопустимыми. В целом, стоит отметить, что с годами на некоторые проблемные аспекты находят свои ответы. В частности, это связано с хранением ЭНИ. Но есть и до сих пор не решенные проблемы. Вопросы применения оснований для изъятия ЭНИ и участие в нем специалиста до сих пор подталкивает субъектов доказывания на принятие не законных решений, тем самым ставя под вопросом легитимность таких действий. Видится, что лучшим началом работы в этом направлении служит проведение дополнительного обучения всех субъектов деятельности по выявлению и расследованию преступлений по особенностям работы с ЭНИ. Для одних это позволит понимать и осознавать методы работы с ЭНИ, потенциалы использования в доказывании содержащейся на них информацией, а для других – выступать в качестве специалистов при их изъятии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–март 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/49477631/> (дата обращения: 16.05.2024).
2. Боруленков Ю.П. Понятие «вещественное доказательство» // Законность. М., 2006. № 2.
3. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4(11).
4. Льянов М.М. Понятие «электронные носители информации» применительно к расследованию преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 3(65).
5. Количенко А.А. Электронные носители информации как источник получения электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 1(47). Т. 13.
6. Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
7. Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
8. Смолин А.В. Уголовно-процессуальная природа электронного доказательства // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и практика: сборник статей. Выпуск XVI. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2020.
9. Зинченко И.А., Попов А.П. Институт электронных носителей информации в уголовно-процессуальном праве. URL: <https://www.iuaj.net/node/2814> (дата обращения 15.05.2024).

10. Научная электронная библиотека «Elibrary.ru». URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 22.05.2024).
11. Григорьев В.Н., Максимов О.А. Об электронных носителях информации в уголовном судопроизводстве // Вестник ННГУ. 2019. № 3.
12. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4(44).
13. Сенькина Д.А. Уголовно-процессуальные проблемы изъятия электронных носителей информации и копирования содержащейся в них информации // Альманах молодого исследователя. 2019. № 6.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.05.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Апелляционное постановление Иркутского областного суда № 22-4504/2023 22К-4504/2023 от 29 ноября 2023 г. по делу № 3/3-365/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jgRkzFShdTHd/> (дата обращения: 24.05.2024).
16. Апелляционное постановление Мурманского областного суда № 22К-1650/2017 от 21.12.2017 по делу № 2К-1650/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/vwkysKeZxBT/> (дата обращения: 15.05.2024).

REFERENCES

1. Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January-March 2024. URL: <https://мвд.рф/reports/item/49477631/> (date of access: 16.05.2024).
2. Borulnikov Yu.P. The concept of “material evidence” // Legality. Moscow, 2006. № 2.
3. Vekhov V.B. Electronic evidence: problems of theory and practice // Law and order: history, theory, practice. 2016. № 4 (11).
4. Lyanov M.M. The concept of «electronic information carriers» as applied to the investigation of crimes // Legal science and law enforcement practice. 2023. № 3 (65).
5. Kolichenko A.A. Electronic storage media as a source of obtaining electronic evidence in criminal proceedings // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1 (47). Vol. 13.
6. Balashova A.A. Electronic storage media and their use in criminal procedural evidence: author's abstract. diss. ... PhD in Law. Moscow, 2020.
7. Okonenko R.I. «Electronic evidence» and the problems of ensuring the rights of citizens to protect their privacy in criminal proceedings: a comparative analysis of the legislation of the United States of America and the Russian Federation: diss. ... PhD in Law. Moscow, 2016.
8. Smolin A.V. Criminal procedural nature of electronic evidence // Problems of combating crime in the context of digitalization: theory and practice: collection of articles. Issue XVI. Barnaul: Altai State University, 2020.
9. Zinchenko I.A., Popov A.P. Institute of Electronic Information Media in Criminal Procedure Law. URL: <https://www.iuaj.net/node/2814> (date of access: 15.05.2024).
10. Scientific Electronic Library «Elibrary.ru». URL: https://elibrary.ru/-query_results.asp (date of access: 22.05.2024).
11. Grigoriev V.N., Maksimov O.A. On Electronic Information Media in Criminal Proceedings // Bulletin of UNN. 2019. № 3.
12. Gavrilin Yu.V. Electronic Information Media in Criminal Proceedings // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4 (44).
13. Senkina D.A. Criminal procedural issues of seizure of electronic storage media and copying of information contained therein // Almanac of a young researcher. 2019. № 6.
14. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FZ (as amended on 22.04.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 15.05.2024). Access from the legal system «ConsultantPlus».
15. Appellate ruling of the Irkutsk Regional Court № 22-4504 / 2023 22К-4504 / 2023 dated November 29, 2023 in case № 3 / 3-365 / 2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jgRkzFShdTHd/> (date of access: 24.05.2024).
16. Appellate ruling of the Murmansk Regional Court № 22К-1650/2017 dated 21.12.2017 in case № 2К-1650/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/vwkysKeZxBT/> (date of access: 15.05.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смолин Алексей Владимирович, доцент кафедры криминалистики. Нижегородская академия МВД России. 603144, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

Количенко Артем Андреевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики. Нижегородская академия МВД России. 603144, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

Грачева Олеся Александровна, старший преподаватель кафедры криминалистики. Нижегородская академия МВД России. 603144, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Smolin Alexey Vladimirovich, Associate Professor of the Department of Criminalistics. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 3, Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod 603144 Russian Federation.

Kolichenko Artem Andreevich, PhD in Law, lecturer of the Department of Criminalistics. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 3, Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod 603144 Russian Federation.

Gracheva Olesya Aleksandrovna, senior lecturer of the Department of Criminalistics. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 3, Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod 603144 Russian Federation.

Научная статья
УДК 351.745.7:001

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ НАУКА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ

Третьяков Владимир Иванович

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
tretyakov1717@yandex.ru

Павличенко Николай Владимирович

Сочинский институт (филиал) РУДН имени Патриса Лумумбы, Сочи, Российская Федерация
pavlichenko.pro@mail.ru

Введение: в статье анализируется роль оперативно-розыскной науки в развитии и совершенствовании оперативно-розыскного законодательства. Авторами выявлено, что научно обоснованные предложения современных ученых, специализирующихся на исследовании проблем законодательного регулирования правоотношений в сфере оперативно-розыскной деятельности, не учитываются законодателем при принятии решений, направленных на внесение изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

Материалы и методы: материальную базу статьи составили исследования ученых, специализирующихся на изучении проблем оперативно-розыскной деятельности, а также нормативные правовые акты, ее регламентирующие. Использовались общенаучные методы (описание, анализ, синтез, индукция), частнонаучные методы познания правовых явлений (юридико-догматический метод, метод анализа нормативных правовых текстов).

Результаты исследования: в статье рассматриваются проблемы имплементации результатов научной деятельности ученых, специализирующихся на проблемах оперативно-розыскной деятельности, в современное оперативно-розыскное законодательство.

Выводы и заключения: оперативно-розыскная наука и действующее законодательство живут «собственными жизнями» и не пересекаются, несмотря на колоссальный вклад современных ученых, специализирующихся на развитии и совершенствовании оперативно-розыскных правоотношений. Исправить ситуацию может формирование открытого репозитория научно-обоснованных предложений от представителей оперативно-розыскной науки, создание рабочей группы, в состав которой должны войти наряду с учеными и правоприменители, способные реально оценить изыскания, предлагаемые оперативно-розыскной наукой.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, законодательство, оперативно-розыскные органы, право, закон, кодекс, предложение по совершенствованию.

Для цитирования: Третьяков В. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскная наука и законодательство: проблемы взаимодействия и взаимопроникновения / В. И. Третьяков, Н. В. Павличенко // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 219–226.

Original paper

OPERATIONAL INVESTIGATIVE SCIENCE AND LEGISLATION: PROBLEMS OF INTERACTION AND INTERPENETRATION

Tretyakov Vladimir Ivanovich

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Pavlichenko Nikolay Vladimirovich

Sochi Institute (branch) of RUDN named after Patrice Lumumba, Sochi, Russian Federation

Introduction: the article analyzes the role of operational investigative science in the development and improvement of operational investigative legislation. The authors revealed that the scientifically based proposals of modern scientists specializing in the study of problems of legislative regulation in the field of op-

erational investigative activities are not taken into account by the legislator when making decisions aimed at introducing changes and additions to the Federal Law «On Operational Investigative Activities».

Materials and methods: the material basis of the article was made up of research by scientists specializing in the study of problems of operational investigative activity, as well as regulatory legal acts regulating it. General scientific methods (description, analysis, synthesis, induction), and specific scientific methods of cognition of legal phenomena (legal-dogmatic method, method of analysis of normative legal texts) were used.

Results of the study: the article discusses the problems of implementing the results of scientific activities of scientists specializing in the problems of operational investigative activities into modern operational investigative legislation.

Findings and conclusions: operational investigative science and current legislation live «their own lives» and do not intersect, despite the enormous contribution of modern scientists specializing in the development and improvement of operational investigative legal relations. The situation can be corrected by the formation of an open repository of scientifically based proposals from representatives of operational investigative science, the creation of working group, which should include, along with scientists, law enforcement officers who can really evaluate the research proposed by operational investigative science.

Keywords: operational investigative activities, legislation, operational investigative bodies, law, order, code, proposal for improvement.

For citation: Tretyakov V. I., Pavlichenko N. V. Operational investigative science and legislation: problems of interaction and interpenetration / V. I. Tretyakov, N. V. Pavlichenko // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 219–226.

В следующем году оперативно-розыскное сообщество будет отмечать 30-летие со дня принятия Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». За столь долгий срок существования закон не претерпел существенных изменений и в целом сохранился в том виде, в котором его принимали 12 августа 1995 г. Законодатель внес ряд точечных изменений и дополнений¹, обусловленных необходимостью совершенствования законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности и совершенствования организации и тактики оперативно-розыскных органов.

Контент-анализ всех этих изменений и дополнений показал, что они расширили и уточнили задачи оперативно-розыскной деятельности (02.12.2005 № 150-ФЗ, 21.12.2013 № 369-ФЗ, 25.12.2008 № 280-ФЗ, 28.06.2022 № 202-ФЗ), усовершенствовали механизм защиты прав и свобод граждан, вовлеченных или прикосновенных к оперативно-розыскной сфере (05.01.1999 № 6-ФЗ), уточнили основания и условия для проведения оперативно-розыскных мероприятий (02.12.2005 № 150-ФЗ, 21.12.2013 № 369-ФЗ, 24.07.2007 № 214-ФЗ, 28.12.10 № 404-ФЗ, 05.04.2013 № 53-ФЗ и др.). Значительные изменения коснулись использования оперативно-розыскных сведений (30.12.2021 № 471-ФЗ, 29.04.2008 № 58-ФЗ и др.).

Изменения касались непосредственно сотрудников оперативно-розыскных подразделений и были направлены на предупреждение негативных последствий этой деятельности, связанной с фальсификацией результатов оперативно-розыскной деятельности и провокациями к совершению противоправных действий (24.07.2007 № 211-ФЗ), а также на совершенствование прав и обязанностей самих оперативно-розыскных органов и лиц, оказывающих им содействие (24.07.2007 № 214-ФЗ, 28.12.2008 № 404-ФЗ и ряд других). Тут важно отметить роль Федерального закона от 26.12.2008 № 293-ФЗ, который значительно изменил содержание ст. 15, регламентировав в ней процедуру изъятия документов, предметов и материалов при проведении гласных ОРМ.

Несколько нормативных правовых актов, принятых в целях совершенствования оперативно-розыскного закона, были направлены на совершенствование проведения оперативно-розыскных мероприятий: расширен перечень оперативно-розыскных мероприятий за счет нового – получение компьютерной информации (06.07.2016 № 374-ФЗ), скорректировано название оперативно-розыскного мероприятия «опрос» (05.01.1999 № 6-ФЗ) и ряд других.

За весь период существования оперативно-розыскного закона в правовом арсенале правоприменителя появилось всего две новые статьи. Первая – статьей 8.1 была внедрена в тело закона Федеральным законом от 29.04.2008 № 58-ФЗ и регламентировала особенности проведения оперативными подразделениями органов ФСБ оперативно-розыскных

¹Все изменения, внесенные в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» по ссылке: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76736/77b696f539f02071f17e3e9e808e02085e7ddb47/#dst100027.

мероприятий в сфере осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Вторая – статья 12.1 нормативно закрепила запрет на недопустимость разглашения сведений об осуществлении оперативно-розыскной деятельности, содержащихся в запросах, направленных гражданам и организациям (Федеральный закон от 30.12.2020 № 515-ФЗ).

Необходимо отметить, что большинство вносимых законодателем дополнений и изменений носили сиюминутный характер, были обусловлены внешними обстоятельствами, которые требовали их реализации в оперативно-розыском законодательстве в кратчайшие сроки. Единственным, на наш взгляд, исключением стало изменение в названии оперативно-розыскного мероприятия «Опрос граждан», которое было заменено на «Опрос», что вполне обосновано, т. к., по мнению В. И. Елинского, оно искусственно сужало круг лиц, от которых можно получать оперативно-розыскную информацию, т. к. из объектов данного мероприятия исключались лица, не имеющие гражданства или еще не получившие статус гражданина [4, с. 38–41]. Но даже и тут законодатель услышал часть разумного предложения от науки. Так, В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров в своем научном докладе предлагали вышеуказанное оперативно-розыскное мероприятие назвать «Оперативный опрос» [1, с. 14], что разграничивало бы его от смежных направлений деятельности, использующих опрос для получения той или иной информации.

К сожалению, необходимо констатировать, что роль оперативно-розыскной науки в изменениях и дополнениях, внесенных в оперативно-розыскной закон, была минимальной. Проведен опрос ведущих ученых, занимающихся проблематикой, связанной с совершенствованием оперативно-розыскного законодательства, и получены неутешительные результаты. Все они в своем большинстве (около 95 % опрошенных) не привлекались как эксперты к внесенным в оперативно-розыскной закон изменениям и дополнениям или привлекались единожды (около 5 % респондентов). В связи с полученными результатами опроса мы предприняли попытку понять какова роль оперативно-розыскной науки в совершенствовании законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности.

Глубокий анализ научных работ современных ученых, специализирующихся на проблеме совершенствования оперативно-розыскного законодательства, показал, что ни одна статья, мы подчеркиваем, ни одна, действующего Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» не осталась без их внимательного и скрупулезного изучения, которое привело к соответствующим научно-обоснованным предложениям по совершенствованию конкретных норм права. Если обобщить и консолидировать эти предложения, можно констатировать, что, по мнению современных ученых, необходимо вносить изменения в весь оперативно-розыскной закон, за исключением, пожалуй, статьи 23, которая определяет порядок вступления в силу названного закона.

Понимая необходимость кардинальных изменений в оперативно-розыском законодательстве, ряд известных ученых современности предположили, что необходим новый оперативно-розыскной закон и предложили свои варианты его конфигурации (структуры) [11], как это сделали В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров [1, с. 19–21]. Структура их специального Федерального закона содержала уже не 23 статьи, как в действующем законодательстве, а 63 и учитывала их концептуальные предложения по формированию категориального аппарата (уточнено определение оперативно-розыскной деятельности, предусмотрен раздел «Основные понятия, используемые в законе», уточнены названия оперативно-розыскных мероприятий). Авторы предлагали отдельный раздел «Оперативно-розыскные средства», «Оперативно-розыскное производство» и «Основы организации оперативно-розыскной деятельности». Предложение В.М. Аتماжитова и В.Г. Боброва содержало еще ряд других уникальных предложений.

Шумилов А.Ю. пошел дальше и предложил модель структуры Федерального закона Российской Федерации «О государственной профессиональной сыскной деятельности» [13, с. 249], объясняя это тем, что «конгломерат действующих в России законодательных актов в области оперативно-розыскной, контрразведывательной, частной сыскной деятельности и других видов профессионального сыска регулирует во многом идентичные общественные отношения, а

по тому он, скорее всего, должен быть сведен к «Общему знаменателю» [14, с. 12–15] и то, что профессиональная сыскная деятельность выступает общим «игровым пространством» для всех видов профессионального сыска [13, с. 230].

Еще более радикальную позицию высказал Ю.П. Соловей, который является убежденным сторонником того, что по своей отраслевой принадлежности оперативно-розыскной закон является источником преимущественно административного, а точнее, полицейского законодательства. В связи с этим его предложение о совершенствовании всего блока вопросов, связанных с оперативно-розыскной деятельностью должно идти по пути принятия Полицейского кодекса Российской Федерации, отдельный раздел которого должен быть посвящен вопросам оперативно-розыскной деятельности [12, с. 8].

Формирование кодекса, но с исключительно оперативно-розыскным наполнением предлагается В.Ф. Луговиком, который предложил авторский проект Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации» [5, с. 94]. Виктор Федорович обобщил все свои предложения, которые высказывались им в период научного поиска и предложил не распыляться при формировании нового оперативно-розыскного закона, а урегулировать оперативно-розыскные правоотношения путем формирования единого документа (на примере уголовного и уголовно-процессуального кодексов) – Оперативно-розыскного кодекса.

Автор проекта высказывает инновационные предложения, касающиеся регламентации принудительных мер обеспечения оперативно-розыскного производства: доставление; задержание; личный досмотр; изъятие; приведение в негодность или уничтожение документов, предметов, материалов, веществ; ограничение использования сетей связи и средств связи; приостановление услуг связи. Впервые на законодательном уровне им определены права и обязанности руководителя оперативно-розыскного органа, руководителя оперативного подразделения, оперуполномоченного, прокурора, суда (судьи), специалиста. Детально регламентирован порядок осуществления и документального оформления оперативно-розыскных мероприятий, определена процедура представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, дознавателю, следователю или в суд. В проекте содержатся интереснейшие предложения, касающиеся иных вопросов оперативно-розыскной деятельности [6, с. 109–135].

Интересно, что этот проект разделил научное сообщество на две неравные половины. Большая часть оперативно-розыскного сообщества и прикосновенных к нему ученых поддержала проект [9, с. 106–111]. Вместе с тем нашлись и противники данного инновационных решений проблем оперативно-розыскного законодательства [15, с. 471–485].

Принимая за аксиому тот факт, что любое предложение может быть подвергнуто критике, все же отметим, что каждое из представленных выше решений по формированию нормативного правового акта, регламентирующего оперативно-розыскные правоотношения, имеет в своей основе инновационные идеи, которые способны на различных этапах оперативно-розыскных правоотношений повлиять в позитивную сторону на решение задач оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем констатируем, что эти предложения так и остались без внимания законодателя, а точнее должностных лиц, отвечающих за вопросы совершенствования деятельности правоохранительных органов.

Наряду с попыткой комплексного решения проблем оперативно-розыскного законодательства отмечаем большой вклад аспирантов и докторантов (обратим внимание на несколько защищенных докторских диссертаций за последнее время: В.А. Гусев [2], М.С. Десятов [3], А.И. Мелихов [8], А.В. Парфенов [10] и ряд других) в вопросы изучения проблем совершенствования тех или иных норм оперативно-розыскного закона. Ежегодно в стране защищаются диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» с направлением исследования в оперативно-розыскной сфере. В связи с тем, что все эти исследования относятся к группе научных специальностей под наименованием «Право», они обязаны (подчеркиваем, обязаны) исследовать сферу правового регулирования оперативно-розыскных правоотношений. В связи с этим в каждой диссертации содержится раздел, посвященный совершенствованию того или иного законодательного или ведомственного нормативного правового акта. Делаем

простой вывод, если диссертации защищены и соискатель получил заветный диплом, то предложения обоснованы, а в связи с этим они должны быть имплементированы в правовое поле, улучшив то или иное направление оперативно-розыскной деятельности. Проведенный опрос показал, что по результатам защиты ни один соискатель ученого звания кандидат наук и доктор наук не получил законодательного признания своих заслуг в виде изменений и дополнений в оперативно-розыскной закон. Этого же признания, к сожалению, не получают состоявшиеся ученые, вносящие колоссальный научный вклад, выступающие на конференциях, круглых столах, семинарах, публикующих свои монографии, научные статьи и тезисы.

Дальнейший анализ роли ученых, специализирующихся на оперативно-розыскной проблематике, выявил одну интересную тенденцию, связанную с попытками отдельных исследователей реализовать свои предложения (научно-обоснованные идеи) по совершенствованию оперативно-розыскного законодательства в нормах международных актов и рекомендаций, ратифицированных Российской Федерации, видимо с надеждой их дальнейшей трансформации в отечественном законодательстве.

Мы имеем ввиду, в первую очередь, Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Модельный закон)², который был принят на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 27-6 от 16 ноября 2006 года), который определяет содержание оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой на территории государства стран-участниц, и закрепляет систему гарантий законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Во-вторую очередь – рекомендации по сближению и гармонизации законов государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее – Рекомендации)³ от 26 ноября 2015 года № 8-14, которые приняла Парламентская Ассамблея Организации в целях сближения и гармонизации законов государств – членов. И в Модельном законе и в рекомендациях содержатся предложения отечественных ученых, занимающихся оперативно-розыскной проблематикой. Они оригинальны и востребованы, что подтверждается согласованным документом, ратифицированным сторонами и рекомендованным для имплементации в оперативно-розыскные законодательные акты стран-участниц.

Мы не ставим перед собой задачу глубокого анализа вышеприведенных документов, но даже их поверхностный анализ говорит о том, что действующий Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не был трансформирован в связи с их принятием и соответственно обоснованные предложения ученых не учтены. Так, например, ст. 1 Модельного закона содержит основные понятия, используемые в данном нормативном правовом документе, об этом давно и безуспешно говорят современные исследователи, специализирующиеся на оперативно-розыскной деятельности, применительно к отечественному закону [7, с. 21]. Кроме того, Модельный закон содержит ряд оперативно-розыскных мероприятий, которые не нашли своего нормативного закрепления в Законе об ОРД: слуховой контроль; мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем; контроль радиочастотного спектра. А в названии ряда оперативно-розыскных мероприятий (отождествление личности и иных объектов и исследование предметов и документов и иных объектов) содержатся синтаксические формулировки, которые давно и безуспешно предлагаются отечественной наукой.

Если же говорить о рекомендациях по сближению и гармонизации законов государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере оперативно-розыскной деятельности, то тут необходимо отметить инновационные предложения, касающиеся расширения перечня оснований для проведения ОРМ, содержащихся в законах государств – членов ОДКБ, в целях установления законодательных основ для осуществления оперативного

²Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: принят на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 27-6 от 16 ноября 2006 года). URL: <https://www.cisatc.org/1289/9115/135/9126/9129/245> (дата обращения: 10.09.2024).

³Рекомендации по сближению и гармонизации законов государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере оперативно-розыскной деятельности от 26 ноября 2015 года № 8-14. URL: <https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-po-sblizheniyu-i-garmonizatsii-zakonov-gosudarstv> (дата обращения: 10.09.2024).

контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы и находящимися под надзором, условно осужденными и условно-досрочно освобожденными, а также имеющими непогашенную либо неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления (Рекомендация 3), законодательного разграничение лиц, конфиденциально сотрудничающих с оперативно-розыскными органами на контрактной основе, и лиц, конфиденциально им содействующих (Рекомендация 4), закрепление единого порядка предоставления надзирающим прокурорам сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках, а также о лицах, содействующих (содействовавших) органам, осуществляющим ОРД, и сотрудничающих (сотрудничавших) с ними на конфиденциальной основе (Рекомендация 7) и ряд других. И тут мы вынуждены констатировать, что эти предложения не трансформированы в оперативно-розыскной закон Российской Федерации, несмотря на то, что прошло уже около 10 лет. В связи с этим возникает закономерный вопрос, требующий ответа: «Если предложения хорошие, то почему они не отражены в современном оперативно-розыском законе? А, если плохие – зачем тогда их ратифицировали?».

Все вышеизложенное не может оставаться в неизменном виде. Констатируем тот факт, что оперативно-розыскная наука и действующее законодательство живут «собственными жизнями» и не пересекаются, несмотря на колоссальный вклад современных ученых, специализирующихся на развитие и совершенствование оперативно-розыскных правоотношений, они существуют параллельно. На наш взгляд, необходимо срочно найти точку их пересечения для эффективного решения цели и задач оперативно-розыскной деятельности. Представляется, что первым шагом в этом направлении является формирование открытого репозитория научно-обоснованных предложений от представителей оперативно-розыскной науки, который позволит увидеть полноту идей, сформированных вокруг оперативно-розыскного законодательства. Данный репозиторий одновременно станет помощником для молодых и начинающих ученых в выборе темы исследования и ее обосновании. Следующий шаг – создание рабочей группы, в состав которой должны войти наряду с учеными, представители правоприменителя, способные реально оценить изыскания, предлагаемые оперативно-розыскной наукой. В дальнейшем отобранные и обоснованные предложения должны быть направлены в компетентные органы для рассмотрения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: научный доклад. М., 2003.
2. Гусев В.А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика: монография. М., 2014.
3. Десятов М.С. Правоприменение в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории: монография. М., 2021.
4. Елинский В.И. Об упорядочении терминологии названий оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные проблемы теории и практики ОРД ОВД: сб. науч. тр. М., 1996.
5. Луговик В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект // Частное образовательное учреждение высш. проф. образования «Омская юридическая акад.». Омск, 2014.
6. Луговик В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект Федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1.
7. Луговик В.Ф. Перспективы совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сб. материалов всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2010.
8. Мелихов А.И. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2023.

9. Павличенко Н.В. Нужен ли новый оперативно-разыскной закон? (анализ проекта федерального закона «Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации») // Вестник Волгоградской академии МВД России, 2015. № 1.
10. Парфенов А.В. Теоретико-методологические основы розыскной и идентификационной деятельности в Российской Федерации: монография. М., 2022.
11. Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные авторские проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / сост. В.Ф. Луговик. Омск, 2006.
12. Соловей Ю.П. О совершенствовании законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2010.
13. Шумилов А.Ю. Проблемы законодательного регулирования в оперативно-розыскной деятельности: десять лет спустя (конституционные, административные, уголовные, уголовно-процессуальные и уголовно-сыскные аспекты). М., 2008.
14. Шумилов А.Ю. Нужны ли Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и другие частные законы об отдельных видах профессиональной сыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2006. № 1.
15. Экспертное заключение Расширенной рабочей группы при Министре внутренних дел Российской Федерации по дальнейшему реформированию органов внутренних дел Российской Федерации по проекту Федерального закона № 831609-6 «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации», внесенный депутатом Государственной Думы А.А. Агеевым // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов / под общ. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. М., 2017.

REFERENCES

1. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. On the legislative regulation of operational-search activities: scientific report. Moscow, 2003.
2. Gusev V.A. Rights of operational police units: legislation and practice: monograph. Moscow, 2014.
3. Desyatov M.S. Law enforcement in operational-search activities: theoretical issues: monograph. Moscow, 2021.
4. Elinsky V.I. On streamlining the terminology of the names of operational-search measures // Actual problems of the theory and practice of operational-search activities of the Internal Affairs Directorate: collection of scientific papers. Moscow, 1996.
5. Lugovik V.F. Operational-search Code of the Russian Federation: author's project // Private educational institution of higher. prof. education «Omsk Law Academy». Omsk, 2014.
6. Lugovik V.F. Operational-search code of the Russian Federation (author's draft of the Federal Law) // Legal science and law enforcement practice. 2015. № 1.
7. Lugovik V.F. Prospects for improving the legal regulation of operational-search activities // 15 years of the Federal Law «On operational-search activities»: collection of materials of the all-Russian scientific and practical conference. Omsk, 2010.
8. Melikhov A.I. Conceptual foundations of ensuring national security in the process of operational-search activities of internal affairs bodies: dis. ... Grand PhD in Law. Volgograd, 2023.
9. Pavlichenko N.V. Is a new operational-search law needed? (analysis of the draft federal law «Operational-search code of the Russian Federation») // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. № 1.
10. Parfenov A.V. Theoretical and methodological foundations of search and identification activities in the Russian Federation: monograph. Moscow, 2022.
11. Modern approaches to legal regulation of operational-search activities: initiative author's projects of the Federal Law «On operational-search activities» / compiled by V.F. Lugovik. Omsk, 2006.

12. Solovey Yu.P. On improving the legislative regulation of operational-search activities in the Russian Federation // 15 years of the Federal Law «On operational-search activities»: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Omsk, 2010.

13. Shumilov A.Yu. Problems of legislative regulation in operational-search activities: ten years later (constitutional, administrative, criminal, criminal-procedural and criminal-investigative aspects). Moscow, 2008.

14. Shumilov A.Yu. Are the Federal Law «On operational-search activities» and other private laws on certain types of professional detective activities needed // Operative (detective). 2006. № 1.

15. Expert opinion of the Expanded Working Group under the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation for further reform of the internal affairs bodies of the Russian Federation on the draft Federal Law № 831609-6 «Operational-search Code of the Russian Federation», introduced by the State Duma deputy A.A. Ageyev // Actual problems of the theory of operational-search activities: collection of scientific papers / under the general editorship of K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky. Moscow, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Третьяков Владимир Иванович, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета. Кубанский государственный университет. 350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Павличенко Николай Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного права и процесса. Сочинский институт (филиал) РУДН имени Патриса Лумумбы. 354376, Российская Федерация, г. Сочи, ул. Куйбышева, 32.

IFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tretyakov Vladimir Ivanovich, Grand PhD in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Law. Kuban State University. 149, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040 Russian Federation.

Pavlichenko Nikolay Vladimirovich, Grand PhD in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure. Sochi Institute (branch) RUDN named after Patrice Lumumba. 32, Kuibysheva St., Sochi 354376 Russian Federation.

Научная статья
УДК 351.74

МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ ДЕЙСТВИЯМ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Шевченко Тарас Анатольевич

Главное управление МВД России по Ростовской области, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
gumvdro@mvd.ru

Максимов Михаил Иванович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
maksimoff-m@mail.ru

Введение: одним из ключевых показателей качества подготовленности сотрудников правоохранительных органов к выполнению служебных обязанностей является способность результативно выполнять поставленные перед ними оперативно-служебные задачи, в том числе связанные с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, адекватно реагировать на изменения в экстремальных ситуациях, связанных с профессиональной деятельностью.

Требования к профессиональной подготовленности сотрудников в современное время повышаются, что обусловлено постоянной трансформацией общественной жизни и, как следствие, изменением оперативной обстановки. В связи с этим недостаточность профессионально-прикладной подготовленности сотрудников правоохранительных органов и в частности полиции становится серьезным вызовом и обуславливает необходимость непрерывного совершенствования процесса профессионально-прикладной физической, специальной и огневой подготовки на протяжении всего периода исполнения сотрудником служебных обязанностей.

Материалы и методы: методологической основой исследования выступили всеобщий диалектический метод научного познания, а также общие и частные научные методы: логико-юридический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический, системно-структурный методы.

Результаты исследования: в статье освещены организационно-правовые аспекты деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции при выполнении ими служебных обязанностей, предложена методика подготовки, направленная на повышение профессиональной подготовки.

Выводы и заключения: предложения и рекомендации, сформулированные в ходе исследования, обладают теоретической значимостью, представляют практическое значение для повышения эффективности деятельности патрульно-постовой службы.

Ключевые слова: патрульно-постовая служба, сотрудники патрульно-постовой службы полиции, профессиональная подготовка, методика обучения, меры принуждения.

Для цитирования: Шевченко Т. А., Максимов М. И. Обучение сотрудников патрульно-постовой службы методам действий в конкретных ситуациях / Т. А. Шевченко, М. И. Максимов // Юрист-правоведъ : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 227–232.

Original paper

TRAINING PATROL POLICE OFFICERS IN METHODS OF ACTION IN SPECIFIC SITUATIONS

Shevchenko Taras Anatolyevich

Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Rostov region,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Maximov Mikhail Ivanovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: one of the key indicators of the quality of preparedness of law enforcement officers to perform their official duties is the ability to effectively perform operational and official tasks assigned to them, including those related to the use of physical force, special means and firearms, and to adequately respond to changes in extreme situations related to professional activities.

Requirements for the professional preparedness of employees are increasing in modern times, which is due to the constant transformation of public life and, as a consequence, changes in the operational situation. In this regard, the insufficiency of professional and applied preparedness of law enforcement officers and, in particular, the police is becoming a serious challenge and necessitates continuous improvement of the process of professional and applied physical, special and firearms training throughout the entire period of performance of official duties by the employee.

Materials and methods: the methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as general and specific scientific methods: logical-legal, comparative-legal, specific-sociological, system-structural methods.

Results of the study: the article covers the organizational and legal aspects of the activities of patrol police officers in the performance of their official duties, and proposes a training methodology aimed at improving professional training.

Findings and conclusions: the proposals and recommendations formulated during the study have theoretical significance and are of practical importance for improving the efficiency of the patrol police.

Keywords: patrol police, patrol police officers, professional training, training methods, coercive measures.

For citation: Shevchenko T. A., Maksimov M. I. Training patrol police officers in methods of action in specific situations / T. A. Shevchenko, M. I. Maksimov // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 227–232.

Деятельность сотрудников патрульно-постовой службы направлена на обеспечение общественной безопасности и порядка, защиту прав и свобод человека, а также социальных и национальных интересов, борьбу с преступностью. Сегодня реформа управленческого аппарата считается одним из приоритетных направлений национального развития. В рамках реализации административной реформы в России особое внимание уделяется совершенствованию организационно-правовой базы деятельности органов внутренних дел. Подразделения патрульно-постовой службы (далее – ППС) должны функционировать в первую очередь как обслуживающие органы, а не как правоохранительные органы, осуществляющие административные действия.

Патрули полиции осуществляют профилактические и превентивные мероприятия, направленные на предупреждение преступности в соответствии с возложенными задачами. Важной частью любых профилактических мер, предпринимаемых патрульными органами, должна быть работа с населением. К профилактическим мерам полицейских патрулей относятся предотвращение или уменьшение негативных последствий от действий или бездействий преступников. Профилактические меры принимаются для пресечения различных преступлений с целью предотвращения возможности противоправных намерений с самого начала; они включают в себя применение правовых методов, специальных средств, физической силы или огнестрельного оружия. Превентивные меры реализуются посредством наблюдения, проверки, задержания и доставления в отдел полиции.

Полицейское принуждение – это использование средств (психологических или физических) воздействия на сознание и поведение людей с целью обеспечения строгого выполнения людьми своих обязанностей и установления социальных отношений, способствующих обеспечению порядка и законности. Меры обеспечения правопорядка включают физическое воздействие (силу), применение специальных тактик и огнестрельного оружия. Любой из этих видов принуждения возможен только в том случае, если превентивные меры полиции неэффективны, и сотрудник полиции не может осуществлять полномочия, предоставленные Федеральным законом «О полиции». Указанный нормативный правовой акт содержит четкие основания для применения таких мер, которые описаны в ст. 14–24. Незнание сотрудниками ППС этих оснований влечет за собой дисциплинарную, административную или уголовную ответственность в зависимости от степени наступления общественно опасных последствий. Принуждение полиции напрямую связано с правовым понятием «крайней необходимости» и может применяться только в особых обстоятельствах.

Физическое воздействие (сила) как вид меры принуждения предполагает физический контакт с правонарушителем сотрудника индивидуально или в составе группы (подразделения). Сотрудники ППС используют приемы рукопашного боя, позволяющие нейтрализовать физическое сопротивление преступника. Целями данной меры являются:

- 1) обеспечение личной безопасности сотрудников и окружающих;
- 2) пресечение незаконных действий;
- 3) задержание лица и доставление его в помещение местного органа или подразделения

полиции либо в иное помещение, если лицо совершило административное или уголовное правонарушение либо подозреваемого в совершении такого правонарушения.

Реализация этих мер может быть возможна только при наличии веских и очевидных причин для их применения, а также в связи с ситуациями, требующими немедленного практического вмешательства. Сотрудники могут использовать специальные методы только после прохождения соответствующего специального обучения. Условия использования конкретных средств указаны в ст. 21 ФЗ № 3 «О полиции» и в Приказе МВД России от 28.06.2021 года № 495 «Об утверждении наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России». Оба нормативных правовых акта являются взаимодополняющими и содержат положения, в которых четко перечисляются эти средства и сфера их применения. Специальные средства могут быть использованы, если все другие формы первоначального воздействия на правонарушителя были применены, но не дали ожидаемых результатов. Эти меры направлены на:

- 1) защиту граждан и сотрудников от действий, представляющих для них угрозу;
- 2) пресечение массовых беспорядков или нарушений общественного порядка;
- 3) отражение нападений на здания, объекты, сооружения, транспортные средства независимо от формы собственности;
- 4) задержание лиц, совершивших административные или уголовные правонарушения, и передача их органам общественной безопасности.

Применению специальных средств, помимо необходимости отражения внезапного нападения на сотрудников боевого подразделения патрульно-постовой службы полиции, должно предшествовать предупреждение о намерении применить специальные средства. Предупреждения должны быть достаточно громкими и четкими и давать достаточно времени для прекращения нарушения. Вид, время начала и интенсивность применения специальных средств определяются в зависимости от сложившихся обстоятельств, характера преступления и личности преступника. Если ситуация требует немедленного применения специальных мер, решение об их применении остается за должностным лицом (командиром патруля или сотрудником патрульной службы, единолично ответственным за поддержание общественного порядка на определенном участке). Во всех случаях применения специальных средств сотрудники патрульно-постовой службы обязаны обеспечить потерпевшему или правонарушителю оказание первичной помощи в кратчайшие сроки и сообщить об этом в медицинские учреждения.

Порядок применения огнестрельного оружия определен в ст. 23 Федерального закона «О полиции». Согласно закону, огнестрельное оружие может использоваться только в крайнем случае сотрудниками ППС, имеющими законное право владеть огнестрельным оружием. Использование огнестрельного оружия в местах скопления людей запрещено, если это может нанести вред посторонним лицам, также запрещено использовать огнестрельное оружие в отношении определенных категорий граждан.

В каждом случае перед применением огнестрельного оружия сотрудник патрульной службы обязан громко предупредить лицо о намерении такого использования, за исключением случаев, когда существует непосредственная опасность для жизни и здоровья сотрудника или граждан.

Вопрос о том, какие меры полиции следует применять к правонарушителям в конкретных ситуациях, остается спорным. Акцент делается на то, что действующая правоохранительная система должна в первую очередь обеспечивать предотвращение любого преступного поведения. Поэтому сотрудники ППС всегда должны следовать принципу предотвращения опасности преступления, а не наказания за него. Если не имеется возможность предотвратить противоправное поведение мерами пресечения, он должен в первую очередь прибегнуть к наименее строгой мере принуждения – применению физической силы или специальных средств. Применение огнестрельного оружия является крайней мерой принуждения для предотвращения значительного общественного вреда [1, с. 95–126].

Следует также отметить, что при соответствующих обстоятельствах наведение огнестрельного оружия на самого преступника и стрельба в воздух могут быть весьма эффективной мерой убеждения преступников соблюдать законные требования сотрудников патрульной полиции и, следовательно, в определенной степени превентивной. Законодательно это право не определено в Законе «О полиции», однако такое применение оружия уместно, когда поведение правонарушителя особенно цинично и создает значительные препятствия для процесса задержания. Это также основано на том, что в практике патрулирования

полиции подобных случаев немало, и большинство из них заканчиваются положительными результатами задержаний.

Поэтому законодательство Российской Федерации очень четко определяет порядок и пределы применения мер пресечения и принуждения подразделениями патрульно-постовых служб полиции. Следует отметить, что единственным общим критерием применения таких мер является наличие оснований полагать, что лицо совершает или не совершает преступное деяние. Наиболее эффективным способом снижения различных видов противоправного поведения является, прежде всего, профилактика, т. е. исключение возможности осуществления противоправных намерений.

Методы подготовки сотрудников ППСП существенно отличаются от методов подготовки других категорий сотрудников Министерства внутренних дел. Действительно, эти сотрудники в ходе своей деятельности открыто вступают в контакт с широким кругом граждан: без определенного места жительства; находящимися в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; маргинализированными подростками; опасными преступниками. Личная безопасность сотрудников ППСП зависит не только от их профессионального поведения, но и от способности выполнять возложенные на них задачи по поддержанию общественного порядка и общественной безопасности. Такой уровень профессионализма в деятельности сотрудников патрульно-постовой полиции должен достигаться путем целенаправленной подготовки.

Под особыми условиями в данном случае понимаются явления, возникающие при исполнении обязанностей сотрудника патрульной полиции и характеризующиеся повышенной степенью опасности, которая может быть вызвана отдельными событиями социального, природного происхождения, и которые требуют от сотрудника быстрого и качественного реагирования для устранения причин и условий, и прекращения возникших нарушений.

Этот термин демонстрирует многогранность и сложность, с которыми сталкиваются сотрудники полиции при несении службы в чрезвычайных условиях. Поэтому в процессе подготовки сотрудники полиции должны достигать высокого профессионального уровня [2].

В настоящее время существуют различные методы подготовки сотрудников полиции к выполнению возложенных на них задач. Один из наиболее перспективных методов обучения предложен в работах ученого Е.И. Троянского. В своей работе он продемонстрировал использование сенсомоторных методов для обучения сотрудников полиции действиям в определенных условиях. Метод основан на моделировании ситуаций на реальных занятиях с учетом специально разработанных прогрессивных уровней сложности, от простого к более сложному. Исследуя методы подготовки полицейских, ученые А.А. Левченко, С.В. Малетин и В.А. Морозов также подтвердили свои методы. Для развития навыков личной безопасности сотрудников полиции применяется ситуационный подход посредством различных практических занятий и занятий на местах, моделирующих реальные ситуации их профессиональной деятельности. Аналогичный подход к обучению полицейских очевиден и в работе И.М. Павлова, О.Г. Кравченко, они констатировали необходимость ролевых игр и модульных блочных упражнений [3].

Следует отметить, что все вышеперечисленные работы в своей основе содержат общий принцип обучения – практический.

Обучающиеся применяют целенаправленный подход к обучению полицейских, основанный на непосредственной тренировке навыков с практическими решениями.

В связи с этим основной упор при подготовке сотрудников ППСП следует делать на формировании устойчивых навыков, представляющих собой определенные алгоритмы действий в ответ на внешние раздражители. Для сотрудников патрульной полиции такими внешними раздражителями должны быть опасности, возникающие в результате определенных условий, устранение которых должно привести к стабилизации ситуации.

При этом важно также, чтобы представление и усвоение информации в процессе обучения происходило последовательно.

Во-первых, профессиональная подача информации – это словесное объяснение, необходимое для последующих действий (в процессе изложения информации важной основой лекции должны быть примеры действий полиции в особых условиях, основанные на реальных событиях).

Второй – непосредственное визуальное представление информации, т. е. просмотр тактики действий сотрудников ППСП.

В-третьих, демонстрация тактических умений и способов устранения опасности (наибольший эффект достигается при отработке навыка, обучающийся сразу повторяет продемонстрированный прием, а при возникновении ошибок в повторяющихся движениях педагог разбивает навык на отдельные элементы и демонстрирует правильный способ выполнения приема) [4, с. 71–75].

Этот вид обучения наиболее эффективен, когда обучающиеся проводят его вместе. На этом этапе подготовка представляет собой тактические маневры, направленные на устранение опасности. Непрерывный переход от первого к последнему элементу позволит выработать у сотрудников ППСП устойчивый набор навыков по устранению опасностей.

После усвоения полученных знаний и развития устойчивых навыков для развития способностей сотрудников ППСП действовать в конкретных условиях и ситуациях целесообразно перейти к заключительному этапу обучения. Завершающим элементом обучения является командная тактическая игра (множественные задачи, решаемые посредством самостоятельных действий команды («отряд полиции»). Задачи не сообщаются команде заранее, а определяются случайным выбором. Основная цель игры TeamTactics – реально решить поставленную задачу, применив имеющиеся знания, навыки и умения [5, с. 96].

Навыки, приобретенные в результате реализации предлагаемой методики обучения будут представлять собой профессиональные навыки, необходимые для выполнения возложенных на сотрудников ППСП задач независимо от изменения внешних условий и обстоятельств, и будут с наибольшей вероятностью эффективны.

Таким образом, в целях совершенствования методов подготовки сотрудников ППСП, действующих в особых условиях, необходимо обобщить накопленный опыт и разработать единый подход к профессиональной подготовке.

Во-первых, программа подготовки сотрудников ППСП должна основываться на реальном опыте деятельности органов внутренних дел России. Во-вторых, при подготовке сотрудников необходимо учитывать условия, в которых они осуществляют свою деятельность. В-третьих, в процессе подготовки эффективным методом является тактическая игра, имитирующая конкретные действия. В-четвертых, обучение должно проводиться поэтапно, от простого к сложному. В-пятых, при осуществлении обучения должны использоваться специальные места для практической отработки «площадь», «подъезд», «квартира» и т. п. Внедрение вышеуказанного содержания обучения сотрудников ППСП значительно улучшит качество их профессиональной подготовки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дизер О.А., Филиппов О.Ю., Маленков П.А. Практика применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия // Актуальные проблемы правоприменительной деятельности органов внутренних дел: сб. науч. трудов. Омск, 2018.
2. Анищенко А.Ю. Тактико-специальная подготовка сотрудников органов внутренних дел к действиям при чрезвычайных обстоятельствах: учебное пособие. М., 2006.
3. Кравченко О.Г., Павлов И.М. Реализация профилактико-воспитательных мероприятий в системе образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД Российской Федерации // Таврический научный обозреватель. 2017. № 9(26).
4. Терещенко Ю.В. Содержание профессиональной наблюдательности сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах, 1998, № 1(7).
5. Сборник научных статей: материалы межвузовской научно-практической конференции, состоявшейся 10 января 2020 г. в Восточно-Сибирском институте МВД России / отв. ред. А. А. Каримов, А. А. Сысоев. Иркутск, 2020.
6. Герасимов И.В. Особенности подготовки сотрудников полиции к деятельности с высоким психоэмоциональным напряжением // Наука-2020. 2020. № 1 (37).

REFERENCES

1. Dizer O.A., Filippov O.Yu., Malenkov P.A. Practice of using firearms by police officers // Actual problems of law enforcement activities of internal affairs bodies: collection of scientific works. Omsk, 2018.
2. Anishchenko A.Yu. Tactical and special training of employees of internal affairs bodies for actions in emergency situations: a tutorial. Moscow, 2006.

3. Kravchenko O.G., Pavlov I.M. Implementation of preventive and educational measures in the system of educational institutions of higher professional education of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Tavrichesky Scientific Observer. 2017. № 9 (26).

4. Tereshchenko Yu.V. Contents of professional observation of internal affairs officers // Psychopedagogy in law enforcement agencies, 1998, № 1(7).

5. Collection of scientific articles: materials of the interuniversity scientific and practical conference held on January 10, 2020 at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia / ed. A. A. Karimov, A. A. Sysoev. Irkutsk, 2020.

6. Gerasimov I.V. Features of training police officers for activities with high psycho-emotional stress // Science-2020. 2020. № 1(37).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко Тарас Анатольевич, начальник управления организации охраны общественного порядка. Главное управление МВД России по Ростовской области. 344023, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 200.

Максимов Михаил Иванович, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shevchenko Taras Anatolyevich, Head of the Public Order Protection Organization Department. Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Rostov region. 200, Lenina Ave., Rostov-on-Don 344023 Russian Federation.

Maksimov Mikhail Ivanovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Operative Investigative Activity. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.140.01

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Юнусов Ахат Ахнафович

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (федерального) университета, Казань,
Российская Федерация
skywriterall@mail.ru

Диденко Николай Сергеевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
nsd.1982@yandex.ru

Введение: в настоящее время в уголовном судопроизводстве институт судебной экспертизы является одним из основных инструментариев установления обстоятельств совершенного общественно-опасного деяния в процессе доказывания, ввиду чего в статье авторы предприняли попытку раскрыть отдельные проблемные вопросы защиты процессуальных прав участников уголовного процесса при реализации института судебной экспертизы.

Материалы и методы: формально-логический анализ. Методологической основой исследования выступили всеобщий диалектический метод научного познания, а также общие и частные научные методы: исторический, логико-юридический и т. д. Эмпирическую базу исследования составили материалы судебно-следственной практики, полученные авторами из открытых источников.

Результаты исследования: на его основе проведено исследование проблем, возникающих при назначении и производстве отдельных видов экспертиз, по итогам чего сделан ряд выводов.

Выводы и заключения: в ходе проведенного исследования авторы приходят к выводу, что существует в ряде случаев удовлетворение ходатайств, заявленных стороной защиты, убеждающих суд принимать решения, связанные с оправданием подсудимого, что для российского правосудия является исключением. Зачастую субъективность отказа суда в удовлетворении заявленных стороной защиты ходатайств достаточно очевидна и сторона защиты надеется в перспективе только на суд апелляционной инстанции, что не всегда оправдывается.

Ключевые слова: судебная экспертиза, следователь, специальные познания, уголовное дело, государственный обвинитель, ходатайства, сторона защиты, следственные действия, выемка.

Для цитирования: Юнусов А. А., Диденко Н. С. Проблемы защиты прав участников уголовного процесса при назначении судебной экспертизы / А. А. Юнусов, Н. С. Диденко // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). – С. 233–240.

PROBLEMS OF PROTECTING THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS WHEN APPOINTING A FORENSIC EXAMINATION

Yunusov Akhat Akhnafovich

Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (federal) University, Kazan, Russian Federation

Didenko Nikolay Sergeevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: currently, in criminal proceedings, the forensic examination institute is one of the main tools for establishing the circumstances of a committed socially dangerous act in the process of proving, in view of which the authors attempted to reveal individual problematic issues of protecting the procedural rights of participants in criminal proceedings when implementing the forensic examination institute.

Materials and methods: formal-logical analysis. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as general and specific scientific methods: historical,

logical-legal, etc. The empirical basis of the study was the materials of forensic investigative practice obtained by the authors from open sources.

Results of the study: on its basis, a study was conducted of the problems arising in the appointment and production of certain types of examinations, based on which a number of conclusions were made.

Findings and conclusions: in the course of the conducted research, the authors come to the conclusion that there are cases when motions filed by the defense are granted, convincing the court to make decisions related to the acquittal of the defendant, which is an exception for Russian justice. Often, the subjectivity of the court's refusal to satisfy the motions filed by the defense is quite obvious and the defense hopes in the long term only for the appellate court, which is not always justified.

Keywords: forensic examination, investigator, special knowledge, criminal case, public prosecutor, petitions, defense, investigative actions, seizure.

For citation: Yunusov A. A., Didenko N. S. Problems of protecting the rights of participants in criminal proceedings when appointing a forensic examination / A. A. Yunusov, N. S. Didenko // Yurist-Pravoved: scientific-theoretical. and information-method. journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). – Pp. 233–240.

Одним из распространенных и наиболее объективных средств для установления обстоятельств совершенного общественно-опасного деяния в уголовном процессе является назначение и производство судебной экспертизы.

Наделяя дознавателя, следователя и представителя органа дознания (участкового уполномоченного, оперуполномоченного) полномочиями по проверке заявлений и сообщений о преступлениях, законодатель надеялся, что данные лица, реализуя свои процессуальные права, будут достаточно объективно устанавливать обстоятельства совершенного общественно-опасного деяния и примут по ним законные обоснованные решения и при этом, не нарушая процессуальные права иных участников уголовного судопроизводства, имеющих свой процессуальный интерес в данном деле, либо оказывающих содействие в процессе. Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует об обратном, несмотря на то, что процессуальные полномочия органов и должностных лиц по проверке заявлений и сообщений о преступлениях существенно расширены, данное обстоятельство не повлияло на качество рассматриваемых заявлений и сообщений о преступлениях.

В отечественном уголовном судопроизводстве институт судебной экспертизы является одним из основных инструментариев установления обстоятельств совершенного общественно-опасного деяния в процессе доказывания. Необходимо отметить, что в уголовно-процессуальное законодательство были внесены существенные изменения и дополнения, способствующие более качественной реализации данного процессуального института. В частности, достаточно серьезным было законодательное дозволение правоприменителю назначать и проводить судебную экспертизу до возбуждения уголовного дела, что весьма серьезно облегчило органу дознания, следователю и дознавателю обоснование своего решения о возбуждении уголовного дела, либо его отказе.

Однако, несмотря на законодательные новеллы и развитие новых научно-обоснованных методик производства судебной экспертизы, нередко при назначении и производстве судебной экспертизы выявляются проблемные ситуации, которые ведут к конфликту процессуальных интересов сторон участвующих в деле, ограничению процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, злоупотреблениям процессуальными правами субъектов доказывания, нередко небрежность и преступная халатность со стороны самих экспертов. В то же время необходимо отметить значимость в системе доказательств заключений экспертов, т. к. в ряде случаев обвинения строятся именно на выводах экспертных исследований.

Данному негативному явлению способствует не только низкий профессиональный уровень сотрудников правоохранительных органов, но и несовершенство отечественного уголовно-процессуального законодательства. В то же время законодатель заложил механизмы исправления ошибок при производстве судебной экспертизы путем проведения дополнительных и повторных экспертиз [1], а также для полноты и объективности – комиссионных и комплексных экспертиз.

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев нарушения происходят по вине лица, инициировавшего проведение судебной экспертизы, и они носят процессуальный характер. Как показывает практика, наиболее частые нарушения – это ограничение процессуальных прав участников процесса при назначении судебной экспертизы. Действует «правило правоприменителя»: законодательная

необходимость реализации процессуальных прав участников процесса при назначении судебной экспертизы – не обязанность следователя и дознавателя их соблюдать. В то же время мы отмечаем, что реализация прав участников уголовного дела при назначении судебной экспертизы со стороны дознавателя и следователя достаточно затруднительна по ряду существующих объективных причин. В соответствии со ст. 198 УПК РФ, отдельные участники уголовного процесса имеют право при назначении и производстве экспертизы:

- 1) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы;
- 2) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении;
- 3) ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении;
- 4) ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту;
- 5) присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту;
- 6) знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

Обратим внимание, что разъяснение процессуальных прав участникам процесса в соответствии со ст. 11 УПК РФ императивно вменено суду, прокурору, следователю, дознавателю. И им же в обязанность вменено обеспечение возможности осуществления этих прав. В связи с этим мы не можем оставить без внимания проблему реализации процессуальных прав, связанных с назначением и производством судебной экспертизы ряда участников уголовно процесса, непосредственно закрепленных соответствующих статьях УПК, раскрывающих их процессуальные права и обязанности.

В частности, в п. 11. ч. 2 ст. 42 УПК РФ закреплено, что потерпевший вправе знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта. Сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства России и ряда соседних государств показывает, что наиболее предпочтительная формулировка прав участников уголовного судопроизводства при назначении и производстве экспертизы дана в ст. 274 УПК Республики Казахстан, где закреплено, что при назначении экспертизы и ее производстве потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, защитник и представитель потерпевшего имеют право: до проведения экспертизы знакомиться с постановлением о ее назначении и получать разъяснение принадлежащих им прав, о чем составляется протокол.

Проблема реализации прав участников процесса, связанная с ознакомлением с постановлением о назначении судебной экспертизы, заключается в том, что назначаемая экспертиза касается интересов нескольких участников конкретного дела, как со стороны защиты, так и обвинения. Однако объективная действительность такова, что некоторые участники процесса не знают своих процессуальных прав на данное процессуальное действие, а следователь и дознаватель не ознакомляют их, либо они не желают по различным причинам воспользоваться этими правами (занятость, отдаленность проживания от места производства расследования т. д.). Констатируем, даже при знании данных прав и желании участника процесса ознакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы следователи и дознаватели, нередко, умышленно игнорируют эти процессуальные права и собственные процессуальные обязанности, придумывая удобные им «процедуры», которые, с их позиции соответствуют нормам действующего уголовно-процессуального законодательства с молчаливого согласия представителей надзирающих органов. И это несмотря на то, что требования о соблюдении процессуальных прав вышеуказанных участников процесса при назначении и производстве судебной экспертизы обозначены и в решении высшей судебной инстанции.

На необходимость обязательного ознакомления участников процесса с постановлением о назначении судебной экспертизы указывает и А.В. Иванов: «Неознакомление с постановлением о назначении экспертизы и неразъяснение установленных прав является грубым нарушением требований ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ч. 3 ст. 195, ст. 198 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам...» [2].

Однако правоприменитель идет по-своему, только ему известному и процессуально-выгодному пути. Исследование нами ряда уголовных дел показало, что следователи и дознаватели проводят с участниками уголовного процесса процессуальные действия, прямо

не предусмотренные УПК РФ. По результатам наших опросов ряда участников уголовного процесса было установлено, что проводятся данные квазипроцессуальные действия после уговора или незначительного психологического воздействия.

Например, старший следователь отдела по расследованию преступлений на территории обслуживания ОП № 1 «Автозаводский» СУ Управления МВД России по г. Набережные Челны РТ майор юстиции Г., рассмотрев ходатайство потерпевшего Науканбаева по уголовному делу № 118019200660, установил: «[...] уголовное дело возбуждено 16.09.2023 года по признакам состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. 16.09.2023 г. потерпевший Н. заявил ходатайство о том, что не желает знакомиться в ходе расследования данного уголовного дела с постановлением о назначении судебных экспертиз и заключениями экспертов. Потерпевшему Н. следователем представлена возможность воспользоваться его правами на ознакомление с постановлением о назначении судебных экспертиз и заключениями экспертов по данному уголовному делу, однако, он от ознакомления отказался добровольно. Кроме того, после окончания производства всех следственных действий по уголовному делу, потерпевший сможет ознакомиться с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 216 УПК РФ.

На основании вышеизложенного и руководствуясь ст. 122, 159 УПК РФ, постановил: удовлетворить ходатайство потерпевшего Науканбаева. О принятом решении уведомить потерпевшего Науканбаева. Копию настоящего постановления направить прокурору г. Набережные Челны».

Мы отмечаем, что «вирус» придуманных представителями стороны обвинения «квазипроцедур», не предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, оказался весьма «заразным» и распространился из системы МВД РФ и в систему СК РФ. При этом представителей этой структуры тоже не смутило то обстоятельство, что этими действиями нарушаются права участников процесса при назначении и производстве судебной экспертизы. В частности, заместитель руководителя Лениногорского МРСО СУ СК России по Республике Татарстан майор юстиции К., который вел следствие по делу, принял от несовершеннолетней М. (с согласия законного представителя) следующее заявление: «Прошу Вас, меня с постановлениями о назначении экспертиз, заключениями экспертов, допросами экспертов по делу не знакомить, так как я не могу отрываться от своего основного занятия. Частые приходы к следователю для меня затруднительны. В связи с чем, со всеми необходимыми документами я ознакомлюсь позднее при выполнении требований, предусмотренных ст. 216 УПК РФ. Права и обязанности разъяснены мне следователем в полном объеме». Возникает вопрос: несовершеннолетняя М. и ее законный представитель, которая не имеет юридического образования, понимали правовые последствия данного заявления, которое, кстати, было удовлетворено следователем. Ответ очевиден – нет!

Для исключения произвольного толкования правоприменителем норм УПК РФ, связанных с реализацией прав участников при назначении судебной экспертизы, мы предлагаем изменить часть 198 УПК РФ, сформулировав в следующей редакции: «Для защиты прав и интересов участников уголовного судопроизводства при назначении следователем, дознавателем и судом экспертизы внести изменения и дополнения в УПК РФ, следующего содержания: «Назначив судебную экспертизу следователь, дознаватель и суд, до начала производства судебной экспертизы обязаны ознакомить с данным постановлением обвиняемого, подозреваемого, защитника, потерпевшего и (или) его представителя, при этом составив протокол. Если вышеназванные участники уголовного процесса без уважительных причин не явились для ознакомления с постановлением о назначении экспертизы, то судебная экспертиза проводится с последующим ознакомлением данных участников процесса с результатами».

Без сомнения, серьезной проблемой при производстве судебной экспертизы является халатность либо умышленные действия эксперта по искажению результатов исследования в интересах одной из сторон. Не лишним будет напомнить дело «Пьяного мальчика» из Подмоскovie, когда в крови шестилетнего потерпевшего экспертом М. Клейменовым было обнаружено 2,7 промилле алкоголя соответствующее 250 гр. водки. Благодаря широкому общественному резонансу, данное дело было взято под особый контроль, были проведены повторные судебные экспертизы, которые установили преступную халатность судебного эксперта М. Клейменова который в последующем был осужден по ч.1 ст. 293 УК РФ.

Выявление и устранение данных фактов весьма затруднительно, так как необходимо отличить ошибочные заключения от ложных. Как показывают исследования Н.Ю. Жигалова, А.Н. Хоменко, заключение эксперта является ложным, если в нем подменены объекты

экспертного исследования, подверглось изменению идентификационное поле исследуемого объекта, неправильно изложены фактические данные (искажены, вымышлены либо утаены признаки объекта исследования) или имеет место их прямое отрицание, либо они заведомо неверно оценены экспертом (например, использованы ненадлежащие методики исследования), либо он сделал заведомо неверные выводы [3]. По ряду уголовных дел, изученных нами в рамках нашего исследования, следователями допускались грубейшие нарушения уголовно-процессуального законодательства при назначении и производстве судебных экспертиз, которые, в ряде случаев носят явно выраженный умышленный характер [4].

Если есть нарушения процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, то нарушен закон. Исторически сложилось, что как представитель стороны защиты, так и обвинения (в частности, потерпевший) надеются на законное и справедливое разрешение их жалоб и ходатайств представителями органов прокуратуры. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает альтернативу подачи жалобы: в суд или прокуратуру. Однако, изначально, большинство участников уголовного дела обращаются в прокуратуру, надеясь на полноту и объективность рассмотрения обращения надзирающим органом. Мы неоднократно отмечали, что, несмотря на то, что являясь надзирающим органом, прокуратура – основной представитель стороны обвинения. В нашем понимании абсурдно обвиняемому обращаться за защитой прав и интересов в тот орган, представитель которого непосредственно заинтересован в обвинении в стадии предварительного расследования, а в суде в состязательном процессе будет обвинять, и просить суд назначить уголовное наказание.

Нормы уголовно-процессуального законодательства, ФЗ «О прокуратуре» обязывают прокуроров принимать и в установленные сроки рассматривать обращения участников уголовного процесса и принимать по ним законные и обоснованные решения. Однако, объективная действительность такова, что преобладает формальный подход при рассмотрении данных обращений. В большинстве случаев «жалобщик» даже не приглашается в прокуратуру для дачи объяснений по существу его обращения. Мы понимаем, чтобы написать объективный и обоснованный ответ, нужно вникать в суть проблемы, тщательно ознакомиться с материалами уголовного дела. Для этого необходимы знания, умения, навыки, также должностное лицо, проверяющее данное обращение не должен быть существенно ограничен во времени для его рассмотрения. Для представителей правоохранительных органов есть более удобный способ – дать формальный ответ с перечислением норм уголовно-процессуального законодательства на основе и уровне тех знаний, умений и навыков, которыми они обладают.

Например, г-не М. неоднократно обращались в органы прокуратуры РТ всех уровней по поводу нарушения их процессуальных прав при назначении судебных экспертиз, в том числе и их непосредственным участием. Обращает внимание, что это уникальный случай, когда обращение прокурору республики было подписано представителем, как стороны защиты, так и обвинения, так как потерпевшим является супруга М., а обвиняемым супруг М.

Приводим фрагмент текста их обращения в органы прокуратуры РТ: «В производстве Следственного отдела Следственного Управления Следственного комитета РФ и РТ в городе Набережные Челны находится уголовное дело № 11702920009, возбужденное 13.05.2023 г. по признакам ч.3 ст.30, ч.1 ст. 105 УК РФ в отношении М., 195-года рождения.

Следователь Г. 13.05.2023 года назначил судебно-медицинскую экспертизу в отношении меня, существенно нарушив процессуальные права моего мужа, предусмотренные п.п. 1-6 части 1 ст. 198 УПК РФ. Обращаю Ваше внимание, что его ознакомили с данными документами и результатами экспертизы после допроса 23.08.2023 задним числом, которые написали в шапке документа. Следователь сказал, что дата подписания Постановления о назначении экспертизы и когда с ней знакомятся, не имеет значения. Присутствующий адвокат Р. со стороны мужа сказал, что нарушений в отношении него нет. Наверняка эти действия были связаны с тем, что следователь понял, что наши дети нас будут защищать, и решил исправить некоторые нарушения уголовно-процессуального законодательства, например, подписал после допроса М. задним числом Постановление о назначении судебной экспертизы, что является недопустимым [...]».

К сожалению, в большинстве случаев надзирающие органы не видят в действиях дознавателя или следователя нарушений норм уголовно-процессуального законодательства, связанных с назначением и производством судебной экспертизы. Хотелось бы обратить внимание правоприменителя на содержание ст. 198 УПК РФ. Нарушение прав участника пред-

усмотренных п.1. ч.1 ст. 198 УПК РФ ведет невозможности ими воспользоваться правами, предусмотренными п.п. 2-5 данной статьи. В данном случае ошибки органов предварительного следствия были устранены итоговым судебным решением. Постановлением федерального судьи Набережночелнинского городского суда от __ ноября 20__ года, по итогам судебного разбирательства, уголовное дело в отношении М. было преквалифицировано с ч. 3. ст.30, ч.1 ст. 105 УК РФ на п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ и прекращено в связи с примирением сторон. Как отметил в своем решении суд, в ходе судебного разбирательства суду не были представлены достаточные и достоверные доказательства о виновности М. в инкриминируемом ему деянии.

О существенном снижении эффективности прокурорского надзора в ходе предварительного расследования в частности при производстве судебных экспертиз и не только, указывает и пример из г. Лениногорска. В соответствии с нормами УПК РФ вещественными доказательствами по уголовному делу признаются объекты материального мира, если «[...] они сохранили на себе следы преступления...». Наличие на предметах и объектах устанавливаются, в том числе путем проведения судебных экспертиз. Допускается ли презумпция признания вещественным доказательством в уголовном процессе до проведения специальных исследований, если исходя из материалов уголовного дела это обязательно. Думается, это не логично. Следовательно не должен предполагать, что в последующем путем экспертных исследований будут найдены следы, а до этого на всякий случай признает вещественным доказательством и приобщает к материалам уголовного дела. Алгоритм действий в данной ситуации четко определен УПК РФ.

Однако, например, 5 мая 2023 года представитель Лениногорского МРСО СУ СК России по Республике Татарстан К., рассмотрев материалы уголовного дела № 119029200300, установил, что «[...] в один из дней в период с 10 по 20 февраля 2023 года около 15 часов 00 минут Г., находясь в квартире № __ д. __ по ул. Добролюбова г. Лениногорск Республики Татарстан, действуя умышленно, реализуя свой преступный умысел, направленный на половое сношение с лицом, заведомо для него не достигшим шестнадцатилетнего возраста и будучи осведомленным о том, что М. не достигла возраста шестнадцати лет, осознавая общественную опасность и противоправный характер своих преступных действий, совершил половое сношение с последней.

В ходе доследственной проверки в результате проведенного осмотра места происшествия от 4 апреля 2023 года из квартиры № 00 дома 0 ул. Добролюбова г. Лениногорск Республики Татарстан изъяты покрывало, наволочка, пододеяльник простыня с кровати в зальной комнате вышеуказанной квартиры. Изъятые предметы имеют значение для уголовного дела, так как несут на себе следы совершенного преступления. Указанная простыня была осмотрена соблюдением требований УПК РФ. На основании изложенного и руководствуясь ст. 81, 82 и 84 УПК РФ, постановил: признать и приобщить к уголовному делу в качестве вещественных доказательств: простыню, покрывало и пододеяльник, изъятые из квартиры 00 д. 0 ул. Добролюбова г. Лениногорск Республики Татарстан; вещественные доказательства: простыню, наволочку, покрывало и пододеяльник хранить в камере хранения вещественных доказательств Лениногорского МРСО СУ СК России по Республике Татарстан (РТ, г. Лениногорск, ул. Морякова, д.13 «а»)).

Думается, что у следователя была какая-то надежда, что спустя несколько месяцев после совершения преступления на данных вещах, возможно, сохранились следы преступления. Однако, не совсем ясно как следователь в данной ситуации определил, что на изъятых в ходе осмотра места происшествия предметах имеются следы преступления. Иными словами правоприменитель нередко субъективно предполагает какие-то факты явления и т.д.

20 июня 2023 г. представитель Лениногорского МРСО СУ СК России по Республике Татарстан К., рассмотрев материалы уголовного дела № 1190292003 выносит постановление о назначении судебной генетической экспертизы по изъятым 5 мая 2023 и уже признанным вещественными доказательствами объектам.

Согласно заключению эксперта № 714 от 20 июля 2023 года, «на покрывале, пододеяльнике, простыне, наволочке, принадлежащих Г. крови, спермы, слюны не найдено. Клеток эпителия характерных для каких-либо тканей, в том числе клетки влагалищного и ректального эпителия, не найдены».

Обращает внимание и неоднозначная реакция судебных органов на данную довольно актуальную ситуацию. Несмотря на многочисленные попытки представителей, как стороны защиты, так и обвинения через судебные процедуры хоть как-то гарантировать (восстановить) процессуальные права участников по конкретным уголовным делам, суды

не видят в несвоевременном ознакомлении с постановлениями о назначении судебной экспертизы существенных нарушений норм УПК РФ и не признают по просьбе участников доказательства недопустимыми. При этом решения нижестоящих судов поддерживает и высшая судебная инстанция России [5].

Несмотря на определенную критику ряда позиций Конституционного Суда РФ [6] по ряду дел, связанных с уголовным судопроизводством, можно констатировать, что для правовой системы России в целом, так и ее отраслей его решения достаточно значимы. Не осталась вышеупомянутая проблема и без внимания Конституционного Суда РФ. Мы акцентируем внимание на том, что достаточно большое количество обращений связанных с попыткой через решение КС РФ изменить ситуацию в уголовном судопроизводстве путем признания ряда норм регламентирующих процедуру назначения и производства судебной экспертизы по УПК РФ не соответствующей Конституции РФ было зарегистрировано секретариатом КС РФ, однако в связи с тем, что они касались по сути одного и того же вопроса КС РФ по ряду обращений вынес определение об отказе в принятии жалобы, не рассматривая по существу. Решения КС РФ в какой-то степени противоречат позиции Верховного Суда РФ в данном проблемном вопросе, но они позитивны для участников процесса, чьи права нарушаются при назначении судебной экспертизы. Так как во всех решениях КС РФ единая правовая позиция – при назначении судебной экспертизы не должны нарушаться права участников процесс перечисленные в ч. 1 ст. 198 УПК РФ на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы. А представители стороны обвинения обязаны ознакомить их с данным постановлением. Как мы считаем, исключением может быть лишь наличие объективных причин, если, например участник не установлен (подозреваемый и обвиняемый) или потерпевший находится в тяжелом состоянии, что препятствует его личного ознакомления с постановлением. Думается при отдаленном проживании участника процесса и его согласия следовательно допустимо отправление в цифровом формате копии постановления о назначении судебной экспертизы для ознакомления на его электронный адрес.

В то же время отмечается, что в ряде случаев упущения или нарушения органов предварительного расследования все же корректируются или исправляются судебными решениями. У участников процесса есть процессуальное право на заявление ходатайств, в том числе о проведении судебных экспертиз, как в стадии предварительного расследования, так и в судебных стадиях. Но, как показывает практика, суды не всегда удовлетворяют ходатайства сторон о проведении судебной экспертизы, заявленные непосредственно в ходе судебного следствия. Причин к тому несколько, судья на основе восприятия имеющихся в деле материалов считает, что все обстоятельства совершенного деяния установлены, и сомневаться в их достоверности нет оснований либо судья не желает чинить препятствия для реализации стороной обвинения предъявленных еще в ходе предварительного расследования обвинений, тем самым косвенно поддерживая сторону обвинения и нарушая принцип состязательности сторон.

Иногда удовлетворение ходатайств заявленных стороной защиты о проведении судебной экспертизы и полученные по итогам экспертизы данные убеждают суд принимать решения связанные с оправданием подсудимого, что для российского правосудия – исключение, чем правило. Нередкость, когда субъективность отказа суда в удовлетворении заявленных стороной защиты ходатайств достаточно очевидна и сторона защиты надеется в перспективе только на суд апелляционной инстанции, что не всегда оправдывается.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юнусов А.А., Тепляков П.П. Вопросы эффективности повторных следственных действий // Научные исследования: фундаментальные и прикладные аспекты: сб. научных трудов. Казань, 2018.
2. Иванов А.В. Основные нарушения прав человека при назначении и производстве судебных экспертиз на досудебной стадии // Адвокат. 2015. № 10.
3. Жигалов Н.Ю., Хоменко А.Н. Ответственность в профессиональной деятельности судебного эксперта // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343.
4. Юнусов А.А. Судебная экспертиза в уголовном процессе России (краткий анализ правоприменительной практики) // Научные исследования: фундаментальные и прикладные аспекты: сб. научных трудов. Казань, 2019.

5. Юнусов А.А., Мазина Н.Н. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: сб. научных трудов. Казань, 2018.

REFERENCES

1. Yunusov A.A., Teplyakov P.P. Issues of the effectiveness of repeated investigative actions // Scientific research: fundamental and applied aspects: collection of scientific papers. Kazan, 2018.
2. Ivanov A.V. The main violations of human rights during the appointment and production of forensic examinations at the pre-trial stage // Advocate. 2015. № 10.
3. Zhiglov N.Yu., Khomenko A.N. Responsibility in the professional activities of a forensic expert // Bulletin of Tomsk State University. 2011. № 343.
4. Yunusov A.A. Forensic examination in criminal proceedings in Russia (a brief analysis of law enforcement practice) // Scientific research: fundamental and applied aspects: collection of scientific papers. Kazan, 2019.
5. Yunusov A.A., Mazina N.N. Issues of criminal proceedings in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Actual problems of the theory and practice of constitutional proceedings: collection of scientific papers. Kazan, 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры юридических дисциплин. Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (федерального) университета. 423812, Российская Федерация, г. Набережные Челны, пр. Мира, 68/19.

Диденко Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко. 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yunusov Akhat Akhnafovich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Disciplines. Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (federal) University. 68/19, Mira Ave., Naberezhnye Chelny 423812 Russian Federation.

Didenko Nikolay Sergeevich, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.